

**Михаил КАЛИНИН**

# **Избранное**

Добрянка, 2012

УДК 94(470.53)  
ББК 63.3 (2Рос-4Пер)  
К 17

**Калинин М.А.**

К17 Избранное. – Добрянка, 2012. - 424 с.

© Калинин М.А. 2012  
© Оформление, Калинин М.А.,  
Каратаев А.Ю. 2012

## Об авторе книги

Сборник избранных статей Михаила Александровича Калинина, который вы сейчас держите в своих руках, подготовлен автором к его 50-летию. Нам приятно поздравить своего выпускника с юбилеем и выходом новой книги.

Михаил поступил на исторический факультет в 1983 году после успешного окончания рабфака Пермского государственного университета. За его плечами был уже определенный жизненный опыт. После окончания в 1979 году Добрянской средней школы № 4 он с отличием окончил профтехучилище, получил специальность токаря, поработал на Добрянском домостроительном комбинате и два года отслужил в частях Туркестанского военного округа.

С первого курса Михаил проявил интерес к истории Урала и все пять лет учебы в вузе не изменял избранной тематике. Постоянно и увлеченно занимался в библиотеках, музеях и архивах, выступал с сообщениями на студенческих научных конференциях, входил в состав группы «Поиск» при музее университета, являлся членом университетского комитета комсомола, курировал военно-патриотический сектор.

Уже в студенческие годы в Добрянской районной газете «Камские зори» были опубликованы его первые статьи по истории Прикамья: «Висимский завод», «Из культурной жизни Добрянки» и др. Ценность их в том, что все они были написаны на основе найденных автором опубликованных и неопубликованных исторических источников. В тот период автор статей открыл для наших современников имя управляющего Добрянским заводом, изобретателя, общественного деятеля, краеведа П.И. Сюзева (1837-1893).

Стремление отыскать новое, ощутить вкус и дыхание времени получило у М.А. Калинина дальнейшее развитие после окончания университета. Работая в школах г. Добрянки, он стал учителем высшей квалификационной категории, неоднократно участвовал со школьниками в археологических экспедициях. Также в это время избирался депутатом Добрянского городского и районного Советов, являлся членом Президиума районного Совета народных депутатов.

В 1997 году М.А. Калинин окончательно связал свою судьбу с журналистикой и продолжил поисковую работу в архивах и библиотеках Пермской области, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга, Москвы. Результатом поисков стали книги, брошюры, публикации в научных сборниках, новые статьи в газетах.

К настоящему времени М.А. Калинин опубликовал около трехсот газетных и журнальных статей по местной истории, подготовил более 30 научных публикаций (статьи и тезисы краевых, всероссийских и международных научно-практических конференций), выпустил 25 авторских книг и 7 книг, написанных в соавторстве. Им разработаны темы развития культуры, образования, здравоохранения, общественной жизни, политических репрессий, правоохранительных органов и отдельных промышленных предприятий Добрянского района и Пермского края.

При участии М.А. Калинина восстановлена металлическая часовня-памятник, обрел достойное здание музей, появилась мемориальная доска на здании бывшей женской школы. Кроме того, он выступил соавтором разработки герба Добрянского района, готовил материалы и вносил предложения о присвоении звания Почетных граждан г. Добрянки землякам, Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда. При его участии в Добрянке начали проводиться конкурсы исследовательских работ учащихся, научно-практическая конференция «Сюзевские чтения».

Среди книг особое внимание на себя обращают историко-биографический справочник «Добрянский район и его руководители» (2009), сборник «Эхо минувших веков» (2003), в котором опубликовано свыше пятисот документов по истории Добрянского района с 1579 по 1917 гг., а также первый учебник по краеведению «Малая родина» (2003). Учебник написан Михаилом Александровичем в соавторстве с супругой, Ириной Александровной, которая также является выпускницей нашего факультета.

В 2008 году М.А. Калинин за труды на ниве краеведения и постоянную общественную деятельность был удостоен звания Почетного гражданина г. Добрянки, а И.А. Калинина в 2010 году удостоилась почетного звания Заслуженный учитель Российской Федерации. Истфак окончила и их дочь Наталья.

М.А. Калинин неоднократно становился лауреатом и дипломантом краевых конкурсов журналистского мастерства им. А. Гайдара, «Золотой абзац», «Журналистская весна» и др. В 1997 году за фильм «Зона отчуждения» был признан автором лучшей публицистической программы и лучшим сценаристом первого межрегионального фестиваля негосударственных телерадиокомпаний «Уральские самоцветы» в г. Чайковском. Своеобразным итогом его журналистской деятельности можно считать и выпуск книги «Путешествия по Добрянкам», которая выдержала уже два издания. В ней помещены путевые очерки и рассказы о тесках г. Добрянки, селах и деревнях, расположенных в разных уголках России и Украины.

Главной своей задачей, как историка и журналиста, Михаил Александрович называет популяризацию краеведческих знаний среди земляков. Судя по тому, что сделано им к 50-летию, эту задачу он выполняет вполне успешно. Он один из немногих в Прикамье, кто остается верен избранной теме и с успехом продолжает изучение прошлого и настоящего Пермского края, своей малой родины. Его новая книга, в которую вошли избранные статьи, опубликованные в разные годы на страницах местной периодической печати – еще одно тому подтверждение.

*Г.Н. Чагин, заведующий кафедрой древней и новой истории России,  
профессор, доктор исторических наук.*

*А.В. Шилов, доцент кафедры древней и новой истории России,  
кандидат исторических наук*

# Введение

Моя первая статья по местной истории вышла в Добрянской районной газете «Камские зори» весной 1984 года. Касалась она истории моей малой родины, села Висим. С той поры прошло немало лет, и количество публикаций по истории Прикамья приближается к трем сотням. Были среди них небольшие заметки, были большие исследования, которые печатались в газетах на протяжении месяцев. Например, очерки «Строгановы», «Соликамский тракт», «Господин управляющий». Почти все статьи написаны на основе архивных документов или по материалам опубликованных исторических источников, почти все носят популярный характер. Цель их подготовки всегда заключалась в популяризации нашего прошлого, в привлечении интереса читателей к истории города, района, края. В каждой из них обязательно присутствует элемент новизны, открытия. Некоторых тем, например, истории народного образования, церквей или добрянской часовни-памятника, я впервые касался в 80-90-х годах, а потом не раз обращался к ним вновь, что как раз было связано с открытием новых источников и необходимостью уточнений. Присутствующая в этой книге повторяемость некоторых сведений объясняется значительными временными промежутками между газетными публикациями и, как следствие, необходимостью вернуть читателей к уже известным фактам.

В разное время статьи выходили в таких газетах и журналах, как «Камские зори», «Наша газета», «Добрянский вестник», «ЗОРИ ПЛЮС», «Пермские новости», «Уральский следопыт», «Ретроспектива» и др. Некоторые из публикаций после необходимой доработки печатались в разных городах на страницах сборников научно-практических конференций, многие вошли в виде отдельных глав в книжные краеведческие издания (см. приложение).

Разброс по времени и изданиям весьма велик, что крайне неудобно для любителей старины, учителей, школьников, поэтому у меня и зародилась мысль собрать наиболее востребованные материалы в одну книгу. В нее вошло чуть более трети от общего числа публикаций, вышедших в периодических изданиях. Материалы в книге выстроены в хронологическом порядке и сгруппированы по темам. Всего получилось 12 разделов. Кроме того, имеется приложение, в котором представлен полный список статей, фильмов, буклетов, книг, подготовленных мною за 28 лет работы в архивах, библиотеках, музеях нашего края и нашей страны.

Представленные в данной книге статьи печатаются практически без изменений. Единственное, чем они отличаются от оригиналов, разбивкой на главы и как следствие появлением подзаголовков. Это сделано с целью более удобного, на мой взгляд, восприятия текстов.

И еще. Ни одной книги, в том числе и той, что вы сейчас держите в своих руках, не вышло бы в свет, не будь помощи со стороны людей, понимаю-

щих актуальность изучения местной истории, ее воспитательное значение, важность доведения исторических знаний до широкого читателя. Искренне благодарю за помощь в издании «Избранного»:

Владимира Федоровича Гладкова (ООО «Люцетта»),

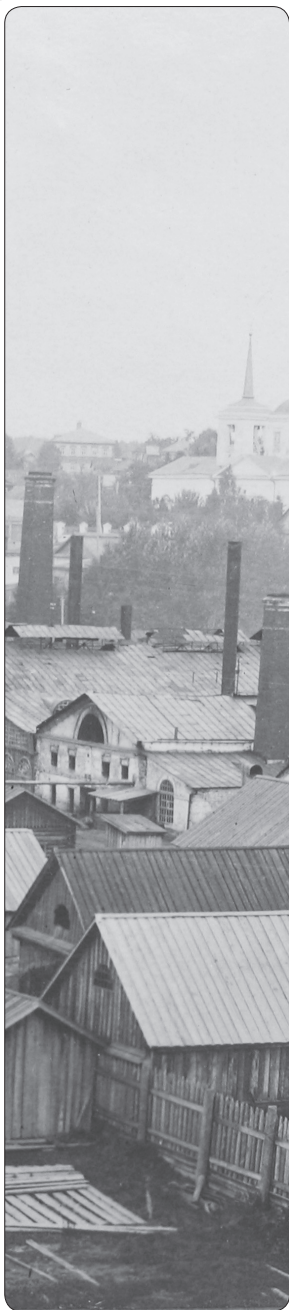
Азиса Ибраимовича Мустафаева (ООО «Транспортник»),

Екатерину Петровну Варкентин (ООО «ЭЛФ»),

Дмитрия Михайловича Черняка (ООО «Норд»),

Вячеслава Ивановича Соловьева (ООО «Полюс»),

предпринимателей: Анну Петровну Гагаринову, Елену Дмитриевну Колотову.



# «По прихоти горного начальства»

Из истории промышленности,  
транспорта, связи

- «По прихоти горного начальства»
- Добрянский завод. В начале пути
- «По малому знаку руды»
- Завод в честь графини
- «Объяснился с господином Нобелем...»
- На заре паровой эры
- Как железо в Америку продавали
- В чугунном караване по течению Чусовой
- Как Добрянка и Полазна мастеровых делили
- В поисках железных руд
- Защитники леса из XIX века
- Как в Добрянке гектограф испытывали
- Телефон запрещала полиция
- О канале и новых заводах
- «Косьвяк», «Еруслан» и другие
- Переправа
- Через мели и перекаты
- Тезки Добрянки
- У истоков электрической реки
- Мечта длиною в 42 версты
- Добрянка в годы Первой мировой
- От завода Лазаревых к артели «Пролетарий»
- У истоков Добрянской типографии
- Послевоенный свет
- Почти забытая страница

## «По прихоти горного начальства»

*«Поч. Висим на реке на Каме, вверх едучи на праве, над речкою над Висимом, а в нем дв. Максимко Иванов с. Шамганин, дв. Тимошка Андреев с. Драничников с зятем с Фомкою; пашины паханные середние земли 4 чети в поле, а дву по тому ж; сена 15 копен», – эта выдержка из переписи М. Кайсарова за 1623-24 гг. является первым письменным свидетельством о с. Висим, одном из старейших сел на территории нашего района.*

### Рождение завода

Жизнь небольшой деревушки круто изменилась в 1734 году, когда здесь «по прихоти горного начальства» на землях баронов Строгановых был построен казенный медеплавильный завод. Речка Малый Висим была перегорожена плотиной из земли и елани длиной в 70, шириной в 10 и высотой в 4 с лишним сажени. Ниже ее располагался заводской корпус с 6 медеплавильными, низкими печами (крумофенами) и 2 кричными горнами, а также разнообразные вспомогательные постройки: кузница, «толчея», «мусорная изба», «меховая», сараи и амбары для заводских припасов. Выше плотины образовался пруд длиной около одной версты, вода из которого, падая через специальный прорез на водяное колесо, приводила в движение заводские механизмы.

Однако запасов «спрудной воды» для бесперебойной работы завода в течение всего года не хватало, особенно в засушливые годы, поэтому завод часто терпел остановки, и производительность его была относительно невелика. Кроме этого, в Висиме постоянно ощущался недостаток руды, что было связано с отсутствием собственной рудной базы. Сырье поставлялось за много десятков километров с рудников Пыскорского и Ягошихинского заводов. Всего за 50 лет своего существования Висимский завод выплавил 83 тыс. 854 пуда меди, или по 1677 пудов в среднем за год. Рекордным оказался 1766 год, когда производительность завода составила 4108 пудов чистой меди.

### Кое-что о технологии

Технология медного производства в тот период была следующей: в результате плавки шихты в печах получался «роштейн» или «штейн» – сплав меди с большим количеством серы и других примесей. Затем производился обжиг «роштейна», во время которого выжигалась сера и получалась черная медь, т.е. не отделенная от железа и других металлов, и лишь после этого в результате плавки черной меди в разделительных или «гармахерских» печах получался «гаркупфер» – почти чистая медь. При повторной очистке выходил готовый продукт – красная высококачественная медь. Подобный процесс требовал много времени и сил, поэтому на протяжении всего XVIII века



шли постоянные поиски оптимальных вариантов плавки металла. В 1745-46 гг. успешные опыты по получению черной меди непосредственно из руды были проведены и на Висимском заводе. Заключение начальства гласило, что такой металл «оказался гораздо не хуже той меди, которая по роштейну выплавляется».

Автором этого важного изобретения был плавильный уставщик Висимского завода Ф. Яковлев. Несмотря на хороший результат, консерватизм оказался сильнее, дело не продвинулось дальше опытов.

## **Согласно штату**

В те годы в соответствии со штатом, предложенным в свое время В.Н. Татищевым, управлять Висимским заводом должен был служитель в чине поручика с годовым окладом в 131 рубль. Известно, что в 1752 году таким управляющим был шихтмейстер Петр Чернышев, а канцелярия состояла из 9 служителей, чей годовой оклад суммарно равнялся 279 рублям. Для деловых разъездов при канцелярии содержалось 5 коней.

## **В руках графа Воронцова**

В середине XVIII века высокая рентабельность металлургических заводов (по некоторым подсчетам, до 77% прибыли), вызванная дешевизной рабочих рук, стала все больше привлекать в промышленность дворянство, в том числе его аристократическую верхушку. В 50-х годах в руки придворных сановников было передано более полутора десятков казенных заводов, в их числе оказался и Висимский. В 1757 году он вместе с Пыскорским, Мотовилихинским и Егошихинским заводами попал в руки канцлера, графа М.И. Воронцова, который вскоре уступил их своему брату Роману Илларионовичу.

В целом в те годы Висимский завод работал относительно устойчиво, но социальные конфликты не обошли стороной и его. Так, в 1770 году с большим трудом были подавлены волнения 15 тысяч приписных крестьян Чердынского и Соликамского уездов, работавших на Висимском и ряде других прикамских заводов, а в 1776 году, по сообщению летописи Предильщикова, «во 2 число мая среди белаго дня ограблены злодеями села Слудское и Усть-Косьвинское, также казенный горный завод Висим». Вероятно, это «ограбление» было отголоском крестьянской войны под руководством Е. Пугачева, потрясшей Российскую империю в 1773-75 гг.

## **Вновь в казну**

В 1781 году, после смерти графа Р. Воронцова, Висимский завод за долги был вновь взят «в казенное содержание», но проработал он после этого лишь четыре года. В связи с тем, что Пыскорский и Мотовилихинский заводы тогда уже сами ощущали недостаток руд, завод в Висиме пришлось

закрыть. Его лесная дача площадью 22 тыс. 567 десятин, поросшая «лесом еловой и пихтовой породы с примесью березовой, осиновой и сосновой», несмотря на притязания со стороны Строгановых, была оставлена во владении пермских казенных заводов.

### **Висим в описании Попова**

Примерно через 20 лет после закрытия Н.С. Попов в своей книге «Хозяйственное описание Пермской губернии» писал о Висиме следующее: «...ныне же находится, только одна мукомольная о 2 поставах мельница, но весьма ветхая, хотя и действует, также без всякого употребления оставшаяся толчея, меховая, мусорная изба, кузница, сарай для поклажи заводских припасов, контора, где производились дела, касающиеся до завода, два казенные дома, в коих жили чиновники, и анбар, в котором хранима была медь. Всех же казенных и обывательских домов считается теперь 30 и 1 деревянная часовня.

Здесь живет 99 мастеровых и работных людей, женска полу 106; они снабждаются хлебом от крестьян ближних селений.

В пруду ловят окуней, лещей, карасей и проч.».

### **Жизнь после завода**

Интересно, что и через 100 лет после этого главным занятием висимцев было не хлебопашество, а работа, связанная с техникой. По крайней мере, по свидетельствам современников начала XX века, жители этого прикамского села в основном занимались «отхожим промыслом на пароходы в качестве капитанов, лоцманов и пр.». Правда, попытки найти медь в районе бывшего завода предпринимались еще несколько раз, последняя и неудачная попытка была сделана в 1830 году.

В наше время о существовании завода напоминают лишь куски меди и шлака в окрестностях с. Висим да название улиц и поселка Висим в Мотовилихинском районе города Перми, куда после закрытия завода переселилась часть мастеровых.

*Междуречье. Буклет литературно-краеведческого объединения при газете «Камские зори». Вып. 1. 1992.  
Пермские новости. 1993. 17 декабря*

# Добрянский завод. В начале пути

*Практически во всех публикациях об истории нашего города имеется ссылка на указ государственной Берг-коллегии от 6 марта 1752 года об учреждении Добрянского металлургического завода. Но сам документ мало кто видел и тем более читал. Между тем указ этот прелюбопытнейший. Хотя бы потому, что именно в нем дается подробное обоснование строительства нового строгановского завода и имеется ответ на вопрос: почему уже в первые годы своего существования наш медеплавильный, подкрепляю это, завод поставлял потребителям... железо?*

## «Кому о сем ведать надлежит»

Я нашел раннюю, XVIII века, копию этого важнейшего для местной истории документа в фонде Строгановых Российского Государственного архива древних актов в Москве (РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3355). Указ оказался несколько многословным, настолько и обстоятельным. Предназначался он для информации «генерал-губернаторам, вице-губернаторам, воеводам и прочим начальствующим кому о сем ведать надлежит».

## Что сообщалось в «доношении» управителя?

Первые шаги к заводу были сделаны 16 марта 1750 года. В этот день в канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов было доставлено «доношение» от Григория Цывилина, управителя пермских соляных промыслов и заводов, принадлежащих «действительному камергеру и кавалеру барону Сергию Строганову».

В донесении управитель сообщал, что «по любовному господ их разделу» Билимбаевский металлургический завод достался в собственность «оному барону». Но так как этот завод оказался маловодным, «содержать его одного без другого» было «не прибыльно». Что имелось в виду? А то, что если для выплавки чугуна воды в Билимбае хватало («чугуна имеется при том Билимбаевском заводе довольно»), то для переплавки его в железо нет («и в три года перековать невозможно от того маловодья»). Вот именно для этого, для переработки билимбаевского чугуна в железо, и потребовалось соорудить новый завод.

## О пользе государственной

Интересно, что в обосновании строительства речь шла не только о прибыли для собственника, барона С.Г. Строганова. Были там и слова о государственной пользе. Послушайте, как это звучало на языке середины XVIII века: «Господин его барон ревнуя о приращении государственного интереса приказал ему (управителю Цывилину. – М.К.) под строение другого завода отыскать удобную речку чтобы построить плотину и при ней для переплавки чугуна в железо молотовое да ради переплавки медных руд печи». Иначе

«заклученный в том чугуна капитал лежит без приношения государственной прибыли и господину его пользы».

### **Где найти «искусных людей»?**

К моменту подготовки цывилинского «доношения» место для постройки нового предприятия было уже присмотрено. Это была находящаяся «в собственных его (барона Строганова. — М.К.) пермских вотчинах речка Домрянкa впадающая в реку Каму по течению с левой стороны». Но осмотр тот носил предварительный характер, без разработки подробного, говоря современным языком, технико-экономического обоснования. Почему? Да потому что, как сообщалось в документе, «искусных к тому делу людей нет».

По просьбе строгановского приказчика Окулова искусные люди, для «учинения сметы во что завод ценою в строение стать может и для примечания протчих к действию завода нужных обстоятельств» были предоставлены в 1750 году Пермским горным начальством. Ими оказались: «знающий сочинение чертежей» унтершхтмейстер, фамилия коего не называлась, и мельничный мастер Савостьянов. Именно они и должны были на речке Домрянке «плеса описать и учинить смету». При этом, «ежели завод будет строиться», необходимо было не только определить стоимость строительства и его сроки, но и выяснить, «не будет ли помешательства и теснения до сего построенным казенным и партикулярным (частным. — М.К.) заводам».

Подготовленные чертежи требовалось послать для рассмотрения в уже известную нам канцелярию главного правления Сибирских и Казанских заводов.

### **«Казенным заводам оскудения не будет»**

Строчка о возможном «помешательстве и теснении» появилась в документах неслучайно. Все заводы в ту пору были вододействующими, а в качестве топлива использовался древесный уголь. Поэтому горное начальство подробно разбиралось, не будет ли в случае учреждения Домрянского завода проблем с водой, рудой и особенно лесом для соседних Мотовилихинского, Егошихинского, Висимского и прочих заводов. В конечном итоге было определено, что «казенным заводам в лесах оскудения не будет».

Главными же для нас, добрянцев, следует считать такие строки из Указа: «(...) повелено будет на объявленном вновь отысканном на речке Домрянке месте (...) ему барону Сергию Строганову медеплавильной вододействующий завод именуемой Домрянской с надлежащим при том заводским строением (...) построить позволить». Так был учрежден наш завод. Было это ровно 255 лет назад.

### **Как нашелся ответ на историческую загадку**

Первоначально он должен был иметь три плавильные печи и одну молотовую фабрику «с надлежащим числом молотов». Судя по особенностям ме-

таллургии той поры, печи предназначались для производства меди, а молотковая фабрика для того, чтобы «его же барона чугуна перековывать в железо». В таких фабриках (цехах) для нагрева чугуна использовались специальные горны. Таким образом, завод изначально проектировался предприятием, выпускающим как черный, так и цветной металл. История показала, что это было правильное решение. Из-за истощения рудников производство меди прекратилось у нас уже в 80-х годах XVIII века. Будущее предприятия было за железом.

## **Об основателе Добрянского завода**

Основатель Добрянского металлургического завода, барон, генерал-поручик, кавалер ордена св. Анны I степени Сергей Григорьевич СТРОГАНОВ родился 300 лет назад, в 1707 году. Он играл важную роль во время правления Елизаветы Петровны, дочери Петра I. В баронское достоинство Сергей Строганов, как и его старшие братья Александр и Николай, был возведен именно Петром.

Сергей Григорьевич был женат Софье Кирилловне Нарышкиной, дочери сподвижника Петра I К.А. Нарышкина, коменданта Нарвы в годы Северной войны, а затем московского губернатора. Интересно также, что племянница С.Г. Строганова, баронесса Мария Николаевна была замужем за братом императрицы Екатерины I.

В XVIII веке основатель Добрянского завода, барон Сергей Григорьевич Строганов был известен как попечитель искусств и создатель художественной галереи. «Он око был слепых, нога хромым и всем был друг», – говорили о нем современники. Скончался в 1756 году.

Известными государственными и политическими деятелями Российской империи были и другие владельцы Добрянки. Сын Сергея Григорьевича Строганова, граф Александр Сергеевич Строганов (1733-1811) являлся камергером, сенатором, действительным тайным советником, президентом Императорской академии художеств и директором Публичной библиотеки, входил в ближайшее окружение Екатерины II. Внук основателя Добрянского завода, граф Павел Александрович Строганов (1774-1817) был участником французской революции, членом Негласного Комитета при Александре I, заместителем министра внутренних дел, генерал-адъютантом. В годы войны с Наполеоном командовал гренадерской дивизией и корпусом, которые особо отличились в Бородинском сражении.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 2 марта*

## «По малому знаку руды»

*Как известно, в первые годы своего существования Добрянский металлургический завод, zaloженный в 1752 году, специализировался в основном на производстве меди. Первая партия этого металла была выплавлена на нем в 1754 году. Первоначально в качестве рудной базы использовались небольшие рудники, расположенные на близлежащих речках, а затем из-за «скудости» содержащихся в них руд основными стали рудники, имевшиеся на берегах реки Яйвы. Река эта протекала на достаточно большом удалении от завода, поэтому поиски месторождений меди в его округе предпринимались еще не раз.*

### Рудник братьев Климовых

Масса интересных сведений о них содержится, в частности, в «Описи медным рудникам и приискам состоящим в единственном владении Ея Сиротства Графини Софии Владимировны Строгановой и в общих дачах с прочими Гг. Владельцами в Пермском и Соликамском уездах», которая хранится в одном из дел Российского государственного архива древних актов в Москве. Этот документ был составлен смотрителем Дмитрием Серебrenниковым и геодезистом Александром Жизнем 19 октября 1839 года. Как следует из него, самым крупным рудником Добрянского завода, расположенным в его окрестностях, был так называемый Вожевский рудник, лежавший «по правую сторону течения речки Вожика, в расстоянии от завода примерно в 6 верстах».

Этот рудник был открыт в 1780 году отставным солдатом Степаном Климовым вместе братом Егором. В 1781 году, во время посещения Добрянки заводовладельцем А.С. Строгановым, прибывшим сюда на раскрашенной барже из Усоляя, граф посетил этот рудник и лично приказал заложить на нем шахту, которая долгое время называлась графской. В других документах наиболее крупный из близлежащих рудников назывался Солдатским. Не исключено, что речь идет об одном и том же руднике. Несмотря на то, что руда в нем была хорошего качества, эксплуатировался он все же нерегулярно. Видимо, здесь сказался переход завода на выделку преимущественно железа, в результате чего медное производство отошло на второй план, а затем и вовсе прекратилось.

### В окрестностях завода

Кроме этого, в даче Добрянского завода в 30-х годах прошлого века имелось три медных прииска. Первый из них располагался «по левую сторону реки Камы ниже деревни Дивьи с 1 версту, в расстоянии от Добрянского завода примерно 11 верст, между речками Ломоватовкой и Дивьей». В 1822-23 гг. изыскания в том районе проводились под руководством приказчика Авер-

кия Половникова, для чего в камском берегу «было идено двумя штольнями» и четырьмя шурфами. Однако работы эти положительных результатов не дали, и прииск был оставлен.

Второй прииск лежал «по правую сторону течения речки Вожики, едучи в деревню Завожинскую по близости дороги по обоим сторонам» на расстоянии 5 верст от завода. Здесь в 1825 году шихтмейстером Петуховым было заложено 10 шурфов, но все изыскания тут были свернуты в том же году «по неблагонадежному признаку».

По этой же причине прекратились работы на приiske «в верху пруда Добрянского завода у деревни Мосят по левую сторону течения речки Нартовки в берегу». Там в 1837 году смотрителем Серебrenниковым разрабатывалось 2 шурфа, но безрезультатно.

## **Перемские прииски**

Два рудника и четыре прииска имелось в даче села Перемского (или Пермского, как писали тогда). Первый из рудников был «приискан» служителем Афонасием Демидовым на речке Ходячей, притоке речки Лух, еще в 1760 году. Располагался он примерно в 12 верстах от Перемского и имел одну штольню и 3 шахты «по знаку руды». Он был заявлен, но отводного плана от горного начальства получено не было, и деятельность на нем была прекращена. Такая же участь постигла другой рудник, отысканный в 1754 году в тех же краях крестьянином Василием Карповым «с товарищами» и отведенный унтер-шихтмейстером Березиным. На предполагаемом руднике были заложены 2 штольни и 1 шурф, но в 1756 году все работы прекратились... «по неимению руды». Прииски или разведки проводились также в окрестностях деревень Лух, Оничкиной, Закамень и Волим, однако все они были оставлены либо «по неблагонадежности», либо «по малому знаку руды».

## **Разведки в Никулинской даче**

В первой трети XIX века активные изыскательские работы велись в даче села Никулинского, где находилось шесть рудников и девятнадцать приисков. Правда, на большинстве из них какие-либо изыскания останавливались все по тому же «малому знаку руды» или по ее «тонкости и неблагонадежности». Из общего ряда выбивался лишь рудник, «лежащий на большем пальнике на поле у крестьянина Марка Поморцева», примерно в трех верстах от деревни Нехайки. Там было заложено 6 шурфов и одна штольня, через которые в 1832 и 1833 годах и производилась добыча медной руды. Но количество ее оказалось очень не большим, и работы были приостановлены. Так же, «по пресечению руды», в 1837 году прекратил свою деятельность рудник, «приисканный» еще в 1755 году крестьянами села Никулинского Евдокимом и Василием Паршиными, Иваном и Ефимом Черемихиными и Федором Поморцевым. Этот рудник, находившийся в 8 верстах от д. Сгорской,

«лежал в туне» с момента открытия и до 1831 года, когда был возобновлен смотрителем Серебrenиковым. Но, как мы уже знаем, проработал он также недолго.

Таким образом, несмотря на активные изыскания, богатых медных рудников на территории нашего района найдено не было. По этой же причине, а также из-за маловодья в 80-х годах XVIII века прекратил свою деятельность и Висимский медеплавильный завод.

*Камские зори. 1995. 12 октября*



## Завод в честь графини

*На протяжении столетия, с 20-х годов XIX в. до 20-х годов XX в., Добрянский металлургический завод состоял из двух частей – Верхнего (собственно Добрянского) и Нижнего (Софийского) заводов. Первый из них был основан в 1752 г., смею надеяться, эта дата хорошо знакома горожанам. А вот дата основания Нижнего завода менее известна широкой публике. Между тем в этом году исполнилось ровно 180 лет со времени принятия решения об его строительстве.*

### В условиях конкуренции

Необходимость сооружения на р. Добрянке еще одного предприятия диктовалась чисто экономическими причинами. Дело в том, что в первой четверти XIX в. среди покупателей все большим успехом стали пользоваться различные сорта листового железа. К началу 20-х гг. позапрошлого века хорошую выручку на их производстве делали заводы Яковлева (Верхисетский, Верхнетагильский, Невьянский, Нейво-Алапаевский и другие) и Всеволожского (Пожевской, Майкорский, Всеволодо-Вильвенский). Чтобы не отстать от конкурентов, в 1817 г. Строгановы основали в Пермской губернии Очерский завод, а затем вновь обратили внимание на Добрянку. В 1825 г. главным-управляющим Л. Ослоповским было принято решение о строительстве на р. Добрянке второго предприятия. Место для его сооружения нашли «в одной версте ниже старого завода».

### Нерасчетливость и самоуверенность

Пуск в работу двух первых кричных горнов и молотов Нижнего завода состоялся 22 декабря 1826 г., однако окончательно новое предприятие в Добрянке сформировалось к 1831 г. В его производственный комплекс входили плотина с прудом и семь «отдельных каменных корпусов». В них размещались катальная и кричная фабрики, вагранка для литья чугуна, меховое и токарное отделения, пильная и мукомольная мельницы, медеплавильное производство. Один корпус оставался в резерве. По традиции того времени называть предприятия в честь заводовладельцев, нижний Добрянский завод получил название Софийского. Как известно, графиня Софья Владимировна Строганова, урожденная княжна Голицына, владела Пермским имением с 1817 по 1845 гг.

Однако, по данным автора «Краткой исторической записки о Добрянском заводе» (предположительно, бывшего управляющего Добрянским заводом В.А. Волегова. – М.К.), написанной в 40-х гг. XIX в., «сие предприятие было тогда легко обдуманно» и «строители приступили к делу не составив предварительно ни плана, ни сметы на столь огромное пожертвование капитала». В результате «нерасчетливость и самоуверенность строителей» обернулась массой проблем.

## Водные напасти

Все они были связаны с водой. С одной стороны, при полной загрузке Верхнего завода не хватало воды для действия Нижнего (речка-то была одна), а с другой – при обилии воды в нижнем пруде весной или во время дождей она подтапливала фабрики (цеха) Верхнего завода. К тому же прорезы для водяных колес в нижней плотине оказались слишком узкими и зимой, замерзая, «препятствовали надлежащему утеканию» воды, которая опять же топила Верхний завод. Но на этом напасти не заканчивались. Дело в том, что при большом весеннем паводке Софийский завод сильно страдал от разлива Камы. Были годы, когда камская вода доходила до уровня цеховых крыш, и предприятие находилось в воде до ста дней.

Все это негативно отражалось на Верхнем заводе. Большая влажность в его кричных фабриках оборачивалась дополнительным расходом сырья и топлива и, самое главное, «мешала равномерному и успешному превращению чугуна в железо, которое выходило с дурным качеством».

Получился замкнутый круг. Чтобы выйти из него, в последующие годы строителям пришлось заниматься наращиванием верхней плотины, перестройкой прорезов и колес, капитальной реконструкцией цехов и печей. По мнению автора уже знакомой нам «Исторической записки», с учетом потраченных графинею денег (164 тыс. 895 руб. 89 коп.) «сия перестройка стоила нового завода», но цель увеличения выковки железа так и не была достигнута. Впоследствии этот рост будет связан не столько с расширением предприятия, сколько с усовершенствованием техники и технологии металлургического производства.

## Финальная точка

Практически во всех документах XIX-начала XX вв. Софийский завод назывался вспомогательным для Верхнего (или собственно Добрянского) завода.

В советский период нашей истории Софийский завод как металлургическое предприятие практически не работал. В 30-х годах XX в. его постройки были отданы машинно-тракторной станции, но МТС их освоить не смогла. Поэтому 19 марта 1941 г. Добрянский райисполком принял решение о передаче «зданий бывшего нижнего завода от МТС под мастерские райпромкомбината». Финальную же точку в истории цехов и сооружений бывшего Софийского завода, как и Добрянского в целом, в 50-х гг. XX в. поставили воды Камского водохранилища.

*Камские ЗОРИ ПЛЮС. 2005. 9 декабря*

## «Объяснился с господином Нобелем...»

*Возле Свято-Митрофаньевской церкви в Добрянке имеется чугунное надгробие с надписью «Николай Александрович Дьяконов. Родился 13 апреля 1830 г. Скончался 14 июля 1896 г.». Ранее об этом человеке было известно как о заводском инженере, а затем руководителе самодеятельного театра. А недавно мне удалось установить, что в 1852 году Н.А. Дьяконов встречался с Эммануэлем Нобелем\*, отцом знаменитого изобретателя динамита и основателя Нобелевской премии Альфреда Нобеля.*

### «На завод герцога Лихтембургского»

Отправной точкой для этой истории стало 13 февраля 1851 года. В тот день граф С.Г. Строганов подписал письмо управляющему Билимбаевского завода о необходимости отправить будущей весной в Петербург «на завод герцога Лихтембургского» шестерых мастеровых во главе с заводским практикантом Дьяконовым. Артель отправлялась в столицу сроком на полтора-два года с целью обучения «пудлинговому и сварочному производству, делу паровых котлов и катальному производству тонких сортов железа». Как писал граф: «Я желаю поручить эту артель под наблюдение практиканта Дьяконова и вместе с тем дать ему возможность воспользоваться этим случаем для усовершенствования себя по желательной части. На этом заводе Дьяконов будет заниматься в течение двух лет, а потом, смотря по успехам, я пошлю его пред возвращением в имение на лучшие русские заводы».

Весной Дьяконова предписывалось отправить на чугунном караване в Очер, а оттуда до Нижнего «на тамошних железном или соляном караване». Но уже не одного.

### «Смышленные и доброго поведения»

Согласно распоряжению главноуправляющего Пермским нераздельным имением, вместе с практикантом по маршруту Очер – Нижний Новгород – Москва – Петербург должны были отправиться трое мастеровых Добрянского и столько же мастеровых Очерского заводов. Для этого требовалось отобрать работников «20 или 25 лет, крепкого сложения, не женатых, смышленных и доброго поведения». В результате отбора на обучение в Петербург

\* Эммануэль Нобель (1801-1872) – шведский инженер, жил в России, основал в Петербурге фирму «Литейные заводы и механические цеха. Эммануэль Нобель и сыновья». Фирма производила канонерские лодки, паровые машины, сухопутные и подводные мины. С отцом трудились и четыре его сына – Роберт, Людвиг, Альфред и Эмиль. В дальнейшем, получив разностороннее образование, они сами стали изобретателями, организаторами новых предприятий.

из Добрянки отправились служитель Александр Тамашин, мастеровые Петр Пирогов и Андрей Посягин, из Очера мастеровые Прокопий Бояршинов, Тимофей Чазов и Данило Хренов. В дальний путь они отправлялись не абы как. Каждому из них предписывалось выдать в дорогу: «по 3 рубашки, 2 порток, 1 полукафтан из синего сукна, 1 полукафтан из серого или черного крестьянского сукна, 1 полушубок дубленый, 1 фуражку суконную, 2 пары сапогов». В Нижегородской конторе Строгановых Дьяконов и его подопечные должны были получить наличные деньги «на путевые расходы до Санкт-Петербурга», а во время обучения в столице им полагалось жалованье от «Санкт-Петербургской главной конторы».

### **За 33 копейки серебром**

В середине XIX века время текло медленно, дорога до столиц занимала несколько недель. Отправившись в Нижний Новгород на железном караване из Добрянки и Очера в конце мая, в столицу уральцы прибыли лишь в августе. До Нижнего они добрались на речных барках по Каме и Волге, с Нижнего до Москвы – на извозчике. Причем нанят он был «до самого Петербурга, дабы за приисканием в Москве другого не могло быть задержки». В Москве посланцев Пермского нераздельного имения встречал в своем доме лично граф.

По его распоряжению помощник управляющего Санкт-Петербургской конторой Павел Япишин отыскал для членов артели жилье. Подходящую квартиру он присмотрел в слободе, выстроенной при «означенном заводе» герцога Лейхтенбергского (Лихтембургского). Вместе с «готовым харчевым продовольствием и мытьем белья» квартира обходилась «платою в сутки по 33 копейки серебром на человека». Правда, для руководителя артели Дьяконова места в ней «за недостатком помещения» не нашлось, и его поселили «с одним молодым, довольно образованным человеком, который уже пять лет изучал горное дело на сем заводе и теперь уже служит с получением жалования». Подчеркивалось, что «начальство одобрило поведение этого человека».

По «нижайшей» просьбе Дьяконова, С.Г. Строганов выделил ему дополнительные деньги «на обзаведение» шинелью, теплым бельем, свечами и другими нужными вещами. «Я употреблю все силы мои на пользу Вашу, Сиятельныйший Граф», – писал практикант.

### **Промышленный «шпионаж»**

По прибытии на завод Пирогов, Посягин, Бояршинов и Хренов были определены для изучения пудлингового и сварочного производства, Чазов – парового котла, Тамашин – катального производства тонких сортов железа и изготовления калиброванных валов. Дьяконов же должен был присматривать за своими подопечными, «изучать сварочное производство и английскую методику выделки железа».

Только вот из-за недоработки служащих Петербургской конторы Строга-

новых встретили его на заводе не как молодого инженера, а как «простого рабочего» и даже хотели поставить к печам. Попытка Дьяконова «наняться в чертежную, чтобы знать чертежи машин», тоже обернулась ничем. Во-первых, там работали одни иностранцы, не говорящие по-русски, а во-вторых, учиться у них было нечему. Качество работ Дьяконова оказалось значительно выше, чем у иноземных подданных.

Чтобы решить вопрос со своей практикой, ему пришлось вновь обращаться с просьбой о помощи к графу. Дьяконов просил С.Г. Строганова содействия в том, чтобы «высшее начальство» завода в лице управляющего Дюваля, «одобрило наблюдение производства (...) для составления по оному подробных сведений». Иначе ему приходилось производить снятие чертежей машин и печей, делать заметки и вычисления «осторожно, часто как бы украдкой, потому что начальствующие фабриками мастера и уставщики-иностранцы не терпят подобных действий». Такой вот промышленный шпионаж образца середины позапрошлого века.

Вмешательство графа решило вопрос. Как сообщал Дьяконов, после «личного объяснения Вашего Сиятельства с г. директором завода, могу невозбранно наблюдать производство».

## Мастерский успех

Обучение мастеровых в Петербурге прошло успешно. Пирогов, Посягин и Бояршинов завершили его в августе 1852 года, Томашин в ноябре, а Чазов в январе 1853 года. Как писал графу о своих подопечных Дьяконов, они «могут возвратиться на заводы Вашего Сиятельства дельными, добрыми, основательно каждый свою часть знающими мастерами». По его словам, «Пирогов почти до полного мастерства» знал пудлингование, Томашин может стать отличным катальным мастером-уставщиком, Хренов – хорошим модельщиком. Давая характеристику Чазову, Дьяконов отметил, что он отлично освоил клепальное дело и «клепал балки для храма Христа-Спасителя в Москву (...), в каковой работе добился уже мастерского успеха».

Примечательно, что из Петербурга в Москву добрянские и очерские мастеровые возвращались уже не на извозчике, а на невиданном ими доселе поезде. Редкое везение! Правда, ехали не сразу домой. Предполагалось командировать их еще на Камско-Воткинский завод для ознакомления сварке железа не на угле, а на дровах.

## Встреча с Нобелем

В переписке Н. Дьяконова с графом С. Строгановым встречаются сведения об его визите к владельцу одного из петербургских заводов г-ну Нобелю. Встреча состоялась по просьбе графа, который хотел, чтобы его практикант ознакомился на нобелевском заводе с новой паровой машиной. «Объяснился с господином Нобелем 25 июля в 11 час. дня», – писал Дьяконов. Правда, его

встреча не увенчалась успехом. Оказалось, что к моменту встречи машина с новыми паровыми котлами еще не поступила из-за границы, так как Нобель должен был предварительно «получить привилегию из места изобретения их». До этого прав на использование новинки у него не было.

### **«Я могу видеть классические заводы...»**

К тому времени практикант вполне освоился в Петербурге, завел нужные знакомства и даже получил от столичных коллег из «Общества газового освещения» приглашение съездить на два месяца для обучения в Англию и Бельгию. «Я могу видеть классические заводы (...), они будут доступны моему внимательному наблюдению, – писал Дьяконов графу. – Сиятельнейший граф! Умоляю Вас всем моим усердием, всюю любовью к заводскому делу, к дорогому мне интересу Вашему: не оставьте разрешением Вашим на поездку мою». Для графа этот вояж не нес никаких финансовых затрат, а знакомый Дьяконову инженер Дмитриев получил для него рекомендательные письма «к Русскому посольству в Англии».

Разрешение на выезд за границу заводовладелец дал, но съездил ли Дьяконов в Европу, неизвестно. На заводе начиналась очень сложная технологическая операция – отливка листокатальных валов, которую пропустить было никак нельзя.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 10 июня*

## На заре паровой эры

*Молодцы городские депутаты. Молодцы потому, что услышали голос немногочисленных уже ветеранов Добрянского металлургического завода (прежде всего ушедшего недавно в мир иной В.Л. Фомина) и восстановили историческую справедливость. Отныне День города связан у нас с Днем металлурга.*

*Примечательно, что долг памяти был отдан ровно через 50 лет после ликвидации давшего начало нашему городу предприятия. Тем временем в истории завода есть и остается еще немало незаполненных страниц. Одну из них мы заполним сегодня с помощью документов, которые я отыскал некоторое время назад в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве. Относятся они к середине XIX века и касаются начала в Добрянке паровой эры.*

### Из Англии в Россию

Естественно, что мощную и современную по тем временам паровую машину марки S.G.S. для Добрянского завода Строгановы закупали в мастерской тогдашнего мира – Англии. Покупка была произведена через московского комиссионера Гольцгаугера, который получил за выписанную им машину и оформление сделки более 11 тысяч рублей серебром. В июле 1851 года машина была доставлена морем с берегов туманного Альбиона на дождливые берега Невы. Сначала в Кронштадский порт, затем через порт Санкт-Петербурга по Неве в Охту. Ее дальнейший путь лежал в Нижний Новгород.

### Не без затруднений

За отсутствием других путей сообщения и видов транспортировки тяжелый и габаритный груз можно было доставить на Волгу и далее в Добрянку только речным путем. В Охте подряд на перевозку оборудования в Нижний Новгород взял 2-й гильдии купец Поздняков. Он обещался доставить машину за 30 дней и брал за это плату по 40 копеек с пуда. Для перевозки все оборудование было упаковано в «6 деревянных ящиков, 7 вязанок и 148 отдельных штук».

Общий вес машины превышал 3 тысячи 100 пудов (около 50 тонн). Машина была доставлена в Нижний Новгород 1 октября 1851 года с опозданием в пять дней. Как признавался управляющий Нижегородской конторой Строгановых Семен Ипанов, выгрузка частей машины прошла «не без затруднений по случаю несподручности и большой тяжести некоторых вещей». Еще бы. Вес некоторых из них достигал 381 пуда. К минусам транспортировки были отнесены переломившийся надвое колосник да ржавчина, образовавшаяся на некоторых частях.

«Подрядчик Поздняков в пути части машин от дождя и сырости не хранил как по контракту следовало», — сообщалось в одном из писем графу. Впрочем, тот отнесся к сложностям перевозки с пониманием и распорядился никаких вычетов с Позднякова не делать, так как переломившийся колосник был вещью недорогой. Подрядчик понес наказание в сумме 155 руб. 24 коп. серебром только за пятидневную просрочку.

### **Как доставить машину в Добрянку?**

Поскольку до окончания навигации на Волге и Каме машину доставить уже не успевали, она была оставлена на зиму в Нижнем. В течение зимы было рассмотрено несколько вариантов транспортировки оборудования в Добрянку. Первый — с открытием навигации 1852 года на пароходе «Волжского общества» по цене 40 коп. серебром с пуда. Второй — «на простом кладном судне» по 35 копеек с пуда. Третий же, зимний, вариант рассматривался лишь для сведения, поскольку кладь считалась «слишком важной и ценной», а потенциальный крестьянин-подрядчик Горев был, по словам конторских, «не вполне благонадежен».

### **О механизмах и механике**

О том, как паровая машина попала из Нижнего в Добрянку, сведений нет, но зато есть другие — о том, как она была установлена на нашем заводе. Мощная для своего времени паровая машина (до нее в Добрянке имелась только одна небольшая машина) предназначалась для новой катальной фабрики (цеха). Монтаж английского оборудования происходил под контролем и по проекту механика Августа Дорна, а мастерские для нового производства прошли специальную стажировку на Очерском заводе Строгановых.

«Вообще г. Дорн занимался своим делом ревностно и по своим познаниям в металлургии и механике был бы весьма полезным деятелем в заводе», — писал позже добрянский приказчик А. Тунев. Однако, по его же словам, «совокупного нужного действия» между конторой и механиком Дорном достигнуть не удавалось, так как последний был «заражен неправильным (...) и оскорбительным для местного управления подозрением в недоброжелательности».

Первоначально предполагалось, что новая катальная фабрика вступит в действие в октябре 1852 года, но срок был скорректирован. По крайней мере, пуск в действие машины состоялся только 17 января 1853 года. 28 января возле нее был отслужен молебен. Позже в английском г. Болтоне с целью оптимального использования возможностей машины было закуплено два паровых молота.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2006. 7 июля*



# Как железо в Америку продавали

*О том, что строгановское железо находило хороший спрос в разных местностях России – факт известный. А вот о попытках продажи его в Америку почти ничего неизвестно. Тем интересней было отыскать в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) эти материалы.*

## С Камы на Волгу

Схема переработки и транспортировки продукции Строгановских заводов потребителям в середине и второй половине XIX века была следующей. Добытая в разных частях железная руда поступала для переработки в чугуны на Билимбаевский, Кыновской и Кувинский заводы, а затем чугун поставлялся (в основном по рекам) на Добрянский и Очерский железоделательные заводы. Здесь из чугуна выделялись различные виды железа и изделия из него.

С открытием навигации строгановские железные караваны, состоящие из десятков барж, уходили на Волгу. Главным пунктом продажи уральского железа был Нижний Новгород. Там у Строгановых была контора, которую в 40-50-х годах позапрошлого века возглавлял управляющий Семен Ипанов. В наше время его переписка с заводовладельцами – настоящий клад для интереснейших сведений о торговых отношениях в те годы.

## «Торговля шла дурно»

Первые сведения об интересе зарубежных покупателей к строгановскому железу относятся к середине XIX века. Как следовало из письма Ипанова графу С.Г. Строганову от 31 июля 1849 года, торговля железом в том году шла «дурно», так как «между торговцами купцами мало капиталистов, а большая часть торгует на кредитах». Надежда на традиционных оптовых покупателей строгановского железа, тверских купцов, тоже не оправдалась. Они покупали железо для сбыта в Риге, но в 1848 году «встретили соперничество в железе вывезенном из Польши и потому не смогли сбыть своих партий».

Плохо шла торговля железом в Туле и Ростове-на-Дону. «Дурную развязку для железной торговли» сделали и Лазаревы, которые, столкнувшись с плохим сбытом своего железа, продали крупную партию по заниженным против 1848 года ценам. Понятно, что в подобных условиях появление новых покупателей было очень кстати.

## Начало важного дела

В начале 1851 года на горизонте появился нарвский I-й гильдии купец, владелец торгового дома из Санкт-Петербурга Иосиф Самойлович Барч

(Бирч). Как следовало из его донесения С.Г. Строганову: «Не пожелает ли Ваше Сиятельство сделать опыт продажи выделяемого на Пермских Ваших заводах листового железа за границу, и именно в Америке. По словам Агента есть значительные требования на русское листовое железо, которые одни заводы г-на Яковлева удовлетворить не в состоянии. И поэтому дом г. Барч полагает, по собранным им здесь сведениям, что железо заводов Вашего Сиятельства может найти в Америке также хороший сбыт, быв куплено здесь за наличные даже деньги».

Граф проявил интерес к предложению Барча. Купцу были переданы образцы строгановского железа, которые тот отправил в Америку через Англию «первым пароходом». Отзывы американцев, видимо, устроили Барча, и он решил закупить у Строгановых первую партию железа разных сортов весом в 5000 пудов. При этом он предупредил, «чтобы при поставке железа в Петербург приняты были самые тщательные меры к предохранению оного от мокроты, ибо листы, покрытые ржавчиною для них не годятся». Цену купец предложил не самую выгодную, однако С.Г. Строганов согласился с ней. «Этот опыт отпуска нашего железа в Америку сделает оное там известным и может быть станет началом более важного дела», – посчитал граф и распорядился срочным образом поставить покупателю «железо глянцевого, чистой отделки, схожее с выданными г. Барчу образцами».

### **Доставка с убытками**

Для доставки железа из Нижнего Новгорода в Санкт-Петербург требовался надежный перевозчик. После наведения «верных справок», таким сначала посчитали купца Козицына, но затем отдали заказ устюжскому купцу Петровых, который характеризовался как «благонадежный человек», выставлявший самые приемлемые цены.

17 августа 1851 года Петровых доставил железо в Петербург, однако во время приемки груза выяснилось, что при его транспортировке по рекам и каналам железо неоднократно перегружалось, «многие пачки его подвергались сырости и многие в них листы до того были покрыты ржавчиною и измяты в боках, что г. Барч, при всей снисходительности нашел не возможным их купить и отправить за границу». Ему оставалось лишь надеяться, что поврежденные листы удастся сбыть в Петербурге «без убытков против иностранных цен».

Что же касается неповрежденного железа, то, по данным главного управляющего Бушуева за январь 1853 года, эта партия «дошла по назначению благополучно, и покупщики были довольны качеством железа, однако по настоящее время он (Барч. – М.К.) не получал еще из-за границы новых приказов на покупку в нынешнем году этого железа».

В том же году к Строгановым с предложением о покупке у них железа обращался живший в английском городе Шеффилде «русской подданный

А. Скворцов». Он хотел приобрести «500 пудов листового железа для ознакомления с ним в Англии и возможной продажи новых партий в Америке». Известно, что это железо было отправлено из Петербурга в Нью-Йорк, но в 1853 году дополнительных контрактов заключено не было.

### **Как «утопло» экспортное железо**

Очередные попытки организовать продажу строгановского железа за границей относятся к 1856-57 годам, однако обе они не увенчались успехом из-за транспортных проблем.

В 1856 году с целью продажи в Америке железо заказывал некий г-н Молво, но во время сплава каравана по Каме в районе села Челны оно было «утоплено». Под воду ушло более 15 тыс. пудов листового железа.

В 1857 году на Строгановых вновь вышел известный им А. Скворцов, который на тот момент представлял «Торговый дом Неймар, Виккерс и Ко». «Для нас будет большое удовольствие войти с Вами в деловое сношение, — писал он графу С.Г. Строганову. — Мы имеем наши собственные торговые дома в Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии и корреспондентов в каждом значительном месте Соединенных Штатов и в английской Северной Америке».

На этот раз на продажу была предложена партия железа из Очера, так как «сортировка и разбор железа Добрянских заводов» в тот момент была признана «менее тщательной и аккуратной нежели Очерских». Но и это железо до Америки не дошло. В районе Костромы в строгановскую баржу врезалось другое судно, и она, несмотря на старания команды, затонула. Позже находившееся на ее борту железо поднял купец Петухов, но «оно оказалось в самом безобразном виде». Как признавался он нижегородскому управляющему Ипанову, если б знал, что оно так испортилось, то не стал бы покупать его. Крайне недовольной всем произошедшим была и британская фирма «Неймар, Виккерс и Ко», которая уже перевела Строгановым деньги. После этого никаких контактов с графом ее представители не имели.

### **«Остановки и замешательства»**

Добрянское железо купцы тогда тоже хвалили, но не листовое, а особых марок: четырехгранное, круглое и оградное. Оно поставлялось на внутренний рынок. В 50-х годах XIX века активно прорабатывались вопросы продажи разных сортов добрянского и очерского железа в нижеволжских городах и в Причерноморье. С этой целью в 1854 году управляющий Ипанов побывал в г. Лаишеве на устье Камы, где наиболее активно торговали железом Демидовы. Там он и завел контакты с самарским купцом Бахаревым, саратовским купцом Жаровым и казанским торговцем Подаруевым. Все они были известны как «состоятельные и аккуратные купцы».

«Если наше железо будет оценено по достоинству на ниже-Волжских

рынках и Черноморье, то на будущее время и сбыт нашего железа в тот край увеличится и быть может предоставит более или менее значительные выгоды», – писал Ипанов графу. Но так как из-за Крымской войны в торговых делах «южного края России» произошли «остановки и замешательства», этот вариант был отложен до лучших времен. Зато известно, что в 1855 году значительную партию кубового железа из Добрянки купил «содержатель чугунно-литейного и механического завода в Санкт-Петербурге г. Нобель».

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 19 марта*

# В чугунном караване по течению Чусовой

*В XIX веке конец апреля – начало мая ежегодно были связаны с важнейшей транспортной операцией – доставкой на железодельные заводы чугуна с предприятий, расположенных на притоках р. Чусовой. О том, что эта операция была сопряжена с большим риском, свидетельствуют архивные документы.*

## Вниз по течению

В качестве иллюстрации возьмем сплав чугунного каравана с Билимбаевского завода на Каму, который осуществлялся по р. Чусовой в 1857 году. Почему по Чусовой? Да потому, что до строительства в 70-80-х годах XIX века горнозаводской железной дороги именно эта своенравная река являлась главной транспортной артерией для отправки больших партий заводской продукции. Других вариантов практически не было. Баржи (барки) отправлялись по ее течению по высокой воде, то есть во время весеннего половодья. Если весна была затяжной и уровень воды в реке невысоким, то для проводки караванов через отмели и пороги предпринимался, хотя и нечасто, искусственный подъем воды. С этой целью по договоренности между заводоуправлениями по определенному графику открывались прорезы для спуска весенней воды из заводских прудов. «Спрудная вода» шла в Чусовую и поднимала обсохшие барки.

## Караван из Билимбая

Что же касается транспортной кампании 1857 года, то тогда Билимбаевский чугунный караван был отправлен на камские заводы Строгановых 28 апреля. На Добрянский завод направлялось 14 коломенок (это самый распространенный тип барж) со 141 тыс. пудов чугуна и «посторонней клади», на Очерский завод – 34 барки, которые должны были доставить туда около 337 тыс. пудов чугуна. Как сообщалось в письме из Билимбая в Ильинское: «Лед по реке Чусовой проплыл 22 числа апреля и 23-го было приступлено к спуску судов на воду, а потом к погрузке чугуна и припасов». Экипажи барж состояли из лоцмана, водолива и ученика. На их борту находились также рабочие для помощи в управлении тяжелыми, неповоротливыми судами. Но не все барки дошли до места назначения.

## Потеря судов и грузов

В ходе спуска 14 коломенок предназначенных для Добрянского завода две разбились о береговые скалы (камни), одна села на мель «в виду Чусовских городков». Первая барка налетела на камень Узенький, который находился ниже д. Волеговой, а вторая разбилась о камень «под названием Красный – ниже Уткинской господ Демидовых пристани». На дно реки вместе с бар-

жами ушло около 19 тыс. пудов чугуна. При этом первая коломенка погрузилась на глубину 6 аршин (т.е. почти 4,5 метра. — М.К.). Достать с нее чугун можно было лишь в меженную пору, когда уровень реки снижался до минимума, но только в том случае, если лето было сухим. Вторая барка погрузилась не так глубоко, поэтому предполагалось, что после прохода «сплавной воды» чугун с нее можно будут поднять и перегрузить в полубарки.

Что же касается баржи, севшей на мель, то ее попытались снять с помощью ворота, но безуспешно. Потом приняли решение ждать возможного повышения воды в Чусовой. Рассматривался и вариант перегрузки чугуна на более легкое судно-полубарок.

Кстати, в Очерском караване без происшествий тоже не обошлось. На одной из коломенок «переломило ногу» водоливу, и пострадавшего пришлось срочно доставлять в больницу при Илимской пристани.

## **Вопреки инструкциям**

Понятно, что потеря большой партии чугуна не могла остаться незамеченной со стороны руководства Пермским нераздельным имением Строгановых. По факту ЧП было проведено обстоятельное расследование. Во всей этой истории радовало лишь то, что «на этих судах люди все спасены, а также снасти и прочие караванные припасы остались в целости».

Как выяснилось в ходе допросов («отобрания показаний»), затопление барки у камня Красный произошло в результате нарушения установленных на сплаве правил. Незадолго до прохода этой скалы с борта баржи кто-то увидел на берегу бесхозную судовую снасть. Вопреки инструкции, 45-летний лоцман (опытный, кстати сказать, речник с 20-летним стажем работы) направил за ней на лодке водолива, ученика и одного из рабочих. Пока они плавали за снастью, баржу понесло по течению на скалу, судно ударилось об нее, получило в борту пробоину и затонуло.

## **Розги в назидание**

Расследование шло долго, а наказание за безалаберность оказалось суровым. Было принято решение «оштрафовать» лоцмана принародно на пристани 25 ударами розг, а затем отослать его караваном на полгода «в Добрянский завод для употребления в работе». Сорокалетний водолив, имевший на своем попечении четверых детей и престарелого отца, был присужден к 40 ударам розг, но зато он избежал отправки на заводские работы. Ученик также получил свое в виде 15 ударов розг.

Что же касается дальнейшего пути чугунных строгановских караванов, то одни из них отправляли вниз по течению Камы (на Очерский завод), другие с помощью бурлаков и так называемых «коноводных машин» — вверх против течения в Добрянку.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2008. 2 мая*

# Как Добрянка и Полазна мастеровых делили

*Одна из слабо разработанных тем в нашей истории – тема взаимоотношений, которые складывались в Прикамье между различными заводо-владельцами. Например, между Строгановыми и Абамалек-Лазаревыми, между Добрянским и Полазненским заводами.*

## На рубеже эпох

Дело, которое мне удалось отыскать в фонде Добрянского металлургического завода ГАПО, относится к 1863 г. и называется совсем незатейливо: «Об отлучке добрянских мастеровых для работы в Полазне». Поскольку речь в деле идет о событиях, происходивших вскоре после отмены крепостного права, на рубеже эпох, то в нем самым интересным образом переплелись остатки крепостнического мировоззрения и новые буржуазные веяния. При этом руководство Добрянского завода в лице управляющего А.И. Тунева\* выглядело более консервативным, нежели полазненское.

## Прошу «рабочих людей с завода не переманивать...»

Началась эта история 14 февраля, когда нарочный срочно доставил из добрянского заводоуправления в полазненское письмо. В нем руководство Добрянского завода укоряло полазненского управителя за то, что тот занимается переманиванием добрянских крично-рабочих\*\* на свой завод. В заключение письма добрянский управляющий А.И. Тунев советовал своему полазненскому коллеге: «(...) рабочих людей из здешнего (т.е. добрянского. – М.К.) завода не переманивать, принятием отказать и в последующем здешнюю контору уведомить».

Понятно, что добрянский управляющий был обеспокоен оттоком рабочей силы со своего предприятия. Тем более что, по информации конторы, в январе 1863 г. группа добрянских мастеровых уже отлучалась на Вятские заводы. И хотя вскоре бывшие строгановские крепостные вернулись в Добрянку, на свой завод они поступать не стали. Напротив, трое из них не только сами «ушли в Полазненский завод г. Лазарева», но «сговорили еще и других».

\* Александр Иванович Тунев был человеком своей, крепостной, эпохи. Он родился в 1809 г. Управлял Добрянским заводом с 1847 по 1877 г. Являлся Дедюхинским 3-й гильдии купцом, имел звание личного почетного гражданина. Тестя известного добрянского управляющего П.И. Сюзева. Скончался в октябре 1891 г. в возрасте 82 лет.

\*\* Крично-рабочие – мастеровые, занятые на производстве железа кричным способом. При нем чугун нагревался в кричном горне, и после обработки из чугуна получалось ковкое (сварочное) железо.

Поводом к уходу стала временная остановка кричного горна, где работали некоторые из них.

### **«Имею честь ответить...»**

Ответ не заставил себя ждать. В тот же день в Добрянку было направлено письмо, в котором Полазненская заводская контора имела «честь ответить» соседям, что «принятые здесь в кричную работу временно-обязанные Добрянского завода» явились на законных основаниях, и у каждого из них на руках были «билеты» (разрешения на отлучку), полученные «от волостного правления». А раз так, то и вопросов никаких быть не может. Тем более, что и сами добрянцы не без греха. «Известно, что мастеровые Полазненского завода донныне принимались в работы в Добрянке без всяких видов и увольнений», — указывала в своем письме Полазненская контора.

После этого добрянцы решили вернуть на завод своих рабочих другим способом.

### **«Без всякого сношения...»**

Поскольку вышестоящим над Полазненским заводоуправлением являлось Чермозское главное управление имения Абамалек-Лазаревых, то именно туда и было направлено новое письмо. В нем, указывая на принятие в Полазне «без всякого сношения» добрянских мастеровых, А.И. Тунев делал упор на необходимость существования между заводами «соседственных, добрых отношений», что важно для «обоюдной пользы заводовладельцев». «Я не отвечаю за действия Полазненской управы, — писал Александр Иванович, — но они вредны соседнему заводу и при добрых отношениях владельцев не должны быть допущены».

Чермоз проявил явную дипломатию. С одной стороны, давший «словесный» ответ лазаревский главноуправляющий сослался на распоряжение заводовладельца «принимать мастеровых других заводов», а с другой — пообещал Добрянской конторе, мол, если в Полазне в добрянцах надобности нет, то они будут уволены.

### **Добрянские «капризы» и...**

Такой ответ добрянских руководителей явно не устроил. Для решения вопроса А.И. Тунев решил обратиться напрямую к графу Строганову. Подробно описав все происходящее, Александр Иванович высказал свое мнение: «Самые глупые капризы мастеровых проистекают от уверенности, что они необходимы для завода и потому становятся безрассудно требовательны и своевольны, поэтому заводоуправления должны общими силами стараться вразумить мастеровых, а не содействовать их своеволию, как поступает управление г. Лазарева». Это донесение было отправлено графу «с первой почтой 19 февраля».



Вопрос был решен на уровне заводовладельцев. 2 марта 1863 г. в Добрянскую контору из Чермоза пришло следующее сообщение: «Вследствие полученной от Его Сиятельства Князя Семена Давыдовича Абамелек телеграммы, мастеровым Добрянского завода, поступившим на работу в Полазненский Его Превосходительства завод от работ этих откажется».

### **...полазненное «подличанье»**

Но даже после решения этого вопроса взаимоотношения между соседними заводами периодически продолжали обостряться. Об этом свидетельствует, например, донесение из Добрянской заводской конторы в Ильинское управление Строгановых от 2 ноября 1872 г. Говоря об имевших место на заводе стачках (кстати, в местной историографии о них ничего не известно. – М.К.), добрянский управляющий прямо указывал на то, что «стачки подготавливаются по содействию одного соседственного заводоуправления». Какого? Полазненского. Каким образом? А таким, что только в октябре дважды посылало в Добрянку своих представителей, которые агитировали здешних мастеровых к переходу на Полазненский завод. В результате рабочие начинали ставить заводоуправлению условия: вот повысите зарплату, тогда не уйдем. «Две артели, а может и более, намериваются идти в Полазну», – сообщалось в донесении. Напоминая, что еще в 1863 г. «от Абамалека последовало решение отказать добрянцам», Добрянская контора укоряла своих соседей: «После этого кажется не следовало бы подличать Полазненскому заводоуправлению».

Но остановить процесс свободного перемещения рабочих рук было не под силу уже никому. Ни заводоуправлениям, ни графам, ни князьям. Крепостная эпоха сменялась буржуазной.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 2 февраля*

## В поисках железных руд

*В 80-х годах XIX в. на территории современного Добрянского района предполагалось строительство еще одного металлургического предприятия. На этот раз чугунолитейного завода на р. Вильве или ее притоках.*

### Где взять сырье?

Главный аргумент в пользу этого – недостаток чугуна для переделных строгановских заводов – Добрянского и Очерского. Очерский завод ежегодно требовал для переделки в железо 424 тыс. пудов чугуна, Добрянский – 700 тыс. пудов. Между тем Билимбаевский чугуноплавильный завод производил в год 500 тыс. пудов чугуна, Кувинский – 450 тыс., Кыновской – 50 тыс. пудов. Элементарные подсчеты показывали, что для полной загрузки железодельных заводам не хватало еще 124 тыс. пудов чугуна.

Но чтобы строить новый завод, нужны были не только арифметические выкладки, но и сырье для него в виде железной руды. А где ее взять? Этот вопрос обсуждался на съезде управляющих Пермского нераздельного имения Строгановых 23 марта 1881 г. На нем было решено «открыть разведку руды в Перемской даче, в которой, если окажутся благонадежные месторождения (...) – постройка завода представляется более возможною». Рабочих рук и леса для этого хватало. Транспортной артерией служила бы р. Косьва.

### Деньги для разведок

Начать широкомасштабные поиски руды требовал и граф С.А. Строганов. В апреле 1882 г. он писал: «При посещении и изучении Пермского имения, я не мог не обратить внимание на ненормальные экономические условия действия железодельных заводов имения; находясь вдали чугуноплавильных заводов, они получают дорогой чугун, стоимость которого возвышается как от расходов по доставке, так и процентов с оборотного капитала, остающегося в чугуне, скопляющихся на чугуноплавильных заводах до доставки на железодельные».

При этом граф призывал к поиску путей для всяческого снижения обозначенных издержек. В том числе путем строительства нового предприятия по производству чугуна, которое должно было «удовлетворять потребности Добрянского завода». С этой целью С.А. Строганов распорядился: «Усилить разведку Перемской дачи всеми возможными средствами». Слова были подкреплены деньгами. По сравнению с 1881 г. заводовладелец увеличил размер средств для геологических изысканий в 1882 г. с 10 до 20 тыс. рублей.

### Скептицизму вопреки

Среди тех, кто активно поддерживал геологические разведки, был управляющий Добрянским заводом П.И. Сюзев. С одной стороны, обнаружение

руды и строительство нового завода способствовали бы развитию всего вверенного ему Добрянского заводского округа, а с другой – его обнадеживали результаты разведок, произведенных в предыдущие годы. Архивные конторские документы, упоминали, в частности, «рудные знаки» «по Мутной речке», обнаруженные в 1792 г., и находки железных руд «охристого свойства» в даче с. Перемского, сделанные добрянским штейгером Андреем Плюсниным в 1844-1846 гг. Выход железа из той руды был, правда, мал, но, тем не менее, «полученная полоска железа» оказалась «хотя не очень доброкачественною, однако ж совершенно годна на поковки и сделанные из нее подковы не было возможности сломать».

Несмотря на скептицизм ряда высокопоставленных руководителей имения (например, Н. Рогова, который считал, что в Перемской даче проще найти уголь, чем железо), было принято решение начать там поисковые работы. Хотя бы для того, чтобы определить «количественное и качественное залегание железных руд».

### **Отрицательный результат – тоже результат?**

План геологических разведок на 1881-82 гг. был разработан горным инженером П. Оржеховским. По его предложению они были начаты по речкам Мутной, Березовке и Нику (притоки р. Вильвы). Это был тяжелый ручной труд.

Пик разведочных работ пришелся на лето 1882 г. В ходе их проведения был заложен ряд шурфов и штолен, которые показали присутствие железной руды «в виде валунов в глине» или «конгломерат с рудным цементом». Однако эти находки ни в коей степени не могли обеспечить сырьем предполагаемый завод. К зиме 1882 г. разведки по распоряжению, видимо, разочарованного отсутствием положительных результатов П.И. Сюзева были свернуты, но ненадолго. В дело вновь вмешался заводовладелец. Как писал добрянскому управляющему граф Строганов в письме от 26 декабря 1882 г.: «Вы решили прекратить подземные разведочные работы (...). Я желаю, чтобы Вы восстановили эти разведки по мере возможности и о ходе оных мне доносили».

### **«Отказаться от всякой надежды»**

Разведки возобновились в 1883 г. Первоначально они шли под руководством уже известного нам инженера Оржеховского, но летом их возглавил прибывший из Петербурга горный инженер В. Меллер. Граф хотел, чтобы он «высказал мнение по поводу направления разведок в Перемской даче».

Как следует из отчета Меллера графу Строганову, в 1881-83 гг. разведочные работы охватывали в основном юго-восточную часть дачи на площади 350 кв. верст. Наиболее примечательные рудные скопления были обнаружены «между верхов р. Ник и Мутной», они тянулись гнездами на семь верст,

но для промышленной разработки не годились. «Не благонадежными» оказались и те руды, что были обнаружены у деревень Панылки и Тихой на р. Косьве. Отметив усердие, точность, аккуратность и распорядительность горного инженера Оржеховского, Меллер сделал однозначный вывод: «Следует отказаться от всякой надежды на открытие в коренных породах Перемской дачи благонадежных залежей железных руд» для долговременного заводского действия. Этот вывод и поставил крест на предполагаемом строительстве там чугуноплавильного завода.

### **Вода, уголь, торф...**

После этого геологические исследования в Пермской даче хотя и продолжались (на этот раз в ее северо-восточном углу), но уже без прежнего размаха. В 1885-86 и 1891-95 гг. их, к примеру, проводил с разрешения министерства государственных имуществ «штатный геолог, горный инженер, коллежский асессор А.А. Краснопольский», однако ощутимых результатов они тоже не принесли. Как сообщалось в отчетах, «найденные месторождения по своим размерам оказались сравнительно незначительными». Впрочем, к тому времени упор был сделан уже на перспективный Малоблагодатский рудник (ныне Свердловская область).

Тем не менее, разведочные работы 80-х гг. позволили обнаружить на территории восточной и северо-восточной части нашего района не только семь «скоплений железных руд гнездового характера залегания», но и другие полезные ископаемые. К югу от д. Пахомовой на р. Долгой был обнаружен «лигнит, или древовидный бурый уголь», в районе д. Панылки на р. Косьве – «прожилки каменного угля», у деревень Шестаковой, Сереговой, Наумята и Золотята – выходы соленых источников. Кроме того, по Косьве были обнаружены запасы торфа и точильного камня, хотя и не лучшего качества.

В XX в. широкомасштабные геологические исследования нашей территории были связаны в основном с поисками нефти.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2008. 4 апреля*

## Защитники леса из XIX века

*В череде сентябрьских профессиональных праздников есть один, который отмечают многие жители нашего района. Это День работников леса. А раз так, то имеет смысл приподнять очередные малоизвестные страницы нашей истории и посмотреть, как осуществлялась, к примеру, охрана добрянских лесов в XIX веке.*

### Что писали в сказке?

В XIX веке лес был основным топливом для многочисленных заводов и основным строительным материалом, потому делу «охранения лесов от порубок» на Урале уделялось огромное внимание. Так, в 80-х годах позапрошлого столетия в Пермском нераздельном имении Строгановых охрана осуществлялась на основе специальной, высочайше утвержденной инструкции, принятой в 1867 году. Она четко регламентировала, как охранять частные леса, как и за что наказывать самовольных порубщиков. К примеру, в пункте 23 указывалось, что «при розыскании обвиняемого, скрывшегося с места нарушения, лесная стража имеет право потребовать содействия полицейского начальства», а в соответствии с пунктом 26 «Для составления сказки и засвидетельствования (...) нарушения лесовладелец, его управляющий или сторож» должны были «немедленно (...) пригласить на место онаго ближайшего сотского (полицейского. — М.К.) или сельского старосту с понятиими».

Сказка (протокол. — М.К.) на порубщиков представляла из себя специальный бланк. В нем указывалось, кем, когда и где обнаружено нарушение, в чем оно состоит, на какую сумму причинен ущерб, имя, отчество, фамилия, звание и место жительства обвиняемого, количество и качество задержанного или «отобранного» материала, свидетели нарушения.

### Кто и как служил в лесной страже?

В лесную стражу устраивалось много отставных солдат и матросов. Кандидатуры рассматривались и утверждались пермским уездным исправником. Прием осуществлялся на основании личного прошения. Вот одно из них, от отставного рулевого 6-й роты 4-го флотского экипажа Степана Романова Ромашова от 27 января 1888 года: «Имею честь покорнейше просить Добрянскую контору принять меня на службу лесного сторожа в Добрянское лесничество. Для оценки моей личности имею честь представить при сем три аттестата выданные мне Морским Воинским начальством за время прохождения морской службы».

Согласно «Списку на лесную стражу Добрянского лесничества» за май 1891 года ее штат составлял 16 человек. Руководил ею 43-летний лесной смотритель Гавриил Попов. В его подчинении был один помощник, пять лесных сторожей, куренный надзиратель и его помощник, четыре куренных

мастера, два «караульщика на высоких местах» (на колокольне Митрофаниевской церкви. — М.К.), по одному караульщику «за деревней Фоминой» и «на Яринской дороге». Самому молодому лесному служителю исполнился 21 год, самому пожилому, куренному мастеру Ивану Баландину — 65 лет. Все стражники и надзиратели проявляли служебное усердие на «хорошо» и «удовлетворительно».

## **В обзоре лесов**

Работу лесных охранников легкой не назовешь. По данным за май 1891 года, помощник добрянского лесного смотрителя 21-летний Николай Пьянков 16 дней находился «в обзоре лесов», один день занимался нарезкой куреней в Вильвенском лесничестве, шесть дней находился при исправлении голубятской дороги, три дня был в поездках по делам в д. Ярино и на Добрянском заводе, два дня «в Голубятах для приискания рабочих». Сколько же осталось на отдых? Всего лишь три праздничных дня, которые он провел при своей квартире в Добрянке.

А как следует из «прошения» Висимского лесного сторожа Василия Калинина от 10 ноября 1894 года, каждые сутки он проезжал на лошади с целью охраны по 35-40 верст и получал за это месячное жалованье в размере 11 рублей. И это при том, что только на содержание лошади требовалось не менее 8 рублей. Неслучайно в архивных делах встречается довольно много прошений стражников об увеличении их жалованья.

Старые бумаги сохранили также сведения о «поощрительных вознаграждениях» служителей лесной охраны, об их учебных сборах и продвижении по службе. Так, в 1895 году на учебу в специализированную лесную школу был направлен работник лесной охраны Владимир Епишин. На его прошение о стипендии добрянский окружной лесничий Тютюков писал: «Епишин вполне заслуживает сделать ему пособие на обучение (...). Полагаю, что из него может выйти прекрасный, сильный лесничий и даже помощник окружного лесничего».

## **Кое-что о нарушениях и нарушителях**

О том, что работы у лесной стражи было немало, свидетельствует статистика. Как сообщалось в циркуляре главного лесничего Пермского нераздельного имения Строгановых Теплоухова от 20 апреля 1884 года, в 1878 году в имении было отмечено 376 порубок, в 1879 году — 312 порубок, в 1880 — 450, в 1881 — 189, в 1882 — 192 нарушения лесных правил. Сумма ущерба от самовольных порубок доходила до 127 руб. 61 коп. С целью выявления нарушителей охранникам приходилось порой проводить целые расследования.

Например, в декабре 1883 — январе 1884 года в краже двух саженой квартирных дров из Верх-Вожевского участка был изобличен крестьянин д. Новожилов Сурнин, который был приговорен мировым судьей к трехмесячно-

му тюремному заключению. В январе 1884 года в самовольной заготовке 46 бревен на территории Перемской дачи был изобличен крестьянин д. Грязнуха Сергеев, а добрянский мастеровой Еремеев вывез с плотбища вместо выписанных 20 бревен на четыре бревна больше. Обычно самовольщики подвергались штрафу с конфискацией краденого леса. На Косье, кстати сказать, нарушения лесных правил встречались достаточно часто. В апреле 1890 года лесные сторожа зафиксировали 23 таких случая.

Как писал строгановский лесничий А.Е. Теплоухов, прикамские леса были доменной печью «в коей кипит народ». Эти слова были написаны им еще накануне отмены крепостного права, но, как мы видим, их можно распространить и на более поздний период.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 2 февраля*

# Как в Добрянке гектограф испытывали

*Кого в наше время удивит копировальной техникой? Да никого. На рынке присутствуют копии один лучше другого. С их появлением в фирмах и офисах практически исчезла проблема размножения документов. Но, как известно, копиров раньше не было, а конторы были. Как же выходил из положения конторский люд? Об этом наш сегодняшний материал.*

## Петербург дает добро

Первые попытки решить проблему размножения документов были приняты в Добрянской заводской конторе зимой-весной 1880 года. Свою роль здесь сыграл очень равнодушный и заинтересованный в развитии заводского дела управляющий заводом П.И. Сюезв. Желание улучшить, ускорить и удешевить изготовление конторских бумаг диктовалось дороговизной их изготовления вручную или типографским способом. Как сообщал он в письме в Санкт-Петербургскую контору Строгановых 15 января 1880 года: «Добрянская заводская контора ежегодно заказывает Пермским типографиям приготовление значительного количества (до 80) разных фирменных бланков, для чего употребляется бумаги до 30 стоп, что сопряжено со многими хлопотами и запаздыванием приготовления книг и тетрадей для разных должностных служителей». По мнению конторы, эту проблему можно было бы решить с помощью появившихся на рынке копировальных аппаратов, так называемых гектографов\*, которые в некоторых случаях могут заменить типографии. Петербург дал добро.

## «Настоящий Гектограф венского изобретателя»

Прежде чем купить эту множительную технику, контора тщательно проработала все рекламные проспекты. Остановились на довольно дорогом, но зато «привилегированном копировально-множительном аппарате Гектограф», который предлагался Санкт-Петербургской фирмой Эмиля Гартье. Реклама гласила, что этот аппарат отличается «замечательной простотой использования» и позволяет изготовить 50 и более (до 100) «безукоризненно чистых копий менее чем за 5 минут». Вместе с аппаратом поставлялась

\* Гектограф – это своеобразный предшественник современных копиров, аппарат для размножения текста и иллюстраций с листовых оригиналов, выполненных особыми («гектографическими») чернилами. Действие гектографа основано на способности застывшего желатинового слоя воспринимать специальную краску (чернила) оригинала и затем передавать ее на прижимаемые листы бумаги. Обеспечивал получение до 100 копий. Считается, что его изобрел в России в 1869 г. М.И. Алисов.



специальная масса для гектографа стоимостью 50 рублей за пуд и особые чернила разных цветов.

Во время заказа гектографов Добрянская контора должна была проявлять особое внимание, так как рынок был насыщен массой и «аппаратами, подделываемыми другими фирмами России». В качестве «разных грубых подделок» указывались Гектограф Унгерера, полиграфы, американские хромогектографы, автографы и прочие аппараты. Но «они не могут сравниться с настоящим Гектографом венского изобретателя», — однозначно указывалось в рекламном проспекте фирмы Эмиля Гартье.

## **О результатах доложить**

В феврале 1880 года Добрянский завод приобрел три гектографа разных форматов. При этом Добрянское заводууправление стало своеобразной испытательной площадкой новой для имения канцелярской техники. Как сообщалось в письме из Главного управления Пермского нераздельного имения Строгановых в контору Добрянского завода, датированном 20 февраля 1880 года, «если аппараты эти окажутся практичны, то Главное Управление получив сведения о том из Добрянки, рекомендовало бы их для других заводууправлений». Далее указывалось: «По испытании означенных аппаратов, о пригодности и практичности их для дела, а также о стоимости каждого аппарата, донести сюда с приложением нескольких отпечатанных бланок».

## **С приложением казенной печати**

В соответствии с «Правилами о цензуре и печати» для использования множительной техники требовалось получить особое разрешение. С этой целью 17 марта 1880 года П.И. Сюзев направил «Прошение» на имя тогдашнего пермского губернатора В.А. Енакиева. Бюрократический механизм провернулся лишь к маю. «Свидетельство» на право использования гектографа было выдано добрянскому управляющему 7 мая. На нем красовалась подпись вице-губернатора «с приложением казенной печати» из сургуча.

## **Эксперимент признали неудачным**

Еще до получения разрешения в Добрянку из Главного управления Строгановых в Ильинском пришло письмо с просьбой «донести равны ли разные аппараты по достоинству и если который лучше и пригодней для заводов, то указать на него с означением цены».

В ответном письме Добрянское заводууправление отвечало, что «достоинство всех аппаратов одинаковое» и для их выбора следует принимать «в соображение только размеры требующихся оттисков», которые также были направлены в Ильинское. Там они особого впечатления не произвели. Вер-

дикт был таков: «В представленных Добрянской конторой гектографических оттисках Главное управление не находит особенной чистоты и отчетливости, и поэтому, пока не видит необходимости выписывать гектографические копировальные аппараты для себя и прочих заводов имения, тем более, что оно не имеет положительных данных, которые бы говорили за дешевизну оттисков бланков на гектографе против типографских бланков». Что же касается аппаратов, уже освоенных в Добрянке, то против их использования главное управление имением не возражало. Только «потребную для себя массу для гектографа» заводская контора должна была выписывать сама, не прося денег в Ильинском.

Судя по тому, что в архивных делах за 80-е годы XIX столетия гектографические распечатки имеются, эти множительные аппараты применение себе, хотя и нечасто, находили.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 1 июня*

# Телефон запрещала полиция

*1874 год ознаменовался важным открытием в области техники. Американскому физику Э. Грейю удалось опыты по передаче звуков посредством электричества. В 1876 году другой американский ученый А.Г. Белл купил у Грея патентные права и привлек к дальнейшей разработке еще группу физиков. В результате в 1878 году ими был создан первый в мире телефон с постоянным магнитом – «трубка Белла», после чего это новое средство связи стало быстро внедряться во всех странах.*

## Новаторы из Полазны

Не была исключением и Россия, в которой первыми сумели оценить достоинства этого новшества уральские промышленники. Уже летом 1881 года телефон действовал на Усть-Катавском заводе (ныне Челябинская область), а в начале 1882 года, раньше, чем в Москве, Петербурге, Одессе и других городах, телефонные линии длиной 1450 сажень были проложены на Полазненском заводе кн. Абамелек-Лазаревых. Вскоре их длина возросла до 15 верст, соединив Полазну с Хохловским заводом тех же владельцев. Управляющий Полазненским заводом в одном из писем отмечал, что «телефоны действуют вполне удовлетворительно».

## Прошение Сюзева...

Еще в ходе этого строительства большой интерес к нему стал проявлять управляющий Добрянским заводом П.И. Сюзев, который в эти годы сам вел активную изобретательскую работу, предпринимал шаги по перевооружению предприятия, стремился к введению на заводе всего самого передового. Как только он получил известия об успешных испытаниях телефона в Полазне, то сразу же приступил к устройству телефонных линий в Добрянке.

В очень короткий срок были установлены столбы, натянуты провода, закуплено и установлено оборудование. Уже в июне 1882 года телефон был опробован в действии. Оставалось лишь получить разрешение на постоянную эксплуатацию. В своем прошении на имя Пермского губернатора П.И. Сюзев писал: «...последние усовершенствования в электромагнитных сообщениях в значительной степени дают возможность устранить недостатки «в расположении завода и послужить дальнейшему развитию его», а поэтому «прошу разрешить проведения телефонного сообщения между обоими заводами, пристанью, заводской конторой и моей квартирой».

## ...и ответ на него

Но все оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось. В ответ на прошение Сюзева из Перми пришло разъяснение, в котором говорилось, что по вопросу устройства телефона ему следует обратиться в министерство почт

и телеграфов, а вслед за этим на завод явилась полиция и запретила эксплуатацию телефона «впредь до получения распоряжения» об его устройстве. Сюзев вновь обратился к губернатору с просьбой о содействии и вновь получил отказ.

На этот раз оказалось, что устройство телефонных линий находится в компетенции министерства внутренних дел. После этих неудач, уже поздней осенью 1882 года он отправил прошение в главную контору Строгановых, чтобы через владельца получить наконец разрешение на эксплуатацию телефона. Он, в частности, писал, что телефонные линии были устроены на заводе «при домашних средствах» и опыт показал их «большие удобства».

В конце концов, в январе 1883 года долгожданное разрешение было получено. В личном письме Строганову министр внутренних дел граф Д. Толстой разрешил возобновить работу телефона на Добрянском заводе, но только при том условии, что «сношения по телефонным линиям между заводской конторой, фабриками и пристанью на Каме ограничивались лишь переговорами, касающимися надобностей заводууправления».

### **«Все равно водкой слышно...»**

Интереснейшие сведения о том, как восприняли это «чудо техники» жители Добрянки, оставил нам краевед 30-х годов В.М. Батанов. Он, в частности, писал, что некоторые добрянские рабочие и служащие наделяли телефон сверхъестественными свойствами, и это зачастую приводило к чуть ли не анекдотическим случаям, как, например, при разговоре по телефону смотрителя камской пристани с конторским учеником:

— Миша, мне бы поговорить с Павлом Ивановичем (управляющим заводом).

А Миша знал, что смотритель любит выпить, и поэтому решил над ним посмеяться.

— От вас, я чувствую, пахнет водкой. А Павел Иванович, сами знаете, не любит...

— Неужто, Миша, от меня слышно водкой? А я ведь сейчас нарочно овсецом заел. А сейчас как? И он усиленно задышал в трубку.

— Все равно водкой слышно.

— Вот беда, прости господи, и по телефону винный дух слышно.

Подобные случаи были, вероятно, типичными для того времени. А между тем телефон действовал, совершенствовался и приносил немалую пользу заводу.

### **Как и когда появился телеграф**

Следующий шаг в развитии средств связи в наших краях был сделан в 1890 году, когда Соликамское уездное земство «возбудило вопрос о проведении телеграфной линии «Пожва—Чермоз—Ильинское—Добрянка—Полаз-

на–Пермь». Вскоре, однако, выяснилось, что «ввиду отказа князя Абамелек-Лазарева от постройки в Полазненском заводе телеграфной станции» все расходы на ее устройство целиком падают на Добрянский завод, и вместо оборудования линии от Добрянки до Полазны, как предполагалось ранее, Добрянской конторе придется строить ее через Лунежки, минуя Полазну, до Левшино.

Расходы Добрянского завода в этом случае резко возрастали. И здесь вновь, как в случае с телефоном, большую роль сыграл П.И. Сюзев, который заявил, что «Добрянская контора считает проведение телеграфа при заводе очень полезным». К сожалению, во время подготовки к началу работ он скоропостижно скончался, и дело со строительством телеграфной линии сильно затянулось.

Камнем преткновения стал вопрос о том, где и кому заготавливать столбы, которые будут устанавливаться на землях Абамелек-Лазаревых. В конце концов, заводчики решили, что столбы для этого участка будут заготавливаться как Добрянским, так и Полазаненским заводами. Но когда в 1895 году в Лунежки в целях проверки прибыл надсмотрщик Екатеринбургской телеграфной станции, то с удивлением обнаружил, что «столбы вовсе не заготовлены ни Добрянским, ни Полазаненским заводуправлениями». Лишь после его рапорта в вышестоящие инстанции работа сдвинулась с места, и 26 октября 1895 года в Добрянскую заводскую контору поступило сообщение от телеграфиста Иванова следующего содержания: «Имею честь уведомить контору, что телеграф действует и прием телеграмм в Добрянском отделении сего числа открыт».

Так после долгих согласований и передраг Добрянка получила и телеграф, а с ним и надежную связь с остальной Россией.

*Камские зори. 1988. 5 июля  
(под названием «О телефоне, телеграфе  
и о проблемах прошлого и настоящего»).*  
*Наша газета (ОАО «Уралсвязьинформ»). 1998. №№ 15-16  
(в сокращении)*

## О канале и новых заводах

*К концу XIX века Добрянский завод уже считался крупнейшим железоделательным заводом Строгановых, но, как свидетельствуют архивные документы, мог бы стать еще более крупным.*

### Чтобы увеличить мощность завода

В 70-90-х годах инженеры предприятия рассматривали разные варианты расширения металлургического производства, но все они наткнулись на недостаток воды для действия заводских механизмов. Чтобы увеличить мощность завода, необходимо было увеличить водоносность р. Добрянки. С этой целью в 1879 году заводские инженеры предложили рассмотреть любопытный вариант проведения канала из р. Тюсь в пруд верхнего завода. Считалось, что в этом случае воды для действия водяных двигателей «хватило бы с избытком». Упор на использование водяных двигателей делался ввиду их дешевизны в сравнении с паровыми машинами.

### Неподъемная сумма

В том же 1879 году с целью нивелировки местности между речками Тюсь и верхним прудом из Ильинского на завод прибыли служащий Мощеников и его помощник Языков, которые приступили к работам «под надзором механика П.И. Мальцева».

Линия предполагаемого канала длиной 1565 сажень пролежала «по течению р. Костянки и Мишенинскому оврагу». Но, как показала нивелировка, уровень Тюся оказался ниже уровня пруда на 2,6 сажени (1 сажень = 2,13 м). То есть самотеком тюсевская вода в пруд пойти никак не могла. Для этого речку необходимо было перегородить мощной плотиной длиной 250 сажень и высотой 3 сажени, что приводило к большим денежным затратам. Огромные затраты требовались и для сооружения канала. Причем глубокого и более чем на половину крытого, в виде сводчатого кирпичного тоннеля. В противном случае зимой вода бы в нем перемерзала.

Позже вопрос о канале рассматривался специалистами Императорского Русского технического общества, которые посчитали, что крытым должен быть весь канал, но закрыть его можно не кирпичным сводом, а деревянной галереей с земляной насыпью толщиной 3,5 фута (1 фут = 0,3048 м). Впрочем, расходы на строительство в любом случае достигали огромной суммы в 300 тыс. рублей, которая оказалась неподъемной для заводовладельца.

### Завод у Панят

В те же годы появился еще один проект по увеличению выпуска железа. Он касался строительства нового железоделательного завода у д. Паняты, которая находилась на р. Добрянке в пяти верстах выше действующего пред-

приятия. По проекту этот завод должен был иметь плотину длиной 120-130 сажень, высотой 5 сажень и емкостью в 55 тыс. кубических саженьей воды, два прореза для пропуска воды, каменную листокатальную фабрику с 4 станками, ножницами и калильными печами, а также слесарный, столярный и прочие цеха. Для привлечения рабочей силы предполагалось строительство в Панятах 25 «двухсемейных домов для мастеровых по 1500 рублей каждый с прислугами».

Этот проект был дешевле, чем связанный со строительством тюсевского канала. Как отмечалось в одном из документов, «все выгоды в сравнении с каналом из Тюся находятся на стороне Панят», но все равно этот проект потребовал больших капиталовложений. По расчетам инженера-механика А. Пермякова, представленным в 1880 году, общая стоимость строительства Панятского завода составляла 208 тыс. 750 рублей. Главной же загвоздкой здесь являлась транспортировка в Панята сырья и отправка оттуда готовой продукции. Отмечалось, что «расстояние в 5 верст будет обременять производство». В конечном итоге этот проект был также отложен до лучших времен.

### **Еще один проект**

В 90-х годах XIX века обсуждался еще вариант строительства новейшего, оснащенного по последнему слову техники завода на берегу Камы. С этой целью в Англию был даже командирован заводской инженер Верещагин. Однако в связи со скоропостижной кончиной в 1893 году управляющего П.И. Сюзева этот проект также не был осуществлен. В начале XX века Добрянский металлургический завод стал постепенно превращаться в предприятие машиностроительного профиля, но после Гражданской войны началась его деградация, которая завершилась закрытием предприятия ввиду затопления в 1956 году.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2008. 6 июня*

## «Косьвяк», «Еруслан» и другие

*Самара. Лето 1911 года. В полном разгаре навигация на Волге. Вверх и вниз по реке проходят белые двухпалубные пассажирские пароходы, желто-черные колесные буксиры тянут за собой тяжелогруженные баржи. Но внимание специалистов привлекали не эти уже давно привычные для Волги суда, а новый буксирный теплоход «Косьвяк», прибывший в Самару «на освидетельствование».*

### От металлургии к машиностроению

Судовладельцев и публику особо удивлял тот факт, что этот двухвинтовой маневренный и экономичный теплоход был построен не на специализированном судостроительном предприятии, а на Добрянском железоделательном заводе графа Строганова в Пермской губернии.

Действительно, на протяжении многих десятилетий Добрянский завод славился своим высококачественным железом, но все эти годы наряду с металлургической существовала и расширялась механическая часть завода. Завод постепенно превращался в многопрофильное предприятие, способное производить сложные машины и механизмы. Имеющаяся материальная база и квалификация рабочих позволили во второй половине XIX века перейти к ремонту камских пароходов.

С конца 70-х годов на заводе поочередно проходили ремонт пароходы «Строганов», «Еруслан» и «Аника», обслуживающие Пермское имение Строгановых. Зимой 1881-82 гг. во время ремонта парохода «Строганов» на нем были установлены новые шпангоуты, колеса, поршни, пружины и т.д. В зимовку 1889-90 гг. на этом же пароходе была «исправлена машина» и установлены новые паровые котлы, которые «пробу... выдержали весьма удовлетворительно».

На следующий год на «нефтяное топливо» был переведен пароход «Аника». Зимой 1899-1900 гг. капитальному ремонту в Добрянке подвергся все тот же «Строганов», на котором заменили заклепки и железные листы подводной части корпуса, построили новую палубу и исправили паровую машину.

### Зачем нужно новое судно?

Частые поломки устаревших пароходов, их невысокая производительность сдерживали сбыт продукции, отрицательно влияли на доходы прикамских заводов.

С целью выхода из создавшейся ситуации в 1895 г. караванный Манаков предложил конторе построить в Добрянке небольшой пароход для обслуживания завода. Это предложение, хотя и с поправками, было вскоре принято.

В 1897 г. заводской техник А.И. Кузнецов разработал проект парохода мощностью «в 360 индикаторных сил». В обосновании своего проекта он



писал, что механические заводы «завалены заказами» на пароходы, и многие не могут их приобрести, а «поэтому можно быть уверенным, что небольшие, средней силы пароходы не будут подолгу оставаться не продажными», но если такое все же произойдет, то пароход все равно будет приносить прибыль, работая «при движении караванов Пермского имения». Такой пароход можно было построить за один год, но реализация этого плана сильно затянулась. Претерпел существенные изменения и сам проект. Решено было строить не пароход, а теплоход, закупив для этого специальные двигатели.

Новое речное судно было построено в Добрянке в 1911 году. Теплоход имел железный корпус длиной 70 футов и шириной 14. Два вертикальных 2-цилиндровых «нефтяных двигателя» шведского производства позволяли буксировать груз до 35 тысяч пудов со скоростью три версты в час против течения. Стоимость теплохода, получившего название «Косьвяк», составила 14 тысяч рублей. Судовая команда насчитывала 9 человек. Капитаном был назначен В.В. Ромашов, который не имел специального образования, но обладал большим опытом практической работы в качестве штурмана и лоцмана на камских пароходах.

## На Каме и Волге

По оценкам специалистов, «освидетельствовавших» теплоход в Самаре, он получился довольно удачным. По сообщениям капитана Ромашова, как посторонняя публика, так и владельцы пароходов отдавали «честь и славу Добрянскому заводу за выпуск нового дела». Многих привлекала значительная экономичность «Косьвяка», его маневренность. Для демонстрации этих качеств теплоходу приходилось «несколько раз выходить на смотр».

После Самары новое судно работало на обеспечении прикамских заводов необходимыми материалами, ходило по Волге до Царицына, поднималось по Каме до Верх-Кондоса. Лишь в октябре 1911 года «Косьвяк» вернулся в Добрянку, доставив на завод из Левшино тысячу пудов хромитовой руды.

Перезимовав в добрянском затоне и подвергнувшись незначительной переделке, с весны 1912 года теплоход вновь приступил к работе. 26 июля на нем произошла серьезная авария. Был сломан гребной винт правой машины. Его восстановление потребовало значительных усилий. Во время подъема кормы несколько раз обрывались стропы, но в конечном итоге все обошлось благополучно, и «Косьвяк» продолжил свою работу на Каме и Волге.

Какова дальнейшая судьба этого единственного теплохода добрянской постройки, пока неизвестно. Судя по всему, не сохранилось и фотографий этого судна (позже фотографии удалось найти. – М.К.). Однако сам факт еще раз напоминает нам о высоком уровне производства на Добрянском заводе, о таланте добрянских мастеровых, о «чести и славе» старой Добрянки.

*Камские зори. 1990. 30 апреля*

# Переправа

*Нешуточные страсти кипели около сотни лет назад на берегах Камы. Обитатели их, мастеровые и крестьяне, собирались на сходы, составляли «приговоры», писали в разные губернские заведения то грозные, то слезные прошения. Не один год, взывая к справедливости, увещевали друг друга несколько заводоуправлений. Массу бумаг и чернил исписали земские служащие. И продолжалась эта бумажная канитель ни много ни мало 8 лет. Все эти годы чиновники решали вопрос: «О содержании Камско-Лябовского перевоза», предшественника нынешней паромной переправы Добрянка – Лябово.*

## Кто и что перевозил

Перевоз этот существовал в районе Добрянки издавна и всегда был для проезжающих бесплатным, так как все расходы брали на себя Добрянское заводоуправление Строгановых и Чермозское правление кн. Абамелек-Лазаревых. Для перевоза людей, скота и грузов использовалось 3 паромы и от 4 до 6 больших и малых лодок, которые строились по заказу крестьянами Орловской волости Соликамского уезда. Как правило, содержание перевоза сдавалось «особому лицу по договору», который затем набирал себе команду паромщиков из 8-10 человек. Деньги за провоз им брать запрещалось, кроме «добровольных пожертвований».

Переправа была довольно бойким местом и осуществлялась «и днем и ночью» за исключением непогоды. По данным за 1901 г., паромщики перевозили 6 тыс. 600 пудов муки, следовавшей из Ильинского для продажи в Добрянке, и 2 тыс. 25 пуд. казенного вина для закамских волостей. Каждый день Каму переезжало до 250 пешеходных пассажиров, до 90 чел. в повозках и перевозилось по несколько десятков голов различного скота. Помимо этого, в обязанности паромщиков входила «поймка дровяных и бревенчатых плотов, приплывавших из Перемской и Никулинской дач». Так было заведено издавна и казалось, что так будет всегда. Но не тут-то было.

## В замкнутом круге

Можно представить себе удивление служащих Добрянской заводской конторы, которые, вскрыв в 1897 г. пакет из Чермоза, обнаружили в нем письмо с отказом тамошнего правления платить свою долю за содержание Камской переправы, ибо Чермозской завод этой переправой не пользуется, а посему деньги за 1896 г. в размере 318 рублей 77 копеек выплачивать не обязан. Вот тут-то все и началось.

Поначалу Добрянская контора попыталась выжать деньги с владельцев правого берега, крестьян Сенькинской волости, но те порешили на своем сходе денег не платить, так как переправой они якобы пользуются мало и

находится она на земском тракте в Ильинское. Вот пускай земство и платит. Получив отворот поворот, добрянцы обратились с запросом в Пермское уездное земство, но и оно деньги отдавать отказалось за неимением «какого-либо ассигнования на этот предмет».

Волокита пошла страшная. Пытаясь найти выход из тупика, управляющий Добрянским заводом П.А. Тунев обратился за помощью к полицейскому исправнику Пермского уезда, но тот в ответном письме сообщил, что «принудить Чермозское заводууправление кн. Абамелек-Лазаревых и крестьян Лябовского общества Сенькинской волости власть уездной полиции бессильна». После повторного обращения в уездное земство управляющему удалось выбить для покрытия расходов лишь 200 рублей. Причем земство силилось доказать, что дорога сия не такая уж и важная, добрянцы же доказывали обратное.

Тем временем минул еще год. В 1901 г. содержание переправы обошлось Добрянскому заводу уже в 641 рубль. Лишних денег у завода не было, и П.А. Тунев решил искать содействия у самого губернатора, попросив у него разрешения «в случае невозможности ассигнования» установить плату за провоз: с человека 2 коп., с лошади 5 коп., а ежели с телегой, то 8 коп. В ответ на это губернатор посоветовал обратиться с этим вопросом... в Пермское уездное земство. Круг замкнулся. Волокита продолжилась. Как и прежде, земство этот вопрос никак не решало, перенося его из одной сессии в другую.

### **«Не только скандал, а и беспорядок...»**

Терпение Добрянского заводууправления закончилось в 1902 г. После очередной навигации, принесшей заводу сплошные убытки, его управляющий Тунев предостерег волокитчиков, что «в будущую навигацию содержать перевоз и производить переправу» Добрянский завод будет «только с левого берега р. Камы, оставляя переправу с правого берега реки на обязанность крестьян Сенькинского общества». Но, как уже вскоре выяснилось, те смогли наскрести для этого только... 40 рублей. Лишь после этого все и всполошились. Уездный исправник сообщил в Добрянку: «Я согласен с несправедливостью... о несении расхода... только средствами одного заводууправления, но я все-таки при обязанности нахожусь и покорнейше прошу переправу не прерывать», т. к. по ней следует «казенная почта».

Одновременно в письме в Пермь он предостерег земство, что в случае прекращения перевозок «произойдет не только скандал, а и беспорядок... за что ответ ляжет не только на полицию, но и на губернское и уездное земства, уже несколько лет вопрос о Добрянском перевозе игнорирующие». После этого земство пообещало вопрос о таксе за перевоз обязательно рассмотреть, но было уже поздно. По заявлению Добрянского заводууправления, с

1904 г. от содержания этой переправы оно полностью отказывалось. Земство оказалось загнанным в угол, и ему ничего не оставалось, как принять все расходы на себя.

Может быть, и не стоило бы заострять на этих делах «давно минувших дней» столь пристальное внимание, если бы уже в наше время вопрос о содержании паромной переправы Добрянка – Лябово вновь не стал весьма актуальным. Так что не зря говорят, что история имеет привычку повторяться.

*Добрянский вестник. 1993. 24 марта*

## Через мели и перекаты

*У моей бабушки был большой таинственный сундук. Таинственный оттого, что изнутри весь он был обклеен старинными, с ятями и твердыми знаками речными расписаниями. И манили меня вдали неведомые пристани и пароходы, и мечтал я, сидя в сундуке, о далеких волнах и ветрах. Мое висимское детство давным-давно прошло, но любовь к речной жизни никуда не исчезла. Поэтому и найденные в архиве материалы о камских речниках я воспринял как большую удачу. Ведь это в наше время Кама – бездушиная водная пустыня, а в прежние, в том числе дореволюционные, времена она была оживленнейшим транспортным путем.*

### Добрянские пароходы

Редкий из добрянцев, интересующихся местной историей, не слышал о факте постройки на нашем металлургическом заводе в 1911 году буксирного теплохода «Косьвяк». Но, как оказалось, это было далеко не единственное судно, построенное в Добрянке. Как следует из материалов, отысканных недавно доцентом истфака Пермского госуниверситета А.В. Шиловым, «с 1885 по 1900 год рабочие завода, механических мастерских, участвовали в строительстве не менее девятнадцати пароходов, плававших затем по Волге и Каме с ее притоками». Семь из них были построены на Добрянском заводе целиком, включая корпуса и паровые машины, остальные – в кооперации с предприятиями Перми, Нижнего Новгорода, Костромы.

И если построенный в 1885 г. буксир «Первенец» имел деревянный корпус длиной немногим более 15 метров, то спущенный на воду в 1900 г. товарно-буксирный «Компанион» был уже металлическим, с длиной корпуса свыше 30 метров. Их команды состояли, как правило, из капитана, машиниста, запасчиков, штурвальных, масленщиков, кочегаров и матросов.

Суда на нашем заводе строились под руководством заводских механиков «великобританского подданного» Р. Гуллета, П. Бушуева, А. Кузнецова. Под их же контролем осуществлялись капитальные ремонты пароходов, в том числе самых мощных судов имения: «Генерал Куропаткин», «Аника», «Еруслан».

### На речных дорогах

Подробные сведения о действии принадлежавших графу С.А. Строганову пароходов я отыскал в Москве (РГАДА, ф. 1278). Документы относятся к первому десятилетию XX века.

В 1906 г. пароход «Еруслан», зимовавший в Добрянском затоне, открыл навигацию 14 апреля. В этот день он ушел на дровах вниз по течению Камы к устью Чусовой (средняя скорость движения свыше 19 верст в час), где его котлы были переведены на «нефтяное топливо». Дождавшись там каравана чусовских барж (барок) с чугуном Уткинского завода, «Еруслан» «взял на буксировку» пять из них и повел вверх по Каме на Добрянский завод. За

один раз на предприятие было доставлено 107 тыс. пудов чугуна. Груз и течение давали о себе знать. Для преодоления 50 верст пароходу с баржами понадобилось 25 с половиной часов.

23 апреля «Еруслан» в первый раз за навигацию ушел в Пермь, где принял на борт имущество управляющего Усольским округом Г.Н. Агеева, затем загрузился в Добрянке кровельным железом и отправился в Усолье. До 17 мая он успел перевезти от Усоля до ст. Солеварни роту солдат, отбуксировал баркасы с солью в Пермь, а потом отправился с баржой на Вятку. По Вятке пароход преодолел путь до г. Котельнича, но из-за маловодности реки рейс оказался крайне трудным. На одном из перекатов баркас с солью сел на мель, и, как сообщал капитан Моденов, «пароходом приступали сдергивать баркас, но сила парохода не взяла». На обратном пути «Еруслан» отбуксировал в Чистополь порожнюю баржу купца Любимова, затем водил баржи в районе Набережных Челнов и устья р. Белой.

На верхнюю Каму «Еруслан» вернулся в конце июня 1906 г. В Усолье он вновь взял соляной караван и повел его в Нижний Новгород. За навигацию пароход побывал в Нижнем трижды. Из последнего рейса он вернулся лишь в конце сентября. В середине октября «Еруслан» отправился было в Усолье, но в районе Слудки попал в сильный ледоход и, переждав его в Усть-Ленвинском затоне, ушел на зимовку в Добрянку.

В течение навигации «Еруслан» доставил заказчикам около 2 млн. пудов соли, чугуна, железа, мазута и других грузов.

В отличие от «Еруслана», другой строгановский пароход «Аника» зимовал в Усолье. Навигацию он открыл 17 апреля, когда под командованием капитана Невзорова спустился вниз по Каме, взял в Добрянке баржу купца Н.В. Мешкова с 40 тыс. пудов железа и доставил ее в Пермь. Затем «Аника» работал «на взводке» караванов с кыновским и билимбаевским чугуном от устья Чусовой до Добрянки и перевозил грузы на Верхнекамских соляных промыслах.

Первый дальний рейс пароход совершил в мае 1906 г., когда доставил баркасы с солью по Каме и Белой в Уфу, Бирск, Дюртели. В июне-августе «Аника» буксировал барки из Усоля через Ярославль в Рыбинск. Обратно привел с Волги пять барж. В дальнейшем курсировал на верхней Каме. Всего за навигацию он провел 102 баржи и перевез 1 млн. 134 тыс. пудов грузов.

## Через мели и перекаты

До создания на Каме и Волге водохранилищ судовождение было делом крайне непростым. В первую очередь из-за течения и многочисленных перекатов. Как свидетельствует дореволюционная лоцманская карта, только на участке от Добрянки до Перми (65 верст) имелось 14 перекатов. Грузенные пароходы и баржи часто садились на мели, сталкивались с другими судами.

Так, в навигацию 1906 г. особенно «повезло» в этом смысле «Анике». Первый раз он угодил в переделку в начале мая на Светлой косе в 4 верстах ниже Слудки. Во время буксировки двух барж и четырех баркасов с солью

баркасы попали на отмель, и, несмотря на помощь проходящих мимо пароходов «Москвич», «Пермяк» и «Студент», один баркас снять с мели так и не удалось. Пришлось перегружать 15 тыс. пудов соли. А в августе того же года «Аника» сильно пострадал в транспортном происшествии на Волге между Ярославлем и Н. Новгородом.

Во время буксировки вниз по Волге пяти барж, соединенных по две и три (это считалось нарушением правил судоходства), на Сергиевском перекате «Анику» догнал пароход министерства путей сообщения «Кинешма», с борта которого «свистком и через рупор» приказали остановиться и расчалить баржи. Однако перекат был очень опасным, и команда «Аники» с согласия местного лоцмана решила найти более удобное для остановки место. Находившийся же на борту «Кинешмы» судоходный инспектор расценил такие действия как еще одно грубое нарушение «Правил плавания» и, «угрожая предать суду», потребовал немедленной остановки. «Анике» пришлось подчиняться, но во время разворота в узком месте пароход сел днищем на камни. Металлические листы корпуса погнулись, и в машинное отделение стала поступать забортная вода. Ситуацию спасли экстренные действия команды.

По этому факту был составлен акт, но капитан Невзоров не собирался брать вину на себя. Как писал он поверенному Пермского имения: «Инспектор судоходства (...), не должен был требовать остановки парохода с караваном в опасном месте (...), где пароход мог получить такой пролом днища, от которого мог бы и затонуть».

## **Речные «адмиралы»**

Помимо сведений о работе судов, в архиве встречается и немало документов о взаимоотношениях на пароходах. Ситуации были разные, в том числе конфликтные. Как слезно писала в 1907 г. команда одного из них: «Мы все оставляем службу на пароходе, вследствие невыносимых нами действий со стороны зловредного командира (...), он человек невыносимый буйного характера и вообще как зверь и служить мы с ним не имеем никакой человеческой возможности. Что и подписуемся...». Мнение экипажа поддерживал и поверенный Коркунов, который считал, что этот капитан никого не боится, начальство не слушает, «как адмирал живет все время, матросы снег огребают около его квартиры (...), то на базар посылает».

Как следует из других документов, на некоторых пароходах встречались факты халатного отношения команды к своим обязанностям, а кое-кто из капитанов «занимался плутовством», стараясь «из копейки сделать рубль в свою пользу». Все случаи разбирались вышестоящим начальством. Но все это было исключением из правил. В целом «пароходские служащие» пользовались значительным уважением со стороны сухопутной публики. Несмотря на издержки, во все времена служба на реке считалась почетной и романтической.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2010. 22 апреля*



## Тезки Добрянки

*«Добрянка» вела баржу с 6000 пуд. груза и шла 4-5 верст в час, а на порогах – две, а то и одну версту в час... В Акчима «Добрянка» встретила с «Улсом», и оба парохода повели по барже кверху. Вишера от Акчима делается еще порожистее и быстрее, и когда «Добрянка» подошла к порогу против камня Яборус, то, промаявшись, по крайней мере, час, не смогла поднять своей баржи.*

*Равносильный «Добрянке» «Улс» ушел со своей мелкосядущей небольшой грузовой баржей по другой, более мелководной и более тихой заостровке.*

*Там «Улс» оставил свою баржу и пришел на помощь «Добрянке». И вот от Яборуса. вплоть уже до Усть-Улса, 45 верег, баржу с 6000 пудов груза вели уже 2 парохода».*

### «Самый громоздкий» пароход

Вот такие впечатления о судоходстве на Вишере и о пароходах оставил в своих этнографических записках дореволюционный исследователь края Н. Ончуков. Они были опубликованы в петербургском журнале «Живая старина» в самом начале нашего века, в 1901 году.

Для добрянцев, конечно же, наиболее любопытен факт существования в то время парохода, носившего имя нашего города. Этот пароход принадлежал Волжско-Вишерскому обществу и использовался для перевозки руды и чугуна с Вишерских рудников и Кутимского завода, а также доставлял туда продукты и товары. По словам Н. Ончукова, он был «самым громоздким» среди всех пароходов Волжско-Вишерского общества, а потому курсировал главным образом в нижнем и среднем течении Вишеры. Несмотря на то, что «Добрянка» являлась «исключительно товарным» пароходом, она, тем не менее, перевозила не только своих рабочих и служащих, но «и обыкновенно не отказывала и всем прочим, едущим по служебным делам на Вишеру».

### «Добрянка» № 2?

В следующий раз сведения о пароходе «Добрянка» неожиданно встретились мне в газете «Освобождение России», выходившей в Перми в период нахождения там Сибирской армии адмирала Колчака. Тот ли это был пароход, о котором писал Н. Ончуков, установить сейчас не представляется возможным. Известно только, что эта «Добрянка» принадлежала уже известному до революции пароходному товариществу «Ф. и Г. Бр. Каменские и Н. Мешков». Судя по короткой газетной информации, во время отступления из Перми красных «комендантом штаба 3-й большевистской армии Сапрыкиным» с этого парохода была увезена вся «стильная мебель»: один мягкий диван, 3 кресла, 24 дубовых стула и шесть столов.

Авторы объявления просили лиц, знающих местонахождение мебели,



указать таковое за вознаграждение. Удалось ли им отыскать свое имущество, сейчас лишь одному Богу известно.

### **Какова судьба «Добрянки»?**

Точно так же неизвестна и дальнейшая судьба парохода «Добрянка». Не исключено, к примеру, что он мог угодить в число тех камских барж и пароходов, что были сожжены белыми в Левшино при их отступлении оттуда летом 1919 года. В том грандиозном пожаре сгорели 22 пассажирских и 80 буксирных пароходов, 38 барж и внушительные береговые склады с зерном.

Но если тогда «Добрянка» уцелела, то она должна была еще ходить в 20-30-х годах. Может быть, кто-то из старожилов поможет внести ясность? Впрочем, многие пароходы в советское время поменяли свои названия на новые, революционные, которые больше соответствовали духу времени. Я лишь добавлю еще, что в 70-х годах в прибрежные деревушки нашего района завозила разные грузы небольшая «самоходка» «Добрянка», но затем вместо этого названия ей был присвоен, по-моему, какой-то обычный, казенный номер.

*Добрянские зори. 1993. 21 декабря*

## У истоков электрической реки

*Несмотря на то, что наш город является своеобразным энергетическим сердцем Западного Урала, история развития электроэнергетики в Добрянке и районе (за исключением истории Пермской ГРЭС) разработана слабо. Имеющиеся сведения носят отрывочный характер и напоминают мозаику в самом начале ее составления: пустое поле с отдельными фрагментами. Надеюсь, что наша сегодняшняя публикация позволит уточнить некоторые детали.*

### Первые шаги

Если брать за основу материалы, хранящиеся в Государственном архиве Пермской области (ГАПО), то получается, что первые реальные шаги по внедрению на Добрянском металлургическом заводе электричества были сделаны в самом конце XIX века. А именно, в январе 1899 года. Тогда, как следует из месячного донесения, направленного из Добрянской заводской конторы в Главное управление Пермским нераздельным имением графа С.А. Строганова (находилось в с. Ильинском), на заводе была «начата установка паровой машины и динамо\* для электрического освещения механических мастерских».

Параллельно с этим в течение января-марта 1899 года в механических мастерских производилась прокладка электропроводов, «собирались электрические лампочки», шла сборка «электрической доски» (электрошита).

### Внедрение электричества в производство

Электрические «лампочки накаливания» в механическом цехе Добрянского завода зажглись в апреле 1899 года. Но диковинное для той поры электричество осветило не только цех. Тогда же, после установки двух дуговых фонарей на заводской площади, в Добрянке был сделан первый, но исторический шаг по внедрению в поселке уличного электрического освещения.

Понятно, что пришедшее на завод электричество было предназначено не столько для освещения производственных помещений, сколько для разрешения конкретных технических нужд. Внедрение электроприводов для металлообрабатывающих станков механического цеха позволило ускорить работы по производству в его стенах оборудования для других заводских цехов. Так, к декабрю 1899 года в механических мастерских была закончена работа по изготовлению 10-тонного мостового электрического крана для мартеновского цеха и начата сборка (клепка) второго аналогичного крана. А зимой и весной 1900 года специалисты механического цеха вели сборку частей и

\* Динамо-машина – устаревшее название электрического генератора постоянного тока.

установку на фундаменты «пародинамоэлектрических» машин, предназначенных для прокатной фабрики (цеха) завода.

## **Создание электростанции**

Говоря о внедрении на Добрянском металлургическом заводе электрического оборудования, необходимо уточнить и дату появления на нем самостоятельной Центральной электрической станции. Ранее считалось, что она была открыта в 1902 году, но, как свидетельствуют архивные данные, которые мне удалось отыскать в Перми, произошло это раньше. Центральная заводская электростанция как самостоятельное производственное подразделение упоминалась уже в месячных донесениях за январь 1901 года. Ее специалисты занимались не только работой по обеспечению завода электроэнергией, но и устройством электрического оборудования, прокладкой сетей в других цехах завода. В те же годы на заводе появилась новая штатная должность – электромонтер.

## **По отрывочным данным**

К великому сожалению, в ГАПО сохранились далеко не все материалы, касающиеся развития электрической части Добрянского завода. Например, в описях указываются очень любопытные дела об установке на предприятии в 1910 году некоего «100-сильного вольта» и «О содержании электричества в заводе», но напротив каждого из дел стоит штамп «Выбыло».

В то же время в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва) сохранился рапорт управляющего Добрянским заводом А.И. Кузнецова, направленный 26 июня 1915 г. в Главную Санкт-Петербургскую контору Строгановых. По данным руководителя предприятия, в тот период на заводе имелось 3 динамо-машины «для электрической передачи силы и освещения», действовало 5 электрических мостовых кранов и другое электрооборудование. С некоторыми изменениями и усовершенствованиями оно дожило до момента ликвидации завода в середине 50-х годов.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2006. 1 декабря*

# Мечта длиною в 42 версты

*Добрянцы впервые услышали в своем городе гудок паровоза в декабре 1961 года. Но впервые вопрос о строительстве железной дороги до Добрянки поднимался за полвека до этого.*

## Соблазнительный проект

В начале 1911 года газета «Уральский край» опубликовала призыв Екатеринбургского Биржевого комитета к предприятиям Урала, нуждающимся в подъездных железнодорожных путях. Всем нуждающимся предлагалось выслать в адрес комитета свои соображения на этот счет, и заводоуправления не замедлили с ответами. Проект, затеянный «особой правительственной комиссией», выглядел соблазнительно, так как в его реализацию вкладывались государственные средства. Не остались в стороне и заводы строгановского имения. По вопросу об устройстве «счетом правительства подъездных железнодорожных путей к некоторым заводам Его Сиятельства Графа Сергея Александровича Строганова» были подготовлены обстоятельные обоснования.

## «Выдвинуть на первый план»

Управляющего Петербургской строгановской конторой Римского-Корсакова особенно заботил вопрос о проведении железнодорожного пути к крупнейшему в имении Добрянскому железоделательному заводу. Это объяснялось тем, что транспортировка больших партий груза к нему и из него была возможна лишь во время навигации, а в остальное время года предприятие испытывало значительные транспортные затруднения. К тому же и стоимость зимних гужевых перевозок грузов из Добрянки до ст. Левшино на расстоянии 40 верст обходилось графу по 6-8 копеек с пуда против 0,8 копеек Камой во время навигации.

Поэтому Римский-Корсаков настоятельно рекомендовал Главному управлению Пермским нераздельным имением «обратиться непосредственно в Губернскую Управу с просьбой ходатайствовать о проведении подъездной ветки от Добрянского завода через Полазненский к станции Левшино». При этом следовало «пользу Добрянско-Полазненской» ветки «выдвинуть на первый план (...), посчитав все возможные грузы (...), которые непременно двинутся по железной дороге, раз она будет».

## От железа до овса

Добрянская контора взяла «под козырек», и в донесении от 9 марта 1911 года в Ильинское управляющий заводом А. Кузнецов сообщал, что «по железнодорожной ветке ежегодно могут быть перевозимы следующие грузы от Левшино до Добрянского завода: Чугуна – 1000000 пуд., муки и овса – 25000

пуд., глины белой – 40000 пуд., кирпича – 35000 пуд., доломита – 100000 пуд., кварца – 35000 пуд., руды хромистой – 30000 пуд., руды железной – 50000 пуд., железа, меди и разных материалов – 20000 пуд., съестных припасов, мануфактуры и разных товаров для торговцев – 40000 пуд. Всего – 1375000 пуд.» При этом, если чугуны, руды, доломит, кварц, кирпич, глина завозились с заводов и рудников, находящихся в Пермской губернии, то зеркальный чугун, ферромарганец, антрацит и кокс закупались на заводах юга России.

В свою очередь в период с 1905 по 1910 год Добрянский завод ежегодно производил до 947 тыс. пудов «продажных сортов» железа, которое направлялось «в разные места Средней России, в Баку и частию в Сибирь».

### **Как пролегла дорога?**

13 июня того же года Главное управление Пермским нераздельным имением Строгановых направило в Добрянку «вопросный лист» для выяснения примерной стоимости и приблизительных коммерческих результатов предполагаемого подъездного пути ст. Левшино – Полазненский завод – Добрянка. Ответы интересовали Совет съездов горнопромышленников Урала.

Как следует из них, от Добрянки до Полазны железная дорога должна была проходить «по р. Сухому Вожу через Соликамский тракт в приток Полазненского Вожа до границы с Полазненской дачей на протяжении до 16 верст». Рабочие руки для строительства имелись. Только на заводе было задействовано 1309 оседлых рабочих и 2987 «приходящих», не считая крестьян.

### **Помешала Чусовая**

18 августа 1911 года в управлении Пермской железной дороги началось совещание «о постройке подъездных путей на Урале». Этот вопрос рассматривался как чрезвычайно важный для дальнейшего развития горнозаводского Урала, и Пермское имение графа Строганова на нем представлял лично главноуправляющий Конюхов. Совещание длилось несколько дней и завершилось не в пользу добрянской ветки. Как следовало из письма Конюхова графу от 22 августа: «Ветка Добрянка – Полазна – Левшино, длиною 42 версты, на первом заседании 18 августа отклонена (...), ввиду того, что высокая стоимость ветки обусловленная мостом через р. Чусовую с длинной и высокой дамбой, незатопляемой весенним разливом Камы и Чусовой, не будет окупаться доходами с ветки по недостаточности грузооборота (...) в количестве до 4 млн. пудов в год».

На следующем заседании Конюхов попытался вторично «пробить» этот вопрос, аргументируя необходимость строительства интересами не только Добрянского и Полазненского заводов, но и Чермозского, который приблизился бы «к железнодорожной сети на 40 верст для зимних перевозок». Однако и в этом случае, по подсчетам железнодорожников, доходы не смогли

бы «окупать проценты на капитал, потребный на постройку ветки». Общая стоимость ее прокладки оценивалась в 2 млн. полновесных царских рублей, из которых 1 млн. 200 тыс. ушло бы на сооружение моста через р. Чусовую.

Единственное, что удалось сделать главноуправляющему Конюхову – убедить собравшихся «зачислить ветку Добрянка – Левшино» хотя бы в категорию «подъездных путей 2-й очереди». На случай заметного увеличения грузооборота в будущем.

### **Солдатскими руками**

То, что не удалось сделать до революции, было сделано в 40-50-х годах, когда через наш район пролегла железнодорожная линия Левшино – Кизел длиной 162 километра. Строили ее солдаты из 37-й бригады железнодорожных войск. Ее штаб располагался в Добрянке, а в Пальниках дислоцировался мостовой батальон.

Открытие ветки позволило начать активное освоение лесных богатств в восточной и центральной частях района, способствовало более успешному освоению нефтяных месторождений, транспортировке продукции Добрянского ДСК. Тогда же на карте района появились новые поселки: Вильва, Кухтым, Кыж, Ярино, Дивья. Правда, в отличие от проекта 1911 года, без железнодорожного сообщения так и осталась Полазна.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 23 апреля*

# Добрянка в годы Первой мировой

*Первая мировая война (1914-1918 гг.), в отличие от Великой Отечественной, известна нашим современникам значительно хуже. С одной стороны, события эти отошли от нас уже довольно далеко, а с другой – здесь, несомненно, сказались прежние идеологические установки. Между тем тот же Добрянский металлургический завод 80 лет назад был точно так же связан с военным производством, как и во время Великой Отечественной войны. Вот о тех далеких событиях начала нашего века и пойдет речь в данном материале. Написан он на основе архивных документов, хранящихся в столичном Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА).*

## Описание округа и поселка

Вначале о том, что представляли из себя Добрянка и округ 80 лет назад. Как следует из рапорта управляющего Добрянским заводом А.И. Кузнецова в Главную Санкт-Петербургскую контору Строгановых от 26 июня 1915 года, в пределах Добрянского заводского округа находилось шесть волостей (Добрянские заводская и подзаводская, Дивьинская, Никулинская, Останинская и Перемская) с населением 26 тысяч душ обоего пола. По данным первой всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 году, в Добрянской заводской волости проживало почти 7500 человек. К началу Первой мировой войны в заводском поселке имелось 5 школ (2-классное заводское, содержащееся за счет графа, земские: женское, мужское и смешанное училища и церковно-приходская школа). В общей сложности в них трудилось 23 учителя и обучалось 683 ученика. Наличие разнообразных учебных заведений, несомненно, оказывало влияние на уровень грамотности местных мастеровых, который на общероссийском фоне был весьма высок и достигал в 1915 году 77%. Тогда же в Добрянке имелись две больницы с двумя врачами и четырьмя фельдшерами. В 1914 году на содержание заводского госпиталя граф потратил 7648 рублей. К услугам населения было более семидесяти различных торговых заведений, более тридцати кузниц, различные кустарные заведений и т.д. Но, естественно, вся жизнь старой Добрянки вращалась вокруг завода.

## Каким был завод

В 1915 году в цехах завода трудилось 1253 человека (данные за июнь. – М. К.), из которых 1118 человек относились к числу мастеровых Добрянской заводской волости, 61 – к крестьянам подзаводской волости и 74 человека пришли на завод из других волостей. Число служащих составляло 133 человека. Завод был телефонизирован. На нем была телефонная станция с 25 аппаратами. Имелись, помимо паровых двигателей, 3 динамо-машины. Дей-

ствовавали 5 электрических мостовых кранов и масса другого оборудования. Добрянский завод являлся крупнейшим металлургическим заводом С.А. Строганова и по целому ряду показателей входил в число ведущих предприятий Урала. В начале XX века это было уже многопрофильное предприятие, выпускавшее не только металл, но и различные изделия, из него, вплоть до паровых машин и теплоходов. Но начавшаяся война заставила заводовладельца существенно изменить ассортимент выпускаемой продукции.

## **Для производства шрапнелей**

В 1915 году граф заключил контракт с Петроградским окружным артиллерийским управлением на изготовление в Добрянке 220 тысяч штук «3-х дюймовых полевых шрапнелей с очком для 22-секундной трубки и горных для 34-секундной трубки». Чистая цена одной шрапнели равнялась 10 рублям, а с надбавками – 12 рублям 50 копейкам. Общая сумма контракта составила 2750000 рублей.

В связи с заключением контракта на заводе началось переустройство цехов, было ограничено производство некоторых сортов железа, например, кровельного, заводское начальство предполагало начать производство снарядной стали с дальнейшей продажей ее другим заводам. Что же касается производства шрапнелей, то всю партию намечалось выпустить к началу 1917 года. С этой целью для завода в Америке были закуплены специальные станки, часть из которых была отправлена в Россию на пароходе «Кондор». Предполагалась их доставка в архангельский порт, а затем поездом на Урал. Однако в эти планы свои поправки внесла погода. Как сообщалось в Добрянку из Петрограда в письме от 29 февраля 1916 года, «пароход «Коцдор»... из-за льдов не смог дойти да Архангельска и направился в Коло, где и стоит по настоящее время». Не желая испытывать судьбу во второй раз, заказчики отправили новую партию станков через Владивосток. Естественно, все это требовало много времени, поэтому и производство шрапнелей шло не так быстро, как того хотелось. Медные пояски для них поставлялись в Добрянку с Надеждинского завода Богословского горного округа. Осенью 1916 года производство шрапнелей составило в Добрянке 1000 штук в сутки, но, по мнению заводского начальства, их производство при доставке всего оборудования можно было увеличить до полутора тысяч штук. В этом случае весь заказ предполагалось выполнить за восемь месяцев.

## **Социальные проблемы**

Кроме чисто технической стороны дела, большое влияние на заводское производство оказывали социальные неурядицы.

Вследствие мобилизации «в Добрянском заводе ощущается большой недостаток в рабочих руках и лошадях... Особенно этот вопрос обострился в настоящее время, – сообщалось из Добрянки в столицу летом 1915 года, –



чернорабочие, стараясь использовать создавшееся положение, стали предъявлять к заводууправлению по всем работам все новые и новые требования об увеличении плат, недовольствуясь сделанными прибавками и при первом же отказе им в этом вопросе бросают работы и уходят». По данным конторы, простые чернорабочие уже не довольствовались платой меньше 1 руб. 20 коп. — 1 руб. 50 коп. за 10-часовой рабочий день, в то время как раньше они охотно работали за 60-80 копеек. По мнению заводууправления, «на все это повлиял, как недостаток рабочих рук, так и общее вздорожание всех жизненных припасов». Что же касалось кадровых рабочих, то в этом плане ситуация была лучше. Однако и здесь тоже были некоторые проблемы. К примеру, некоторые рабочие покидали Добрянку и уходили на те заводы, где заработок был выше. «В случае дальнейшей мобилизации заменить рабочих будет нечем, — отмечалось в одном из писем в Петроград, — и придется пойти на сокращение производства». Чтобы не допустить этого и выполнить военный заказ, Главное управление Строгановых советовало заводууправлению «не стесняться размером рабочей платы» и идти на уступки мастерам.

## **Женский труд**

В 1916 году недостаток рабочих рук стал восполняться наймом на работу женщин «из местного населения, которые успешно исполняют работы на машинах». Как не вспомнить в этой связи широчайшее использование женского и детского труда в годы Великой Отечественной, когда вся промышленность была переведена на военный лад. О каких-либо требованиях о повышении зарплаты или самовольном уходе с работы в те годы и думать не приходилось. Победа в 1945 году была достигнута нечеловеческим перенапряжением всех сил. В 1914-16 годах этого почти не наблюдалось. Наоборот, в условиях слабой власти подстрекаемая различными революционными группами и партиями страна катилась к поражению в войне и к пропасти осени 1917 года.

*Камские зори. 1995. 12 августа*

# От завода Лазаревых к артели «Пролетарий»

*Это сейчас Добрянский район – район энергетиков, нефтяников, строителей, лесорубов.... А в XVIII – первой половине XX вв. он был районом металлургов. В общей сложности на территории современного Добрянского района дымили трубы да стучали молоты трех металлургических заводов: Висимского (действовал с 1734 по 1786 г.), Добрянского (1754-1956) и Полазненского (1797- 1927). Вот о нем-то и пойдет сегодня речь.*

## Штрихи к портрету

О строительстве и развитии Полазненского металлургического завода подробно рассказано в двух книгах полазненского краеведа Нины Николаевны Путиловой (см. «Полазна. Большая история малого поселка»), поэтому сегодня я хотел бы акцентировать внимание лишь на тех страницах его истории, которые относятся к 20-м годам XX столетия. Тем более что мне удалось обнаружить новые документы. Ну а для начала напомним читателям, что Полазненский завод начал действие в 1797 году. Принадлежал он фамилии Лазаревых, впоследствии князьям Абамелек-Лазаревым. Состоял из двух частей: Верхнего и Нижнего заводов. Основная задача предприятия заключалась в выпуске различных сортов железа, а затем, с пуском механического цеха, и изделий из него (в частности, запчастей для молотилок и веялок). На заводе имелось литейное производство.

## В ветхом состоянии

Как следует из архивных источников и публикаций в дореволюционной периодике, по сравнению с Добрянским заводом его полазненский собрат был относительно небольшим. Например, в 1888 году в Полазне числилось 395 заводских рабочих против 1570 на Добрянском, а объемы выпуска «продажных сортов железа» в Добрянке многократно превосходили полазненские объемы: 604 тыс. добрянских пудов против 73 тыс. пудов полазненских. К началу XX в. техническое состояние Полазненского завода оставляло желать лучшего. Предприятие обветшало, требовало технического перевооружения и больших капиталовложений.

## Решение о закрытии

Все вышесказанное обернулось тем, что после Гражданской войны, в период разрухи 20-х годов, Полазненский завод так и не смог встать на ноги. Если он и работал, то с большими перебоями и простоями, а в 1926 году и вовсе потерял самостоятельность, став филиалом Добрянского завода. Впрочем, и этот шаг не спас его от полной остановки. Летом 1927 года было принято решение о консервации завода в селе Полазне ввиду его не-

рентабельности и «ветхости основных цехов: прокатного, листокатального и листобойного». А 22 августа того же года Уральский облисполком утвердил Постановление президиума Уральского областного Совета народного хозяйства о закрытии предприятия.

### **«Для полной ликвидации...»**

Через два года после этого, в августе 1929 года, в недрах Добрянского райкома ВКП(б) родилась докладная записка, которая так и называлась «По вопросу использования законсервированного Полазненского завода». Документ этот хранится ныне в Государственном общественно-политическом архиве Пермской области и, несмотря на свой небольшой объем, хорошо иллюстрирует положение дел в Полазне того времени.

К 1929 году из всех производственных и вспомогательных цехов в пригодном состоянии оставались лишь «корпуса литейного, механического и чищального цехов и складов». Отмечалось, что при заводе оставались также: «динамо-машина с турбиной, токарный и сверлильный (по металлу) станки и прочий токарный и слесарный инструмент, а также опоки\* литейного цеха».

Как выяснилось, после закрытия предприятия «местные организации неоднократно поднимали вопрос об использовании оставшегося оборудования и корпусов Полазненского завода». В 1928 году было даже постановление Уралмета о передаче Полазны в «безвозмездное арендное пользование Добрянскому РИКу» (райисполкому. – М.К.), но все попытки сохранить предприятие оказались тщетными. В июле 1929 года появилось новое, утвержденное в вышестоящих инстанциях постановление Уралмета, согласно которому Полазненский завод передавался Добрянскому заводу «для полной ликвидации сооружений (...), за исключением мельницы и рабочего прореза», которые еще до этого были переданы райисполкомом Полазненскому сельсовету. Это тот случай, когда металлургам было проще и дешевле снести старое производство, чем сохранять его в ущерб отрасли. Но если крупным собственникам остатки предприятия не нужны, то, может быть, они еще послужат мелким?

### **Артель на месте завода**

То, что решение о полной ликвидации заводских построек являлось спорным, было понятно многим современникам тех событий. Как сообщалось в уже известной нам докладной записке: «Точка зрения Партийного Комитета состоит в том, что он считает не целесообразным подвергать разрушению безусловно еще ценные корпуса зданий законсервированного Полазненского завода».

\*Опока – приспособление в виде жесткой рамы или ящика для удержания формовочной смеси при изготовлении литейных форм.

В 1929 году с целью ознакомления с положением дел на месте была создана «специальная комиссия в составе представителей Добрянского РИКа, Райкома ВКП(б), Комчасти завода, Окркустарпромсоюза и Полазенского сельсовета». Организация с «неудобоваримым» названием Окркустарпромсоюз (окружной кустарный промышленный союз) появилась здесь не случайно. Именно она вышла с предложением о передаче части инвентаря и зданий для деятельности организованной в Полазне кустарно-промысловой артели. В соответствии с производственной программой на 1929-30 год, полазенские кустари должны были изготовить до 500 «ходов крестьянских\*\* Юговского типа», до 100 тонн «кузнечно-поковочных и скобяных изделий для нужд строительства» и столько же «разного чугунного литья преимущественно печных приборов».

К моменту проверки артель «Пролетарий» насчитывала 30 работников, но предполагала увеличить численность рабочих до 120 человек. И решение комиссии оказалось благоприятным для кустарей. Несмотря на противодействие со стороны Добрянского заводууправления, которое хотело оставить все полазенские постройки и оборудование за собой, члены комиссии решили передать артели бывшие заводские корпуса в безвозмездное пользование, а материалы и инструменты в долгосрочный кредит сроком на 10 лет из расчета 12% годовых. Это решение имело большое значение для Полазны, хотя бы потому, что сдержало отток местного населения на другие заводы.

## От металлургов к нефтяникам

Что же касается артели, то она работала в Полазне и в войну, выпускала подковы для лошадей, снабжала армию телефонными катушками и даже крючками для солдатских шинелей. Окончательно постройки бывшего Полазенского металлургического завода исчезли с лица земли в 50-х годах, во время заполнения чаши Камского водохранилища. Но к тому времени Полазна была уже центром нефтяной промышленности Прикамья.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 2 ноября*

\*\* Ход крестьянский – ось с колесами для крестьянских телег.

# У истоков добрянской типографии

*Все началось в 1931 году, когда 15 сентября в Добрянке вышел в свет первый номер районной газеты «За реконструкцию» (ныне – «Камские зори»). Но чтобы выпускать газету на месте, необходимо было иметь в поселке свою типографию.*

## Постановление № 11

Постановление малого Президиума Уральского областного исполнительного комитета на этот счет было принято 5 декабря 1932 года (в тот период территория Прикамья входила в состав огромной Уральской области. – М.К.). А вслед за ним, 2 февраля 1933 года, вышло постановление № 11 президиума Добрянского райисполкома (РИК), которое так и называлось «Об открытии Районной типографии». Согласно этому документу накануне Добрянская типография уже приступила к работе.

2 февраля 1933 года в организации и учреждения района было направлено сообщение следующего содержания: «Всем Предприятиям Добрянского района. Типография Добрянского РИКа ставит в известность, что таковая с 1-го февраля начала работать. Все заинтересованные предприятия, имеющие типографские работы могут сдавать таковые в типографию с 8 часов до 1 ½ часов дня».

## Оклады и расклады

Временный штат нового предприятия Добрянки включал в себя семь человек: заведующий типографией с окладом 250 рублей в месяц, один старший наборщик (175 руб.), два наборщика с окладами по 125 рублей и двое их учеников (40 руб.), один счетовод (120 руб.) и одна уборщица-рассыльная (45 руб.). Заведующим был утвержден Григорий Николаевич Бессонов. Не знаю, как ему, а вот редактору газеты полагалось в то время иметь по штату табельное оружие – револьвер.

Финансировалась типография из местного бюджета. Согласно постановлению президиума Добрянского райисполкома от 11 января 1933 года требовалось «предусмотреть по бюджету в первом квартале 1933 года оплату за типографскую машину, переданную из Пермской типографии в сумме 14000 рублей». Ответственным за установку типографского оборудования был назначен член РИКа Пospelов. Технический же надзор обеспечивали специалисты Добрянского металлургического завода.

## Без мотора, шрифтов и бумаги

Правда, технические возможности Добрянской типографии оценивались как «частичные». На предприятии была установлена одна «плоская, большого размера печатная машина, годностью в 65%». Обеспеченность шрифтом

также была неполной – 75% от «стандартной районной газеты». Не лучше обстояли дела и с дополнительным оборудованием. Как отмечалось на заседании президиума Добрянского РИКа от 21 марта 1933 года: «Пермская типография Уралкнижтреста при организации типографии в Добрянке не обеспечила последнюю мотором, резальным станком и шрифтом в достаточном количестве». В результате машину приходилось раскручивать вручную, а это не обеспечивало «выход даже уменьшенной (двухполосной) газеты». Райисполком просил Президиум Уралоблисполкома «дать указания Областному комитету по делам печати и Уралснабсбыту об отпуске одного трехсильного мотора 220 вольт, одного станка для резки бумаги и кроме того об отпуске из запасов Уралгазеттреста 100 кг шрифтов».

Трудности поджидали Добрянскую типографию и с другой, если можно так сказать, бумажной стороны. Весной 1933 года бумаги не хватало даже для выпуска районной газеты, не говоря уж о дополнительных заказах. Добрянцам в очередной раз пришлось обращаться в Свердловск. На заседании от 26 марта Добрянский РИК просил Уралоблисполком «воздействовать на Уралснаботдел о даче наряда на получение бумаги стандартной 40 килограммовой Добрянской районной типографии для газеты «За реконструкцию» в количестве 40000 кг или 100000 листов».

## **О правилах и переездах**

В конце февраля 1935 года типография была переведена из временно занимаемого помещения в здание райпотребсоюза (ныне пустующее двухэтажное кирпичное здание на ул. Советской напротив районной администрации). С этой целью в здании в короткий срок требовалось сложить две кирпичные печи, поставить под матицу кирпичный столб и остеклить рамы. Помещение передавалось типографии в аренду.

Тогда же, в 30-х годах, были установлены правила хранения шрифтов, типография должна была сдаваться на ночь под охрану, а оконные ставни обязательно закрываться. Но, как следует из «Совершенно секретной» докладной записки «О проверке типографии редакции «Сталинский путь» от 27 октября 1943 года, эти правила соблюдались не всегда. Этот документ за подписью заместителя начальника Добрянского райотдела НКВД Зими-на был адресован первому секретарю Добрянского райкома ВКП(б) Дежину для принятия мер.

Позже типография будет занимать двухэтажное деревянное здание по ул. Кирова, 1, а в 1988 году переедет в новое, современное, специально выстроенное для полиграфистов и газетчиков Добрянки здание по ул. Лесная, 17.

В 2005 году из-за невозможности оплачивать аренду журналисты его покинули, а их кабинеты и часть типографских помещений заняли новые арендаторы.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2008. 1 февраля*

## Послевоенный свет

*О том, когда электричество впервые пришло в Добрянку, я писал уже на страницах нашей газеты (см. «ЗОРИ ПЛЮС» за 1 декабря 2006 г.). Сегодня же кратко поговорим об электрификации Добрянского района. Помогут нам, как всегда, найденные архивные материалы. На этот раз документы и переписка, которые хранятся в Государственном архиве Пермской области и датируются концом 1946 – началом 1947 года. А также публикации из старых газет.*

### Согласно списку

Поскольку строительство Камской ГЭС в районе Перми тогда еще не началось, то централизованного электроснабжения сельских населенных пунктов как в области, так и в нашем районе не имелось. Большинство населения пользовалось свечами и керосиновыми лампами, а электроосвещение было уделом очень немногих.

Оно вырабатывалось на небольших местных электростанциях. Как следует из «Списка сельских электростанций Добрянского района», к началу второго послевоенного года на территории района (без учета Добрянки с ее крупной заводской электростанцией) действовало семь сельских генерирующих установок.

Среди них единственной электростанцией, производящей переменный ток, была Полазненская сельская ГЭС на р. Полазне. Ее ввели в строй в 1941 году. 50-сильная турбина гидроэлектростанции вращала генератор установленной мощностью 68 кВт. Обслуживанием ГЭС занималась промартель «20 лет Октября», а электроэнергия поступала как для нужд самой артели, так и для колхоза «Красная нива».

Две сельские электростанции постоянного тока появились на карте района в военном 1943 году: Никулинская и Усть-Гаревская. Первая из них действовала за счет газогенератора мощностью в 60 л.с. (вырабатывала 16 кВт), вторая – при помощи двух локомотивов общей мощностью 142 л.с. (52 кВт). Обе работали на дровах. Никулинская электростанция обслуживала нужды Косьвинского леспромхоза и колхоза «Красный Октябрь», Усть-Гаревская – кирпичного завода и колхоза «Красный пахарь».

### Сколько лампочек было в районе

Значительный рывок в электрификации сел был сделан в Добрянском районе в 1946 году. За год у нас открылись четыре новые, хотя и очень небольшие, электростанции. Одна из них – Сенькинская – выдавала 12 кВт постоянного тока за счет нефтяного двигателя мощностью 18 л.с., а Усть-Пожвинская (с. Перемское), Таборская и Голубятская были построены на речках Пожва, Исток и Вильва при участии специализированного предприятия «Облмелестрой».

При этом Усть-Пожвинская ГЭС использовала для выработки электроэнергии, поставляемой колхозу «Им. 23 февраля», 13-сильную «турбину Френсиса», остальные – водяные колеса. Интересно, что в этом же деле имеются сведения не только об электростанциях, но и об использовании электроэнергии. В конце 1946 года электрическое освещение поступало в 450 колхозных домов, в пять школ, один детсад, пять изб-читален, в два клуба, в 12 правлений колхозов и сельсоветов, на две колхозные фермы. Подсчитаны были даже «лампочки Ильича». Их на территории района светило 735 штук.

## Изменения быта

Процесс электрификации района занял не один год. Так, по данным «Сталинского пути», к марту 1950 года электроэнергия пришла в Сенькинскую школу, на избирательный участок и на улицы села. 31 декабря 1955 года электролампочки зажглись в Красной Слудке, а в 1961 году – в домах жителей п. Ярино и д. Завожик. Одновременно шла замена маломощных сельских электростанций линиями электропередачи, поставляющими энергию с Камской ГЭС. Но если в Добрянку электричество из Перми пришло в 1956 году, а в 1960 году для надежного электроснабжения города и ДСК была построена ЛЭП-110 кВт Кухтым-Добрянка, то, скажем, в Висим – только в 1970-м. До этого там, как и в соседней Ольховке, действовала небольшая дизельная электростанция. Но как бы то ни было, к 70-м годам прошлого века электричество прочно вошло в быт селян. Ну а на горизонте уже зарождалась заря строительства гигантской Пермской ГРЭС.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 7 декабря*



## Почти забытая страница

*Три десятка лет назад Добрянка была «дээсковской». Добрянский домостроительный комбинат (ДСК) строил жилые дома и детсады, шефствовал над школами и колхозами, поддерживал спорт и развивал народные промыслы, наполнял своими налогами местный бюджет. Работать «на комбинате» было выгодно и престижно.*

*Но потом, в середине 70-х годов, началось строительство Пермской ГРЭС, в 1986 году на электростанции был введен в эксплуатацию первый блок, и роль ДСК в жизни города стала снижаться. А тут и перестройка с диким рынком подоспели. Не выдержал наш флагман деревообработки экономических штормов и канул в Лету. Не случилось этого, праздновала бы сейчас Добрянка 45-летие пуска своего родного комбината.*

### В начале славных дел

Строительные работы на месте будущего ДСК начались весной 1956 года, вскоре после закрытия Добрянского металлургического завода. Работали строители так, что даже бивни мамонта на берегу Тюся откопали. Правда, первоначально новое предприятие называлось не ДСК, а лесозаводом или лесопильно-деревообрабатывающим комбинатом. Название же ДСК появилось в 1957 году, когда в стране был взят курс на развернутое жилищное строительство. Любили тогда гигантоманию, и считалось, что Добрянский домостроительный комбинат будет одним из крупнейших предприятий страны в своей отрасли. Его проектная мощность равнялась 500 тыс. кв. метров жилой площади в год «в виде стандартных типовых домов». Плюс масса разной «столярки».

Первоначально строительство нового промышленного предприятия Добрянки вел так называемый машинно-дорожный отряд (МДО) № 93, преобразованный позже в стройуправление № 5 треста № 11. Затем эту эстафету подхватил созданный в 1960 году строительный трест № 15.

Строительство и пуск в эксплуатацию ДСК, появление в городе специализированных строительно-монтажных и транспортных предприятий способствовали изменению архитектурного облика Добрянки. В районе улиц Жуковского и Копылова началось строительство «Жуковского поселка». Это были первые благоустроенные многоквартирные дома в нашем маленьком в то время деревянном городе.

### Первенец

Пуск в работу головного цеха нового комбината состоялся 30 декабря 1959 года. В этот памятный день на берегу Тюся раздался лязг транспортерных линий, и в тела застывших на морозе бревен вгрызлись мощные стальные зубья восьми лесопильных рам лесосоцеха. Он мог вырабатывать 265 тыс. кубометров пиломатериалов в год. В его производственный комплекс вхо-

дили приемо-разгрузочный рейд, бассейн для сортировки сырья, окорочное отделение и сортировочная площадка.

С пуском лесопильного цеха постоянными гостями Тюсевского залива стали мощные речные буксиры и огромные плоты с древесиной. Ее поставляли Обвинский, Рябининский, Орловский, Тетеринский, Тюлькинский сплавные рейды. В зимнее время сырье для ДСК доставлялось по железной дороге (она связала Добрянку с остальной страной в декабре 1961 года) и автотранспортом. Главным образом с завьюженных лесосек Добрянского и Таборского леспромхозов.

Произведенные в лесосеке пиломатериалы расходились по всей стране, поставлялись на экспорт, а технологическая щепка была хорошим сырьем для целлюлозно-бумажной промышленности. Значительную часть продукции лесопиления и его отходов потребляли другие цеха ДСК.

## **От плит до кузовов**

«Как большую победу отмечал коллектив комбината в 1962 году пуск в эксплуатацию цеха древесностружечных плит проектной мощностью 30 тыс. кубометров в год. Через несколько лет своими силами работники цеха провели реконструкцию ряда линий и агрегатов, увеличив производство плит до 56 тыс. кубометров в год», – с гордостью сообщали в свое время деревообрабочники Добрянки. Гордиться было чем. Плиты ДСП поставлялись в ГДР, Венгрию, Польшу, Чехословакию.

В 1963 году на Добрянском ДСК был введен в эксплуатацию цех цементно-фибритовых плит проектной мощностью 75 тыс. кубометров в год, а январе 1968 года государственная комиссия приняла возведенный строениями СМУ-1 треста № 15 кузовной цех.

Кузова на комбинате производились и раньше, но в относительно небольших количествах. Новое же подразделение ДСК должно было выдавать московскому автозаводу им. Лихачева (ЗИЛ) 39 тыс. комплектов кузовов в год, а также другие деревянные части автомобилей. Цех был самым большим на комбинате, светлым, насыщенным современным оборудованием. По проекту отходы древесного производства поставлялись из него по трубам с помощью «станции перекачки» в котельную паропроцеха и цех ДСП. Для обеспечения кузовного цеха сухим пиломатериалом в 1973 году на предприятии было пущено в эксплуатацию сушильное отделение. Со временем именно кузовной цех стал в значительной степени определять профиль ДСК. Тем более что на нем было освоено производство бортов тракторных прицепов, а среди потребителей продукции появились «КамАЗ» и Алтайский вагоностроительный завод.

## **Столовая с фонтаном**

Каждый, кто бывал на ДСК, наверняка улыбался при виде смешных, «длинноногих» автомобильчиков, шустро перевозящих готовые «пакеты» с

пиломатериалами. Эти автомобили, как и многие другие, входили в транспортный цех предприятия. Масса токарных, фрезерных и прочих станков без устали гудела в ремонтно-механических мастерских (РММ) комбината (тут я, кстати говоря, успел поработать токарем до армии), а текущим и капитальным ремонтом зданий занимался ремонтно-строительный участок. Не мог обойтись ДСК без разнообразных складов, лабораторий, участков, библиотек, столовых (помню, что готовили в них очень хорошо, а в столовой кузовного цеха имелся даже фонтан), без своего подсобного хозяйства и ЖКО. Своеобразным цехом предприятия было и открытое в 1974 году ГПТУ № 23.

## Особая страница

Наш ДСК был славен не только своими пиломатериалами, кузовами и ДСП, но замечательной расписной посудой, которую окрестили «добрянской хохломой».

Начало ее производству было положено в 1972 году в созданной на комбинате экспериментальной мастерской. Трудились тут тогда художники С.Т. Галиндухин и Р.С. Жданова. Из-под их рук выходили прекрасные расписные ложки, чашки, кувшины, сервизы и другие замечательные изделия. Лучшей «визитки» для ДСК и Добрянки невозможно было и придумать. По сравнению с масштабами комбината это производство было невелико, но значимость имело немалую. Помню, что дзэсковцы любили водить туда школьников из подшефной четвертой школы. Жаль только, что и эту уникальную страницу нашей истории перелистнул ветер времени. Да что там говорить. Теперь не только о «хохломе», но и о ДСК мало кто вспоминает. К большому сожалению всех, кто там когда-то работал...

## Цифры и факты:

- К 25-летию ДСК (1984 г.) на предприятии работало более двух тысяч человек, среди них 312 кавалеров правительственных орденов и медалей, а свыше 500 человек являлись ударниками коммунистического труда. Комбинат не раз завоевывал переходящее Красное знамя Министерства лесной промышленности СССР, получал награды обкома, облисполкома и облсовета.

- Объем товарной продукции в 1984 году составлял более 30 млн. рублей в год. Рубль, как известно, был в то время полновесным, а хваленый доллар равнялся 60 копейкам.

- На ДСК были механизированы все процессы по переработке древесных отходов. Отходы одного цеха являлись сырьем для другого, т.е. было создано практически безотходное производство.

## **Воспоминания ветеранов**

**Тамара Владимировна ПЛЮСНИНА, инженер-технолог Добрянского ДСК:**

– Что значит для меня ДСК? Да все. Ведь здесь прошла вся моя трудовая жизнь.

Я пришла на ДСК в конце июля 1959 года совсем молодой девчонкой. Тогда на нем еще ни один станок не работал, и поэтому нас отправили стажироваться на Пермский лесозавод «Красный Октябрь». Вернулись на ДСК, принялись за работу, и так 34 года до самой пенсии на одном предприятии. Я прошла на комбинате путь от станочницы до инженера-технолога. Часто видятся мне во сне все мои рабочие места, коллектив, вспоминается общественная работа.

Но еще чаще бывает боль в душе, когда читаешь в газете поздравления с профессиональными праздниками строителей, энергетиков... А нас, бывших работников бывшего ДСК, которых в Добрянке очень и очень много (взять хотя бы ту же ГРЭС), никто и никогда не поздравляет...

**Нина Григорьевна НИКУЛИНА, бывший работник отдела труда и заработной платы Добрянского ДСК:**

– Мы с мужем Михаилом Алексеевичем отработали на ДСК 28 лет. Работать было всегда непросто. И в первое время, когда комбинат был планово-убыточным предприятием, и тогда, когда он стал крупнейшим в объединении «Пермлеспром». Непросто потому, что нельзя было стоять на месте, надо было постоянно искать новое и двигаться вперед. Но вместе с тем, работая на ДСК, мы всегда чувствовали защищенность и уверенность в завтрашнем дне. Администрация комбината заботилась о здоровье и отдыхе работников. На ДСК все было организовано так, как надо: и питание, и возможности для оздоровления. Мы дружно, с интересом трудились и интересно отдыхали. А сколько внимания уделялось подготовке кадров! И вот такое предприятие разнесли до винтиков, людей оставили без работы, никаких гарантий на будущее. Выживайте, кто как может.

**Тамара Николаевна БАГУТА, бывший учитель, завуч, директор подшефной школы № 4:**

– Я больше 30 лет была с ДСК связана. Помню, как строилось это новое для Добрянки предприятие, как в 9 классе мы проходили трудовую практику и работали на здании будущих РММ.

Вы знаете, мы все в четвертой школе очень гордились, что нашим шефом является именно ДСК – самое большое и красивое предприятие города. Мы знали, где, какие цеха находятся, знали там все тропинки, знали всех начальников цехов. Ежегодно работали там с ребятами на субботах, все классы не раз бывали на экскурсиях в комбинате.

Помню, что у нас было даже соревнование между цехами комбината, группами ГПТУ-23 и нашими классами. Встречались, подводили итоги, отчитывались друг перед другом, выступали с концертами. А какую материальную помощь оказывал ДСК школе и нашим летним трудовым лагерям, а как мы совместно прорабатывали на дисциплинарных советах ДСК нерадивых учеников и их родителей! Школа была для предприятия настоящим цехом, и я, будучи директором школы, регулярно ездила на оперативки к директору комбината Николаю Михайловичу Лысюку.

Да что там говорить. Когда комбинат закрылся, то я буквально заболела из-за этого. Так обидно было за такой близкий нам комбинат, за всех людей, которые на нем работали.

*Камские зори. 2004. 29 декабря*

# Добрянские импульсы

Описания населенных пунктов  
и занятий жителей



- Ровесники Добрянки
- С берг-инспектором в XIX век
- Соликамский тракт
- «Изюминка» старой Полазны
- В низовьях Косьвы
- Стронные зработкн добрянскнх крестьян
- Старая Добрянка: здания и судьбы
- Из жнзн старой Полазны
- Год рождеиe – 1924-й
- На пути к городу
- Добрянские импульсы
- Добрянка – Петербург: триста лет истории
- Пограничный вопрос
- Сколькo добрянцев насчитали за четыреста лет

# Ровесники Добрянки

## «Деревня Лябово, Городище то ж»

Мы уже писали, что в нынешнем году 370 лет исполняется не только Добрянке, но и целому ряду других населенных пунктов нашего района. С полным на то правом может считать себя «именинницей» и хорошо известная всем добрянцам деревня Лябово.

Первое упоминание о ней относится к 1623/24 гг., когда в Прикамье была проведена одна из первых переписей населения. В «починке под Лябовым Городищем» имелось тогда два крестьянских двора, в коих проживали «Баженко Микитин сын Яковлев, Ивашко Степанов сын Мошенников да с ним же Афонька Васильев сын Нахрат». В пользовании у этих лябовских жителей находилось «пашни паханые средние земли четь в поле, а в дву по тому ж, а также 35 копен сена».

В переписи 1647 года эта деревня проходила уже как «Лябово Городище на реке на Каме». Количество дворов в ней возросло до пяти. Четыре из них принадлежали «пашенным крестьянам», а один – некоему бобылю Ивашке Терентьеву. Помимо него в Лябово проживало еще 16 жителей мужского пола, семь из которых носили фамилию Абориных.

Судьба этой прикамской деревушки могла бы круто измениться в 1785 году, когда пермский генерал-губернатор Е.П. Кашкин собрался было разместить между Большим Туем и Лябовкой новый уездный город, взамен Обвинска. Однако владельцы земель Строгановы не согласились тогда на их уступку, и Лябово так и осталось деревней. В 1800 г. она упоминалась как «деревня Лябово, Городище то ж». В 1869 году в ней числилось 12 крестьянских дворов с общим числом обитателей в них 72 души.

По данным на начало нынешнего века, это селение отличалось от других наличием в нем единственного на округу земского перевоза через Каму, а также своей каменоломней, в которой «мелкозернистый песчанниковый плитняк», разрабатываемый «на тротуарные плиты и цокольный камень». В начале 80-х годов в Лябово проживало 136 жителей, и оно больше известно сейчас как месторасположение коллективных садов жителей Добрянки.

Судя по всему, название речки Лябовки и самой деревни произошло от коми- пермяцкого слова «ляб», которое переводится как «слабый, хилый, нежный, невыносливый человек». Возможно, таким было прозвище одного из первых жителей «починка под Лябовым Городищем». Слово «Городище» могло обозначать как остатки древнего укрепленного поселения, так и возвышенное место.

*Добрянский вестник. 1993. 21 апреля*



## Ошва, Гари, Городище

Судя по всему, первые жители нашего края не отличались особой любовью к оседлой жизни. По крайней мере, переезды с одного места на другое были тогда делом обычным. Показательна в этой связи история небольшой деревушки Ошва, что располагалась в 1623-24 гг. на берегу одноименной речки, неподалеку от впадения ее в Каму. (Сейчас там находится п/л «Горизонт». — М.К.) В те годы в ней имелся всего лишь один двор, в котором проживал крестьянин «Климко Артемьев сын с детьми с Сафронком да с Федькою да с Зиновейком». Земля по Ошве считалась «средней». Одна четь (полдесятины) была распахана и засеяна, и столько же находилось под паром («а в дву по тому ж»). Там же Климкина семья заготавливала сено — 25 копен.

Прошло двадцать с небольшим лет, в 1847 г. в Прикамье воеводой П. Елизаровым была проведена новая перепись населения, и в ней эта деревня уже отсутствовала. Однако следы ее жителей не затерялись. К тому времени средний сын Климки Артемьева «Федка Клементьев сын Ошвинец» оказался в «деревне на Гарях над рекою Чусовою», где он имел уже свой двор и троих сыновей: Фотейку, Фадейку и Пронку. От прозвища Ошвинец позже произошла фамилия Ошвинцев, а само название деревни Ошва и трех одноименных речек восходит к коми-пермяцкому языку и переводится как «медвежья вода». Слово же «Гари» имеет русское происхождение. Так в старину называли место, «где прежде находился лес выжженный с целью сделать землю пригодной для пашни». В 1623 г. этой деревни еще не было.

В тех же краях, что и Гари, находится еще одна деревня-ровесница Добрянки — Городище. В XVII веке она называлась либо «деревней на Городище», либо «Чуцким Городищем». В переписи М. Кайсарова по поводу ее было записано следующее: «Деревня Чуцкое Городище усть Чусовые по реке по Каме вверх (...) и всего 4 двора крестьянских, а людей в них 9 человек; пашни паханные средние земли 3 осмины, да перелогом 12 чети с осминою в поле, а в дву по тому ж; сена по реке Каме и по Чусовой 155 копен».

В числе жителей этой деревни в то время значился «Васька Кузмин сын Галиченин с сыном с Карпанком», который, судя по всему, был выходцем из города Галича (ныне в Костромской обл.), а также пасынок «Терешка Матвеев сын Веснина», родоначальник нынешних Весниных. В соседней с Городищем «деревне на реке на Каме под Белым Камнем» жил еще один выходец с русского Севера «Ерефка Павлов сын Устюженин» с четырьмя своими сыновьями. Этот крестьянин переселился в Прикамье либо из Устюжны (город в современной Вологодской области), либо из г. Устюга Великого той же области.

Название деревни «Чуцкое Городище» связано с так называемой чудью, под которой русские подразумевали древнее финно-угорское население нашего края. Правда, одно время эта деревня носила другое название. К приме-



ру, в 1800 году она называлась деревней Галкиной. Ныне Городище входит в состав Красносудского сельского Совета, и, по данным на 1 января 1981 года, в ней проживало 144 жителя.

*Добрянский вестник. 1993. 28 апреля*

## Палазна

Нынешний год юбилейный не только для Добрянки, но и для Полазны, которой также исполняется 370 лет.

«Деревня Полазна на реке на Каме усть речки Полазны... и всего 4 двора крестьянских, а людей в них 14 человек», – сообщил о ней в 1623-24 гг. М. Кайсаров. Как и все другие жители нашего края, первые полазненцы занимались хлебопашеством и держали в хозяйстве скот, заготавливая ежегодно свыше 200 копен сена.

Среди тогдашних жителей Полазны можно отметить Клементейку да Кондрашку, да Исачку Степановых детей Сыропятого и Сеньку Микулина сына Сыропятова, которые являются родоначальниками распространенной ныне фамилии. Любопытно, что во второй половине XVII века представители этого полазненского рода оказались в районе Кишerti, где основали деревню Сыропятову.

К 1647 г. Полазна значительно выросла. По данным переписной книги П.К. Елизарова, в ней имелось уже 10 крестьянских дворов, в которых обитало 40 душ мужского пола. Один из дворов принадлежал выходцу с севера нашей области Якуньке Васильеву сыну Гаенца. В той же переписи в деревне «За Полазноу речкою у мельницы» жили крестьяне Афонка, Сергушко и Онисимко Осиповы дети Анисимовы, чей отец и основатель фамилии Осипко Анисимов в 1623-24 гг. проживал в уже известной нам по предыдущей публикации «деревне на реке на Каме под Белым камнем». Во второй половине XVII века фамилия Анисимовых также попала в Кишертский, а затем в Лысьвенский район.

В 1664 году (по другим данным, в 1685 г.) в связи со строительством в Полазне деревянной Свято-Троицкой церкви этот населенный пункт превратился из деревни в село.

Долгие годы история Полазны была связана с фамилией Строгановых, но в 1778 году, после смерти барона Николая Григорьевича Строганова, Полазна и окрестные земли были куплены богатым выходцем из Армении И.Л. Лазаревым, потомки которого через несколько десятилетий стали князьями Абамалек-Лазаревыми. В 1797 году новый владелец построил на р. Полазне (выше существовавшей деревни) металлургический завод, при котором в 1838 году числилось 550 мастеровых, выплавлявших до 65 тыс. пудов железа в год. Управляющим завода в то время был А. Быдарин, отец известной уральской писательницы А. Кирпищиковой.

В 1869 году в заводском поселке насчитывалось 335 дворов, в коих про-

живало 803 жителя мужского пола и 921 женского. При заводе имелась каменная православная церковь, открытая в 1843 году, часовня, госпиталь и существовал еженедельный торжок.

В начале нашего века на Полазненском заводе изготовлялось до 300 тысяч пудов кровельного железа и до 20 тыс. пудов различного чугунного литья. В трех верстах от основного завода около д. Посад располагался небольшой вспомогательный завод с одной фабрикой и водяным двигателем. К моменту революции 1917 года Полазненский завод почти не действовал. Как и многие другие уральские предприятия, он не выдержал конкуренции.

В 1911 году в Полазне насчитывалось 443 двора с числом жителей в них 2378 человек обоего пола. Это был достаточно крупный населенный пункт, в котором имелись: православная церковь, два училища, учебная мастерская, земско-заводская больница, кредитное товарищество с оборотом в 16,5 тыс. рублей, общество потребителей и волостное правление. Помимо этого, в поселке было открыто 19 торговых лавок, одна винная и 3 пивных. Часть населения занималась кустарными промыслами. В Полазне насчитывалось «8 железных мастерских, 10 кузниц и 5 сапожных». Довольно большой грузооборот осуществляла пристань Полазна.

Что же касается происхождения названия поселка, то на этот счет имеется несколько версий. По одной из них топоним «Полазна» происходит от языка древних обитателей нашего края: хантов и манси. В соответствии с этой версией «Пауль» – это стоянка, а «Язва» – ореховое место, иначе говоря, «стоянка на ореховом месте». Более правдоподобным кажется другое предположение, выдвинутое известным специалистом в области уральской топонимики, профессором А. Матвеевым, в соответствии с которым слово Полазна восходит к старорусскому слову «полаз» – вход, отсюда происходят глаголы «полазить, полезть». Следовательно, Полазна – это река, по которой можно подняться куда-то, пролезть.

*Добрянский вестник. 1993. 13 мая*

## **«Канули в Лету»**

Как известно, земли Перми Великой в XVI-XVII веках заселялись в основном выходцами с русского севера, поэтому не случайно, что самые старые населенные пункты в нашем районе появились в его северной части, прежде всего по р. Косью. Уже в 1579 г. из существующих ныне сел были отмечены Никулино (починок Микулин)\* и Перемское (деревня Вильгорт). Но к началу XVII века к ним добавилось еще немало других починок и деревушек.

\* Информация об этом содержалась в некоторых ранних публикациях, однако в опубликованной переписи 1579 года Никулино отыскать не удалось.

Так, в 1623 г. на косьвинских берегах имелась «деревня, что был починок Веселков». В ней насчитывалось три жилых двора и два пустых. Житель одного из них Ивашка Савельев сын Поморец (основатель фамилии нынешних Поморцевых) обитал в то время в соседней деревне, «что был починок Орлов». Так же, как и в Веселковой, здесь имелось «3 двора крестьянских, а людей в них» было «4 человека». Как и в других местах, обитатели этих селений имели «пашни паханные середние», сено по р. Косье и «рыбные ловли», которые были разрешены «по сотной Ивана Яхонтова».

Несколько выше этих деревень, по той же реке, находилась деревня Серегова из «4 дворов крестьянских, а людей в них тож». В тех же краях числился починок-однодворок Добряков, единственным жителем коего являлся некий крестьянин Тренька Лукин сын Пахомова. Судя по тому, что только одного сена им заготавливалось 170 копен, женская часть его семьи была немалой.

Ровесницей Добрянки можно считать и деревню Нижнюю Красную (п. Нижне-Красное), которая в 1623 г. была известна как «деревня, что был починок Красная Слудка на реке на Косье». (Красный – красивый, а Слудка – высокая гора, поросшая лесом, с крутыми склонами). Мужское население этой деревни в те годы составляло 12 человек, а число дворов равнялось пяти. Правда, к 1647 г. там осталось лишь два двора.

Первые прикамские переписи дают также представление о том, откуда, из каких русских земель приходили люди в наш край. Мы упоминали уже о Поморцевых (Поморец – выходец с берегов Белого моря). Но, кроме них, в косьвинских деревнях жили выходцы из Вологды, братья Васька да Федька Нефедьевы сыны Вологжанины со своими детьми, семья Сергушки Антипина сына Кривого, Двинянина и т.д. Были здесь переселенцы и из более близких мест. Например, из д. Мошевой и д. Пестеревой Чердынского и из Усть-Боровой Соликамского уезда, с берегов Обвы («Власко Филипов сын Романов, Обвинец») и из других мест.

Стоит также заметить, что на косьвинских берегах к 1623 г. имелось немало пустошей, на месте которых прежде числились починки и деревни. Возможно, что они пострадали во время нападения на строгановские земли некоего «пелымского князя» с отрядом воинов в 700 человек. Было это в 1581 году.

Судя по переписи 1869 г., Косьвинский край был весьма оживленным. Там насчитывалось не менее пяти десятков больших и малых деревень, в том числе известные нам Орлова, Веселкова, Красная и др. Но в наше время из всех косьвинских ровесниц Добрянки существует лишь одна деревня – Нижнее Красное. Остальные же, как и десятки других «неперспективных» деревень, «канули в Лету».

*Добрянский вестник. 1993. 26 мая*

## С берг-инспектором в XIX век

*Буквально на днях мне удалось ознакомиться с новыми документами по истории нашего края. Относятся они к концу XVIII – началу XIX веков и дают представление о Добрянке и Полазне той далекой поры.*

### Второе открытие

Документы эти были обнаружены еще в советское время и опубликованы в 1956 году известными свердловскими исследователями А.Г. Козловым и В.Я. Кривоноговым в сборнике «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII-XIX вв.» С той поры прошло более полувека, сборник давно стал библиографической редкостью, подзабылся – и вот новое, по крайней мере, для меня открытие. Благодаря этой книге, мы, как на машине времени, сможем сегодня совершить путешествие в Добрянку и Полазну более чем двухсотлетней давности.

### «Оборонщики» из XVIII века

В сборнике представлены два прелюбопытнейших документа. Первый из них, согласно стилистике своего времени, называется длинно и витиевато: «Генеральное описание о монетных дворах, литейных и всех горных заводах, в ведении Государственной Берг-коллегии состоящих, как казенных, так и партикулярных...». Этот документ был «сочинен» в 1797 году и содержит массу статистических материалов.

Нам, добрянцам, он весьма любопытен по причине неоднократного упоминания Домрянского (Добрянского) завода. В том числе в плане выпуска на нем оборонной продукции. Ранее было известно о том, что на Домрянском заводе в 60-х годах XVIII века размещался заказ на поставку для русской армии нескольких тысяч «водоносных луженых фляг», но оказывается, что позже предприятие выпускало и другую военную продукцию. К примеру, в 1788-89 годах в Домрянке было выпущено более 6975 пудов бомб, ядер и дробы, которые направлялись затем в Санкт-Петербург и Калугу.

### Труд Томилова

Второй документ заслуживает еще более пристального внимания. Это «Описания заводов хребта Уральского, составленные пермским берг-инспектором П.Е. Томиловым в 1807-1809 гг.»\* Томиловские описания не

\* Томилов Павел Егорович (1741, Нерчинск – не ранее 1815) – крупнейший горный деятель конца XVIII – нач. XIX вв., изобретатель, первый пермский берг-инспектор. Родился в семье лекаря, работавшего в ведомстве Нерчинских горных заводов. С 12-летнего возраста начал работать на Нерчинских заводах. Будучи управителем Дучерского завода, в 1776 г. устроил

только подробные, но и, что для нас особенно важно, не только технические. Павел Егорович писал об оплате труда мастеровых, о состоянии заводских поселков, о торговле, транспортных путях, растительном и животном мире, о наличии госпиталей, церквей, пожарных припасов и т.д. В сочинении этого труда, в частности при съемке планов заводов, принимали также участие шихтмейстеры Алексей Васильев и Егор Подоксенов.\*\*

## Жаркое лето 1809 года

Говоря о «Домрянском железоковательном графа Строганова заводе» в 1809 году, берг-инспектор сообщал, что на нем действуют две кричные деревянные фабрики (цехи) с 20 горнами и 14 молотами, с плющильным и резным станами и печью для разогревания железа. Имелись также якорная фабрика, кузница, котельная, слесарная и меховая избы, плотничный сарай, строилась токарная фабрика, действовали «пильная» и мукомольная мельницы. Однако на момент посещения завода Томиловым предприятие работало не в полную силу. Объяснялось это «малоимением в пруде воды». Видимо, лето было жарким, засушливым, и вместо 7 с половиной аршин «в полном скопе» уровень воды в заводском пруду едва превышал 1 аршин 10 вершков.\*\*\*

## Описания Добрянки...

В заводском поселке, как сообщал берг-инспектор, имелись: заводская контора, два господских дома, «конюшенный двор, расположенной на 20 стоел», а «лошадей при заводе ныне состоит 30». На тот момент в Добрянке насчитывалось «обывательских домов 300», а проживало в них 607 человек «мужеска пола» и 707 душ «женска пола». Упомянул он и о деревянной

«первое в конных машинах водяное действо, по коему образцу и во всех Нерчинских заводах конные машины сделаны водяными». С 1798 г. – на Урале. Первоначально управлял Юговскими заводами, где добился увеличения выплавки меди, с 1799 г. работал на Богословских заводах. В апреле 1807 г. назначен берг-инспектором с правами генерал-губернатора вновь образованного Пермского горного правления, проработав в этой должности до ноября 1815 г. В 1807-1809 гг. он составил «Описания заводов хребта Уральского», в основу которых легли данные, собранные во время осмотра 87 казенных и частных горных заводов Пермской и Оренбургской губерний.

vgd.ru

\*\* Шихтмейстер – низший чин горной табели о рангах (XIV класса). Соответствовал коллежскому регистратору гражданской службы или подпрапорщику военной.

wikipedia.org

\*\*\* Аршин равен 71,12 см или 16 вершкам. Вершок – 4,45 см.

церкви во имя Николая Чудотворца, что на первый взгляд выглядит весьма удивительно. Ведь по архивным материалам она носит другое название: Рождество-Богородицкая. Но никакого противоречия здесь нет. Во имя Николая Чудотворца был освящен один из ее приделов.

Очень интересными выглядят данные о социальной сфере поселка. Оказывается, в 1809 году в нем имелся «госпиталь деревянной, расположенной на 6 кроватей, а в качестве лекаря находился «из собственных людей ученик». А вот богадельни в Добрянке не было, «престарелые и увечные» довольствовались «по домам господским провиантом».

Применительно к торговой жизни автор «Описания» сообщал, что хотя гостиного двора в поселке не имелось, торговые съезды проходили регулярно. По его данным, «в воскресные дни приезжают разного звания торговые люди, привозят шелковые, бумажные и разные товары, так же и обувь в немалом количестве, а крестьяне привозят хлеб, харчевые припасы, свои изделия, как то: холсты, сукна и тому подобное».

Интересно, что местные мастеровые получали съестные припасы централизованно, а не закупали их на рынке. К примеру, хлеб в Добрянку доставлялся «из вотчин сего же господина (графа С.А. Строганова. — М.К.) и работным людям с их семействами» выдавался «во всякое время с вычетом из жалованья ими вырабатываемого по 30-ти коп. за каждый пуд». «Мастеровые люди во всякое время года обращаются в заводских работах, — сообщалось в документе, — а женщины занимаются посевом льнов, пряжею и тканьем холстов и домашнею экономией».

Писал Томилов и об окрестных лесах, о животном мире и рыбах, водящихся в речке Домрянке. По его словам, в ней ловились не только щуки, окуни, налимы, сороги и «частью лещи», но и «тальмени».

Примерно в таком же ключе описывал он и «Полазненской железоковальной дворянина Лазарева завод».

### ...и Полазны

«Сей завод построен по указу Государственной Берг-Коллегии, на жалованной бароном Строгановым земле дворянином Иваном Лазаревичем Лазаревым в 1793 году (пущен в действие в 1797 г. — М.К.), по умертвению сего и по духовному завещанию достался нынешнему завододержателю в 1801-м году», — сообщал Павел Томилов.

По данным берг-инспектора, помимо прочих производственных построек, на заводе имелись две кричные деревянные фабрики, в каждой из которых было устроено по 6 горнов и молотов. Но действовали они не все.

Причина та же, что и в Добрянке — очень низкий уровень воды в пруду. Вместо 7 аршин вода поднималась лишь на 12 вершков.

Железо в Полазне ковалось из чугуна Кизеловского завода и доставлялось оттуда по Косье и Каме «водною коммуникацією».

В 1809 году в Полазне имелся 151 «обывательский дом». Дома были разделены «на три квартала». При этом мужчин в Полазне проживало значительно больше, чем женщин: 316 против 229 душ. Возможно, это объяснялось тем, что местный завод был пущен в действие недавно и продолжал строиться. В заводском поселке на тот момент не было ни богадельни, ни училища, ни гостиного двора, ни церкви, ни «ярманок», но зато здесь, как и в Добрянке, имелись две пожарные машины (видимо, в виде ручных помп. — М.К.) «с принадлежащими баграми, вилами и ведрами», а также госпиталь. Располагался он в одном из двух господских домов. Лечением больных занимался «из собственных людей ученик».

Поскольку хлебопашеством заводские мастеровые не занимались, «проянтив» для них закупался «подрядами в окольных селениях» у крестьян, а «платье и обувь так же на господский щет в разных местах». По данным Томилова, выдавалось все «по истинным ценам»: «мастеровым и работным людям из господского магазейна с вычетом по 25 коп. с пуда, а малолетам и престарелым безденежно». Как мы уже знаем, в строгановской Добрянке такой льготы не было. По крайней мере, в документе об этом ничего не сообщалось. Что же до рыбы в речке Полазне, то она ловилась плохо: «самою малою частию налимы да окуни».

Несомненно, вышеуказанные исторические источники служат важным дополнением к ранее опубликованным материалам, в том числе к вышедшей в свет в начале XIX века книге Н. Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии».

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 6 января*

# Соликамский тракт

*Кто не знает Соликамский тракт? Старая разъезженная дорога, гравий, вылетающий из-под колес тяжелых грузовиков и шустрых легковушек, ужасная пыль и грязь в летнюю пору, снежные заносы и гололед зимой, бесконечные, изматывающие душу спуски и подъемы...*

По обеим сторонам окаймляет эту старую дорогу где-то уже сильно по-вырубленный, а где-то еще не тронутый топором лесоруба лес. Унылые деревни с подслеповатыми, пыльными окнами да древние старухи, сидящие возле своих покосившихся от времени и от отсутствия молодых рук домишек, лишь дополняют эту далеко не самую радостную картину.

Местами жизнь берет свое, и там дорожное полотно становится цивилизованно-асфальтовым и, как бы стыдясь, старается даже отойти от убогого тракта. Но пока все это лишь местами...

Итак, Соликамский тракт – своеобразная дорога жизни для многих сел и деревень нашего края. О его прошлом, настоящем и будущем вы узнаете, прочитав этот очерк.

## ЧАСТЬ 1

### Татищев, Модерах и другие

#### *Письмо императрицы*

Хоть и немало повидал па своем веку главный начальник казенных заводов Урала В.Н. Татищев, хоть и бывали у него падения и взлеты, но в любом случае негодующее письмо от императрицы Анны Иоанновны, полученное им в мае 1736 года, не могло не задеть его за живое. Еще бы... Стремится он работой своей принести пользу государству Российскому, а разного рода «доброжелатели» не только не дают ему как следует развернуться, но и клязничают на него государыне. И самое главное – императрица на их стороне.

А ведь затеял Василий Никитич дело нужное. Пользуясь своими полномочиями, решил он прорубить сквозь дремучие уральские леса новую дорогу, которая бы надежно связала казенные заводы между собой. По его замыслу путь сей должен был начаться в заводе Егошихинском и, пройдя через чащобы, реки и болота, дойти до Пыскора, где также пыхтел мехами и гремел молотами казенный медеплавильный завод.

И поначалу дело пошло. Сотни крестьян по приказу его были согнаны на строительство этой дороги. Только из вотчин некоронованных королей, баронов Строгановых, туда было «наряжено» 1114 человек. Работа кипела. В течение одной только осени 1735 года в разных местах «лесу было прорублено и дороги расчищено шириною в 8 сажень» более 43 верст! Да кроме



того в 37 местах были «мосты намощены»... «Эх, да что там говорить! Еще бы годик-два, — думал Василий Никитич, — и дорога была бы готова. Эх, если бы не Строгановы со своей жалобой...».

Но никуда не денешься, слишком уж круто действовал Татищев. Даже приказчиков строгановских, ежели те не желали отпускать на строительство тракта крестьян и рабочих людей, он грозился побить кнутами да розгами. А что уж говорить о простом люде.

В конце концов, подобная деятельность возмутила и самих баронов. Она сильно была по их карманам. Вот и написали братья государыне императрице о том, что главный начальник уральских заводов норов свой показывает, приказчикам их чинит нападки и людей их «истязывает». «Раз уж дала Анна Иоанновна Татищеву такие большие права, так пусть она их у него и отнимает», — решили Строгановы. И жалоба их достигла цели.

Императрица была возмущена до глубины души. Она с негодованием писала Василию Никитичу, что «до сего времени никакой нужды в дороге сей не бывало, ибо от Егошихи до Пысгора летом водою, а зимой по льду свободный проезд имеетца», а потому строительством дороги он только что и чинит крестьянам немалое отягощение и соляным промыслам помешательство. Хоть и подивился, наверное, Татищев подобной царской логике, да куда денешься, ведь в своем письме Анна строго-настрого указала ему, чтобы он к достройке новоположенной дороги крестьян не наряжал и оную не достраивал. Одним словом, был Василий Никитич обвинен в самоуправстве, права его существенно ограничили, а сооружение тракта, как это и не жаль, прекратили.

Правда, нельзя сказать, что этот случай сильно повредил карьере Татищева. Но точно известно, что через год он был с Урала отозван и переведен на должность астраханского губернатора. Что же касается Соликамского тракта, то о нем на время забыли и вспомнили лишь в начале XIX века при пермском губернаторе Карле Модерахе.

### *Предать законному суждению*

В мае 1805 года в управления и конторы всех прикамских заводоуправлений и солепромышленников поступили письма за подписью пермского губернатора, тайного советника и кавалера Карла Модераха. В них губернатор сообщал, что с личного одобрения императора Александра I предписывает он всем управляющим незамедлительно приступить к доустройству большой трактовой дороги, пролегающей от Перми до Соликамска, и «чтобы, исправить оную в течении трех лет». Тракт требовалось строить «точно так, как сие по прочим округам заведено». На деле это означало, что всю дорогу надо было «разбить прямолинейно шириною в три сажени, а всю поросль вырубить на семь сажень». Там, где был лес, предписывалось «наблюдать, чтобы тракт от него не сужался и сучья от деревьев над дорогой не внес-

лись». Дорожное полотно требовалось очистить от камней, пней и корней, окопать его канавами, проложить трубы, мосты, устроить переправы. В опасных местах в обязательном порядке предписывалось ограждать дорогу надолбами или оплести ивняком, а также поставить на ней верстовые столбы, указатели селений и проч.

В общем, дело было задумано большое, но на кого все это возложить?

По мысли губернатора, эту важную для всего края дорогу обязаны были строить подведомственные частновладельческим конторам люди, да такие, «чтобы были здоровые и не малолетние, а способные к работе, дабы не могло последовать в устройстве дороги остановки». Каждая контора должна была «отряжать каждогодно» по окончании полевых работ необходимое количество людей из расчета 10 человек от ста душ населения.

Нельзя сказать, что это распоряжение губернатора Модераха пришлось по душе приказчикам. При получении письма никто из них особого рвения не проявил. Вместо этого началась длительная переписка между управляющими и заводовладельцами, пошли, как и во времена Татищева, жалобы на притеснения со стороны губернского начальства, начались всякого рода увеливания от исполнения работ.

Как доносил Модераху земский комиссар (была, оказывается, тогда и такая должность) Налетов, справлялись со своими работами лишь государственные крестьяне, помещичьи графа А.С. Строганова, княгини Шаховской и наследников Турчанинова. Другие же заводовладельцы и солепромышленники от строительства дороги всячески уклонялись. «Мало работников, — читал К. Модерах, — отрядили на отведенные им участки барон Строганов, княгиня Голицына, именитый гражданин Шнауф, ротмистр Всеволожский». Губернатор глазам своим не поверил, когда прочитал, что у последнего из 17 человек, откомандированных на тракт, годных к работе оказалось только... 2(!). Прочие же были малолетними или престарелыми.

Попал в этот черный список и владелец Полазнинского завода Е.Л. Лазарев. От него вместо 250 человек трудилось лишь 97, да и те в районе Никулино и Челвы работали спустя рукава.

Итоги первых месяцев строительства оказались малоутешительными. В безобразном состоянии дороги и в не менее безобразном отношении к ее устройству убедился и сам губернатор, проехавший по ней летом 1806 года. Главная причина этого крылась, по его мнению, «в не высылке к тому достаточного числа людей». Но губернатор был не из тех людей, кто пасовал перед трудностями. В ответ на саботаж он самым решительным образом потребовал от Соликамского земского суда «предать законному суждению всех неповинующихся».

Особенно его взбесила позиция лазаревских чиновников, которые требованиям земского комиссара подчиняться отказывались, работников на дорогу если и высылали, то недостаточно, да к тому же стариков, женщин и

детей, от которых проку было мало. По сообщению Налетова, эти работники лишь «безпрестанно отлучались за заготовлением для себя хлеба в свои жилища».

В конце лета 1806 года под давлением губернатора земский суд г. Соликамска вызвал на свое заседание приказчика лазаревского имения Глазунова, так как, по данным суда, «раскомандировка» людей зависела именно от него. Глазунов обвинялся «в ослушании начальству» в недостаточном выделении работников на строительство тракта и в недельном отзыве их оттуда. «Ох и влип же я, — думал, вероятно, приказчик. — С одной стороны, Ефим Лазаревич (владелец завода. — М.К.) людей отпускать не велит, а с другой — губернатор разными карами грозит». С расчетами в руках он клялся, что свободных работников у него действительно нет, что по приказанию заводовладельца все 9,5 тысячи давно уже распределены. Кто-то из них занимается заготовкой разных заводских припасов, кто-то занят на сопровождении караванов, кто-то плавит железо и вываривает соль, а четыре с лишним тысячи душ и вовсе больные, увечные, старые да малые и «никакой работы и службы исправлять не в силах», — доказывал Глазунов.

Однако открутиться от дорожной повинности ему все же не удалось, и, судя по донесению из Усолья, осенью 1806 года на исправлении тракта из вотчин Лазарева было занято более 300 человек. При этом управляющий подчеркивал, что и «будущим летом дорогу исправлением все равно не закончить».

Уже после этого, в 40-х годах, долгое время дискутировался вопрос о необходимости «переложить на новое место» ту часть Соликамского тракта, что проходила от Мотовилихи до Левшино. Это мотивировалось тем, что в свое время дорога была проложена неудачно, на ней имелось много гор, мостов и она отличалась тяжелым глинистым грунтом. При этом были разные варианты переноса. Один, предложенный земским исправником в 1843 году, предусматривал прокладку нового участка тракта от «Мотовилихи по Лядовской дороге на 4 версты», а затем налево в сторону реки Чусовой. По предложению же инженера Яновского тракт можно было проложить от Егосихи под Красной горой до Мотовилихи, а затем на Левшино «по местам ровным и удобным». Судя по всему, именно этот вариант, хотя и с определенными поправками, внесенными исправником в 1848 году, и был принят в качестве основного. При этом обходилась гора у Язовой, путь сокращался на 2 версты, и частично использовалась часть старой дороги, «совершенно упроченной многими годами». По данным за октябрь 1848 года, этот участок тракта был «вчера устроен», однако работы по его благоустройству продолжались еще не один год.

Если же вернуться к началу века, то, как вспоминали современники, в годы губернаторства К.Ф. Модераха дороги в Пермской губернии сделались одними из лучших в России. «Что за дороги в Пермской губернии! Пре-

лесть! Я не сравню их с самим шоссе: ровны, сухи, гладки, нигде не найдете ни одной рытвины... Чуть появилась какая-нибудь неровность, тот час же засыпают ее гальками, которые в большом количестве насыпаны по обеим сторонам дороги. Я всегда вспоминал пермские дороги, когда мне случалось проезжать по другим местам, где они дурны», – писал в 30-х годах прошлого столетия П.И. Мельников-Печерский.

Но прошли годы и десятилетия. Сменились люди и порядки. И, судя по всему, забылись слова губернатора К. Модераха: «За дорогами наблюдать надобно, без чего они хорошими быть не могут». И вот результат. По словам очевидцев, в 60-70-х годах прошлого века пермские дороги пришли в полную негодность. Постоянной головной болью для деятелей Пермского губернского земства стал еще один тракт, построенный Модерахом, – Сибирский. Ремонтировался он без всякого плана и технического контроля, а оттого и деньги, выделявшиеся на его содержание, исчезали как в бездонной бочке. «Пермских земцев, со Смышляевым (председателем. – М. К.) во главе, возить бы по Сибирскому тракту до тех пор, пока они на своих боках не почувствовали бы ужаса всего», – отмечал в 1875 году еще один русский писатель В.И. Немирович-Данченко, брат известного режиссера.

Причины ужасного состояния дорог крылись, в частности, в том, что после отмены крепостного права принудить крестьян к выполнению натуральной дорожной повинности было крайне трудно. Впоследствии дороги стали содержаться как за счет земства, так и за счет заводууправлений. Брали дорожные подряды и крестьяне, те, кто хотел подзаработать. Какой-то особой дорожной службы не было.

## ЧАСТЬ 2

### От Перми до Соликамска

Летним солнечным днем 1838 года по большой трактовой дороге медленно катился запыленный конный экипаж. В нем, с превеликим любопытством осматривая проплывающие мимо окрестности и донимая возницу расспросами, ехал молодой человек лет 20-ти от роду. Типичный окающий говор явно выдавал в нем уроженца волжских мест. Видя большое любопытство пассажира, возница с настроением рассказывал разные местные были и небылицы, которые тот, несмотря на дорожные неудобства, старательно записывал в толстую тетрадь.

Этим молодым человеком был выходец из небогатой дворянской семьи, уроженец Нижнего Новгорода и выпускник факультета словесности Казанского университета Павел Иванович Мельников. В то время вряд ли кто мог предположить, что станет он впоследствии известным прозаиком, автором ряда самобытных повестей и романов и войдет в отечественную литературу под псевдонимом Андрей Печерский. Н.Г. Чернышевский причислил его «к

даровитейшим нашим писателям», а М. Горький не раз призывал молодых авторов учиться у Мельникова-Печерского чистоте и богатству языка.

Вот этот автор, а точнее, его «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» и будут сопровождать нас в путешествии по Соликамскому тракту. Итак, в путь...

### *Чусовая и ее окрестности*

Начинаясь в Перми, этот тракт уже вскоре выходит на берег одной из красивейших рек Урала, реки Чусовой. Есть на ней и пенные перекаты, и тихие плесы, величественные и грозные камни-бойцы и узкие теснины. Кажется порою, что река эта только для того и создана, чтобы любоваться ею, отдыхать душой. Но миновали миллионы лет, прежде чем по коридору, пробитому Чусовой в Уральских горах, прошли первые люди. Охотились они здесь, неподалеку от кромки великого ледника, на огромных мамонтов, шерстистых носорогов да гигантских оленей. И немало воды утекло с той поры в Чусовой, и поменялся климат, прежде чем поселились здесь другие люди: ханты, манси и коми-пермяки. А уж затем, в XV веке, зазвучала на берегах уральской красавицы и русская речь.

«Долгое время река эта была единственным путем для сношений между Северной Европой и Азией, – сообщали в начале нашего века авторы «Полного географического описания нашего Отечества», – по ней большая часть народов, переходивших Уральский хребет, вторгалась в Европу, по ней Русь высылала в Сибирь первых своих колонистов. Вверх по Чусовой плыл Ермак со своей дружиной, и нигде не осталось столько следов его смелых предприятий, как здесь: почти каждое урочище по Чусовой связано с ним какой-нибудь легендой и носит или его имя, или имя одного из его удалцов».

В XVIII веке, по мере строительства на Урале металлургических заводов, вниз по этой реке двинулись многочисленные чугунные и железные караваны. Немало их разбилось на стремительных и бурных чусовских перекатах. Недаром же в переводе с коми-пермяцкого Чусовая – это «быстрая вода».

Правда, нынче эта река уже не та, особенно в низовьях. Огромную территорию затопило Камское водохранилище. «Когда заполнялось... водохранилище, большой шторм был. Множество людей и машин сгребали в кучу лес, дома, какие-то осиротевшие постройки – и сжигали их. Костры были на сотни верст», – с горечью писал очевидец тех событий, известный писатель В. Астафьев. Только на территории Добрянского района переселение коснулось обитателей более чем 50 населенных пунктов. На новые места требовалось перевезти 1660 домовладений, а также школы, амбулатории, предприятия и т.д. На дне оказались прекраснейшие заливные луга, исчезли пойменные озера. Тогда же поменяла свое место и переправа на Соликамском тракте. Если раньше она была ниже по течению реки, то сейчас паромы пристают возле небольшой деревушки Адишево. Всяк переезжающий Чу-

совую может увидеть здесь лишь несколько старых, но крепких еще с виду домов. Картинка прямо-таки идиллическая: невысокий берег, плеск воли, зелень травы и голубизна неба.

В старые времена Адищево было значительно больше, чем сейчас. По листам переписи прошлого века, можно обнаружить в них, что в 1869 году эта деревня делилась на две части: нижнюю и верхнюю. Было в ней в общей сложности 34 крестьянских двора, в коих проживало 84 жителя мужского пола и 95 женского.

По другую сторону тракта картина совсем иная. Огромные кучи поднятой со дна реки древесины, захламленный обрывками тросов и каких-то механизмов берег, а еще дальше – насыпь и конструкции строящегося здесь автомобильного моста.

В здешней округе, по берегам р. Чусовой, есть еще немало старинных деревень. Пример тому – деревня Городище, известная с 1623 года. Было в ней тогда всего-то 4 двора крестьянских, а проживало в них 9 человек мужского пола. Женщин в переписях не указывали. В 1800 году эта деревня была известна как «Галкина, Городище то ж». Другая деревня – Гари, начала свою историю с 1647 года. Так что и у нее возраст вполне почтенный.

В 50-х годах нашего столетия в здешних краях построили железнодорожный мост и ветку Левшино – Углеуральская, благодаря чему улучшилось сообщение с областным центром и стал развиваться станционный поселок Пальники. Его население превышает сейчас 600 человек. В последние годы по берегам Чусовой появляется все больше и больше дачных поселков. Природа этому вполне благоприятствует.

Буквально от самой переправы Соликамский тракт начинает взбираться на возвышенность, служащую водоразделом Камы и Чусовой. Вид отсюда открывается просто великолепный: широкая, извилистая лента реки, далекие, словно игрушечные, пароходики, свежая зелень лесов и полей. Лишь местами эта гармония нарушается индустриальными пейзажами, которые явно указывают на близость Перми. На этой же возвышенности, справа от дороги, стоит покосившийся и облупленный знак – «Добрянский район». Но если свернуть с Соликамского тракта налево, то неминуемо окажешься в деревне Залесной. Раньше тракт проходил прямо через саму деревню. Она и растянулась-то вдоль него. Были здесь в начале нашего века почтовая станция, земская школа, а численность населения превышала 220 человек. В наше время Залесная является достаточно крупным населенным пунктом. В 1993 году в ней имелось 150 хозяйств и проживало более 400 жителей. Некоторое время назад повысился и ее статус. Сюда из села Красная Слудка был переведен сельский Совет, а потому Залесную стоит называть уже не деревней, а селом.

Проезжая по его центральной, хотя и довольно ухабистой улице, трудно не заметить слева от дороги небольшое, симпатичное озеро. С одного края

«охраняет» его старая береза. Поначалу не верится даже, что глубина этого озера превышает 10 метров (!), и лишь по округлым очертаниям можно сделать вывод о его карстовом происхождении. Специалисты называют это озеро Исчезающим, так как были случаи, когда оно уходило, а затем появлялось вновь. По их мнению, оно имеет большое научно-познавательное значение. На берегах этого озера можно заметить и рыболовов.

Известна Залесная и своими людьми. Лыжня, проложенная когда-то местными мальчишками и девчонками по здешним полям и косогорам, стала дорогой в большой спорт для знаменитой в прошлом лыжницы, заслуженного мастера спорта, 18-кратной чемпионки СССР З.Д. Болотовой. В 1993 году под эгидой райспорткомитета в Добрянке прошли первые лыжные соревнования в ее честь.

А вот на самом краю деревни примостился просто удивительный по красоте дом, который весело глядит на прохожих окнами с резными наличниками, узорным карнизом, украшенной затейливо крышей, ажурной трубой. Живет в этом тереме бывший машинист тепловоза Борис Иванович Коньков вместе со своей супругой Антониной Михайловной.

— Три года собирал всякую обрезь из шихты, придумывал, на что какой кусок металла может согнуться, — рассказывает хозяин дома, — железо было ржавое, на наждаке вручную отшлифовывал каждый кусок. Да и над деревянным карнизом немало пришлось посидеть с лобзиком, пилкой да коловоротом.

— Стружки сколько было, — вспоминает жена умельца Антонина Михайловна. — В начале-то, когда поженились, в пятьдесят втором, дома не было у нас, но за год поставили, еще через год обшили... И что начнет мой делать, я поддерживаю всегда, — продолжает она, угощая нас разными домашними яствами. — Мы в деревне живем, а хочется жить получше, чтобы людям и самому приятно было...

— Люди часто заходят. Смотрят, что и как, — подхватывает разговор хозяин дома...

Глядя на этих гостеприимных людей и слушая немудреные их рассказы, трудно не вспомнить слова П.И. Мельникова-Печерского о жителях Пермской губернии: «Жители ея более, нежели жители прочей России, сохранили в себе русского духа. Они гостеприимны, радушны, все русское, вытесненное в других местах обстоятельствами и временем, здесь господствует во всей силе, во всей красоте старины, заповедей... Милое радушие и редкая честность отличают пермского крестьянина, от крестьян волжских, не говоря уже о живущих близ столиц...».

Так что, как видите, сохраняются еще нити, соединяющие прошлое с нашим сегодняшним днем.

### ***О Полазне и не только о ней***

От Чусовой и до Полазны Соликамский тракт покрыт латаным-перелатаным асфальтом. Но местные жители и шоферы рады и этому. Путь до По-



лазны занимает у них минут 15-20. Полторы же сотни лет назад, во времена Мельникова-Печерского, извозом здесь занимались главным образом крестьяне из окрестных сел и деревень. Они перевозили как пассажиров, так и грузы, в основном различные заводские припасы. Вот что писал об этом сам автор «Дорожных записок».

«Прогонов мы не платили во время разъездов по заводам. Взяв в Перми от всех управителей или поверенных бланки, т.е. подорожные, мы везде получали лошадей без малейшего задержания... Пищик на каждой станции записывал наши бланки в книгу, которая в известное время представляется на рассмотрение управителям. Эти последние, рассмотрев ее, платят ямщикам прогоны по 2 копейки за версту на каждую лошадь, из особых сумм. Несмотря на то, что цена эта слишком умеренна в сравнении с прогонами платимыми почтовым ямщикам, здешние крестьяне находят большие выгоды от этого промысла».

В настоящее время на всем пути от Залесной до Полазны имеется лишь одна небольшая деревушка – Ивановка. Домики ее расположились за нешироким полем по правую сторону от тракта. Известна Ивановка с XIX века. В 1869 году в ней насчитывалось всего-то 6 дворов. Входила она тогда в состав Полазнинской волости. В наше время в 15 здешних дворах обитает чуть больше 30 человек.

Впереди, в нескольких верстах от Ивановки, виднеется уже и сам поселок Полазна, который раньше назывался Полазнинским заводом.

«Ночью мы приехали в завод Полазну, принадлежащий господам Лазаревым, – писал в своих записках Мельников-Печерский, – переехав через плотину, с одной стороны которой находится обширный заводской пруд, а с другой здания завода, мы поднялись на небольшое возвышение, на котором, кроме дома управляющего, церкви еще не достроенной, каменного госпиталя и домов разных служителей, было еще несколько домов принадлежащих мастеровым. Чтобы не беспокоить управляющего в ночное время, мы остановились в особом доме, который назначен для проезжающих чиновников. Такие дома устроены во всяком заводе и в них... вы можете остановиться, жить и пользоваться, не платя ни копейки...

Потру, часу в восьмом, отправились мы к управляющему, дом которого был напротив нашей квартиры. В управителе нашел я человека уже пожилого и с вида простодушного; он сидел за своими бумагами, когда мы вошли, принял нас очень ласково, оставил в покое свои дела и занялся с нами; из разговоров он показался мне человеком добрым, радушным и хотя с ограниченным образованием, но зато с природным умом, с русской сметливостью и... и..., как бы это сказать? И с способностью хитрить. Все эти качества свойственны всем заводским управляющим, и вы, познакомясь с одним, вызнав все его манеры, можете ездить по всем заводам без этой несносной необходимости привыкать к людям...».



Вполне возможно, что того полазненского управляющего, с которым познакомился начинающий писатель, звали Александр Григорьевич Быдарин. Если это так, то это никто иной, как отец известной впоследствии уральской писательницы Анны Александровны Кирпищиковой, уроженки Полазны. Ее перу принадлежат такие рассказы и повести, как «Недавнее», «Прошлое», «Петрушка Рудометов», «Как жили в Куморе» и ряд других. В них, как правило, рассказывалось о жизни уральских мастеровых. Ее произведения печатались на страницах известнейших в то время журналов «Отечественные записки» и «Современник». Писательница была лично знакома и с их редакторами Н.А. Некрасовым и М.Е. Салтыковым-Щедриным.

И старую, и нынешнюю Полазну невозможно представить себе без ее Свято-Троицкой церкви. Появилась она здесь, справа от дороги, на небольшом возвышении, еще в 40-х годах прошлого века. До нее в селе Полазненском имелась одноименная деревянная церковь, выстроенная то ли в 1664, то ли в 1685 году. Вполне понятно, что к началу XIX века она уже сильно обветшала. Был даже случай, когда во время службы в ней отвалилась часть иконостаса вместе с иконами. Поэтому в начале 30-х годов минувшего века в Полазненском заводе было решено построить новый храм, на сей раз каменный, который бы придавал имению господ Лазаревых «вид благолепия». Было решено церковь оную строить по примеру тому, «что в Москве у Меньшиковой башни...». Однако начало ее строительства долго откладывалось. Заложена она была только в 1837 году. Строили ее крепостные крестьяне Балахнинского уезда Нижегородской губернии А. Маеров, К. Ерофеев и Г. Евсеев. В 1838 году все работы на ней шли довольно успешно, а к 1843 году храм был полностью готов. На колокольню водрузили колокола, самый большой из которых весил 100 пудов.

В советское время участь этого храма оказалась сродни многим другим. Он был закрыт в 1930 году. Вначале в нем была организована школа, потом там показывали кино, а затем его и вовсе забросили. Восстановление церкви началось лишь в начале 90-х. Вместе с рабочими сейчас здесь трудится и ее настоятель, отец Мирослав. Один придел церкви уже действует. По соседству с ней сохранился еще целый ряд старых зданий, построенных в XIX веке. Можно отметить, к примеру, здание бывшего заводского госпиталя, скрывающегося от посторонних глаз за старыми, вековыми деревьями, его ровесниками.

Покидая Полазну, вспомним, что она является одним из самых старых населенных пунктов в здешнем крае. Первое упоминание о ней относится к 1623-24 г. Тогда в деревне Полазной насчитывалось всего-то «4 двора крестьянских, а людей в них 14 человек».

Долгие годы история Полазны была связана с фамилией Строгановых, но в 1778 году, после смерти барона Николая Григорьевича, Полазна и ее окрестности были куплены богатым выходцем из Армении И.Л. Лазаревым,

потомки которого через несколько десятилетий стали князьями Абамалек-Лазаревыми.

В 1797 году новый владелец выстроил на р. Полазне металлургический завод, при котором в 1838 году числилось 550 мастеровых, выплавлявших до 65 тыс. пудов железа в год.

Второе рождение Полазны связано с открытием здесь в августе 1939 года нефти. Благодаря ей Полазна сегодня – это не только старые деревянные дома, разбегающиеся по окрестным косогорам, но и вполне современные пятиэтажки, школы, дворец культуры и т.д. Часть жилья здесь совсем недавно была построена немцами, соорудившими магистральный газопровод из Сибири в Европу.

### *Лунежские горы*

«На другой день мы оставили Полазну, – пишет Мельников-Печерский, – выехав из этого завода, мы должны были подняться на довольно высокую возвышенность, с которой вид был очень живописен. С одной стороны, как голубая ткань, расстился пруд, берега его были опушены лесом или обстроены домами, которые отражаются в зеркальной влаге. Направо Кама себрытся в дали. Возвышенный правый берег ея зеленою полосою отделяет воду от небосклона...».

Здесь же, на этой горе, заканчивается нынче хоть и не ахти какой, но все же асфальт. Дальше Соликамский тракт становится гравийным, разухабистым и мотается из стороны в сторону то ли от старости, то ли от наплевательского отношения к нему со стороны наших доблестных дорожников. В сухую летнюю пору пыль тут стоит ужасная. Кое-где среди этой пыли виднеются серые, словно замаскированные, убогие домишки. Это деревня Пеньки. Каких только версий не приходилось слышать по поводу ее названия. Самая распространенная из них звучит примерно так: «Были тут деревья. Потом их срубили и остались одни пни». «Да нет, – перебивает другой знаток, – делали здесь раньше пеньку, вот и деревня так прозвалась». На деле же название этой неприметной деревни произошло от имени Пантелей. По-простонародному это имя звучало как Пенько. Скорее всего, так звали основателя этой деревушки.

Неподалеку от Пеньков, почти на самой вершине горы, встречается еще одна, с виду более обжитая деревня – Константиновка. Всякий проезжающий через нее наверняка успеет заметить небольшое, почти круглой формы озерцо, примостившееся рядом с дорогой. Оно радует глаз и выглядит таким оазисом в здешней пыли. Между тем это озеро служит еще одним напоминанием о карсте в нашем крае. Просачиваясь через трещины в пространенных здесь гипсах и известняках, вешние и дождевые воды образуют в их толщах пустоты, своды которых время от времени обваливаются. Многочисленные воронкообразные, словно от авиабомб, углубления,

встречающиеся вдоль тракта, как раз и являются следствием таких процессов. Порой эти воронки заполняются водой, и тогда на их месте образуются глубокие карстовые озера. Именно из таких карстующихся пород состоят знаменитые Лунежские горы.

Может быть, человеку бывалому их высота кажется просто смешной, подумаешь, какие-то 40 метров над уровнем реки, но, тем не менее, для нашего края они – явление уникальное. Недаром ведь, начиная с XIX века, эти береговые утесы привлекают взоры ботаников и геологов. Для них Лунежские горы – это настоящая сокровищница. Это своего рода машина времени, на которой можно унести не то что на тысячи, а на десятки миллионов лет назад. Где-то здесь, на этих обрывистых, белокаменных склонах, нашла себе последнее на Земле убежище Кастиллея бледная – растение, сохранившееся с доледниковой поры. Очевидцем событий 60-миллионной давности является папоротник-многорядник Брауна. Кроме Лунежек, ученые отыскиали его только на р. Вишере, на камне Ветлан. Удивительным явлением здесь, среди берез и елей средней полосы, считается присутствие типично тундрового растения – куропаточьей травы, или дриады. Она лишний раз напоминает, что несколько десятков тысяч лет назад тундровые ландшафты были для Прикамья обычными.

Лунежские горы – это «мекка» не только для ботаников, но и для геологов, облизавших их вдоль и поперек. Они отыскиали здесь и пещеру протяженностью 55 метров, и так называемый трамплин – геологическое обнажение, типичный слой Пермского периода палеозойской эры и еще чего-то такое, что понятно и интересно только специалистам.

Что же касается неприметной с виду деревни Лунежки, то благодаря своим горам и реликтам она известна сейчас любому ботанику и геологу. К примеру. Лунежским назван верхний слой Кунгурского яруса Пермской геологической системы.

Сама же деревня типично уральская. Пожалуй, ее не сразу и отличишь от уже известной нам Константиновки, да и от других притрактовых деревень. Дома ее, несмотря на старость, выстроились вдоль пыльного тракта, как солдаты-новобранцы на первое построение. Впрочем, такое расположение построек для нашего края не редкость.

Лунежки – деревня старая. Появилась она где-то в XVIII веке, а в 1834 году в ней проживало уже около полутора сотен жителей. Глядя на сегодняшнюю деревню, трудно и представить себе, что обитало здесь когда-то более 350 человек, а число хозяйств доходило до 80. Были в Лунежках своя школа, земская почтовая станция, маслобойня. Жило здесь и немало зажиточных мужиков: Вдовины, Михалевы и другие имевшие свои магазины и бравшие большие подряды на перевозку разных грузов для близлежащих заводов. А сейчас здесь числится 20 с небольшим дворов, в коих проживают 50 местных жителей. Да и те в основном в годах.

Совсем уж обветшала нынче д. Горы, где на 1 января 1992 года числилось лишь 4 жилых дома, хотя в 1926 году их было на 20 больше. Правда, ситуация тут начинает потихоньку меняться в лучшую сторону. Рядом с деревней обосновались садоводы, до нее дошел асфальт, а на некотором удалении от нее сияет по ночам огнями газокompрессорная станция. Эта деревня, как и все предыдущие, относится нынче к Полазненскому поссовету, хотя в свое время здесь был свой, вначале Кряжевский, а затем Ключевской сельский Совет. Кстати, деревня Ключи, которая остается сейчас в стороне от Соликамского тракта, судя по данным статистики, даже понемногу растет. Если на 1 января 1981 года в ней числилось 228 жителей, то через 11 лет их число возросло до 240 человек.

Тем временем тракт, одевшись хотя и в тонюсенький, но все-таки в асфальт, доходит до отворота на город Добрянку. До нее отсюда порядка 9 километров по так называемому Тележному тракту. Место это, развилка дорог, примечательно тем, что здесь в 1971 году был установлен памятник, напоминающий о событиях Гражданской войны. На этом месте в декабре 1918 года были расстреляны активные участники становления Советской власти в Полазне. Не будем судить ейчас, кто был прав тогда, кто не прав. Ясно только, что в гражданской, братоубийственной, войне победителей не бывает...

### ***«И что же за притча такая содеялась?»***

Вскоре после отворота на Добрянку Соликамский тракт все чаще и чаще начинает нырять в глубокие лога, по дну которых протекают небольшие лесные речушки: Вож, Яринка, Вязовая, Добрянка, Лух и другие. Да и в целом местность приобретает иной вид. Исчезает все время сопровождавшая нас до этого Кама. На смену большим полям приходит уже настоящий лес, который плотно обступает тракт с обеих сторон. Правда, местами виднеются следы вырубок, но природа уже берет свое, и эти раны постепенно затягиваются молодой порослью. В районе р. Вож и у железнодорожного переезда через ветку Ярино – Добрянка лес тоже несколько потеснился. Здесь бурную деятельность в последние годы развили добрянские садоводы. Естественно, что во времена Мельникова-Печерского в таком садоводстве никакой нужды не было, а потому и ехал он тогда, «то поднимаясь па возвышенности, то спускаясь с них пустынным лесом, состоящим из сосны, ели, пихты, лиственницы и других хвойных деревьев». «Редко-редко встретится молоденькая береза или трепещущая осина, одиноко, как сирота, растущая между чуждыми ей деревьями», – сообщал своим читателям автор «Дорожных записок». Читаешь эти строки, и складывается впечатление, что за 150 минувших с той поры лет видовой состав наших лесов существенно изменился. По крайней мере, березой и осиной в нашем крае сейчас вряд ли кого-то удивишь.

В наше время на всем пути от отворота на Добрянку и до д. Кунья оста-

лись две деревни. Первую из них, деревню Ярино, Соликамский тракт, одетый здесь в асфальт, обходит широкой дугой. Поэтому несколько ее дворов, по крайней мере, на расстоянии, выглядят довольно опрятно, особенно в сравнении с покрытыми слоем пыли Лунежками или Пеньками. Не знаю, как сейчас, но, по данным двухгодичной давности, здесь обитало лишь 5 человек. А ведь было время, когда стояло в Ярино чуть ли не 50 крепких крестьянских дворов, да и число жителей превышало 200 душ.

Еще более многочисленной была д. Фоминка (Фомина), входившая в 1926 году в состав Яринского сельского Совета. Но вот ирония судьбы, ныне уже Ярино входит в состав Фоминского сельсовета. Фоминка – деревня достаточно старая. По данным «ревизских сказок» за 1834 год, на здешних косогорах имелось 7 дворов с населением в них в 59 человек. Через тридцать с небольшим лет в Фоминке числилось уже 23 двора. Население достигло 111 душ. Были тут также отмечены православная часовня и почтовая станция.

В 60-х гг. XIX в. ямскую гоньбу, как и прежде, исполняли главным образом крестьяне. В летнее и зимнее время при хорошей погоде на одной лошади им позволялось перевозить по билетам заводоуправлений до 2-х пассажиров. А в ненастье лишь одного. Для таких перевозок должны были использоваться только «способные для этого лошади», а ямщикам предписывалось быть «всегда исправными и трезвыми, чтобы не делать остановки проезжающим». Оплата, как правило, не превышала 5 копеек за версту. Причем из особых сумм крестьянам-подрядчикам выдавался задаток в 60 рублей. Если ямщик зарабатывал больше этой суммы, то ему следовала доплата, если меньше, то невыработанную часть задатка он должен был вернуть в заводскую кассу. Для контроля подрядчики обязаны были представлять «прогонные отчеты», а в каждой конторе имелся специальный журнал для записи проданных билетов.

Если возница попадался словоохотливым, а его пассажир любопытным, то тогда дорога не была в тягость ни тому, ни другому. Вот какую историю записал в свое время в нашем крае П.И. Мельников-Печерский.

«Да, кормилец, – говорил извозщик, – на Чермозе светлое дело. Пруду верст десятка на три конца нет, и плотина-то не только же таки ахти, а все держится. Вестимо, что благочестивый человек ее строил. Ничего не прорвет ее. Небойсь, уже не поедет нечистый свадьбу играть.

– А разве он где-нибудь делал такие проказы?

– А на Очере-то? Неужто не слыхали? Давно то было. Поднялась буря такая, что Господи упаси: крушить, вертить, деревье ломить, светопредставление и все тут. А на пруде вода точно по Каме: так ходенем и ходит. Вот в самую полночь загудело в верху пруда, да так загудело, что и не трусливый, так поди голову-то в изголовье спрятал. Пруд-то весь на плотину и бросься. Бросился как, так от нея только щепочки кое-где остались, а крепкая такая была. И что же за притча такая содеялась? Ан утресь глядь, а по глине-то

следы нечистого... Следы как куриные, только что по сажени каждый. Ну, кому же это, как не самому отятому? (черту. — М.П.). Слышь, после и проведали у знахарей, что-де это он свадьбу играл. Вот, кормилец, какая притча сделалась! Нет, ведь он на заводах-то куда как силен!». Позже писатель узнал, что случай прорыва плотины в Очере действительно был. Причем это так врезалось в память тамошних жителей, что они еще многие десятилетия считали годы от Пугача (Пугачева), да от чертовой свадьбы.

Ну а мы той порой возвращаемся в задыхающуюся от дорожной пыли Фоминку. Нынче эта деревня представляет собой весьма печальное зрелище. Покосившиеся бревенчатые избы с прогнившими крышами, плотно обступив дорогу, словно бы жалуются всякому проезжающему на свою судьбу. Ощущение жгучей безысходности особенно усиливается тут в непогоду, когда деревня буквально утопает в грязи. В такую пору даже мощные грузовики и те лишь с трудом преодолевают здешние затажные подъемы. А сколько еще таких деревень на Руси — не счесть. Впрочем, и за примерами-то далеко ходить не надо. Если в 1926 году в Добрянском районе было отмечено 345 населенных пунктов, то на 1 января 1992 года таковых оставалось только 126. Причем более чем в 50 из них население не превышало и десятка человек.

Тем временем Соликамский тракт, выбравшись из Фоминки, преодолевая подъемы и виляя из стороны в сторону, устремляется все дальше на север, к Косьюе.

### ***Косьвинский край***

По дороге к Косьюе начинающего писателя особенно поразило одно место, где целую версту они «должны были ехать по косогору у подножья большой горы, которая стеною стояла, или лучше сказать висела» над ними. «Покрытая черными соснами, из которых одни нагнулись книзу, другие, упавши от осыпи горы, но все еще держась за корни, висели вниз вершинами и имели мрачную наружность. Ветер свистел в ущельях горы и в ветвях сосен, и его унылые завывания так гармонировали с окружающей нас природой».

Место это, если отбросить литературные излишества, вполне узнаваемо и ныне. Это район д. Куны. Как и во времена Мельникова-Печерского, ехать тут приходится «местами низкими, сырыми, грязными». Что же касается самой деревни Куны, то даже в 30-х годах прошлого века она была значительно больше, чем теперь. Да что там больше... Трудно поверить, но в 1834 году во всем косьвенском крае по числу жителей она уступала лишь с. Никулинскому. Уже тогда, по данным «ревизских сказок», здесь числилось более 250 душ. Лишь к началу нашего века Кунья стала чуть-чуть уступать еще одному селу — Перемскому. К 1926 году вдоль Соликамского тракта да вдоль речки Куны стоял уже 121 крестьянский двор, а число жителей доходило до пяти сот. Мало того, в начале нашего века эта деревня была известна не только

в Пермской губернии, но и в соседних – Уфимской и Вятской. Каждый год 18 августа здесь проходил шумный Фроловский торжок, на котором главным товаром были лошади. Вот за ними-то и приезжали сюда наши соседи: вятские мужики, татары да башкиры. Были тут в то время еще пара частных магазинов и земская школа.

Нынешнюю же Кунью не сразу и заметишь. Осталось здесь менее десятка домов, да и жителей-то навряд ли больше. Один дом приткнулся у подножья уже известной нам горы, неподалеку от чистого родника, другой пристроился на противоположном берегу речки, давшей когда-то имя этой деревне. Еще несколько дворов, оторвавшись от других, нашли себе место на невысоком пригорке. Там и пыли-грязи поменьше да и вид получше. А в общем-то, Кунья – это еще один пример деградации российской деревни...

Вскоре после Куньи дорога вновь становится асфальтовой. Здесь потрудились березниковские дорожники. Следы их деятельности были видны, впрочем, и в самой деревне. Там они буквально вгрызлись в край нависающей над ней горы. А дорога, проложенная ими, уже вскоре выходит на мост через р. Косьву.

«Эта река чрезвычайно быстра, гораздо быстрее Чусовой. За 100 сажень слышно как шумит она, пробираясь через камни. Берега и дно ее усыпаны розовыми, малиновыми и зелеными кремнями, разноцветными яшмами, агатами и кругленькими кварцами. По Косьве сплавляют из Кизеловского завода и рудников чугуна в Полазну и Хохловский завод, и железную руду в Чермозский завод», – писал в свое время П.И. Мельников-Печерский. В свою очередь авторы «Полного географического описания нашего Отечества», словно бы дополняя его, отмечали, что эта река «берет свое начало в Среднем Урале, из Косьвинского камня и до впадения своего в Каму пробегает около 300 верст среди безлюдных и лесистых берегов орошая Соликамский и Пермский уезды».

По сообщениям дореволюционных авторов и по данным архивов, по берегам Косьвы встречались месторождения железных руд, платиновые и золотоносные россыпи, каменноугольные копи, велась добыча жернового камня.

Край этот был заселен людьми с незапамятных времен. Свидетельствами того являются многочисленные археологические памятники: костища, селища, городища, оставленные здесь предками современных коми-пермяков. Одно из костищ, Останинское, находится на высокой горе справа от тракта, сразу после моста через Косьву. У подножья горы до недавнего времени располагалась д. Останино, бывший центр обширной волости, включавшей в свой состав 28 деревень. Но все это уже в прошлом. Нынче же самым крупным населенным пунктом в здешних местах является село Перемское.

Первое письменное упоминание о нем встречается в переписи М. Яхонтова за 1579 год, но за четыре с лишним века, прошедших с той поры, оно



неоднократно меняло свое название. У Яхонтова это была деревня Вильгорт. Судя по всему, в ней обитали тогда коми-пермяки, ведь «Вильгорт» с коми-пермяцкого переводится как «Новая деревня». В переписной книге М. Кайсарова за 1623-24 гг. на ее месте был отмечен уже Косьвинский погост, в котором жили «государевы крестьяне». К началу XVIII века стараниями местных жителей на берегу Косьвы была возведена деревянная Никольская церковь. От нее и погост стал называться Никольским. Тогда же, после пожалования Петром I косьвинских земель Г.Д. Строганову, местные крестьяне перешли из разряда государственных в разряд частновладельческих. В 1782 году бывший погост вновь изменил свое название. На его месте появилось село Пермское, которое с начала XIX века все чаще стало именоваться Перемским. Сказывалось присутствие здесь коми-пермяков. Иногда употреблялось и двойное название: «село Перемское (Никольское)». Мельников-Печерский, сообщая о нем, писал, что село это «давольно-таки большое», но если судить по данным «ревизских сказок» за 1834 год, т.е. за 4 года до путешествия писателя, то в нем числилось всего-навсего 10 дворов с числом жителей в них 62.

Правда, уже через тридцать лет на берегу Косьвы, в Перемском, было отмечено 40 дворов, а население увеличилось до 237 душ. Кроме новой церкви, здесь появились часовня, волостное правление, кузница, хлебный магазин (склад), проходило два ежегодных торжка: Крещенский 6 января и Никольский 6 декабря (оба – трехдневные). Торговля шла и в других деревнях Перемской волости: в Бердниковщине, Косятах, Кужгорте, Таборах и т.д. Покупали и продавали там главным образом съестные припасы: мясо, сало, масло, хлеб, привозимые на Косьву скупщиками из Добрянки, Полазны, Ильинского. Встречались на торжках кожевенные товары, изделия из железа, посуда, щетина и прочие необходимые в крестьянском хозяйстве вещи.

Нынешнее Пермское представляет собой один из немногих в нашем крае примеров роста села. Если в 1980 году в нем проживало 638 жителей, то на 1 января 1992 года их число возросло уже до 788 человек. Возможно, это увеличение шло за счет переезда на центральную усадьбу жителей из соседних деревень. В 1926 году в Перемском сельском Совете числилось 38 населенных пунктов, в 1980 – 24, а в 1992 году их оставалось только 14, причем в семи из них жилыми было не более трех домов.

Особенно красивый вид открывается на Пермское и его окрестности с Останинской горы: поля, леса, перелески, извилистая лента Косьвы. Все это создает незабываемую картину и надолго остается в памяти любого побывавшего здесь. В самом селе центром притяжения является старинная церковь, построенная неизвестными мастерами еще в 1830 году. И хотя через сто лет после этого она была закрыта, но участь ее оказалась все же не такой печальной, как у других. По крайней мере, ее не превратили в хлев или склад. Тут разместили хлебопекарню. Впрочем, строили-то ее все равно не для этого...



Старый гравийный и новый асфальтовый Соликамские тракты на какое-то время расстанутся возле доживающей свой век деревушки Мозярово. Новый устремляется прямой линией на север, а старый, словно бы не желая расставаться с полюбившейся ему Косьвой, еще долго сопровождает ее и расстается с ней лишь неподалеку от с. Никулино.

Это село тоже старое. Как и Перемское. Оно так же не раз меняло свое название: починок Микулин – деревня Никулина – село Благовещенское (по церкви) – село Никулинское. Но в отличие от Перемского в его истории был случай, когда оно вместе с соседними починками да деревушками полностью обезлюдело и перепись начала XVII века отмечала здесь лишь пустоши да поросшие лесом пашни: «Пустошь, что был поч. Ланкуш, пашни лесом поросло, средние земли, 3 десятины. Пуст, что был починок Микулин, пашни лесом поросло, середине земли, 3 десятины с полудесятиною. Пуст, что была деревня Хозяйская, пашни лесом поросло, средние земли, 7 десятин с полудесятиною...» и т.д. Что же случилось тогда со здешними деревушками? Куда подевались поселившиеся тут еще во времена Ивана Грозного русские мужики? Об этом можно лишь догадываться. Не исключается и такой ход событий.

Судя по челобитной царю Ивану Васильевичу, посланной в 1581 году братьями Строгановыми, их земли подверглись в то время набегам со стороны сибирских татар, остяков и вогуличей (хантов и манси). Вначале, 22 июля, на р. Чусовой появился крупный отряд, возглавлявшийся «безбожным мурзой» Бегбилеем Агтаковым. Не решившись напасть па укрепленный Сылвинский острожек, мурза с огнем прошелся по русским поселениям и захватил в плен множество мужчин, женщин и детей. Но в тот момент Строгановы не растерялись, быстро организовали погоню, перебили значительную часть нападавших и даже захватили в плен самого мурзу Бегбилея.

Однако всего лишь через месяц на Прикамье напал новый пелымский князь с отрядом в 700 человек. Это нападение оказалось для подручного «сибирского царя Кучума» очень успешным, а первыми русскими поселениями на его пути как раз и оказались косьвинские деревни. Возможно, тогда-то и обезлюдел этот край. Так что приходилось в ту пору русским мужикам не только землю пахать, но и за оружие браться.

К середине XVII века берега Косьвы стали вновь оживать. По переписи П. Елизарова, в 1647 году в деревне Никулиной проживало уже 50 душ мужского пола, а вместе с женщинами, которых в переписях тогда не указывали, его население наверняка переваливало за сотню.

В начале нашего столетия по числу дворов и жителей Никулино превосходило все другие косьвинские селения. Помимо церкви, оно могло похвастаться земской школой, фельдшерским пунктом, наличием волостного правления, почтовой станцией и двумя двухдневными ежегодными торжками: Благовещенским, 25 марта, и Богородским, 8 сентября. На них приезжали крестьяне не только из Пермского, но и из Соликамского уезда. Поистине

уникальным явлением в ту пору было наличие в селе богатой библиотеки, носившей имя Павленкова. Проживало здесь и немало зажиточных мужиков. Недаром же в Никулино имелось несколько частных магазинов, снабжавших население бакалейными и мануфактурными товарами.

О многом из этого может нынче рассказать никулинцам пожилой уже человек, местный краевед и настоящий патриот своего края Алексей Афтамонович Поморцев. По его словам, была некогда никулинская сторона местом богатейшим и оживленнейшим. Только одних деревень в здешней волости, а потом и в сельсовете насчитывалось более трех десятков. Уже в советское время местные колхозники умудрялись получать тут рекордные урожаи и привесы скота. Куда все это делось... Болит душа у ветерана, собирает он по крохам разные сведения о своей земле и надеется, что востребуются они еще когда-то, и совестно станет тогда людям, забывшим свои корни, забросившим землю своих предков. Может быть, здесь и лежит ключ к духовному возрождению России?

А пока стоит в центре Никулино замечательный по красоте, но заброшенный людьми храм. Уже много лет не звонят его колокола и не идут к нему прихожане. Но видно – вкладывали в него строители свою душу, ибо и сегодня, в незавидном своем положении, притягивает он к себе взоры любого проходящего и проезжающего тут. Эта церковь, носящая имя Благовещенской, была выстроена в Никулино местными мужиками и из местного кирпича в 1909 году.

Нынче в этом косьвинском селе проживает порядка 480 жителей. Помимо церкви, в нем сразу же обращает на себя внимание современная кирпичная школа. А в остальном все как везде: длинная и пыльная центральная улица, лай разномастных собак да стрекот выдавших виды мотоциклов.

Уже 400 лет прошло с момента последнего набега «сибирцев» на Косьвинский край, но, глядя на гибнущие, обезлюдившие деревни, не покидает ощущение того, что они побывали тут совсем недавно. Пустошь, что была деревня Плаксива, пустошь, что была деревня Орлова, пустошь..., пустошь... Эх, Расея.,,

### *От Никулино до Соликамска*

После Никулино и его деревень Соликамский тракт попадает в места безлюдные и лесистые. Последним населенным пунктом на территории Добрянского района является нынче поселок Челва, расположившийся возле одноименной речушки. (Челва в переводе с коми-пермяцкого – «тихая вода»). Сейчас здесь проживает порядка пяти сотен человек, до революции же по берегам этой речки населенных пунктов не было. Первая постройка на ней, мельница, появилась тут как раз в 1917 году. Небось, знал бы этот безвестный строитель, что будет твориться в России в последующие годы, так и не затеял бы он это дело. По иронии судьбы именно челвинский край и стал местом ссылки для сотен раскулаченных. В 30-х годах Соликамский тракт был похож временами на печально знаменитую «Владимирку». В соответ-

ствии с предписанием органов ОГПУ местами остановок для ссыльных являлись д. Фоминка и с. Перемское. Тогда же, помимо спецпоселка Верх-Челва, в нашем крае появились аналогичные ему поселки Верх-Добрянка, Ключанка, Усть-Селищная, Талажанка, Усть-Кважва и другие. Судя по всему, с фантазией у новоявленных опричников было туговато, поэтому значительная часть поселков называлась просто по кварталам: 130-й квартал, 9-й, 17-й, 49-й, 85-й и т. д.

Кстати, еще летом 1918 года где-то в самом начале Соликамского тракта (на территории современной Перми) местными большевиками был расстрелян брат последнего российского императора великий князь М.А. Романов. Это в его пользу отрекся в феврале 1917 года от престола Николай II. Однако Михаил от власти отказался, был сослан в Пермь и погиб то ли в районе Балмошной, то ли Кислотного. Точное место убийства так и не установлено. Но вернемся в наши места.

Раньше в нескольких верстах от р. Челвы на Соликамском тракте располагалась почтовая станция Ивановская. От нее в юго-западном направлении уходила еще одна торная дорога, соединявшая тракт с Чермозским заводом. По названию одной из деревень она именовалась Палкинской. В прошлом веке эта дорога не раз вызывала головную боль у служащих Добрянской заводской конторы, ибо, проходя в 70-80 верстах от Добрянки, она все же находилась в ее ведении. Точнее, не вся дорога, а только та часть ее, что проходила по Никулинской даче от станции Екатерининской до станции Ивановской.

В 70-х годах XIX века Палкинская дорога пришла в полную негодность. Как отмечалось в одном из писем, она была «избита до такой степени, что проезд по ней летом бывает невозможным и даже опасным. Мосты и трубы разрушены, канавы заросли...». Укоряя добрянцев, Ильинское правление Пермского нераздельного имения Строгановых напоминало им, что «управление графини по своему положению должно бы служить примером неукоснительного соблюдения законов», в соответствии с которыми все заводу управления обязаны были содержать вверенные им дороги в исправном состоянии. В 1878 году подряд на ремонт этой дороги взял никулинский крестьянин П.Ф. Орлов, обещавший за 150 рублей исправить все 13 с половиной верст пути и отремонтировать при этом 5 мостов, 11 труб, очистить канавы и т.д. Любопытно, что Добрянская контора сетовала на то, что после выхода крестьян из крепостной зависимости дороги стало содержать намного трудней, чем до этого.

Стоит добавить также, что в 40-50-х годах нашего века в тех краях было организовано немало лагерей, и эту дорогу зеки называли «Екатеринкой».

Во времена П.И. Мельникова-Печерского этот край тоже был далеко не самым оживленным. «Пятьдесят верст мы ехали сырыми местами – лес, пустыня совершенная, – сообщал автор «Дорожных записок», – множество мелких речек пересекали дорогу, такую однообразную, такую скучную».

Все это продолжалось до той поры, пока впереди не показалась довольно большая река. «Вот и Яйва-матушка!» – сказал ямщик наш, завидя вдали эту реку. «Слава Богу, доехали. Вот и Романово», – продолжил он, показывая на село, расположенное на правом берегу Яйвы: «там смена».

По словам Мельникова-Печерского, эта река столь же быстра, как и Косьва. «По ней сплавляют чугун и руду из кизеловских дач в Пожевский Завод Всеволожского, который находится на той стороне Камы близ устья Яйвы».

Нынче тракт тут спрямили. Через Яйву построили железобетонный мост, и село Романово остается по левую сторону от дороги. По правую сторону разместился поселок Вогулка, название которого еще раз напоминает о проживавших здесь когда-то вогуличах-манси. Этот поселок известен с начала XIX века, а в 1869 году он упоминался как Вогульский завод, т.к. располагался он тогда при лесопилке. В наше время п. Вогулка имеет довольно неопрятный вид. Улицы его сильно разъезжены трелевочными тракторами и тяжелыми машинами.

Еще не так давно большинство водителей, минуя с. Романово, известное в XVIII веке медными рудниками, продолжали свой путь в г. Березники через деревню Володин Камень. В 1623 году это был «починок, что была деревня Ошкор, Аврамов Камень то ж», а проживал в ней в ту пору Алешка Володимиров по прозвищу Шестачко. Не исключено, что от имени его отца и произошло название этой деревни. В начале 80-х годов нашего столетия в ней обитало около 90 человек.

Сегодня большинство шоферов предпочитает ехать в Березники по новой дороге. Впрочем, и сам-то этот город далеко не старый. Его бурное развитие началось с эпохи индустриализации. Следы ее заметны, что называется, невооруженным глазом: огромные отвалы пустой породы, контуры бесчисленных химических предприятий, разноцветные шлейфы дыма. Впрочем, все это не только видно, но и хорошо ощущается в воздухе. Проблема экологии в этом городе стоит очень и очень остро. А в остальном второй по величине город Прикамья оставляет довольно приятное впечатление. В нем много зелени, улицы широкие и достаточно чистые, есть хорошие условия для культурного времяпрепровождения. Кстати, именно в Березниках окончил школу нынешний президент России Б.Н. Ельцин.

Раньше на месте Березников располагался казенный город Дедюхин. «Управляет работами на дедюхинских солеварнях особенное соляное правление, состоящее из управителя и двух советников», – писал П.И. Мельников. Во время его путешествия здесь было 20 варниц, на которых вываривалось до 150 тыс. пудов соли в год. В начале XVIII века эти земли принадлежали Пыскорскому монастырю.

В 30 километрах от Березников находится г. Соликамск, конечный пункт нашего путешествия. Соликамск – древнейший город Урала. Первое письменное упоминание о нем относится аж к 1430 году. Вся история его была

связана с солью. Значительная часть ее вываривалась купцами Рукавишниковыми, Суровцевыми и другими. Город был славен своими многочисленными церквами.

Сегодняшний Соликамск, или, по крайней мере, значительная часть его, оставляет о себе довольно тягостное впечатление. В городе много старых, обшарпанных домов. На въезде в него высятся гигантские отвалы, целые горы пустых пород. В отличие от соседних Березников, Соликамск кажется менее ухоженным, запущенным. Как нельзя кстати вспоминается тут рассказ старожилы, записанный в 30-х годах прошлого века сопровождавшим нас всю дорогу П.И. Мельниковым-Печерским:

«- А ведь Соликамск-то в старину лучше был?

- Э, в старину! Да, что нынче за свет? Куда теперь таким городам быть, как в нашу старину-то! Вот на моих глазах Соль-Камская захирела, захирела, да и опустилась. А прежде! Господи! Церкви-то Божьи стоят вдоль по Усолке и главы их как жар горят. А дома-то вокруг, большие да каменные. Куда! Теперь их и в помине нет...».

Пробыв какое-то время в Соликамске, Павел Иванович отправился в обратный путь, только на этот раз уже по Каме. Побывал он в Пожве, Чермозе, Ильинском. Не обошел вниманием и Добрянку. Однако это уже другие страницы истории, те, что выходят за рамки нашего повествования.

Итак, закончилось наше путешествие по старинному Соликамскому тракту – дороге, уже более двух столетий играющей важную роль в жизни нашего края. Значение его велико, ведь это самый короткий путь от Перми до индустриальных центров верхней Камы. Судя по всему, в ближайшие годы эту дорогу ждут большие перемены. Дело лишь за строительством моста через р. Чусовую. Может быть, после этого и проснутся от спячки притрактовые деревни, стряхнут с себя придорожную пыль и, может быть, ожидает их еще светлое будущее.

*Камские зори. 1994. №№ 9, 11, 12, 17, 18, 20, 21, 28, 29, 34, 38, 39*

## «Июминка» старой Полазны

*Все старые уральские заводы были вододействующими, оттого их неизменным атрибутом считались пруды. Не был исключением из этого правила и Полазненский металлургический завод, перегородивший свою 180-саженную плотину речку Полазну в 1797 году.*

Заводской пруд, окаймленный по обоим берегам обывательскими домами, темно-зелеными елями и крутыми известняковыми торами, простирался на несколько верст в длину да и в ширину, как писали в свое время, разливался «на большое пространство». В целом же этот пруд был вполне обычным делом. У других заводов они выглядели даже повнушительнее: и размерами бывали поболее, да и с виду поживописнее. Но была все же в Полазне своя июминка.

В самом начале XIX века стараниями здешнего заводского приказчика Шардина был построен еще один относительно небольшой пруд, который, по мнению управляющего Лазаревским именем Л. Ослоповского, «заслуживал особого внимания по изобретательству мысли и искусству», с которым он был устроен.

С одной стороны он был ограничен «прямолинейной утесистой горой», с другой – плотинной большого заводского пруда, а с двух оставшихся сторон его замыкала «устроенная под видом глагола» (Г-образная. – М. К.) плотина длиной в 164 сажени. Она обращала на себя внимание всех проезжавших через Полазну, ибо, будучи покрыта дерном, была очень похожа на специально обустроенный для прогулок бульвар. В далекой уральской глуши такой регулярный, столичный, цивилизованного вида пруд был большой редкостью.

«Сей пруд составляет прекрасный вид природы», – писали видевшие его современники. Как сообщалось далее, вода в этот водоем поступала из ключей «с лежащей тут горы истекающих» и была кристально чистой. При этом в отличие от изнеженных великосветских прудов Петергофа Полазненский был еще и тружеником, ибо через особые прорезы в плотине его чистейшая вода поступала для действия заводских механизмов.

В сообщениях из Полазны конца 30-х годов прошлого века и более поздних о нем уже не сообщалось.

*Камские зори. 1994. 19 июля*

## В низовьях Косьвы

*После выхода в 2008 году книги по истории и географии Добрянского района «В сердце Пермского края» мне было несколько звонков и писем от бывших жителей или уроженцев Нижнекрасновского сельсовета с просьбой дополнить изложенный материал сведениями об этом косьвинском селе и его округе. Сегодняшняя публикация в какой-то степени призвана восполнить этот пробел.*

### История с географией

Для начала отмечу, что ранее на Косьве имелось две деревни Красные. Первая существует на берегу Косьвинского залива Камского водохранилища и поныне, а вторая находилась значительно выше по течению Косьвы, на ее правом берегу в районе современной границы с Губахой. В XIX в. ее избы были сильно разбросаны по косогорам, и, видимо, поэтому одна часть деревни относилась к Перемской, а другая к Останинской волости. К нашему времени верхняя Красная, подобно многим другим деревням, исчезла с лица земли, а ее современницы и соседки, деревни Тихая, Колотовка, Милково, почти обезлюдели.

### «Красная Слудка на реке на Косьве»

Что же касается интересующей читателей д. Нижней Красной, то первое упоминание о ней относится к переписи М. Кайсарова. В писцовой книге за 1623-24 гг. она обозначалась как «Дер. что был починок Красная Слудка на реке на Косьве». («Красная» в старом русском языке – красивая, «Слудка» в прикамских говорах – высокое место над рекой. – М.К.). В тот период в деревне имелось 5 крестьянских дворов, в коих проживало 12 человек мужского пола: Чудиновы, Ивановы, Федоровы, Яковлевы, Черемихины и Ерофеевы. По прошествии 23 лет, в 1647 году, население косьвинской Красной Слудки сократилось, в починке остались лишь два двора: Мошевых и Черемихиных. Однако в дальнейшем деревня вновь росла, правда, ко второй половине XIX в. слово «Слудка» в ее названии уже исчезло из обихода.

Как следует из «Списка населенных мест Пермской губернии» за 1908 г., в д. Красной Никулинской волости насчитывалось 34 двора, в которых проживало 95 жителей мужского и 113 женского пола. Подстать ей были и такие соседние деревни, как Филагино (31 двор и 203 жителя) и Соболяки (39 дворов, 206 жителей).

### В поисках глины

Еще в середине XIX в. в окрестностях Красной производились геологические изыскания с целью обнаружения необходимых для строгановских за-



водов белых огнеупорных глин. Работа шла под наблюдением добрянского смотрителя Ф. Черных.

В ноябре 1850 г. в высоком берегу Косьвы удалось отыскать перспективные залежи красно-желтой глины, «годной, может быть, для черепицы», а в ходе закладки шурфов и скважин в окрестностях д. Поморцевой и однодворка Кукуши были исследованы пласты беловато-серой глины. «Здесь на месте из нее делал кухонные горшки ильинский крестьянин Пепеляев», – сообщал смотритель. Запасы этого вида глины оценивались в 56 тыс. пудов, и залегала она на небольшой глубине. Тогда же сто пудов ее отправили в Добрянку с целью испытания в огнестойкости и часть – в Ильинский «для пробы на черепицу». Судя по тому, что крупномасштабная разработка этого месторождения так и не началась, результаты испытаний поморцевских глин оказались отрицательными.

## **Школьная страница**

В начале 90-х гг. позапрошлого столетия в Красной открылась церковно-приходская школа. В 1891-92 учебном году в ней обучались 35 человек.

Любопытные данные об этой школе удалось отыскать на страницах «Пермских губернских ведомостей» за 1907 год. Как сообщалось в газетной публикации, к тому времени она «успела со стороны населения завоевать себе полные симпатии. Народ понял пользу грамотности и с удовольствием отдает детей своих в школу». Однако уровень преподавания в ней был низок, материальная база – слабой. «Очевидно для церкви и причта совершенно безразлично, есть ли у них в приходе школа или нет ея. Школьная мебель обветшала, требует ремонта и самое здание, а церковь молчит, как будто не ея дело здесь, как будто забота о школе не входит в круг ея первых и главных забот», – писали жители Красной. При этом они с удовольствием вспоминали бывшую учительницу Е. Некрасову, «старательную и глубоко преданную своему делу». «Она была светом для нашей деревни, – сообщали они в газету. – Письмо ли написать, посоветоваться ли о какой-либо нужде – все шли к ней и никому она ни в чем не отказывала».

В 1907 году Красная еще раз попадала на страницы главной губернской газеты. Разговор вновь шел о школе, о том, что появившийся в ней было учитель Я. «предпочел лучше уйти, чем получать нищенское жалованье и нищенской школе». После некоторого перерыва Красновская школа возобновила работу, «но надолго ли хватит у новой учительницы терпения – это покуда не известно, – откровенно писали красновцы. – Некоторые факты показывают, что и эта «сеятельница разумного, доброго и вечного» скоро сбежит со своего многострадального поста».

## **Что увидел Немирович-Данченко**

Интереснейшие сведения о низовьях Косьвы встречаются в путевых записках дореволюционного автора Василия Немировича-Данченко, брата из-



вестного театрального деятеля. Он путешествовал в наших краях в 1875 г. Вот фрагмент из его записок:

«Светлое безоблачное небо обещало яркий и знойный день. По всему берегу нас преследует пение петухов. И орут же они здесь! Какая-то особенная порода; на безголорье пожаловаться не могут. На яру гнилушки взобрались на самый гребень. Издали и не сообразишь, что это такое, – кучи хвороста или жилие человека. Оказывается, здесь «поселенный черкес живет».

– Не живет, а бедствует. Голодом весь изморился. На человека не похож. Он нашего дела не знает, а мы его понять не можем. Прежде он разбойничал, а теперь и на это силы у него нет, совсем дохлый стал.

Стал было я подробнее расспрашивать гребцов – молчат. Вообще замечательна несловоохотливость здешних гребцов сравнительно с северными. Те охотно делились своими сведениями – косьвяне как-то понуро молчат, редкий отзовется, да и то нехотя. Песни не запоет; только сонливо передвигает веслами. (...).

– А то и совсем у нас безглагольные есть.

– Это какие же?

– А по Вильве живут; те больше руками. Спросишь что – отмахнется от тебя и прочь пойдет... Там есть из татар которые... До Строганова татарами были, так у них и доселе облик держится не русский. Они страсть говорить не любят. Задичали. Поди-ко ты у лесовиков наших, что рубят дрова, слова выпроси. Смотрит на тебя, смотрит – понурится, да и прочь. А то и просто рукой махнет.

Таким образом, мы проехали мимо Плесо, Крутиковой, Красной, Соболюково, Плакиной и Боровской деревень, а там вдруг и поселков не стало. Едем версту за верстой – ни одной избушки. (...).

– Куда народ делся?

– Нет тут народу. Пустынь пошла. И в песне про нее поется – «мати зеленая пустынь».

– Да ведь Кама близка.

– Отого и сельбища нет, что Кама близка. Теперь все деревни да села по правую ее сторону, а сюда – река разливается очень широко. Всякое жительство снесет. Здесь жить нельзя (...).

По данным на начало XX в., д. Красная была конечным пунктом на Косьве, куда доходили пароходы судовладельца П.И. Пирогова. Выше из-за мелководья они поднимались в исключительных случаях.

## К закату?

В середине 50-х гг. XX в. Нижнее-Красное и ряд соседних деревень оказались уже на берегу не Косьвы, а обширного залива Камского водохранилища. Его воды отрезали красновцев от «большой земли», и осенью 1957 г. на территории Добрянского района был создан самостоятельный Нижне-

красновский сельсовет. Основными занятиями его жителей были сельское хозяйство, заготовка и сплав леса. Промышленные лесоразработки способствовали притоку населения, появлению у старой деревни поселка сплавщиков. Тут имелись школа, магазины, почта, больница, клуб. В 1956 г. к клубу перенесли попавшее в зону затопления захоронение 6 красноармейцев, погибших здесь в 1918 г.

По мере сокращения лесных запасов численность населения стала сокращаться. Особенно этот процесс ускорился в постперестроечный период. Если по данным за 1981 г. в д. Нижне-Красное проживало 112 чел., в п. Красное – 417, то по сведениям 1996 года численность населения сократилась до 64 и 219 человек соответственно. И процесс этот продолжается. Главные проблемы – безработица и бездорожье. В 2008 г. д. Нижнее-Красное попала даже в предварительную заявку программы расселения неперспективных деревень.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2010. 25 февраля*

## «Сторонние заработки» добрянских крестьян

*Понятие «зона рискованного земледелия» появилось в советское время. Но дело не в понятии, а в сути. Занятие одним лишь сельским хозяйством не давало прикамским крестьянам гарантии безбедного существования ни до, ни после революции. Урожайность зерновых была относительно невысокой, новых приемов обработки земли местные мужики почти не использовали, и урожайные годы регулярно сменялись голодными. Все это и заставляло крестьян искать дополнительные заработки, не связанные с сельским хозяйством.*

### При заводах

Дополнительным занятием уральских крестьян до революции было углежжение. Благо, что металлургических заводов в крае имелось немало, и древесного угля они пожирали огромное количество.

«Крестьяне большей частью занимаются производством дровоугольных и других работ при Добрянском графа Строганова заводе: весной рубят дрова, осенью, после уборки хлебов, жгут кучи, а зимой перевозят дрова из куреней в завод и вообще исполняют разные конные работы при заводе», — писал в 1879 году в корреспонденции из Усть-Гаревой автор «Пермских губернских ведомостей» Е. Нагибин.

Правда, за несколько лет до этого устьгаревские крестьяне чуть было не остались без указанного приработка. Соблазнившись платой, предложенной в 60-х годах подрядчиками Мотовилихинского завода, они переключились на Пермь, но уже вскоре пожалели об этом.

Из этой ситуации жители Усть-Гаревой выпутались только через несколько лет. Сыграло свою роль расширение производства в Добрянке. На обеспечение предприятия необходимыми для заводского действия припасами переключились даже те усть-гаревские крестьяне, которые до строительства Уральской железной дороги занимались «извозными работами» от Перми до Екатеринбурга. Как писал уже известный нам Е. Нагибин, работа при Добрянском заводе «имеет экономическое значение для местного населения и вообще благоприятно отзывается на быте поселян».

Кустарных промыслов на тот момент в Усть-Гаревой практически не было. Имелось лишь два кирпичных сарая, в которых ручным способом производилось до 100 тыс. шт. кирпича в год. Однако к началу XX века ситуация несколько изменилась. В селе появились пекарня, четыре кузницы, одно гончарное и два красильных заведений, четыре скорняжни и «одна мельница с двигателем внутреннего сгорания, на нефти».

## Алебастровая «каторга»

«Деревня Залесная находится по Соликамскому тракту как раз в углу между двух рек: Камой и Чусовой. Крестьяне этой деревни и других принадлежащих к залеснинскому обществу, как то: Городище, Королева, Кулигина – малоземельны, своего хлеба большинству и до Рождества не хватает, а потому главным подспорьем в хозяйстве является сторонний заработок», – сообщала своим читателям в 1911 году газета «Пермская земская неделя».

Такими заработками в Залесной были работы в Левшино на нефтяных складах Нобеля и перевозка зимой чугуна из Левшино в Полазненский завод Абамалек-Лазарева. Но главным образом крестьян поддерживала добыча алебаstra, которым был богат левый берег Камы.

О том, что это был за труд, писал в своих путевых заметках известный русский писатель Василий Иванович Немирович-Данченко (брат знаменитого режиссера). Он путешествовал по Каме и Уралу в 1875 году. «Весь берег Камы кишмя-кишит здесь народом, кучками уселись. Гнездами насекомых кажутся они отсюда. Будто сотни муравьев сбегались и копошатся над чем-то. Вырабатываемый этими рабочими камень тут же, внизу, грузится в сотни барок. На них сначала был доставлен чугун на заводы, потом их продали за полцены местным каменщикам, которые на них сплавят алебастр в низовья Камы. Работа трудная, редкий на ней выстаивает долго. Известковая пыль есть глаза, иные совсем слепнут; тем не менее за такую каторгу платят не более 30 копеек в день. Таково здесь положение крестьянства...».

Ситуация мало в чем изменилась и через 35 лет после путешествия Немировича-Данченко. Низкая цена алебаstra при дороговизне «лесных материалов, нужных для обжигания», как и раньше, делали этот заработок очень незначительным. К тому же вплоть до начала XX века наломанный и обожженный алебастр «толокся» самым примитивным образом, вручную. Специальная мельница с конным приводом появилась в Залесной лишь в 1907 году.

## Чусовские плюсы и минусы

Совсем иной была специализация соседей заленинцев – жителей Красной Слудки. С мая и по сентябрь местные мужики занимались, даже в ущерб своему крестьянскому хозяйству, сплавом леса по Чусовой. Небольшие плоты, сплавляемые с верховьев Сылвы и Чусовой, формировались в Красной Слудке в «большие трехрядовые плоты для дальнейшего сплава вниз по Каме».

Как писал в 1910 году на страницах «Пермских губернских ведомостей» безвестный автор, «рабочий зарабатывает в день 80 коп. – 1 руб 50 коп. Для населения это, конечно, плюс, но минус составляет, сверх отмеченного уже небрежения к основному занятию (сельскому хозяйству. – М.К.), нездоровый характер продолжительной работы в воде и широко развитое пьянство,

стоящее, вероятно, в тесной связи с подобного рода работой».

А вот «выселенцы из завода Полазны», жители Ветлян, обосновавшиеся на берегах Чусовой после отмены крепостного права, считались не только хорошими земледельцами, но и специалистами по выгонке смолы и дегтя.

«Усердный смолокур, не бросая хозяйство по дому и в поле, в год совершенно легко использует до 15 кубов смолы, следовательно к общему бюджету своего полевого хозяйства (...) получит чистым плюсом 390-480 руб.», – сообщал в 1902 году автор газеты «Пермский край», скрывшийся за подписью «Андреевич».

Сотню-другую рублей можно было заработать и на выгонке дегтя. Помимо этого, ветлянцы считались еще хорошими рыбаками и охотниками, но пальма первенства принадлежала все же не им.

### **«В медвежьих углах»**

«Край наш зовется углом медвежьим. И какое это мягкое и верное название! Кругом лес, вековой дремучий лес с огромными соснами и елями. И в этом лесу затерялось село. Газет никто не выписывает, книг дома у интеллигенции нет. Все живут себе по старинке: «день да ночь, вот и сутки прочь», – рассказывали своим читателям в 1907 году в корреспонденции из с. Голубята «Пермские губернские ведомости». «Самые близкие к Голубятам жители – это медведи», – не без юмора писал корреспондент. Но сами голубятцы предпочитали охотиться не на косолапых, а на более мелкую дичь: белок и куниц. Зимой в Голубята приезжали скупщики пушнины, которые скупали охотничьи трофеи по самым низким ценам. «Дают обыкновенно очень дешево: лучшая шкура куницы оценивается в 8-10 рублей, – писал тот же автор.

Возможно, большой приработок давало рыболовство. Оно было развито практически повсеместно. Так, на Косье ловлей рыбы занимались не только мужики, но и местные бабы.

«Вот направо маленький выселок. Бабы по пояс в воде тянут невод. Мы плывем близко-близко... на поверхности реки в черте невода булькают хариусы, головли... «А это вон щеклея мечется, – замечает лоцман, показывая на юркую рыбу, перемахивающую через край невода. – Она завсегда уйдет», – писал В.И. Немирович-Данченко. Во время его путешествия по Косье ему предлагали крупных стерлядей, «больших и жирных» хариусов «фунта в четыре» весом.

Впрочем, ни охота, ни рыболовство никогда не считались у крестьян слишком серьезным занятием. На первом месте всегда стояло сельское хозяйство, особенно земледелие. Все остальное, как мы уже знаем, называлось всего лишь «сторонним заработком».

*Камские зори. 2000. 18 сентября*

# Старая Добрянка: здания и судьбы

*Географические карты и планы местности — вещи не только нужные, но и крайне любопытные. Хотя бы потому, что со временем они становятся бесценными историческими источниками. Стерлись с лица Земли десятки наших деревень и сел, ушли в небытие угодившие в зону затопления Камского водохранилища речки и озера, давным-давно исчезли старые дома и заводские постройки, а на картах и планах они живут до сих пор. Живут и дают нам возможность восстанавливать свое историческое прошлое.*

## Срез времени

«План на часть селения Добрянского завода с показанием господской усадьбы, именуемой «Вороновской» на хозяйственном плане под № 57, имеющей пространство 352 кв. саж.», так называется прелюбопытнейший документ, отысканный не так давно в фондах Пермского областного краеведческого музея. План этот был начерчен неким «приспосабливающимся К. Поповым» в январе 1893 года и стал своеобразным срезом времени. Он позволяет установить то, что находилось более сотни лет назад на месте современных построек старого центра нашего города.

Итак, давайте совершим небольшое путешествие по улицам Добрянки конца XIX века.

## Пройдусь по Билимбаевской...

Начнем с улицы Билимбаевской (Советской), с той территории, которая занята ныне зданием городской администрации и магазином «Людмила». Получается, что торговым это место стало не только сейчас. В 1893 году данная территория арендовалась купеческим сыном Л.В. Михалевым. О том, кто это такой, данных почти не сохранилось. А вот о владельце следующей усадьбы сведения имеются.

То место, которое занимает сейчас здание ателье «Октябрь», принадлежало 110 лет назад местному священнику Кесарю Пономареву. Человек он был в Добрянке известный, активно проводил миссионерскую деятельность среди местных старообрядцев, ратовал за открытие в поселке церковно-приходской школы, сотрудничал с губернскими газетами. Его статьи на темы церковной жизни печатались на страницах «Пермских губернских ведомостей» и «Пермских епархиальных ведомостей».

Очень яркой личностью в дореволюционной Добрянке был учитель, а потом заведующий 2-классным приходским училищем М.С. Попов. Он являлся хорошим педагогом, был большим любителем музыки, пения, театрального творчества, не раз выступал инициатором концертов, занимался общественной деятельностью. О «громадной, неисчислимой пользе», которую принес

Михаил Степанович «населению Пермского уезда», писали в 1916 году в направленном ему памятном адресе руководители Пермской уездной земской управы. Об авторитете М.С. Попова среди населения нашего края говорит также тот факт, что в сентябре 1917 года именно он стал руководителем первых в истории выборов в Добрянское волостное земство. А 1893 году его квартира и усадьба находились прямо напротив дома К. Пономарева, по соседству с 2-классным училищем (сейчас в здании бывшего училища находится музей).

На той же стороне Билимбаевской, между домом М.С. Попова и заводоуправлением, располагалась квартира и усадьба заводского техника П.А. Тунева. Павел Александрович Тунев был сыном бывшего управляющего Добрянским заводом А.И. Тунева и прослужил на этом предприятии в разных должностях более 40 лет. С 1896 по 1903 год он руководил Добрянским заводом и помимо прочего принял деятельное участие в строительстве здания женского училища. Попечительница этого учебного заведения Любовь Александровна Сюзева была его родной сестрой.

### **...сверну на Домовую**

Руководители Добрянского завода жили и на соседней Домовой улице (ныне ул. Ленина). Сохранившийся до наших дней большой деревянный дом по адресу ул. Ленина, 3 принадлежал в 1893 году заводскому механику А.И. Кузнецову. Александр Иванович был автором проекта построенного в 1911 году на Добрянском заводе буксирного теплохода «Косвяк». Он возглавлял завод с 1908 по 1917 год.

Территорию по соседству с его усадьбой в 1893 году арендовал заводской служащий А.И. Мальцев. Ныне это место частично занимает здание городского Управления образования.

Усадьбы напротив, там, где находятся в наше время военкомат и гребная база, принадлежали в 90-х годах XIX века пенсионеру Е.Я. Агееву (на правах аренды) и окружному лесничему В.А. Тютюкову соответственно. Ученый управительский помощник Василий Александрович Тютюков руководил лесным хозяйством Добрянского заводского округа с 1891 по 1905(?) год.

Территория на углу современных улиц 8-е Марта и Ленина, занятая бывшим зданием школы № 2, принадлежала в 1893 году священнику И. Дроздову. Усадьба и дом караванного П.И. Манакова находились на месте современной рыбинспекции, а на месте нынешнего кафе «Волна» размещались квартира и усадьба заводского техника Н.С. Верещагина.

*Камские зори. 2003. 1 августа*

# Из жизни старой Полазны

*О жизни старой Полазны губернские газеты писали до 1917 года не раз. Публиковались положительные заметки, случались и не очень. Вот лишь некоторые сведения о событиях конца XIX – начала XX веков, почерпнутые со страниц дореволюционной прессы.*

## Полазна. Взгляд из XIX века

Это сочинение мне удалось откопать лишь в Российской национальной библиотеке в Петербурге. Да и то сказать – полная версия «Дорожных записок на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» известного русского писателя П. Мельникова-Печерского выходила только в «Отечественных записках» в 40-х годах XIX века.

В 1838 году среди прочих городов, заводов, сел и деревень начинающий литератор заглянул и в Полазну. И, видимо, очень ему тут понравилось. Иначе не посвятил бы он здешнему заводу сотни строк. Тут и история предприятия, и технология производства металла, и описание оборудования, и слова, посвященные природе края.

Вот лишь маленькая выдержка: «В окрестностях заводов Полазнинского и Хохловского, земля на поверхности песчаная, смешанная с беликом и глиною. Хлеб родится посредственно, лес очень хорош. Породы земли: известковая, алебастровая с слабою примесью медной руды. Руды железной нет, а для производства привозится чугун с Кизеловского завода. (...). В Полазне замечателен еще ключ серно-известкового свойства. До сих пор он не был хорошо исследован. Вода в нем вкусом похожа на зельцерскую».

## Пряники в награду

В 1896 году в Полазне проходили «фронтовые учения». Повод для них был самый подходящий – в Российской империи с размахом праздновалось бракосочетание императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Федоровны.

В учениях приняли участие старшеклассники местных школ, руководил которыми учитель военной гимнастики. Публики было много, ученики старались. Строевой смотр завершился тем, что будущие солдаты получили от зрителей «на пряники около 4-х рублей».

## Буйный характер

«В нашем заводе уличная жизнь принимает все более и более буйный характер. Во время праздника Воздвижения двое подгулявших молодых парней сильно истязали своего товарища, в защиту которого выступил было один из местных обывателей, но парни набросились и на заступника и начали наносить несчастному все более и более усиливающиеся удары поленья».



ми до тех пор, пока не лишили его сознания. (...). По этому делу назначено следствие».

Весело? Наверяд ли. А между прочим, это картинка из жизни Полазны конца XIX века. Да и в начале XX столетия полазненская молодежь особой смиренностью не отличалась. Ходили вечерами и ночами парни с песнями и гармониями «партиями» человек по 10-15, литературным языком себя не утруждали, задирались, приставали к прохожим. Те, чтобы не получить «оскорблений действиями или словами», вынуждены были обходить хулиганов за 2-3 квартала. «Желательно устранение этих безобразий», – писал сто лет назад обеспокоенный житель Полазны.

### **Печать «трогательной невзыскательности»**

В 1902 году в Полазне, в местном госпитале, с проверкой побывал врач Мышкин. Он обнаружил здесь на всем такую «печать патриархальности, примитивности и трогательной невзыскательности», что впору было... рассмеяться. Сквозь слезы.

«Больные, чтобы не щеголять в костюмах Адама и Евы, вынуждены облачаться в рубища, – не без юмора писал он о больничном белье. – При этом иногда приходится наблюдать забавные картинки: то, например, поступившему больному не хватает совсем мужского белья и он по необходимости облачается в женскую рубашку, то смотришь, рубашка разорвана от ворота до подола и больной надевает ее, запахиваясь наподобие халата. (...)».

Не менее меткие слова нашел врач и для описания кухонных принадлежностей, которые были «крайне не многосложны». Но особое впечатление произвел на него «самовар-инвалид времен очаковских и покоренья Крыма, настолько поношенный и потрепанный зубами времени, что, право, больным иногда совестно пользоваться кипятком от этого ветерана, место которому скорее где-нибудь в шкафу музея стоять с медалью за выслугу лет, нежели до сих пор тешить мамону каких-то там несчастных больных. (...)».

### **Как татарин стал Иваном**

25 мая 1895 года в Полазненском заводе произошло редкостное событие – «присоединение к православию татарина, из солдат». Дело оказалось столь необычным, что Свято-Троицкая церковь была переполнена народом. В результате таинства св. крещения, совершенного младшим священником о. Иоакимом Наумовым, бывший мусульманин стал Иваном.

Переход «иноверца» в православие объяснился на следующий день, когда новопросвященный Иван Михайлович Михайлов вступил «в законный брак с намеченною им ранее девицей». Любовь с большой буквы, да и только.

«Дай Бог, что бы подобных примеров было более. Жаль только то, что фанатики магометане, которых, кстати сказать, здесь проживает до 10-ти,

если не более семейств, делают крещеному Михайлову угрозы», – сообщала губернская пресса.

### **Под звон посуды**

В начале XX века Полазну трясло. В буквальном смысле этого слова.

В 8 час. 50 минут утра 4 августа в заводе и ближайших к нему окрестностях ощущалось довольно «чувствительное землетрясение в виде последовательных один за другим толчков и колебаний».

Хотя никаких следов от этого землетрясения на каменных зданиях не было заметно, да и продолжительность его не превысила нескольких секунд, «толчки были настолько сильны, что многие из обывателей выбежали на улицу».

Колебания почвы были особенно заметны в помещениях, где тревожно звенела находившаяся в шкафах и буфетах посуда.

Как информировали очевидцы, «никакого гула не было слышно», но на улице землетрясению «предшествовал сильный вихрь».

### **За «бедных, но честных людей»**

Ну как же, говоря о Полазне, не сказать о выборах. Не о нынешних. Упаси Бог! А о тех, что проводились в поселке в конце августа 1917 года. Впрочем, без шума-гама тогда тоже не обошлось. Ведь это были первые в истории Полазны выборы в волостное земство.

В разделенной на пять избирательных округов волости особенно кипятились эсеры, а притаившаяся в ожидании неминуемых потрясений заводская интеллигенция все дело, напротив, «тормозила».

Среди кандидатов были в основном рабочие, а вот служащие эти выборы дружно проигнорировали. Но ничего, обошлось. В первом округе проголосовало около 41% избирателей, среди которых было много женщин.

Во 2-м избирательном округе прошли все семь намеченных социал-демократами кандидатов, а в остальных 3 избирательных округах (крестьянских), выборы в целом «прошли дружно, хотя число поданных голосов было», по словам современников, «не велико». Крестьянские кандидаты выставлялись под лозунгом: «Бедные, но честные люди».

Наивно? Как сказать. По крайней мере, не было тогда ни грязи, ни ушлых политтехнологов, ни прочих предвыборных примет нашего времени.

*Камские зори. 2001. 1 сентября (спецвыпуск)*

## Год рождения – 1924-й

*Районирование страны – это изобретение Советской власти. Но прежде чем рассказать о создании нашего района, остановлюсь коротко на том, какое административно-территориальное деление существовало в России до этого.*

### Рождение губернии

В петровские времена вся территория государства была разделена на восемь губерний. Значительная часть Прикамья вошла тогда в состав Пермской провинции Тобольской губернии. Затем, в 1727 году, эта провинция стала частью губернии Казанской, коей она и оставалась до 27 января 1781 года. В тот памятный для современников день императрица Екатерина II подписала Указ об учреждении Пермского наместничества и образовании на месте Егояшихинского завода губернского города Перми. В 1796 году наместничество было преобразовано в Пермскую губернию, просуществовавшую до 1923 года. Добрянский завод и близлежащие волости входили в тот период в состав ее Пермского уезда.

### Образование области

В апреле 1923 года по указанию В.И. Ленина и XII съезда РКП(б) новоиспеченное Советское правительство приступило к осуществлению районирования, т.е. к новому административно-территориальному делению страны, которое «отвечало бы политическим и экономическим потребностям строительства социализма». Эту реформу первоначально предполагалось опробовать в одном промышленном и одном сельскохозяйственном крае. В качестве промышленного края был избран Урал. В результате 3 ноября 1923 года ЦИК СССР принял постановление об образовании огромной Уральской области, состоящей из 15 округов. Среди них был и Пермский округ, который в свою очередь делился на 19 районов, в том числе Добрянский.

### На партийном съезде

По традиции того времени всякий важный вопрос рассматривался вначале соответствующими партийными органами, а уж потом органами Советской власти. Вот и в Добрянке 10 января 1924 г. состоялся партийный съезд, на котором присутствовало 30 делегатов от 7 волостей, а также высокопоставленный гость – председатель Пермского окружкома Степучев.

Вначале местные коммунисты сосредоточились на решении, надо думать, самых животрепещущих для них вопросов, а потому заслушали доклады о международном положении СССР, о нэпе и его успехах, о ситуации в партии. По последнему вопросу было принято постановление, решительно осуждавшее «всякого рода непартийные уклоны, ведущие к порождению группировок и фракций и тем самым угрожающие единству нашей партии».

Местный форум потребовал также от коммунистов неукоснительного соблюдения ими постановления X съезда РКП(б) «О синдикалистском и анархическом уклонах в партии» и лишь после этого приступил к рассмотрению вопроса «О районировании».

Вопрос этот обсуждался весьма заинтересованно. По нему было принято специальное постановление, в котором, в частности, говорилось, что «районирование вполне своевременно и правильно» и оно «дает возможность в непродолжительном времени восстановить мощностъ сельского хозяйства и промышленности на Урале». Одновременно собрание вменило всем членам партии «приложить максимум энергии в проведении районирования», укрепляя низовые ячейки советского аппарата путем вхождения в них на правах членов», а также привлекая к этому «рабочих и беспартийных, сочувствующих Советской власти».

Много говорилось и о необходимости сделать агрономов и учителей «проводниками политики партии в городе и в деревне», о важности пропаганды и т.д. После этого районный партсъезд со спокойной душой избрал... состав вновь созданного райисполкома. Таким образом, районному съезду Советов, собравшемуся в Добрянке 13 января 1924 года, оставалось выполнить лишь кое-какие формальности. Был, к примеру, избран президиум райисполкома, состоявший из трех членов, а также утвержден состав самого РИКа, куда вошло 7 человек (5 коммунистов и двое беспартийных). Первым председателем Добрянского райисполкома был избран А. Селянин, которого уже в марте сменил на этом посту А. Боровков. Видимо, его предшественнику трудно было совмещать советскую должность с партийной.

## **В море проблем**

Добрянский райисполком приступил к работе 21 января 1924 года. Работы было, что называется, невпроворот. Из-за закрытия Добрянского и Полазненского заводов остро стояла проблема занятости. Население бедствовало, даже крестьянам хлеба хватало только до конца декабря. Никудышное состояние промышленности и торговли привело к тому, что дефицит районного бюджета составил аж 75%!

Остро не хватало врачей и учителей, помещений для больниц и школ, учебников и медикаментов. Грамотность населения составляла лишь 47,3%. Причем довольно часто случались отказы взрослых сесть за парту. Эти проблемы решались по-разному. Например, Усть-Гаревской сельсовет с целью решения вопроса о проживании патраковских учеников просто-напросто национализировал дом зажиточного хозяина Щицына, которому было предписано освободить его в двухнедельный срок. В доме было устроено общежитие. В целом по району охват детей школой составил 53,2%.

## **Создание сельсоветов**

Тогда же, в 1924 году, были проведены выборы в сельские Советы, которых на момент районирования на территории Добрянского края насчитывалось бо-

лее пяти десятков. Поэтому их пришлось срочно укрупнять, и уже к середине 1924 года Советов осталось лишь 14, в том числе Добрянский поселковый Совет, а также сельские Советы: Висимский, Голубятский, Дивьинский, Красновский, Кряжевский, Никулинский, Перемской, Полазненский, Сенькинский, Таборский, Усть-Гаревской, Шеметевский и Яринский. Впоследствии названия, границы и административные центры ряда Советов не раз менялись. При выборах отмечалось, что «отношение бедняков к выдвижению их кандидатур в Советы хорошее». Упор делался также на бывших красноармейцев, учителей, членов ВКП(б) и комсомольцев. Об отношении зажиточных хозяев к выборам ничего не говорилось. В двух Советах председателями стали специально направленные в район для усиления «партийные товарищи из Перми».

## Описание района

Добрянский райисполком, несмотря на серьезные трудности, справлялся со своими обязанностями неплохо. По крайней мере, Пермский окружком оценил его деятельность за 1924 год достаточно высоко, и нам, конечно же, следует ныне отдать должное тем людям, которые входили в его первый состав: т.т. Селянину, Боровкову, Бабикову, Татаурову, Орлову и другим.

По данным за 1926 год, территория нашего района равнялась 4,2 тыс. кв. км. Здесь располагались два заводских поселка (Добрянка и Полазна) и 343 сельских населенных пункта с общим населением в них 33214 человек. Национальный состав был однороден. 99,4% населения составляли русские.

В районе имелось 83 культурно-просветительных учреждения. К их числу относили в то время и школы: 24 – первой ступени и одна школа повышенного типа. Имелось также 3 почтовых отделения, 2 больницы, 9 фельдшерских и 2 ветеринарных пункта. Телефонная связь считалась большой редкостью. Ею было обеспечено лишь 2 населенных пункта. До шестисот жителей района занималось мелкими «кустарными» промыслами. Особенно были развиты смолокурение и пимокатный промысел (изготовление валенок).

Необходимые продукты и товары население могло приобрести в 48 торговых заведениях, в том числе в 23 государственных, 5 кооперативных и 29 частных магазинах.

Ну а что касается плохо управляемой из-за ее гигантских размеров Уральской области, то просуществовала она недолго. Вначале она разделилась на Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую (с центром в Тюмени) области, а затем в октябре 1938 года из состава Свердловской области выделилась Пермская. Одно время, с 1940 по 1957 годы, она носила название Молотовской. С тех пор серьезных перемен в административно-территориальном делении в нашем крае не происходило.

*Камские зори. 1994. 13 января*

## На пути к городу

*День рождения Добрянки – хороший повод для того, чтобы хоть ненадолго остановить бесконечный бег времени, обернуться и взглянуть на пройденный путь. Хотя бы на тот его отрезок, который предшествовал превращению нашего рабочего поселка в город. То есть на 20-30-е годы XX столетия. Постараемся набросать портрет эпохи с помощью коротких, беглых мазков. Краски и кисти для этого используем самые разные.*

### «Свежая железная струя»

Для начала заглянем в декабрьскую Добрянку образца 1925 года. 15 декабря здесь после двухлетнего простоя пускали «сердце завода», отремонтированную и модернизированную мартеновскую печь № 1. Пускали торжественно, с митингом и речами. «На митинге открытом предзавкома т. Колосницыным выступали представители от райкома металлистов и окружкома партии тов. Попов, от Добрянского райкома партии тов. Шафранов и от окружного правления Камметалла т. Файволович, – писала в корреспонденции из Добрянки газета «Звезда». По данным этого издания, «все выступающие товарищи в приветствиях выражали большие надежды на то, что рабочие Добрянки сумеют дело поставить так, чтобы Добрянка стала крупной единицей в рабоче-крестьянском советском хозяйстве. Всем этим товарищам от имени рабочих отвечал т. Колосницын и обещал: надежды возложенные на рабочих, выполнить с честью».

Пуск завода был действительно важным событием. До этого в нашем крае свирепствовали разруха, безработица, голод и болезни.

Сразу после возобновления работы завод специализировался на выпуске кровельного и котельного железа. По планам на 1926 год он должен был выпустить более миллиона пудов этой продукции. «Пуском мартеновского цеха, добрянские рабочие влили свежую железную струю в организм пролетарского государства», – убежденно и образно писал автор одной из газетных публикаций некто Попов.

### Как идиллия разбилась о «кровавый быт»...

А теперь в качестве художника выступит у нас другой, поначалу лирично настроенный корреспондент «Звезды» 20-х годов Б. Никитин. В 1926 году он опубликовал на страницах этой газеты свои путевые очерки «По Каме в край заводской». Вот каким увидел он наш поселок жарким летним днем: «Вот и Добрянка. Она свободно раскинулась во впадине, по берегам двух обширных прудов. Небольшие домики, огороды, широкие зеленые улицы. Завод – центр Добрянки, как-то не чувствуется ни дыма, ни копоти, ни грохота, только урочные гудки, да засаленные блузы, идущих на смены рабочих напоминают о нем.

Устраиваемся в рабочем клубе и передохнув, долго бродим по малооживленному базару и почти пустынным улицам.

Торговля идет вяло и даже у лавки Центроспирта нет ни толкотни, ни хвостов, какие мы привыкли видеть в Перми».

Но уже вскоре эта идиллия была нарушена местными буянами и их пьяными выходками. «Еще не так давно на проходивший с занятий строй допризывников, во главе с рабочим завода Ромашовым, набросились с побоями три хулигана, – сообщал Никитин, – буяны были задержаны и предстали перед судом, но Окрвоенкомат потребовал передачи дела в Ревтрибунал и надо полагать скандалисты получат по заслугам».

Сообщение под «веселеньким» названием «Кровавый быт» заканчивалось такой картинкой: «Вечером, какой-то ревнивый супруг, вооружившись ножом, с великим шумом искал по Добрянке свою бывшую жену и ее нового мужа»... Что было, то было.

### **...а благие намерения – об отсутствие денег**

Тем не менее возможности для повышения своего сознания и культурного уровня у добрянцев и жителей района имелись. Этому способствовала массовая работа по ликвидации неграмотности, политико-просветительская деятельность партийных и советских органов.

По данным на 1 июня 1931 года, в районе действовали 13 изб-читален, одна библиотека и 37 красных уголков. В докладе, прозвучавшем летом 1931 года на XI районной партийной конференции, прямо говорилось о том, что работа клубов должна способствовать выполнению производственных программ завода, коллективизации сельского хозяйства, расширению посевных площадей, выполнению плана лесозаготовок и т.д. К числу культурно-массовых и политико-просветительских мероприятий относились различные беседы, вечера (для женщин, молодежи, вечера вопросов и ответов, семейные вечера), постановки спектаклей, киносеансы, громкие читки, выпуски стенгазет и другие примечательные дела. В цифрах все выглядело хорошо, но у этой «медали» была и другая сторона.

Укомплектованность изб-читален культпросветработниками составляла лишь 75%. При этом образовательный уровень «избачей» был низким, большинство из них никогда не проходило ни курсовой, ни заочной подготовки.

Книжный фонд изб-читален и библиотеки превышал 32 тыс. томов, однако и тут было не все ладно. Как говорилось на партконференции, на 60% литература устарела, а «современной советской беллетристики, новой технической литературы, детской совершенно почти нет». Одна из причин этого заключалась в плохом финансировании политико-просветительской работы со стороны райисполкома. Выделяемых денег хватало лишь на выпуск газет.



Убери даты и покажется, что речь идет о... Сами знаете о каком времени. История, как известно, развивается по спирали.

### **Деготь да мочало, оглобли да дрючки**

Грех не заглянуть нам сегодня и в Добрянку 1938 года. Хотя бы потому, что первая, правда, неудачная, попытка превратить поселок в город была предпринята именно в то время.

«В центре поселка Добрянка имеется металлургический завод и рядом с заводом имеется пруд шириной 500 метров и длиной 2,4 клм. и глубиной от 3 до 10 метров. Кроме пруда в поселке имеется 2 сквера с общей площадью 5 га. На окраине поселка расположен стадион с площадью 3 га и парашютная вышка, имеется колхозный рынок, павильон. Общее количество населения поселка составляет 9675 человек, в том числе старше 18 лет 5775 человек». Это выдержка из сведений из «Экономического описания рабочего поселка «Добрянка», Добрянского района, Свердловской области», составленных в 1938 году плановиком-экономистом Добрянского райисполкома Наймушиным.

В тот период, по его же данным, в Добрянке имелось 10 производственных предприятий, но все они, за исключением металлургического завода и двух леспромхозов, были небольшими и слабосильными. Леспромхозы «Уралзападолес» и «Чусовлестяж» производили заготовку и вывозку деловой и дровяной древесины, кое-какой ширпотреб, обжиг угля, распиловку шпал. Раймелькомбинат перерабатывал зерно, получаемое от населения района, занимался лесопилением, откормом свиней, замочкой мочала, выгонкой дегтя, заготовкой оглоблей, дрючков (жердей, палок, шестов). Предприятие «Маслопром» вырабатывало сливочное масло, кефир и творог. Работники рыбхоза ловили рыбу в Каме, добрянском и полазненском прудах. Труженики райпромкомбината производили замочку мочала, выгонку дегтя и обжиг угля, а артель «Красная работница» имела в своем распоряжении портновскую, сапого-валятельную, ремонтно-обувную и гончарную мастерские.

Были у местных властей и надежды на буровиков. По сообщению главного геолога треста «Прикамнефть» П. Левицкого, в 1938 году поиск нефти намечалось провести буквально в черте Добрянки. Но черного золота здесь не нашли. Точно так же в тот период поселку не удалось получить статус города. Это звание Добрянка приобретет лишь через пять лет, 20 февраля 1943 года.

*Камские зори. 2003. 8 августа*



## Добрянские импульсы

*В истории Добрянки XX века довольно четко проявляются три периода ускорения ее экономического и социального развития. Связаны они были с обстоятельствами объективного характера и становились, как правило, следствием событий, происходивших на предыдущих этапах развития территории.*

### Жернова войны и волны «моря»

Первое ускорение намечалось на 40-е годы. Связано оно было с начавшейся еще в 1938 году подготовкой к присвоению Добрянке статуса города. В поселке проживало тогда около 9,7 тыс. человек. Трудоспособное население было занято преимущественно на металлургическом заводе, леспромпхозах, входивших в «Уралзападолес» и «Чусовлестяж», райпромкомбинате и райлесхозе, на предприятиях местной промышленности, в различных артелях, торговле и в бюджетных организациях.

Перспективы же развития предполагаемого города были связаны тогда с развитием кирпичного и лесопильного производств, производством ширпотреба. Предполагалось начать выпуск мороженого и колбас, построить «газифицированный завод» и т.д. К 1942 году Добрянка должна была обзавестись Домом культуры, гостиницей, баней с прачечной, новой средней школой и больницей... Все это планировалось на третью пятилетку. Но помешала война. Даже введенная в строй в 1942 году городская баня (по ул. Жуковского, 1) с пропускной способностью 160 человек в день и та вскоре сгорела.

Когда в конце 1942 года районные и областные власти вновь вернулись к идее изменения статуса, в Добрянке проживало уже 12440 человек. Необходимость присвоения поселку звания города диктовалось «быстрым ростом союзной, республиканской, областной и местной промышленности», расположенной в поселке, а также в связи с быстрым ростом населения. Несомненно, что в условиях военного времени это была еще и своеобразная награда добрянцам за их самоотверженный труд.

Изменилось к тому времени и видение перспектив. Развитие металлургического завода должно было «пойти, как судоремонтного завода, с организацией затона пароходов в устье р. Добрянки с последующими (...) работами по углублению ее для стоянки пароходов». Одновременно большие лесные запасы диктовали необходимость строительства лесохимического комбината «с тем, чтобы лесопродукция транспортировалась не полуфабрикатом, как это делается в данное время, а готовой продукцией с полным использованием всех полученных от нее отходов».

По данным одной из докладных записок, направленных из Добрянки в Пермь в 1942 году, в районе были обнаружены значительные запасы известняка, туфов и гипсов, а также каменный уголь и каменная соль, железные и

медные руды, огнеупорная глина, золото, платина, нефть и т.д. Все это, по словам председателя исполкома Добрянского поселкового Совета Марфина, позволяло «перечислить рабочий поселок Добрянка в категорию городов с оставлением прежнего наименования».

Звание города, как мы все знаем, было присвоено 20 февраля 1943 года, а вот что касается перспектив, то они вначале были перемолоты жерновами войны, а затем смыты волнами рукотворного Камского «моря». Намечавшийся было рывок в развитии сошел на нет.

## Где эта улица, где этот дом?

Впрочем, те же самые волны, что смыли металлургический завод, придали Добрянке новый импульс. Связан он был со строительством ДСК. Во второй половине 50-х годов его громко называли «Магниткой домостроения». Предполагалось, что новое предприятие будет выпускать 500 тыс. кв. м жилья в виде сборных типовых домов и огромное количество стройдеталей. Впрочем, не только с ДСК. От перспектив аж дух захватывало. На противоположном от него берегу р. Тюсь собирались возводить крупный бумкомбинат (в 1958 году на него планировали выделить 500 млн. рублей), а на берегу добрянского пруда со стороны Комарово намечалось сооружение фанерного комбината.

Вместе с промышленностью должно было измениться и лицо города. В том же 1958 году на ул. Советской предполагалось начать строительство новой четырехэтажной кирпичной больницы. На первом этаже больничного здания планировалось размещение поликлиники с пропускной способностью 400 чел. в день. На ул. Ленина между средней школой № 2 и начальной № 3 (сейчас там магазин «Уют») было намечено к строительству в 1959 году здание Дома культуры со зрительным залом на 445 мест, библиотекой с читальным залом и помещениями для кружковой работы. На той же улице велось строительство новой городской бани. В планах было сооружение нового городского стадиона на Кочневке и открытие благоустроенного парка в сосновом бору.

В конце 50-х – начале 60-х годов в Добрянке силами ДСК и бумкомбината планировалось построить 70 тыс. кв. м благоустроенного жилья, половину из которого – в каменном исполнении. 15,5 тыс. кв. м намечали возвести другие предприятия города.

Как видите, планы были грандиозными. Что-то удалось построить, что-то нет. Возможно, потому, что по ходу затяжного строительства ДСК превратился из промышленного гиганта в обычное деревообрабатывающее предприятие, а до бум- и фанерного комбинатов дело так и не дошло. А коли так, то и сил для «переваривания» всех планов тогда просто-напросто не хватило.

Многое построили во время следующего рывка, но связан он был уже со строительством Пермской ГРЭС.

*Камские зори. 2003. 28 февраля*

# Добрянка – Петербург: триста лет истории

*Нашей с вами, дорогие читатели, небольшой, уютной и провинциальной Добрянке нынче 380 лет, а блистательному столичному и европейскому Петербургу – 300. Казалось бы, что на этой юбилейной округленности цифр все сходство и заканчивается, слишком уж разные у нас весовые категории. Но не тут-то было. За три прошедших века наши города связали меж собой сотни видимых и невидимых нитей. Причем вязались они с обеих сторон. Затронем сегодня некоторые из них.*

## Как зарождались связи

Владельцы старой Добрянки, именитые люди, затем бароны и графы Строгановы, вели свою родословную от разбогатевших граждан Великого Новгорода. В разные годы центрами их соляных, да и не только, владений были Соль-Вычегодск, Орел-городок, Новое Усолье, Ильинское, но жили они, как правило, не в далеких имениях, а в столицах, поближе ко двору и высшему свету. Поначалу в Москве, а после – на берегах Невы.

Первое время Строгановы владели в граде Петровом неким домом, но в 1752 году он «сгорел до основания», и потому на том же самом месте началось сооружение нового, такого огромного «с такими украшениями и внутри и снаружи, что удивления достойно». Дворец этот возводился на углу Невского и Мойки по проекту знаменитого архитектора Растрелли, а, говоря современным языком, заказчиком строительства, являлся никто иной, как основатель нашего Добрянского металлургического завода, барон С.Г. Строганов. Что интересно, завод был заложен в том же 1752 году, что и дворец!

По окончании двух строек Добрянка и Петербург оказались крепко-накрепко связанными между собой на целые века. Из Петербургской конторы в наш край шли всевозможные распоряжения и повеления, а от нас в северную столицу – отчеты и прошения. Впрочем, не только они, но и заводская продукция. Через Петербургский порт уходило за моря-океаны знаменитое добрянское кровельное железо. Оседало оно и в самом граде Петровом.

В 1764 году Добрянский завод, вероятно, не без участия Строгановых, сумел получить выгодный заказ на поставку в Петербург для сооружения Зимнего дворца 863 листов луженого, 1545 листов черного и 1700 пудов связного железа. Но мощности одного завода не хватило. Потому железные караваны отправились в 1765 году с Камы на Неву не только из Добрянки, но и из Очера.

В XIX – начале XX веков туда же, в Петербург, на Путиловский, Ижорский и другие заводы не раз ездили за передовым опытом добрянские инженеры, а через уже известный нам Петербургский порт для Добрянки поставлялось заводское оборудование западного, в основном английского, производства.

## Добрянские черты питерской науки

В разные годы в северной столице осело немало выходцев из Добрянки. В начале XX столетия «правителем дел» Главного Петербургского правления графа Шувалова (владельца Лысьвенского завода) являлся бывший священник Добрянской Рождество-Богородицкой церкви И. Шибков, а сын еще одного бывшего добрянского церковнослужителя В. Хлопина Григорий Витальевич Хлопин (1863-1929), окончив Санкт-Петербургский университет, стал одним из основателей отечественной гигиенической науки. В Петербурге им были основаны гигиеническая лаборатория Еленинского института для усовершенствования врачей и Институт профилактических наук при Военно-медицинской академии, там же он выпустил фундаментальные исследования по вопросам гигиены и санитарии, подготовил сотни учеников. «Кто хотел научиться методике или сделать научную работу, действительно ценную, тот шел в гигиеническую лабораторию профессора Хлопина», – писал его ученик и ближайший сотрудник А. Никитин. Ученики Григория Витальевича возглавляли впоследствии крупнейшие гигиенические институты и кафедры нашей страны. Выдающимися исследователями в области радиоактивности и медицины, основателями научных школ стали и его сыновья.

Тело уроженца Добрянки, профессора, заслуженного деятеля науки Г.В. Хлопина покоится на берегах Невы. Скончался он летом 1929 года в районе Батуми, но погребен был на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

В этом же великом городе оставил о себе самый яркий след один из сыновей бывшего крепостного Добрянского металлургического завода П.А. Вологодина – Валентин Петрович Вологдин (1881-1953).

Еще в начале прошлого века он окончил Петербургский технологический институт, а в 1912 году сконструировал первую в России электрическую машину высокой частоты. В дальнейшем он стал профессором, доктором технических наук, членом-корреспондентом АН СССР, заслуженным деятелем науки, лауреатом двух Государственных премий, автором сотен изобретений и научных работ. Руководил НИИ токов высокой частоты в Ленинграде. Ныне этот институт носит его имя. Как, впрочем, и одна из улиц Санкт-Петербурга.

Есть сведения, что этот крупный ученый поддерживал связь с родиной его отца, Добрянкой. В 1920-21 годах впервые в стране под его руководством на Добрянском металлургическом заводе шла подготовка к прокатке высококачественного трансформаторного железа толщиной 0,3 мм, необходимого для центральной радиотелефонной станции. Успешное выполнение этого задания позволило построить мощные генераторы высокой частоты конструкции В.П. Вологодина, с помощью которых была установлена прямая связь между Россией и Америкой.

## Военная «ниточка»

Связи между нашим краем и Петербургом не были разорваны и во время Великой Отечественной. Напротив, они приобрели совершенно новое звуча-

ние. Только Добрянка приняла в те тяжелейшие годы 2,5 тыс. эвакуированных граждан. Многие из них прибыли к нам как раз из Ленинграда.

Так, надежным прибежищем для преподавателей и учащихся Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени хореографического училища стал поселок Полазна. По данным краеведа Н.Н. Путиловой, для размещения училища здесь были предоставлены здание местной школы и двухэтажный дом. Во время эвакуации в Полазне жила и мать будущего артиста Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова, главного балетмейстера Большого театра, народного артиста СССР Ю.Н. Григоровича, а полазненцы имели возможность бывать на спектаклях театра им. Кирова в Молотове (Перми). Там знаменитый театр находился во время войны.

Юные же ленинградцы не раз радовали своими выступлениями как жителей Полазны, так и соседней Добрянки. В 1942 году, например, судя по корреспонденции в районной газете «Сталинский путь», выступления воспитанников Ленинградского хореографического училища проходили на сцене добрянского клуба им. Копылова в течение трех дней, с 14 по 16 марта.

Такую вот приметную ниточку сплела между Прикамьем и Ленинградом кровавая война. В свою очередь немало уроженцев нашего края сложили свои головы, сражаясь под стенами голодного, блокадного, но так и непокоренного врагом города.

## Новые ступени

Очередная ступень во взаимоотношениях двух городов была пройдена в годы строительства Пермской ГРЭС и новой Добрянки. Именно специалисты Ленинградского института «Ленгипрогор» (Институт урбанистики) приложили в 1979 году свои руки к разработке генплана нашего города, а затем, в силу изменившихся социально-экономических условий, и к его корректировке. Так что облик современной Добрянки имеет петербургские черты. Как, собственно, и старой его части. Еще в XVIII веке, в годы строительства металлургического завода, поселок был разбит неизвестным планировщиком прямолинейно, поквартирно, точно так же, как и тогдашняя столица Российской империи.

Не обошлось без участия ленинградцев и при сооружении Пермской ГРЭС. Турбины и генераторы одного из гигантов теплоэнергетики были разработаны и произведены в этом городе, а потому специалисты «Электросилы» нередкие гости наших энергетиков. Достаточно вспомнить, какие уникальные работы по модернизации генератора были проведены совместными усилиями добрянцев и питерцев в минувшем году на первом энергоблоке Пермской ГРЭС. Так что связи наши не только сохраняются, но и развиваются далее, приобретая все новые черты. Так и должно быть. Ведь прошлое и настоящее обоих наших городов есть часть великой истории нашего Отечества.

*Камские зори. 2003. 5 марта*

## Пограничный вопрос

*Весьма вероятное претворение в жизнь реформы местного самоуправления, создание сельских и городских муниципальных образований неминуемо приведет к изменениям административно-территориального деления Прикамья. Не стоит тут забывать и о вполне конкретных территориальных притязаниях к нам (если конкретно, то к Пальникам) со стороны областного центра. Как и что будет происходить, покажет будущее. А вот если оглянуться назад, то окажется, что изменения границ нашего района и границ сельских Советов происходили в его истории не раз.*

### «Курсы кройки и шитья»

Как известно, Добрянский район был создан в январе 1924 года из волостей бывшего Пермского уезда (Добрянских заводской и подзаводской, Перемской, Останинской, Висимской, Дивьянской, Никулинской, Полазненской, Усть-Гаревской и Сенькинской), но был он в то время меньше, чем та территория, которая входит ныне в Добрянское муниципалитет. 80 лет назад площадь района составляла 4,2 тыс. кв. км, а сейчас около 5,2 тыс. То есть когда-то площадь района увеличилась почти на тысячу квадратных километров. Но когда?

Большинство территориальных перемен было связано с созданием в 50-х годах XX века Камского водохранилища. Разлившаяся Кама и образование на месте ее притоков огромных заливов привели к разрыву давно налаженных хозяйственных связей внутри районов, сельсоветов и колхозов, потере хозяйственного значения целого ряда трактовых дорог. Как, например, дороги Добрянка – Лябово – Сенькино – Ильинский или Верхне-Чусовские городки – Голубята.

Создание Камского «моря» и вызванное им изменение внутри- и межрайонных границ коснулось территории семи современных сельсоветов: Краснослудского, Ветлянского, Усть-Гаревского, Липовского, Нижнелуховского, Никулинского, Нижне-Красновского, а также Полазненского поссовета.

Так, в связи с ликвидацией попавшей в зону затопления деревни Кряжевой, центра Кряжевского сельсовета, его земли отошли к Полазненскому поссовету (хотя был еще вариант переноса центра сельсовета в д. Ярино и объединения его с Фоминским с/с). От Верхнегородковского района в подчинение к Добрянке перешли земли и населенные пункты Краснослудского и Ветлянского сельсоветов. Тогда же из Добрянского района в Ильинский был передан расположенный на левом берегу р. Полуденной, в районе Усть-Гаревой, колхоз «Красная Звезда» (деревни Скородум, Баранята, Ганичата и др.), а несколько позже из состава Никулинского сельсовета выделился отрезанный Косьвинским заливом Камского «моря» Нижне-Красновский с/с. Вот такие «курсы кройки и шитья».

## Что такое «Прикамский» сельсовет?

Летом 1953 года, кстати говоря, ставился и вопрос об укрупнении сельских Советов (несколько похоже на то, что намечается сейчас). В рамках этого проекта предлагалось, к примеру, объединить Усть-Гаревской и Сенькинский сельсоветы. Центром новой административно-территориальной единицы должна была стать д. Патраки. «В результате этого, – писал и.о. председателя Добрянского райисполкома Карсаков, – центр Совета будет находиться примерно посередине территории укрупненного Совета».

Тогда же вместо Дивьянского сельсовета (д. Дивья ушла на дно Камы) был создан Липовский сельский совет, включивший в себя и территорию Завожинского с/с. Как сообщалось в одном из райисполкомовских документов той поры, центр укрупненного сельсовета «целесообразно перенести в д. Липова и сельский Совет именовать «Прикамским». В Липово жило тогда всего 86 жителей, а самым крупным населенным пунктом сельсовета был бывший спецпоселок 130-й квартал (Тюсь). В нем проживало 452 человека.

## Пограничная «война»

Но, как показывают документы, не все проходило тогда гладко и безболезненно. Серьезный «пограничный конфликт» разгорелся, к примеру, на северо-восточных «рубежах» Добрянского района.

В марте 1953 года в Добрянский и Губахинский райисполкомы секретарем Пермского облисполкома Н. Артамоновым было направлено письмо с заявлением жителей бывшего спецпоселка Верх-Ключанка о «перечислении» этого населенного пункта из Добрянского района в пригородную зону г. Губахи. В Верх-Ключанке проживал тогда 441 человек, в соседнем поселке Парма 292 жителя и 40 человек обитало на ст. Парма.

Власти Губахи о присоединении этих промышленно развитых поселков не возражали. Подавляющее большинство их жителей трудилось в лесопунктах Вильвенского ЛПХ, который базировался как раз в Губахе. Но против этого оказались власти Добрянки. Позиция добрянцев заключалась в следующем: если вы хотите забрать к себе вышеуказанные поселки, то забирайте вместе с ними и соседние деревни Красновского с/с: Вяткино, Поньылки, Брюханово, Красное, Колотовка, Тихая, Милково, которые входили колхоз им. Ленина. Их логика диктовалась географией. Эти косьвинские деревни располагались в 15-20 км от Губахи и в 75-85 км от Добрянки.

Понятно, что губахинцам «колхозный довесок» был не нужен. Промышленная Губаха имела статус города областного подчинения и, по мнению ее городских властей, «аппарат горисполкома» никак не мог «заниматься руководством колхозами». Да и вообще, «горожане» губахинцы в отношениях с добрянским «деревенским» райисполкомом не особенно церемонились. Как писал председатель Губахинского горисполкома А. Калинин: «Под видом так называемого тяготения колхозников к городу Губахе (...) руководители



Добрянского района скрывают подлинное положение дел. Их цель состоит в том, чтобы перечислить указанные населенные пункты в Губахинский район и тем самым облегчить руководство своим районом, так как по вине их за последние годы из колхоза им. Ленина значительное количество колхозников ушло в производство, а в колхозе ввиду недостатка рабочей силы создались трудности по выполнению задач, стоящих перед колхозом. И теперь эти трудности Добрянский райисполком хочет переложить на г. Губаху. Губахинский горисполком считает доводы Добрянского районного Совета несостоятельными и необоснованными и потому с мнением руководства Добрянского райисполкома согласиться не может. Что касается поселков Верх-Ключанка, Парма о перечислении их в административное подчинение г. Губахи горисполком не возражает (...).

В конце концов, вся эта бумажная пограничная «война» завершилась в пользу Губахи. Достаточно сегодня посмотреть на карту, чтобы убедиться в том, что «лакомая» леспромхозовская, а потом и железнодорожная Парма оказалась в ее составе, а отдаленные косьвинские деревни остались в составе Добрянского района. Сейчас они почти обезлюдели и числятся за Таборским с/с. Точно так же быстро исчезла с карты и спецпереселенческая Верх-Ключанка.

## От Чермоза к Добрянке

В 1959 году территория Добрянского района существенно увеличилась за счет Нижнелуховского сельсовета, который ранее принадлежал ликвидированному Чермозскому району.

На территории сельсовета проживало три тысячи человек, в том числе две тысячи в самом Нижнем Луху. В основном это были бывшие спецпереселенцы и граждане, репатриированные после войны. К концу 50-х годов поселок был электро- и радиофицирован, в нем имелась больница на 20 коек, магазины, школа, работало два промышленных предприятия: Нижнелуховской леспромхоз и сплавной участок Городищенского рейда. В наше время поселковая промышленность сошла практически на нет.

\* \* \*

Впрочем, что там говорить. За годы перестройки и реформ сошел на нет и Добрянский район. Сейчас, после реформаторского зуда, официальное название его бывшей территории не сразу и запомнишь. То ли это некая «территория, прилегающая к городу Добрянке», то ли какое-то «Добрянское муниципальное образование». В общем, не позавидуешь историкам, которые будут заниматься историей нашего края лет эдак через сто. Пойми, скажем, такую словесную абракадабру, как «система образования Добрянского муниципального образования». Круче этого было только советское «Ленинградский орден Ленина метрополитен им. Ленина»...

*Камские зори. 2004. 27 октября*



## Сколько добрянцев насчитали за четыреста лет

*К подготовке этого материала меня подтолкнули итоги недавней переписи населения. Напомню, что за последние восемь лет население района сократилось на несколько тысяч человек, в том числе в Добрянке – на 2 тысячи. Но так было не всегда. Вот о том, как было, и расскажет сегодняшняя публикация.*

### Крестьяне-первопроходцы

До прихода русских в Прикамье (предприимчивые новгородцы впервые побывали на Урале в конце XI века) здешние места были заселены в основном коми-пермяками и частично вогуличами (манси). Однако численность аборигенного населения была невелика.

В XIV – начале XV веках в Верхнем Прикамье стало появляться оседлое русское население. При этом коми-пермяцкие городища становились местами совместного обитания с русскими переселенцами. Их привлекали сюда обширные и свободные земли, реки, леса. В массе своей это были крестьяне с севера Руси, преимущественно из Ростово-Суздальской, Вологодской и Архангельской земель. Вместе с ними здесь стало распространяться православие. В 1472 году, после похода воеводы Федора Пестрого, Пермь Великая с центром в Чердыни окончательно вошла в состав Московского государства и стала плацдармом для отражения татарской экспансии в Прикамье.

Процесс русской крестьянской колонизации Прикамья усилился во второй половине XVI века, после получения этих земель Строгановыми, основания ими первых деревянных крепостей, соляных промыслов и снятия Ермаком угрозы со стороны Сибирского ханства. В конце того же столетия на территории Перми Великой насчитывалось 223 сельских населенных пункта (деревни, починки, слободы, погосты). Правда, число дворов в них было невелико. В 60 процентах населенных мест – от 2 до 5 дворов. Но самое главное, что по данным переписи Ивана Яхонтова за 1579 год на Косье встречалась деревня Вильгорт (с коми-пермяцкого – «новая деревня»). А это ничто иное как нынешнее село Перемское. Пройдет еще сорок лет и...

### Кто откуда

...в своей писцовой книге Михаил Кайсаров отметит в 1623-24 годах на карте Прикамья деревни Домрянку, Полазную, Чуцкое городище и Под Белым Камнем, починки Лябово Городище, Ошва и Висим (все – на Каме), деревни Веселкову, Орлову, Красную Слудку и Серегову, а также починок Добряков (все – на Косье). Тогда в здешних деревушках проживали выходцы из Поморья («Ивашка Савельев сын Поморец»), Вологды («Васька Нефедьев

сын Вологжанин»), Галича («Васька Кузьмин сын Галиченин»), с берегов Северной Двины, Вятки и т.д. Просматривались и миграции локального характера. Некоторые жители Добрянки и Полазны тех лет переселились сюда из Чердынского и Соликамского уездов. Часть фамилий имела коми-пермяцкие корни («сыновья Перминовы»).

Но с той поры и до наших дней самым крупным населенным пунктом в здешней округе была и остается Добрянка (до начала XIX века – Домрян-ка). В 1623 году в ней насчитывалось 22 жителя мужского пола, по данным переписи П. Елизарова за 1647 год – 57, по сведениям «подушного оклада» за 1719 год – 71. А потом произошел значительный рост численности населения.

### **«Кавалерственная дама» и ее крепостные**

К концу 40-х годов XVIII века в Домрянке проживало уже 212 жителей «мужескаго полу». Это можно объяснить подготовкой к началу строительства на речке Домрянке металлургического завода. В тот период между братьями Александром, Николаем и Сергеем Строгановыми шли разделы единого ранее отцовского имения. Делили, порой полюбовно обменивали не только территорию, но и крепостных крестьян. Впрочем, в 50-х годах XVIII века в массе своей добрянцы были уже мастеровыми людьми. Рос завод, росла численность населения.

На рубеже XVIII-XIX веков в заводском поселке насчитывалось 296 «обывательских дворов», а проживало в них 480 крепостных мастеровых. В 1816 году численность мастеровых возросла уже до 566 человек. Еще 111 добрянцев той поры относились к «дворовым людям»\*.

В первой половине XIX столетия численность женского населения уже преобладала над мужским. По данным «Ревизской сказки» 1834 года, в Добрянском заводе «Ея сиятельства Госпожи Генерал-Лейтенантши и ордена Святые Екатерины Кавалерственной Дамы, Графини Софьи Владимировны Строгановой, урожденной Княжны Голицыной» среди мастеровых состояло: мужчин – 1000, женщин – 1096, среди дворовых людей – 131 и 176 соответственно.

### **«От слабости и устатку»**

Такое положение дел современники объясняли тяжестью заводского труда. Жар от раскаленного металла, сквозняки, тяжелый ручной труд, вредные

\* Дворовые люди – в данном контексте – крепостные крестьяне, лишенные земельных наделов. Со второй половины XVIII века помещики зачастую использовали их для работы на мануфактурах и заводах. То есть по принадлежности к сословию они оставались крестьянами, а по роду занятий являлись мастеровыми.

выбросы – все это подрывало здоровье мастеровых. Как сообщали в отчете за 1854 год медики Добрянского заводского госпиталя, рабочие страдали простудными заболеваниями, ревматизмом, болезнями «от слабости и усталку», поступали в больницу «с хирургическими болезнями от механических повреждений при заводском действии». В 1857 году заводская контора доносила в Главное управление, что никого нельзя перевести из «мальчишков» в «полуработники» (16 лет). По возрасту они подходили, а «по малому росту и слабосилию» годились «только для самых легких работ».

## **Русские, православные**

За год до отмены крепостного права, т.е. в 1860 году, в заводском поселке проживал 3451 добрянец, в том числе 1589 жителей мужского пола и 1862 женского, а в начале XX века население достигло 7 тысяч человек. Почти 100 процентов добрянцев были русскими и православными. Увеличение численности населения шло главным образом за счет естественного прироста. Несмотря на высокую смертность, в том числе детскую, очень высокая рождаемость перекрывала все потери.

По данным рапорта управляющего Добрянским заводом А.И. Кузнецова, направленного 26 июня 1915 года в Главную Санкт-Петербургскую контору Строгановых, в пределах Добрянского заводского округа находилось шесть волостей (Добрянские заводская и подзаводская, Дивьянская, Никулинская, Останинская и Перемская) с населением 26 тысяч душ обоего пола. В Добрянской заводской волости (по сути дела, в самой Добрянке) проживало более 7500 человек, но уже сказывались мобилизации мужчин на фронты Первой мировой войны.

В дальнейшем в ход событий вмешались и другие социальные потрясения. Прежде всего, война гражданская. Как следствие, в 1926 году, то есть вскоре после создания Добрянского района, в нем проживало лишь 15277 жителей мужского пола против 17967 женского. А вот национальный состав оставался однородным. При общей численности жителей в 33244 человека на территории района было отмечено лишь 145 татар, 9 евреев и 39 человек других национальностей. Но в начале 30-х годов ситуация значительно изменится.

## **Волна за волной**

Причина этого заключается в принудительном переселении больших масс людей в период раскулачивания и репрессий. Достаточно сказать, что на 1 января 1932 года в спецпоселках Добрянского леспромхоза насчитывалось 6884 спецпереселенца. В основном это были жители западных районов Советского Союза и Поволжья: украинцы, белорусы, молдаване, татары. В свою очередь некоторые коренные русские жители района, получившие клеймо кулаков, вместе с семьями выселялись еще дальше на север.

В 1935 году в Добрянку прибыли финны, выселенные из Ленинградской области, но в 1937-38 годах почти все мужчины из их числа будут расстреляны. В 1940 году в лесные поселки севера района прибыло большое число поляков-осадников, в 1944-м – крымских татар, затем бывших военнопленных, «власовцев», репатриированных граждан...

Невосполнимый урон в более чем 3 тысячи человек нанесла нам Великая Отечественная война. Демографическая ниша, вызванная войной, ощущается до сих пор.

## **Рекорды и антирекорды 90-х годов**

В 1959 году население Добрянки достигло 15,5 тысячи человек. Отток населения из города после закрытия металлургического завода сдержало начавшееся строительство домостроительного комбината. А во второй половине 70-х годов вновь начнется бурный рост населения нашего города. В основном за счет притока строителей Пермской ГРЭС. В первой половине 70-х годов в Добрянке проживало 18 тысяч человек, в начале 80-х годов – около 25 тысяч, а в 1998 году, если верить «Новой иллюстрированной энциклопедии», 38,2 тысячи человек. Но если этот пик и был достигнут, то только за счет миграций, вызванных распадом СССР и притоком соотечественников из бывших союзных республик. Ведь реально в районе смертность стала превышать рождаемость с 1992 года. В 1994-м вообще был поставлен антирекорд. Тогда на свет появилось чуть более 600 детей, а в мир иной ушло около 1200 человек.

В 2005 году, по данным статистики, в нашем городе проживало 36,1 тысячи жителей, а по переписи 2010-го осталось 33676 человек. Получается, что это первое столь продолжительное и масштабное уменьшение численности населения Добрянки почти за четыре века ее истории.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 3 февраля*

# Базары, ярмарки, торжки

Статьи о торговой жизни

- Базары, ярмарки, торжки
- Торговая жизнь в дореволюционное время



## Базары, ярмарки, торжки

*«Рынок..., переход к рынку..., рыночные отношения..., рыночная экономика...», — и так с утра до вечера. Порой кажется, что вся эта говорильня уже никогда не кончится. А всего-навсего сейчас мы пытаемся возродить лишь то, что было утрачено в результате социальных экспериментов. И никто в те времена «не толкал воду в ступе» по поводу рынка. Рынок был, действовал, пронизывал все российское общество и двигал страну вперед.*

Итак, поговорим сегодня о торговой жизни в нашем крае в конце XIX — начале XX века.

Одним из наиболее крупных торговых центров в Пермском уезде был Добрянский завод. Ярмарки и еженедельные воскресные базары, проходившие здесь, были известны не только в уезде, но и во всей губернии. Сюда стекались продавцы и покупатели из многих прикамских сел, деревень и городов. Особенно славился добрянский базар своей хлебной торговлей. Причем из местных крестьян хлебом торговали лишь единицы. Главными продавцами ржаной, пшеничной, ячневой муки и овса были крестьяне наиболее плодородных закамских волостей: Сенькинской, Усть-Гаревской, Слудской, Васильевской, Филатовской, Ильинской и ряда других. Бывали дни, чаще всего зимой, когда на добрянский базар одновременно прибывало до 200 возов с хлебными припасами. Да и в летние дни единственная в губернии земская переправа через Каму не пустовала. Зерно и мука, привозимые в Добрянку, раскупались не только мастеровыми завода, но и крестьянами малоплодородных, в силу природных условий, косьвинских волостей: Никулинской, Останинской, Перемской и др.

Помимо продукции полеводства, в зимне-весенний период крестьяне закамских волостей предлагали для продажи «обывателям завода» коров и другой скот (за исключением лошадей). Ну, а где скот, там и мясо. Иногда во время базаров в Добрянке скапливалось до 40 возов с мясом. Кроме того, был богатый выбор «коровьего масла», сала, шерсти и кож. При заводе имела общественная скотобойня.

Время продажи мануфактурных товаров наступало в дни ярмарок, которые проводились в Добрянке два раза в год. Сретенская ярмарка начиналась 2 февраля, а Богородицкая — 8 сентября. Обе ярмарки были шестидневными. Понятия дефицита на них не существовало.

Наряду с продовольственными и промышленными товарами большим спросом пользовались изделия ремесленников-кустарей. Из кустарных промыслов в начале нашего века наиболее развитыми в Добрянке были кузнечный, кожевенно-сапожный, столярный, шорный, красильный и колесно-экипажный.

Большой выбор разнообразных товаров покупателям предлагали многочисленные магазины. На 7,5 тыс. жителей в поселке приходилось 64 торговые лавки, 2 казенных винных магазина и 6 пивных. Ежегодный това-

рооборот Добрянской заводской пристани составлял около 2 млн. пудов всевозможных грузов.

Вторым по значимости торговым пунктом в нашем районе был Полазненский завод, в котором регулярно действовали воскресные базары и торжки. Наибольшего размаха торговля достигала зимой, когда крестьяне из близлежащих сел и деревень свозили в Полазну зерно и муку. Жители Добрянско-Подзаводской и Филатовской волостей – мясо и масло, а местные кустари предлагали покупателям деревянную посуду, кадки, ведра, корыта. Интересно, что летом, в июле и августе, полазненцы нанимали на базаре на время сенокоса и жатвы пришлых рабочих из Оханского и Осинского уездов.

Среди официально разрешенных базарных мест в Пермском уезде значилось и с. Перемское, но фактически базар там не действовал. Купля-продажа шла в основном во время торжков, которые проходили как в самом Перемском, так и в многочисленных деревнях: Бердниковщине, Косятах, Кужгорте, Таборах и др. Продавали и покупали там главным образом съестные припасы: мясо, сало, масло, хлеб, привозимые на Косьву скупщиками из Добрянки, Полазны, Ильинского. Встречались на торжках кожевенные товары, изделия из железа (печки), посуда, щетина и т.д. Примерно такие же товары фигурировали на Благовещенском и Богородицком двухдневных торжках в с. Никулино, куда заглядывали крестьяне из соседнего Соликамского уезда.

Из общего ряда выделялась, пожалуй, лишь д. Кунья Останинской волости, в которой на традиционном торжке 18 августа крестьяне продавали лошадей. Вероятно, это был неплохой товар. Не зря же съезжались в эту небольшую деревню покупатели из Вятской и Уфимской губерний.

По три трехдневных торжка и ярмарки проходили каждый год в Сенькино и Усть-Гаревой, где помимо уже известных нам товаров продавались сита, решета и глиняная посуда.

Всего же на территории, занимаемой ныне Добрянским районом, в 1905 г. насчитывалось три базарных пункта (в Добрянке, Полазне и Перемском), проходило пять ярмарок (в Добрянке и Сенькино), действовало около двадцати одно-, двух- и трехдневных торжков. Оборот составлял десятки тысяч рублей. И это без учета постоянно действовавших магазинов и торговых лавок.

Цены на рынке зависели от спроса и предложения. Закон стоимости действовал безупречно. Например, в январе 1898 года пуд (16 кг) ржаной муки стоил в среднем 55 1/4 коп., пуд гречки — 1 руб. 19 коп.; пуд пшеничной муки – от 1 руб. 26 коп. до 1 руб. 67 коп.; пуд овса – 48 1/2 коп.; цена 1 пуда мяса первого сорта составляла 2 рубля 11 коп.; 1 фунта (400 г) сахара-рафинада – 17 коп. Для сравнения можно сказать, что зарплата учителя, например, в те же годы колебалась от 25 до 35 рублей в месяц (без учета квартирных), поденная плата одному работнику во время сенокоса или жатвы была установлена в 43 копейки, а зарплата квалифицированного рабочего превышала порой 70 рублей в месяц.

*Камские зори. 1991. 16 мая*



# Торговая жизнь в дореволюционное время

*Большой горный завод, судоходная река, оживленная пристань — все это способствовало тому, что дореволюционная Добрянка была видным торговым пунктом в Пермском уезде. На еженедельные воскресные базары, февральскую и сентябрьскую ярмарки, проходившие в заводском поселке, съезжались десятки и сотни продавцов и покупателей со всей округи и из-за ее пределов.*

## Товары от Дениски

Естественно, что товары продавались не только в базарные и ярмарочные дни. Масса их предлагалась покупателям в постоянно действующих торговых лавках, магазинах и балаганах (киосках), коих только в 1911 году в Добрянке имелось 90.

Больше 20 лавок специализировались на продаже «съестных припасов, бакалейных товаров, табака туземного приготовления». Подобные заведения принадлежали главным образом крестьянам, как местным, так и приезжим, в том числе из соседних губерний. Из магазинов этого профиля самый крупный принадлежал крестьянину Добрянско-Подзаводской волости И.М. Плюснину. Его годовой оборот равнялся 15 тыс. рублей.

Многие хозяева предпочитали с табаком не связываться и торговали только съестными припасами и бакалеей. Таких лавок в Добрянке насчитывалось тоже больше двадцати. Еще 11 торговых заведений ориентировались на продажу мяса.

Самым крупным торговцем в старой Добрянке был «татарин Дениска», а точнее, Денислам Галямович Касимов. Он владел двумя мануфактурными магазинами. Возможно, что нынешний магазин «Рекорд», в старом центре города, один из них. Сумма оборота за 1911 год составила у этого хозяина 60 тысяч рублей, в то время как у его конкурентов, А.И. Плюснина, Н.В. Варлашова, лишь по 10 тысяч. По воспоминаниям старожилов, товары у Дениски всегда были самые дешевые и доступные, а ассортимент самый широкий. Поэтому его магазины и пользовались большой популярностью. Любопытно, что если кому-то революция 1905 года лишь навредила, то этот делец и из нее сумел извлечь выгоду. Во время большевистских демонстраций он легко сбыв залежалый красный ситец.

Судя по всему, хорошим спросом пользовались кожаные изделия семейства Казанцевых, которые точали сапоги и башмаки, конское снаряжение. Готовую продукцию они реализовывали в своих магазинах.

Желающие приобрести шапки или фуражки могли заглянуть в три торговых заведения. Самой крупной по годовому обороту в 3 тысячи рублей считалась лавка крестьянина Новинской волости Я.А. Оськина. Еще одна принадлежала Елабужскому мещанину Ф.Д. Добрынину. Тогда же, в 1911



году, открыл свой балаган мастеровой Добрянского завода А.Ф. Никулин. Стеклой посудой торговала в поселке местная жительница А.И. Гилева. Крупными торговцами железными и скобяными товарами считались добрянский мастеровой В.Ф. Мелентьев и крестьянин Сретинской волости Пермского уезда Ф.С. Поронин.

Помимо небольших частных магазинчиков, ряд торговых точек в Добрянке принадлежал весьма именитым фирмам. Так, 20-тысячный годовой оборот имел магазин по продаже швейных машин акционерного общества «Компания Зингер». Этот товар пользовался стабильным спросом.

Достаточно известные до революции фирмы торговали в поселке пивом. Любители этого напитка могли отведать его в лавке, принадлежащей Ижевским заводам, в пивных «Наследников потомственного почетного гражданина А.Ф. Чердынцева», торговых домов «Наследники И.В. Александрова» и «Наследники Поклевского-Козелл». Последняя фирма имела самый большой годовой оборот в 5 тысяч рублей. Еще одна небольшая пивная лавка принадлежала некой «жене доктора» С. Васильевой, но ей тягаться с известными компаниями было трудно. Много пива для себя варили и местные мастеровые, особенно одинокие женщины, приманивающие на огонек мужиков. С «пивоварками» случалось немало криминальных историй.

Жаждающие отведать более крепкие напитки, помимо разных магазинов, могли это сделать в винном погребе, только что открытом крестьянином Богородской волости Пермского уезда Н.С. Зыряновым.

В старой Добрянке можно было не только выпить, но и неплохо перекусить в двух чайных-столовых. Одной из них заведовала крестьянка Ильинской волости П.С. Ракитина, а другой – местная мастеровая А.В. Михалева. Годовой оборот и той, и другой чайных равнялся 400 рублям.

Надо думать, что достаточно весело проходили вечера служащих и интеллигенции в местном общественном собрании. Его годовой оборот равнялся 2 тысячам рублей. Возможно, что оно располагалось в здании нынешнего райпо. Кстати, тот, кто хотел отдохнуть с книгой в руках, мог приобрести ее в «балагане для продажи книжек и картин», открытом мастеровой Добрянской заводской волости А.Л. Королевой. Торговля у нее шла достаточно бойко, поэтому и годовой оборот равнялся 1000 рублей.

В старое время магазины чаще всего располагались в том же доме, в котором жил и сам торговец. Они занимали либо первый этаж, либо часть здания.

### **«Бизнесмены» из глубинки**

Понятно, что торговая жизнь края на Добрянке не замыкалась. Помимо нее, крупным торговым центром считалась Полазна. Базары, ярмарки и торжки проходили в Перемском, Никулино, Кунье, Сенькино и в ряде других мест нашего района. Во многих деревнях и селах имелись и свои магазины.

Так, 11 торговых предприятий насчитывалось в 1910 году в Никулинской

волости. Самой большой по годовому обороту лавкой с бакалейными, мануфактурными и съестными припасами владел местный крестьянин Г.С. Поморцев. Еще одна лавка и два складских помещения имелись у крестьянина Л.С. Елтышева, но его оборот был в четыре раза меньше, чем у первого владельца, лишь 500 рублей.

В Никулино же торговал и татарин Нурмухамет Бикмухаметов. Небольшие торговые заведения, в основном лавки с бакалеей и съестными припасами, имелись также в деревнях Филигиной, Крутиковой и Плесо. Везде торговцами были местные крестьяне.

В Останинской волости, которая включала в себя ряд деревень по Косьюе и Вильве, насчитывалось 9 торговых заведений. Два из них числились в Голубятах. Самый большой годовой оборот, в 600 рублей, имел С.А. Медведев. Чаем, сахаром, табаком и прочими припасами торговали лавки в Мазярово и Фоминке, Тысяцковой и Останиной, Красной и Сереговой, в Кунье.

Вообще, в то время Косьювинский край был весьма оживленным и обжитым. В той же Никулинской волости в начале века насчитывалась 31 деревня, в Останинской – 28, а в Перемской – аж 56 деревень. Так что было кому предлагать свои товары.

Если не брать в расчет Полазну с ее 19 торговыми лавками, одним казенным винным магазином и тремя пивными, то в ее волости в 1913 году имелось всего лишь 3 заведения для продажи разных товаров. Два небольших магазинчика существовало в д. Заполазной и еще одна лавка в д. Посад. Они были небольшими как по площади (3 на 7 аршин), так и по обороту (200-300 рублей в год).

Две торговые лавки и один склад имелись в с. Висим. Обе они торговали бакалейными и мануфактурными товарами. Одна принадлежала дивьянской крестьянке А.Н. Калининой. Ее оборот равнялся 800 рублям в год и в четыре раза превышал оборот владельца другой лавки, крестьянина Е.С. Сурвачева. Помимо Висима, в деревнях Дивьянской волости подобные же заведения были отмечены в Малом Заполье, в Гавренках и в самой Дивье. В том же сельском обществе в 1910 году открыл балаган по продаже разных продуктов местный крестьянин Ф.Ф. Норицын.

Немало торговых лавок и «складочных помещений» имелось в обширной Усть-Гаревской волости. В самом волостном центре их было 6. Наиболее крупным торговцем там считался К.М. Волков. Об этом говорит и его годовой оборот в 3 тысячи рублей. Даже в Добрянке таких торговцев было немного, не говоря уж о деревнях. Для сравнения, оборот балагана, принадлежащего «крестьянской жене» С.Е. Мокрушиной из Усть-Гаревской деревни Кошелевой, составлял всего лишь 50 рублей.

Торговая жизнь в нашем крае до революции находилась под бдительным оком чиновников из Пермской казенной палаты. Каждый торговец должен был подавать годовой отчет о своих доходах. Проверку деятельности лавок и

магазинов, а также их отчетность осуществляли так называемые «податные инспектора». Причем после первого года работы торгового заведения налоги с их хозяев не взимались.

Торговля, как и все в нашей стране, нарушилась в 1917 году. Те предприимчивые люди, которые сумели выжить в годы «военного коммунизма» и Гражданской войны, попытались было вновь наладить свое дело в период НЭПа, но это была лишь короткая оттепель в условиях большевистской зимы и ее сталинских морозов. Наступил и 1930 год. Пришла коллективизация, и в списках раскулаченных стали проскакивать уже известные нам фамилии дореволюционных предпринимателей. Вот лишь один пример.

В предыдущем материале мы говорили уже о семействе Казанцевых, снабжавших всю округу обувью и изделиями из кожи. Один из них, Сергей Егорович, занимался пошивом обуви и торговлей до 1918 года. Затем за скупку и перепродажу кожсырья был привлечен Советской властью к уголовной ответственности, а его заведение было национализировано. Отсидел в исправдоме 3 месяца, после чего был выслан в Сибирь. Отбыв наказание, вернулся в Добрянку, где у него были двухэтажный полукаменный дом, одна лошадь, корова и теленок; а также целый набор сельскохозяйственных орудий: молотилка, веялка и т.д. Начал он было работать в одном из кооперативов, но тут пришла пора раскулачивания. Он был обвинен в том, что сам и его семья настроены контрреволюционно и политически неблагонадежны. За это С.Е. Казанцев был лишен избирательных прав. Против него было выдвинуто еще одно прямо-таки идиотское обвинение. На заседании президиума Добрянского райисполкома 18 февраля 1930 года его на полном серьезе обвиняли в том, что, «несмотря на большие уплачиваемые налоги, его хозяйство продолжает расти». Казалось бы, честь и хвала ему. В конце-концов, налоги-то идут государству. Но нет. В соответствии с постановлением президиума Казанцев Сергей Егорович был выслан вместе с семьей за пределы района, а его имущество было конфисковано и передано в колхоз.

Так Советское государство само себе копало яму, в которой сейчас и оказалось. История ошибок не прощает.

*Добрянский вестник. 1993. 22, 29 октября*



# Кто скрывался за литерой S?

Статьи об известных добрянцах

- «Все мои симпатии находятся на стороне народа...»
- Иностранные подданные в старой Добрянке
- «Ревнитель честного труда и честной мысли»
- Наши люди на страницах губернских изданий
- Кто скрывался за литерой S?
- «Наш Яков Карпыч...»
- Паломничество Галины Эдвардс
- Первый начальник первой электростанции
- Теплое лето 1915 года
- Последний управляющий
- Добрянские корни семьи Вологдиных
- Блестящий естественник, врач, педагог
- Судьба председателя
- Судьба краеведа Батанова
- Звания для героев

## **«Все мои симпатии находятся на стороне народа...»**

*В январе 1865 года на страницах передового столичного журнала «Современник» был опубликован рассказ «Антип Григорьевич Мережгин», автором которого была никому не известная молодая писательница с Урала. Кто же она?*

### **Родом из Полазны**

Этой писательницей оказалась наша землячка А.А. Кирпищикова. Она родилась 14 февраля 1838 года в семье крепостного слугителя Полазненского завода господ Лазаревых. Ее отец Александр Григорьевич Быдарин был управляющим Полазненского и Хохловского заводов, затем служил при главном управлении лазаревского имения в Чермозе, а впоследствии был разжалован и отправлен на глухую пристань р. Косье.

Таким образом, детство, юность и первые годы ее писательской деятельности прошли на заводах Урала, где и сформировалось ее мировоззрение, пробудилась тяга к творчеству. И поэтому совсем неслучайно, что все действия повестей, рассказов, очерков А. Кирпищиковой происходили в наших краях: в Полазне, Чермозе, Хохловке, на Косье.

Сложное положение женщины в условиях крепостничества не позволило получить Анне Александровне хорошее образование. По ее же словам, вся учеба заключалась лишь в том, что мать научила ее читать, а крепостной мальчик-писарь в течение двух недель писать. На этом бы и закончилась учеба будущей писательницы, если бы не постоянное самообразование. Любимым занятием девочки было чтение, которое доставляло ей «величайшее удовольствие». «И вот тогда-то, — отмечала впоследствии писательница, — и зародилась во мне сильная любовь к литературе и вообще ко всякой книге», хотя хорошие произведения известных авторов найти было очень и очень трудно.

### **Замечена Некрасовым**

В 1854 году Анна Быдарина вышла замуж за Михаила Алексеевича Кирпищикова, учителя французского языка из Чермоза.

Здесь она впервые в 16 лет пыталась писать. Об этом времени она впоследствии не без юмора вспоминала: «Потом пришло в голову написать повесть. К этому, кажется, больше всего побудило меня то, что у мужа имелся письменный стол и много писчей бумаги и чернил. Повесть мою муж нашел очень плохой, и я бросила ее в печь. Потом я иногда пробовала писать стихи, но и их приходилось бросать».

Как пишут исследователи творчества А.А. Кирпищиковой, здесь, в Чермозе, в большом заводском поселке, среди рабочих и местной интеллиген-

ции она познакомилась с передовой русской литературой, окончательно сложились ее демократические взгляды.

Здесь же был написан первый рассказ А.А. Кирпищиковой «Антип Григорьевич Мережин», который после некоторых колебаний решено было отправить в журнал «Современник» под редакцией Н.А. Некрасова. В сопроводительном письме Анна Александровна писала: «Все мои симпатии находятся на стороне народа, но, тем не менее, в жизни его, которая мне хорошо известна, часто бывают очень тяжелые события». Как признавалась сама писательница, она «не надеялась на то, что напечатают», однако действительность превзошла все ожидания. Рассказ был очень быстро опубликован, а писательница была замечена самим Н.А. Некрасовым.

Первый успех окрылил ее, и она в том же году она написала второй рассказ «Порченная», который был напечатан в «Современнике» в конце 1865 года. В этих произведениях Кирпищикова сумела очень точно передать свои наблюдения и впечатления о жизни простых тружеников, крепостных крестьян, показала трудные судьбы женщин-крестьянок.

## **В «Отечественных записках»**

Эти изведения появились в сложный период жизни писательницы. В 1864 году с работы в Чермозе был уволен ее муж, и семья вынуждена была перебраться в Пермь. После смерти отца Анне Александровне пришлось взять к себе младшую сестру и брата, о которых она заботилась, как и о троих своих детях. «Писать было недосуг, – рассказывала она. – Хотя я и часто сидела у своего письменного столика, но занималась больше шитьем, а не литературной работой». Однако стремление писать брало верх над всеми трудностями.

Уже живя в Перми, А. Кирпищикова в течение года работала над новой повестью «Как жили Куморе», которую она, как и первые свои рассказы, собиралась отправить Некрасову в «Современник», но обстоятельства сложились по-иному. Усиление политической реакции привело к закрытию в начале 1866 года журнала «Современник», и рукопись Кирпищиковой была передана в другой прогрессивный журнал «Отечественные записки», редактируемый М.Е. Салтыковым-Щедриным.

В первый раз повесть вышла в свет в мае-июне 1867 года. По мнению доктора филологических наук И.А. Дергачева, успех работы Кирпищиковой заключался прежде всего в том, что писательница пришла в литературу с важной и свежей для того времени темой жизни и борьбы уральских мастеровых. Писательница показала условия труда, быт мастеровых, социальные противоречия и пробуждение их классового самосознания в 30-х годах XIX века.

В 1876 и 1877 годах «Отечественные записки» поместили два очерка А.А. Кирпищиковой «Из воспоминаний управительской дочери» – «Прошлое» и «Недавнее». Эти работы во многом автобиографичны. В них рассказывает

ся, как взрослеет и усваивает чувство социальной ответственности дочь крепостного, живя в среде рабочих. Третья часть «Воспоминаний» – «Двадцать пять лет назад» – в свое время в «Отечественных записках» напечатана не была, главным образом из-за цензурных ограничений.

Однако в это время в редакции журнала лежал новый рассказ писательницы «Петрушка Рудометов», который был опубликован в декабре 1878 года. В этом же году в Петербурге Кирпищикова лично встречалась с М.Е. Салтыковым-Щедриным.

## На газетных страницах

Вскоре после этого на несколько лет Анна Александровна вынуждена была отойти от литературной деятельности. Тревога и хлопоты о брате и сыне, участвовавших в революционных выступлениях студенчества и разночинцев в Петербурге, смерть мужа младшей дочери, заботы о маленьких внуках отнимали много сил, времени и средств.

В последующие годы, после закрытия «Отечественных записок», А. Кирпищикова стала печататься в газете «Екатеринбургская неделя», где в течение 80-х – начале 90-х годов был опубликован целый ряд ее очерков и рассказов. Здесь же увидела свет и последняя часть «Воспоминаний управительской дочери» – «Двадцать пять лет назад».

Последней работой А.А. Кирпищиковой стала повесть «Фельдшер Крапивин», которая была найдена и опубликована лишь в 50-х годах нашего столетия.

Современница Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского умерла в Перми 17 июля 1927 года.

## Одна из первых

При жизни ее творчество не нашло критической оценки. Однако к ней было обращено внимание многих известных писателей. В 1902 году в Москве редакторы легального марксистского журнала «Жизнь» С. Дороватовский и А. Чарушников выпустили сборник произведений А.А. Кирпищиковой. Имеются косвенные данные о том, что А.М. Горький обращался к ней в письме с просьбой прислать ему рассказ для сборника пролетарских писателей.

Вклад А.А. Кирпищиковой в русскую демократическую литературу несомненен. По мнению исследовательницы творчества писательницы М.М. Верховской, в разработке уральской тематики Кирпищикова вместе с Ф. Решетниковым была предшественницей Д. Мамина-Сибиряка и «являлась представительницей реалистического направления в русской литературе XIX века». Она одна из первых «дала живой, полнокровный образ рабочего и целый рабочий коллектив, объединенный в труде и в борьбе».

*Камские зори. 1988. 13 февраля*



# Иностранные подданные в старой Добрянке

*Подавляющее большинство служащих в Пермском нераздельном имении Строгановых были выходцами из местных крепостных. Но бывали редкие исключения, когда на службу принимали иноземных специалистов.*

В 50-х годах XIX века в их число входил «виртембергский механик» Август Дорн. В современном написании это бывшее немецкое графство с центром в Штутгарте звучит как Вюртемберг.

На Добрянском заводе этот немецкий подданный появился в 1851 году как специалист «для усовершенствования способов выделки железа». На службе у Строгановых он состоял официально и получал немалое жалованье по 1500 рублей в год. Судя по тому, что командировочные деньги выплачивались ему «в счет постройки нового железокатального заведения» в Добрянке, запуск этого нового производства и был его главной задачей.

Согласно предписанию «Его Сиятельства, Господина Генерал-Адъютанта, Генерал-Лейтенанта, Сенатора и Кавалера графа С.Г. Строганова» старшему приказчику Добрянского завода от 6 июня 1851 года, «для жительства г. Дорна» требовалось дать ему» в Добрянке «приличную квартиру, одного мальчика для прислуги, лошадь для разъездов из господской конюшни». В качестве личного «кормильца» к немецкому специалисту еще в Москве был приставлен повар Алексей Сивков. «Нужное и сообразное с его службой жалованье» должно было выплачиваться повару из средств завода.

Конкретных сведений о работе Дорна в Добрянке в деле, которое хранится в РГАДА, не имеется, но, по косвенным свидетельствам, отношение к редкому в уральской глуши иноземцу было пристально-настороженным. Судя по ежемесячным донесениям конторы о выдаче ему денег, Август Дорн трудился в Добрянке до ноября 1855 года.

Помимо этого, из «Календарей Пермской губернии» известно о работе на Добрянском заводе еще одного иностранного специалиста, на этот раз «великобританского подданного» Роберта Гектора Гулета (Гуллета). Он являлся заводским механиком и работал в Добрянке в 1885-1888 годах. Роберт Иванович (на русский манер) был известнейшим инженером, предпринимателем и организатором производства своего времени. Еще в 1858 году он построил в устье речки Данилихи механический завод (ныне Пермский завод им. Дзержинского), где изготовлялись речные буксиры. А в 1863 году он же основал крупнейший машино-судостроительный завод в Тюмени. Как и по какой причине он оказался на должности главного механика в Добрянке, остается пока лишь догадываться. Ответ на этот вопрос еще хранят архивы.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 2 ноября*



# «Ревнитель честного труда и честной мысли»

*Честно говоря, не собирався я сегодня писать о Павле Ивановиче Сюзеве, ибо считал, что свой долг историка (как это и ни громко звучит) перед этим достойным человеком уже выполнил, и имя его, благодаря публикациям в различных газетах, журналах и сборниках, всплыло из небытия и заняло подобающее ему место. Но вот поди ж ты...*

## Подмена сути обсуждения

В год 370-летия Добрянки вдруг оказалось, что управлявший во второй половине прошлого века Добрянским металлургическим заводом Сюзев звания «Почетного гражданина» нашего города недостойн. Аргументация при этом используется «неотразимая». Он-де жил сто лет назад, а «в то время еще не было известно, станет ли Добрянка городом. И, стало быть, к этому статусу и тем более к его 50-летию П.И. Сюзев не имеет никакого отношения». (См. «КЗ» № 20 от 18 февраля с. г.) Подобное утверждение есть прекрасный образец софистики, нарушения законов логики, когда то ли преднамеренно, то ли по недомыслию вопрос о присуждении звания «Почетного гражданина» подменяется вопросами о статусе Добрянки и о ее 50-летию. К тому же это совершенно неисторический подход. Ведь недаром говорится: «Без прошлого не было бы настоящего и будущего». Это постулат, и, следовательно, абсолютно нелогично отрывать городской период истории Добрянки от периода предшествующего, в том числе и дореволюционного.

## «Пример способного самоучки»

Смею утверждать, что ни до, ни после П.И. Сюзева людей, подобных ему по широте кругозора и по той пользе, которую он принес Добрянке, у нас не было.

Родился он в семье крепостного учителя Добрянского завода в 1837 г. и, по словам известного дореволюционного историка А.А. Дмитриева, «представлял собой достойный подражания пример способного самоучки, выбившегося из бедноты, прошедшего все ступени заводской службы, начиная с черных работ до поста управляющего большим горным заводом».

Чтобы не повторяться, останавлиюсь лишь на некоторых моментах жизнедеятельности Павла Ивановича.

## Авторитет в области металлургии

Он был несомненным авторитетом в области металлургии. При его управлении «совершенно новый вид и оживление» принял Кыновской завод Строгановых, успехи которого «возрастали год от года», а качество продукции достигло наивысшего уровня. Перейдя на Добрянский завод, Сюзев в

течение нескольких лет превратил его из среднего в одно из лучших предприятий Урала. К началу 90-х годов XIX века это предприятие по производству железа и стали занимало уже 2-е место среди всех уральских заводов. Павел Иванович был автором целого ряда изобретений. Самое крупное из них – создание новых листокаточных валов. На Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 г. в Москве оно было оценено специалистами как представляющее «большое практическое значение и едва ли не единственный прогресс в деле отливки валков за последние 25 лет». В том же году в Москве вышла книга Сюзева, посвященная этому вопросу, а затем и статья в авторитетном «Горном журнале».

### **«Почтенный труд»**

В 1880-х – 90-х гг. П.И. Сюзев вел активную общественную деятельность. Он был гласным Пермского губернского земства. В 1888 году в земском «Сборнике» он опубликовал статью «Некоторые соображения по оказанию содействия, кустарной промышленности», в которой высоко оценивал творческие возможности народа, говорил о создании более благоприятных условий для развития его способностей и т.д. Используя земскую печать, Сюзев выступал за создание целостной системы пожарной безопасности, а в 1891-92 гг. выпустил две книги по пожарному делу. Они были в числе первых в России и получили высокую оценку специалистов. Отмечалось, что «это почтенный труд, выполненный с большим знанием дела».

### **Краеведческие изыскания**

Удивительно, но помимо общественной и производственной деятельности, Павел Иванович находил время и для других занятий. В 1892 г., обследовав многочисленные родники в окрестностях Добрянки, он написал статью «Добрянское месторождение известкового туфа и виды его», опубликованную затем в научных записках Уральского общества любителей естествознания. Занимаясь историческим краеведением, П.И. Сюзев написал большую статью о колонизации Прикамья в XVI веке и о роли Строгановых в этом деле. Данная работа в 1892-93 гг. печаталась на страницах «Пермских губернских ведомостей». Тогда же в «Трудах Пермской губернской архивной комиссии» появилась его статья об истории Добрянки и о происхождении ее названия. Даже известная всем добрянцам легенда о девушке Марянке и о разбойниках и то дошла до нас благодаря Сюзеву. Причем все его увлечения переплетались самым удивительным образом и дополняли друг друга. Известно, что, занимаясь историей, он одновременно, по просьбе А.Е. Теплоухова, делал рисунки с найденных археологических находок, и ныне они вместе с коллекцией «Чудских древностей» Теплоуховых хранятся в Государственном Эрмитаже.

## От мебели до астрономии

Рисование помогало ему и в производственной деятельности. По его рисункам на заводе создавали металлическую мебель, изготовленную методом художественного литья. Знаменитая добрянская литая часовня и та была задумана и создана по проекту Сюзева. Благодаря его же стараниям в 1888 году в Добрянке появился заводской музей, а за шесть лет до этого, в числе первых на Урале, Добрянка обзавелась телефоном.

Именно при Сюзеве в заводском поселке достиг своего расцвета местный театр, в котором сам управляющий был гримером и декоратором. Тогда же в Добрянке действовал симфонический оркестр. А многие ли нынешние руководители увлекаются астрономией? Между тем в 1887 году под руководством Павла Ивановича в поселке на высоком уровне были проведены наблюдения за солнечным затмением. В том же году на Сибирско-Уральской художественно-промышленной выставке в Екатеринбурге похвальный отзыв получили работы по каллиграфии и черчению, выполненные учащимися Добрянского заводского училища, попечителем которого был Сюзев. Несколько ранее Пермским уездным училищным комитетом ему была выражена благодарность «За постоянную заботу о благосостоянии Добрянского училища».

Он был очень начитанным человеком, занимался самообразованием, любил математику, самостоятельно изучил немецкий язык, был очень требовательным к себе и другим. С большим уважением к управляющему относились как служащие, так и рабочие. Последние, уже после смерти Павла Ивановича, конфликтуя с новым начальством, неоднократно ссылаясь на то, что прежний управляющий действовал более справедливо.

## Внимание современников

Заслуги Сюзева не остались без внимания современников. В 80-х годах прошлого века он получил звание «Личного почетного гражданина», что освобождало его от подушной подати, рекрутской повинности, телесных наказаний и приравнивало к лицам, окончившим университеты.

После кончины П.И. Сюзева, последовавшей 14 февраля 1893 года, вдова его, Любовь Александровна, увековечила память своего мужа «почтенного ревнителя честного труда и честной мысли» постройкой «нового дома для Добрянского женского училища» (ныне УПК), а богатейшая библиотека его была передана в Пермский музей. Так неужели не достоин Сюзев звания «Почетного гражданина» Добрянки?

*Добрянский вестник. 1993. 10 марта*

## «Наши люди» на страницах губернских изданий

*Старые дореволюционные газеты, журналы, справочники – это настоящие хранилища истории. Опубликованные в них заметки, зарисовки, статьи содержат целые россыпи любопытных сведений о жизни наших далеких предшественников и земляков. В том числе тех, кто оставил заметный след в нашей местной, да и не только, истории.*

### Пальма первенства

Я не раз писал уже на страницах газет о бывшем управляющем Добрянским металлургическим заводом П.И. Сюзеве (1837-1893). В том числе о том, что он был автором одного из самых крупных изобретений в отечественной металлургии 2-й половины XIX века – листокатальных валов «с закаленными ручьями». А недавно мне удалось найти дополнительные материалы по этой теме. Помогла в этом газета «Екатеринбургская неделя» за 1882 год. Публикация в ней касалась итогов проходившей в Москве крупнейшей Всероссийской промышленной выставки.

«При всем разнообразии железных и стальных проб, указывающих на превосходные качества русского железа и стали, внимание техника не может не остановиться на одном из уральских экспонентов – г. Сюзеве», – писала «Екатеринбургская неделя». По словам автора статьи, изобретатель «весьма удачно разрешил вопрос об отливке валов с закаленными ручьями» и его изобретение «дало уже великолепные результаты в Добрянском заводе».

Газета особо подчеркивала, что «по всей справедливости следует сказать, что г. Сюзев имеет полное право на пальму первенства между всеми экспонентами горнозаводского отдела, так как он не ввел какое-либо производство, существующее за границей, а сделал вполне самостоятельное изобретение, которое послужит к удешевлению уральского железа».

К сказанному добавлю лишь, что в 1883 году в Москве была выпущена брошюра П.И. Сюзева «Валы листокатальные и калиброванные с закаленными раскатными поверхностями, шейками и квадратами», а изобретение нашего земляка нашло широкое применение на всем горнозаводском Урале.

### Случайная встреча

Старые газеты следили за заводскими делами весьма пристально. В том числе и за перемещениями различных должностных лиц. Вот лишь один из примеров: «Мы слышали, что управляющий Добрянским заводом графа С.А. Строганова механик-строитель П.А. Тунев оставил свою должность. Тунев прослужил в Д. з., в разных должностях, более 40 лет. Приемником г. Тунева

называют горного инженера Н.А. Мальцева, служащего в Добрянском заводе более 10 лет и сейчас занимающего должность старшего члена конторы завода». Эта заметка была опубликована в газете «Пермские губернские ведомости» сто лет назад, в 1903 году.

Не менее внимательно следили губернские издания и за заграничными поездками наших земляков.

В начале 1892 года та же газета писала, со ссылкой на московский «Деловой корреспондент», о том, что «инженер Добрянского завода Верещагин, отправившийся на 6 месяцев в Англию для изучения заводского дела на средства гр. Строганова, в доступе на заводы встретил неожиданные затруднения». Причем о сути этих затруднений издание своих читателей не информировало. Заметка сопровождалась лишь любопытной, если не загадочной фразой об одной «случайной встрече» добрянского инженера на берегах туманного Альбиона. После этой встречи Верещагин сумел раздобыть несколько рекомендательных писем, благодаря которым для него открылись «некоторые заводы».

О самом инженере-технологе Николае Степановиче Верещагине сведений сохранилось не много. Известно лишь то, что он был техником по листокатальному производству Добрянского металлургического завода в период с 1890 по 1896 год.

Не исключено, что помощь Н.С. Верещагину в Англии оказал бывший заводской механик Добрянского завода Роберт Гектор Гулет. Этот «великобританский подданный» возглавлял механическую службу в Добрянке в 1885-87 годах.

## **О земляке – с гордостью**

Высшего образования на Урале не было до открытия в 1916 году Пермского отделения Петроградского университета. Соответственно, не было у нас и своей профессуры. Поэтому понятен тот интерес, который проявляли пермяки к тем выходцам из нашего края, которые добились больших высот в отечественной науке. Одним из таких людей был уроженец Добрянки, профессор, доктор медицинских наук, автор десятков научных трудов, один из родоначальников отечественной гигиены и санитарии Г.В. Хлопин (1863-1929). Напомню, его отец был священником добрянской Рождество-Богородицкой церкви.

Вот что писала в 1902 году о Г.В. Хлопине газета «Пермский край»: «Профессор-пермяк. Хлопин, профессор Юрьевского университета, воспитанник Пермской духовной семинарии, вышедший из 4 класса в 1881 году, по известиям столичных газет, покидает Юрьевский университет и переходит в Новороссийский, где, как и в Юрьеве, будет читать лекции по санитарии и гигиене. Г. Хлопин, в качестве экстерна, в свое время (1882 г.) с отличием выдержал экзамен на аттестат зрелости в Пермской гимназии».

\* \* \*

Приведенные выше документы и материалы – лишь небольшая часть из тех публикаций, которые можно отыскать на страницах старой периодики. Но не только там. В настоящее время мною готовится к изданию самый полный сборник дореволюционных публикаций о нашем крае «Эхо минувших веков». Надеюсь, что после выхода в свет он будет востребован многими жителями Добрянки и района.

*Камские зори. 2003. 28 июля*

## Кто скрывался за литерой S?

*С момента выхода первой газетной публикации о Павле Ивановиче Сюзеве прошло более 26 лет. С той поры его фамилия стала широко известна в Добрянке. Его именем назван, к примеру, Добрянский гуманитарно-технологический техникум. Однако история семьи Сюзевых содержит еще немало незаполненных страниц.*

*Работая с материалами фонда Строгановых Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве, я обнаружил формулярный список служащих Добрянского завода, датированный 1851 годом. В списке этом оказались любопытные сведения об отце Павла Ивановича, 35-летнем на тот момент учителе Софийского училища Иване Трефиловиче Сюзеве.*

### Из жизни первого учителя

Как следует из «формуляра», службу на Добрянском железоделательном заводе выпускник Ильинского училища И.Т. Сюзев начал в январе 1833 года с должности младшего чертежника, а в 1834 году стал учителем «во 2-м классе и старшим чертежником». Помимо этого, он, говоря современным языком, нес общественную нагрузку. С июня 1843-го по июнь 1846 года И.Т. Сюзев «исправлял службу словесного судьи по классу дворовых людей», то есть разбирал возникавшие между ними споры, фиксировал устные сделки. Отмечено также, что с 15 июля 1849 года он исполнял «должность помощника конторщика».

К маю 1851 года Иван Трефилович Сюзев провел на службе у Строгановых 19 лет и 4 месяца. Его жалованье равнялось 86 рублям в год, что соответствовало окладу «столоначальника» (начальника отдела) в заводской конторе. В 1838 году Ивана Трефиловича премировали деньгами в сумме 14 рублей 28 ½ коп. серебром. Его поведение оценивалось начальством как «порядочное».

### Кто скрывался за литерой S?

В «формуляре» сообщалось также о том, что в его семье имелось трое детей «мужеского пола». О двоих из них нам известно. Это Павел Иванович и его брат, добрянский учитель Леонид Иванович Сюзев. А вот о третьем сыне до последнего времени никаких сведений не имелось. Но к сегодняшнему дню кое-что отыскать удалось.

В 80-х годах XIX века в Москве стала выходить в свет общероссийская «Ремесленная газета», которая анонсировалась как популярное еженедельное издание с чертежами и «образцовыми рисунками» новых изделий, инструментов, станков, приспособлений, с описанием производств и изобретений. На ее страницах не раз выходили публикации о новшествах на

Добрянском заводе. Например, о выпуске металлической мебели. Вместо подписи под статьями из Добрянки ставилась латинская буква S. Я предполагал, что за ней скрывался Павел Иванович Сюезев, но, похоже, ошибался. Оказывается соиздателем и редактором «Ремесленной газеты» в тот период был Александр Иванович Сюезев! Смеею предположить, что это никто иной как неизвестный нам до сей поры младший брат добрянского управляющего.

### **«Это был добрый, отзывчивый человек»**

В ходе поисков удалось установить, что в 1874 году Александр Иванович окончил высшее Императорское Московское техническое училище (ныне МГТУ им. Баумана) с дипломом «механика-строителя». Затем он некоторое время занимался частными работами по своей специальности, а также педагогической деятельностью в Дельвиговском техническом железнодорожном училище (ныне Московский колледж железнодорожного транспорта). Как отмечалось в дореволюционных источниках, с 1885 года А.И. Сюезев стал принимать «живое и деятельное участие в «Ремесленной Газете» и «со дня выхода первого номера и не только редактировал это издание, но написал для него много разнообразнейших статей, крупных и мелких». Помимо этого, Александр Иванович редактировал специальный журнал «Технический сборник и вестник промышленности», издал несколько книг и брошюр по столярному, слесарному и страховому делу. Страховое дело появилось тут не случайно. А.И. Сюезев более 15 лет состоял техником и инспектором в «Северном страховом обществе», а затем его пригласили в качестве управляющего в страховое общество «Москва».

Александр Иванович Сюезев скончался в Москве 3 ноября 1895 года. «Это был добрый, отзывчивый человек», — писала о нем популярная в то время столичная газета «Новое время». К сожалению, дополнительных данных из биографии А.И. Сюезева отыскать пока не удалось. Тут надежда на фонды Государственного архива Пермского края.

\* \* \*

Именем бывшего управляющего Добрянским металлургическим заводом, изобретателя, краеведа, общественного деятеля второй половины XIX века Павла Ивановича Сюзева в Добрянке названы не только техникум и улица в Комарово. С 2008 года в городе проходит краевая научно-практическая конференция «Сюезевские чтения». В них принимают участие школьники, педагоги, ученые. Конференция основана заслуженным учителем РФ из второй школы Ириной Калининой. 17 декабря чтения пройдут уже в четвертый раз. Как и в прошлом году, их примет школа № 4.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 15 декабря*



## «Наш Яков Карпыч...»

*Летом 1893 года в захолустное сельцо Сенькино, что стояло на пути от завода Добрянского в село Ильинское, приехал новый учитель. Приехал не для того, чтобы отбыть здесь год-два да и уехать из этой глуши куда подальше, а для того, чтобы встряхнуть этот медвежий угол от вековой спячки, рутины и обывательщины. Приехал туда мало кому известным Я.К. Морозовым, а уехал через 10 лет «нашим Карпычем». Только так, и никак иначе, звали сенькинские крестьяне своего Учителя. Они сравнивали его труды и его удивительную школу с той, что была в Ясной Поляне «в то время, когда в ней был учителем великий старец земли русской Л.Н. Толстой». Чтобы заслужить такое сравнение, надо было быть поистине незаурядным человеком.*

### В пелене предрассудков

На рубеже XIX-XX веков Сенькинская волость была и обширной, и весьма населенной. Однако ее утопающая в глине «столица», село Сенькино, явно подкачала. В ту пору в нем насчитывалось всего лишь 28 крестьянских дворов и порядка ста душ населения. Имелась тут церковь, имелось волостное правление, имелась народная школа. Но всё, по признанию современников, было покрыто такой беспробудной тьмой, что, казалось, разогнать ее не сможет никто и никогда. Все начинания вязли в затхлой пелене предрассудков и суеверий. Одного из здешних мужиков, впервые применившего на своем поле косу-литовку, местные обыватели обвинили чуть ли не в ведьмовстве лишь по той причине, что с первыми взмахами его чудо-косы пошел такой град, что побил значительную часть крестьянского урожая. Ввести какие-либо новшества было здесь делом о-о-чень непростым.

### Искры знаний

Сейчас трудно сказать, был ли у Я.К. Морозова четкий план переустройства сенькинской жизни, но в любом случае все его действия удивляют четкой последовательностью.

Перемены в Сенькино начались с библиотеки. С народной, с бесплатной. Она была устроена Яковым Карповичем в здании волостного правления на следующий год после приезда в это село. А в начале нашего столетия ее фундам могла позавидовать любая другая библиотека. И не только сельская. В то время как в крупных соседних заводах эти «очаги культуры» буквально прозябали, сенькинская не только действовала, но и снискала, по данным «Пермских губернских ведомостей», «всеобщие симпатии крестьян». В день в ней бывало до 60 человек(!). Людей привлекали сюда не только газеты и журналы, но и масса практических изданий по сельскому хозяйству, пчеловодству и ремеслу. Совершенно необычным в то время был факт

открытия в Сенькино отдельной детской библиотеки. Такой не было даже в некоторых городах!

Конечно, до «живых картинок», как называли в то время синемаатограф, в пермской глуши дело еще не дошло, но зато в «просвещенном Сенькино» Я.К. Морозов на всю катушку использовал возможности так называемого «волшебного фонаря» с туманными картинками. Иначе говоря, прадедушки современных проекторов. Картины показывали по самым разным темам: по религии, истории, географии... Народу собиралось столько, что порой от недостатка в помещении кислорода гас фонарь.

Совершенно другая жизнь настала по приезду Якова Карповича и в местной школе. По признанию склонных к сентиментальности дореволюционных журналистов, учитель был для сельских ребятишек «истинным отцом». Еще бы! Каждый год после окончания экзаменов для них открывался совершенно новый мир в виде поездки целыми классами в губернский центр. Учитель водил их в музей, театр, в городские школы. «Можно представить, сколько бывает радости и восторга у этих счастливых, часто нигде не бывавших, кроме своего села и деревни! С каким нетерпением дети ждут окончания курса, чтобы со своим добрым учителем съездить «в город», посмотреть «чудеса», о которых им рассказывали бывшие уже в Перми прежние ученики нашей школы!», – сообщалось в одной из газетных публикаций 1903 года. Интересно, что в те годы в школе, помимо обычного набора знаний, можно было получить и профессию гончара. Занятия в организованной при ней гончарной мастерской вел сам Морозов.

Пришлось садиться по вечерам за школьные парты и местным мужикам. В конце прошлого века благодетель «Карпыч» открыл для них специальные классы по ликвидации неграмотности. Как результат, через несколько лет Сенькино стало самым читающим селом если уж и не губернии, то уезда – точно. Крестьяне выписывали здесь издания вплоть до «Вестника Европы» и «Вестника иностранной литературы»(!).

Идущие от учителя лучи просвещения дали богатые всходы.

## **Образец для подражания**

К началу нашего столетия недоверчивые поначалу сенькинские крестьяне сделались самыми передовыми земледельцами в уезде. При этом главным авторитетом для них был Яков Карпович. «Они ничего важного в своей жизни не сделают, не посоветовавшись с «Карпычем», и все, что бы он не посоветовал им, обязательно исполняют...», – сообщалось в одной из корреспонденций из Сенькино. Центром же всей новаторской деятельности была школа.

В 1899 году ее опытное хозяйство, «служащее центром культуры различных улучшенных сельскохозяйственных растений», было признано ведущим не только в Пермском, но и в соседних уездах. Как отмечалось на одном из заседаний Пермского уездного земства, «только одно это хозяйство можно

назвать образцовым и только одному ему (...) нужно оказывать поддержку и притом в большом размере».

Количеству и качеству различного инвентаря, имевшегося в Сенькинской школе, мог позавидовать самый крепкий русский мужик. Тут и молотилка, и веялка, и сортировка, и плуги с боронами самых разных, в том числе западных, систем. На многие из них местные мужики смотрели с открытыми от удивления ртами.

Поражало своей агрокультурой и сортами и школьное поле с посевами овса, ржи, гречихи, разных трав, с посадками картофеля, капусты и других огородных растений. Над ним жаркими летними днями неутомимо летали пчелы, обитавшие в школьных ульях самых разных конструкций, начиная с простых колод и заканчивая домиками англо-американского типа. Именно в те годы сенькинские крестьяне впервые соприкоснулись с травосеянием, маслоделием, боронованием дерна луговыми боронами и с использованием костяных и фосфоритных удобрений. Как сообщалось, школьное хозяйство Морозова было «открыто для всех посетителей, интересующихся сельскохозяйственными улучшениями».

Разные дореволюционные источники неоднократно подчеркивали скромность и доступность сенькинского учителя. «Приобревши любовь среди крестьянского населения, он не переставал и не перестает служить на его пользу. (...). Глубоко ценя такую многолетнюю десятилетнюю службу Якова Карпыча, благодарные крестьяне в только что минувшем апреле поднесли ему икону Спасителя; благодарили его, желали ему здоровья и долголетней, счастливой жизни, чтобы он еще много-много лет трудился на пользу нашей волости, которую он в течение 10 лет сделал неузнаваемой», — сообщалось в «ПГВ» в 1903 году.

Последним важным делом для Я.К. Морозова в Сенькино стало открытие в селе с целью поддержки разных новшеств сельскохозяйственного общества. В том же году труды его были замечены губернскими властями, и он, говоря современным языком, пошел на повышение. Вначале «Карпыч» стал членом Оханской уездной земской управы, а затем и ее председателем. По нынешним временам, исходя из масштаба уезда, эту должность можно сравнить с должностью главы администрации сразу нескольких районов. Где и когда закончился путь бывшего учителя из Сенькино, сказать пока что трудно. Его земская деятельность прослеживается до 1917 года.

## **Серый пепел серой жизни**

Что же касается Сенькино, то, к сожалению, после отъезда Я.К. Морозова в Оханск там не нашлось продолжателя его начинаний. В результате к 1907 году, по свидетельству современников, от библиотеки-читальни «остались одни жалкие воспоминания», сельскохозяйственное общество пришло в упадок, а в школе «все пошло прахом». Вспыхнув было, искры знаний вновь превратились в серый пепел серой жизни.

*Камские зори. 1999. 12 марта*

## Паломничество Галины Эдвардс

*Между этими двумя событиями лежит столь широкая временная пропасть и пронизана она столь яростными вихрями революций, войн, репрессий, «оттепелей» и перестроек, что мне до си пор не верится в реальность случившегося. Но тем не менее эта встреча произошла. Совершенно невероятная встреча с американской внучкой дореволюционного учителя из Сенькино Якова Карповича Морозова.*

*Напомню, что очерк об этом удивительном человеке, превратившем на рубеже XIX-XX веков захолустное селцо в самый яркий очаг культуры в Прикамье, читатели «Камских зорь» могли прочитать 12 марта сего года. Тот материал завершался такими словами: «Где и когда закончился путь бывшего учителя из Сенькино, сказать пока что трудно. Его земская деятельность прослеживается до 1917 года...».*

*Честно признаюсь, слово «пока» я писал тогда с большим сомнением. Сомневался, ибо почти не верил, что подобное возможно. Но недаром говорится: «Человек предполагает, а Бог располагает».*

### Звонок из... 17-го года

В один из теплых августовских дней в редакции раздался телефонный звонок. Звонили из администрации села Сенькино. Интересовались номером газеты, где было написано об их дореволюционном земляке. Назвав номер, я уж хотел было положить трубку, но в последний момент что-то все-таки заставило меня спросить о цели их поиска. А спросив, получил ответ, тут же связавший август 1999 года с той ниточкой, которая, казалось бы, навсегда оборвалась в диком вареве революций и войн: «Да тут внучка его из Чикаго приехала, вот газету и ищем». Сказано это было так, как будто в Сенькино американки ездят каждый день. Нет, это был не просто звонок, а звонок из 17-го года.

Наша встреча с Галиной Ивановной Эдвардс состоялась в Перми. Как оказалось, ее жизнь и жизнь ее семьи вобрала в себя столько самых неожиданных сюжетов, что впору писать не газетный очерк, а целый роман. Ее история – это история нескольких поколений белой русской эмиграции

### Под злыми ветрами перемен

Слушать Галину Ивановну – одно удовольствие. Ее небольшой американский акцент лишь подчеркивает красоту классической русской речи. Говорить так, как она, сейчас в России никто не умеет. О своих родителях – только «папочка» и «мамочка», об убитом в годы Первой мировой войны дяде Якове, 22-летнем русском офицере – только «убиенный»... А с какими уважением и любовью рассказывала она о своем деде, известном нам учителе Я.К. Морозове!

Уехав в 1903 году из Сенькино в Оханск, он был вскоре избран там пред-

седателем уездной земской управы и оставался таковым до октябрьских потрясений 1917 года, Власть нисколько не испортила его. Своей работой в этом городе «Карпыч» сумел заслужить среди местного населения такой же авторитет и уважение, что и в Сенькино.

— Мой дедушка был очень добрым и порядочным человеком, и это не раз помогало ему в жизни. Впервые это произошло еще в 1918 году. Тогда от большевистской расправы Якова Карловича спас один высокопоставленный красный, предупредивший его о скором аресте всех руководителей Оханского уезда, — рассказывает Галина Ивановна. — Дед уехал в Сенькино, и местные крестьяне прятали его у себя от большевистского террора в течение нескольких месяцев.

После прихода в декабре 1918 года в Прикамье белой армии адмирала Колчака и восстановления земских органов Я.К. Морозов вновь вернулся в Оханск, но это возвращение было недолгим. Летом 1919 года фронт белых покатился на восток, а вместе с ним подгоняемые злыми революционными ветрами, все дальше и дальше от родных мест, терпя невероятные лишения и муки, уезжали скорбными обозами и переполненными поездами эмигранты из Оханска и других мест Пермской губернии.

## **Отверженные**

Невероятно, но и здесь, среди всеобщей разрухи и зла, зарождались иногда самые светлые чувства, зарождалась большая Любовь. Именно тогда, чудом избежав большевистского расстрела в Красноярске, познакомились друг с другом штабс-капитан белой армии, москвич Иван Кондратьевич Сенченко-Тарновский и уроженка богом забытого Сенькино, дочь бывшего оханского земского председателя Вера Яковлевна Морозова, будущие родители моей собеседницы. Познакомились, чтобы пронести свою любовь через все невзгоды, на которые такой щедрой окажется их жизнь.

Штабс-капитан Сенченко-Тарновский сражался за идеи белого движения до самых последних дней Гражданской войны и покинул осаждаемый красными войсками Владивосток на борту последнего парохода. Покинул вместе с молодой женой. Новая, страшная, непонятная для них Россия провожала своих отверженных сыновей и дочерей прицельными залпами артиллерийских орудий. С этого времени и начались их многолетние скитания по чужбине. Во время них бывший белый офицер потерял не только Родину, но и свою родовую фамилию. Вместо штабс-капитана, интенданта Сенченко-Тарновского в среде русской эмиграции появился И.К. Лавров. В 1923 году в Китае в семье Лавровых родилась дочь Галина. Уже известная нам Галина Ивановна Эдвардс.

## **«В Китае мы молились за Россию»**

Местом первоначального пристанища для Лавровых стал город Харбин, который, по словам Галины Ивановны, был тогда абсолютно русским го-

родом, настоящим культурным и интеллектуальным оазисом русской эмиграции. Там действовали русские администрация и церковь, театр и школы, рестораны и магазины. Подобные харбинской колонии имелись и в других китайских городах.

Многие эмигранты из России, будучи предприимчивыми и трудолюбивыми людьми, сумели найти себя и в новой обстановке. Бывший народный учитель Я.К. Морозов возглавил одно из отделений фирмы Форда в Китае и жил вместе со своей супругой Александрой Александровной в большом доме с колоритным полицейским у ворот.

Отец же Галины Ивановны стал директором русской гимназии в городе Циндао.

– Характерной чертой той эмигрантской волны была помощь друг другу, что, несомненно, помогало нам выживать в новой, иноязычной среде. Нашим спасительным прибежищем была православная вера. Мы гордились тем, что мы русские. Мы молились за Россию. Мы верили, что еще понадобится своей многострадальной Родине, – рассказывает Галина Ивановна.

Но Родина о них в то время так и не вспомнила. Для Советской России они оставались всего лишь никому не нужными отходами революционного переустройства мира.

## **Песчинки в океане мироздания**

Несмотря на внешнее благополучие, русские эмигранты в Китае были хотя и яркими, но все равно лишь песчинками в огромном и бурном людском океане. А песчинка, она и есть песчинка. Политические и военные штормы раскидали их со временем по всему белу свету. Вначале они стали изгоями в Манчжурии, которая в 1932 году стала объектом японской агрессии, а потом, уже в конце 40-х годов, им пришлось покинуть и охваченный огнем революции Китай.

– Так нам пришлось второй раз бежать от коммунистов, – комментирует те события моя собеседница.

Но бежали не все. Кто-то, устав скитаться по чужбине, вернулся уже в середине 80-х годов на свою Родину, в незнакомый, пугающий, но все же в необъяснимо притягивающий к себе русские души Советский Союз, а кто-то так и остался навечно лежать в земле приютившего их Китая. Там, в Циндао, покоится прах бывшего учителя из прикамского села Сенькино Я.К. Морозова, «нашего Якова Карпыча». Его земная жизнь закончилась в 1946 году. Супруга его, Александра Александровна, урожденная Белобородова, с которой они повенчались еще в сенькинской церкви, чуть ли не в 80 лет покинула коммунистический Китай и, претерпев огромные трудности и лишения, добралась до Австралии, где жил ее приемный сын Дмитрий. Прожила она там недолго и скончалась в середине 50-х годов в Сиднее.

Сама же Галина Ивановна Лаврова вышла в 1947 году замуж за амери-

канского морского офицера и, став Галиной Эдварде, уехала в США. Туда же переехали ее родители. По поводу своего брака она много не рассказывала, но по скупым на этот счет словам ее стало ясно, что он, несмотря на рождение двоих сыновей и двух дочерей, он не был слишком удачным.

Сейчас Галина Ивановна живет в штате Индиана и очень страдает из-за того, что дети ее и многочисленные внуки оторвались от русской культуры, американизировались и по-русски уже не говорят. Ее же с Родиной связывают, прежде всего, православие и литература. Правда, советскую литературу она не принимает. Прочитав произведения Ильфа и Петрова, она так и не поняла, что в них смешного. «Ведь там же описана трагедия России», – считает она. Не приемлет ее мечущаяся русская душа и американскую культуру, ибо американцы, по ее определению, «это такие невежды!».

Свою первую и, вероятно, последнюю поездку на родину предков, в Россию, 78-летняя Галина Ивановна называет «паломничеством». Это ее поклон святым для ее рода местам. Поклон от всех «убиенных» и сгинувших на чужбине в смутные годы русских людей.

*Камские зори. 1999. 17 сентября*

Прим.: После этого Г.И. Эдвардс еще дважды приезжала в Россию, в том числе в Добрянку и Очер, где нашлась ее троюродная сестра Е.А. Носкова.



# Первый начальник первой электростанции

*110 лет назад в Добрянке появилась первая электростанция. А первым ее руководителем стал балтийский моряк Георгий Шохирев.*

## Первые упоминания

Впервые о центральной электростанции Добрянского железодельного завода как о самостоятельном производственном подразделении упоминалось в месячном донесении заводской конторы за январь 1901 года. Тогда же, в начале XX века, на заводе появилась новая и редкая должность — электромонтер.

Судя по документам, которые мне удалось отыскать в архивах Перми и Москвы, в 1901 году первые добрянские электрики занимались настройкой электрического оборудования как на самой станции, так и прокладкой сетей в заводских цехах. А вот кто возглавлял заводскую электростанцию, не было известно до последнего времени. И тут свою роль сыграла случайность.

## Неслучайная случайность

Нынешней весной известная в Добрянке учительница А.Ц. Ожегина познакомила меня со своей школьной подругой Ольгой Демаковой, которая интересовалась родословной семьи. В ходе разговора Ольга упомянула об уроженце одной из небольших прикамских деревушек, своем прадеде Георгии Фотиевиче Шохиреве. И добавила: «Он руководил заводской электростанцией».

Чуть позже ее слова нашли документальное подтверждение. В апреле тетя Ольги Демаковой, С.Б. Карелова, выслала мне из Курска биографические сведения о Г.Ф. Шохиреве, в том числе удостоверение, выданное ему Деловым Советом Добрянского завода 7 октября 1918 года.

## На правах заведующего

В этом документе черным по белому было написано, что «Георгий Фотиевич Шохирев поступил в Добрянский завод старшим электромонтером на правах заведующего установками с 10-го февраля 1901 года». Отмечалось также, что «за время его службы в Добрянском заводе установлена вторая динамо-машина в 800 амп. и 220 вольт постоянного тока, до 45 моторов разного типа и мощностей, устроено электрическое освещение; в ведении же его находится телефонная сеть на 25 номеров низкого напряжения. Все ремонты по динамо-машинам, моторам, как-то: ремонт якорей и пр., исправление повреждений сети ведутся им самостоятельно и под его руководством при помощи 2-3-х электромонтеров и 2-3 вспомогательных рабочих».



## **«Своим старанием и природным умом»**

Выяснились также некоторые биографические сведения о Г.Ф. Шохиреве. По данным, полученным С.Б. Кареловой из Российского Государственного архива ВМФ, выходит, что родился он 4 апреля 1872 года, а 10 ноября 1893 года его призвали на флот. Служба проходила на кораблях минного отряда Балтийского флота, миноносцах «Або» и «Виндава». В состав их экипажей входили два офицера и 19 матросов.

Служил Георгий Фотиевич достойно, на протяжении всей службы «во внутреннем плавании» на Балтийском море наказаниям или взысканиям не подвергался и дошел до высшего чина для матросов срочной службы – минного квартирмейстера 1-й статьи. На флоте познакомился с электричеством, что и помогло ему занять пост руководителя электростанции Добрянского завода. Как отмечает С.Б. Карелова, «наш дедушка добился всего этого своим старанием и природным умом».

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 23 июня*

## Теплое лето 1915 года

*Казалось, что имя священника висимской Свято-Троицкой церкви Алексея Наумова навсегда скрылось в лабиринтах времени, как и виды старого, еще до затопления, Висима. Но нынешней весной выяснилось, что на Украине, у дальнего родственника отца Алексея, сохранились не только биографические сведения о нем, но и дореволюционные фотоснимки села.*

### Письмо из Харькова

В марте на мой электронный адрес пришло письмо от жителя г. Харькова Александра Кавуна. Александр интересовался сведениями о брате его деда Алексее Николаевиче Наумове, который служил в церкви с. Висим и преподавал в церковно-приходской школе.

Я отписал, что фамилия эта встречалась мне в архивных документах, но биографических сведений о нем у меня нет. Вспомнилось лишь, что больше двадцати лет назад в одной из статей я упоминал о том, как в 1912 году висимцы хотели открыть в селе земскую школу вместо церковно-приходской, а о. Алексей противился этому.

«Спасибо за то, что откликнулись, – написал в ответ Александр Кавун. – От деда осталось несколько фотографий (он был фотограф-любитель), в том числе из села Висим. Не думаю, что они представляют собой какую-то ценность, но вдруг пригодятся?»

Фотографии? Вот это да!

### Далекое лето 1915 года

И вот они, эти снимки! Таких бурных эмоций я не испытывал уже много лет! словно не компьютер под рукой, а машина времени! Вот на экране появляется стройная, подтянутая, недавно выстроенная висимская церковь, женщины и дети возле нее, вот группа подростков на фоне села, а вот пристань на Каме в деревне Усть-Висим. Фотографии датированы: «21 июня 1915 года. с. Висимъ», «27 июня 1915 года. с. Висимъ». Все на них дышит теплом, спокойствием, летней расслабленностью. Красота и приволье кругом.

### Из биографии висимского батюшки

По данным Александра, все его родственники по линии Наумовых с XVII века служили священниками, в основном в прикамских вотчинах Строгановых. Алексей Наумов – последний священник в этом роду.

Родился он в 1876 году в с. Слудке в семье священнослужителя Николая Дмитриевича Наумова. В 1894-м, по окончании 1 класса Пермской духовной семинарии, был определен учителем в Добрянскую церковно-приходскую школу. Затем учительствовал в Ильинском, а в 1899 году был рукоположен

в сан дьякона. Так его жизнь потом и продолжалась – служба в церквях и учительство. За работу свою не раз получал архипастырские благодарности и медали. К примеру, в 1910 году «за труды по народному образованию» о. Алексей был Высочайше пожалован серебряной медалью на Александровской ленте с надписью «За усердие», а в 1913 году ему было предоставлено право ношения на груди светло-бронзовой медали и юбилейного креста в память 300-летия Дома Романовых.

В Висим А.Н. Наумов приехал в качестве заведующего и законоучителя церковно-приходской школы в 1910 году. Не исключено, что он находился здесь и во времена Колчака, то есть в первой половине 1919 года. Дальнейшая судьба неизвестна...

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 21 апреля*

Прим. Уже после выхода в свет вышеуказанной статьи, в октябре 2011 г., Александр Кавун прислал мне письмо, в котором сообщал о том, что нашел новые данные о брате его деда, висимском священнике Алексее Николаевиче Наумове. По сведениям, полученным из Пермской епархии, в 1916 году он получил назначение священником в Михайло-Архангельской церковь завода Очер Оханского уезда. В августе 1918 года батюшка был расстрелян большевиками. Как пишет А. Кавун: «Детали его гибели мне пока неизвестны, но скорее всего это было связано с Сепычевским восстанием» (крупное антисоветское восстание крестьян, которое летом 1918 г. охватило значительную часть Оханского уезда. – М.К.). В 2000 г. Алексей Наумов был канонизирован Русской православной церковью как священномученик.

## Последний управляющий

*Добрянский металлургический завод просуществовал более 200 лет. За это время им руководило немало строгановских управляющих и советских директоров. Имена одних, например П.И. Сюзева и В.Г. Вершинина, хорошо известны добрянцам, имена других затерялись в лабиринтах времени. И таких большинство. В том числе имя последнего строгановского управляющего Александра Ивановича Кузнецова (1864-1940). Сегодня мы восполняем этот пробел с помощью документов из Государственного архива Пермского края (ГАПК) и краеведов из п. Ильинского.*

### «Я твердо решил добиваться высшего образования»

Александр Иванович Кузнецов был выходцем из крестьянской семьи. Родился он в с. Ильинском 14 ноября 1864 года. В Ильинском располагалась главная контора Пермского нераздельного имения Строгановых, там же находилось редкое по тем временам четырехклассное приходское училище (к примеру, Добрянское училище было двухклассным). По его окончании будущий управляющий отправился в Пермь, где, испытывая тягу к точным наукам, поступил в Алексеевское реальное училище. Это учебное заведение стало ступенькой для следующего шага.

Имея аттестат об успешном окончании «алексеевки», Александр Кузнецов подал документы в Петербургский технологический институт, но сразу поступить в него не смог. «Пропустив сроки приема в высшее учебное заведение в Петербурге, я вынужден был искать заработка, так как железной дороги на Урале не было, навигация закончилась, и приходилось там оставаться до весны, – писал позже Александр Иванович. – Мне дали работу в Главной конторе Строгановых, присмотрелись ко мне и узнав, что я твердо решил добиваться высшего образования, мне дали стипендию, но только под мое обещание работать в Пермском имении по окончанию курса. (...)».

Именно с Пермским имением была связана почти вся его дальнейшая жизнь.

### Карьерный рост

На Добрянский железоделательный завод инженер-технолог А.И. Кузнецов прибыл в 1889 году и вскоре получил должность заведующего механическим цехом. В заводской иерархии должность эта была весьма заметной, поскольку в конце XIX века завод все больше приобретал черты предприятия машиностроительного профиля. На нем выпускали не только железо и сталь, но и различные изделия из металлов, в том числе паровые машины, турбины, прокатное оборудование, другие механизмы. Основная нагрузка при этом ложилась как раз на механический цех. Судя по всему, Александр Иванович подходил к делу творчески, искал и находил новые направления

деятельности. В архивном фонде Добрянского металлургического завода в ГАПК сохранились, например, материалы о подготовке им в 90-х годах XIX века проекта постройки на предприятии буксирного парохода.

В тот период А.И. Кузнецов исполнял обязанности заводского механика, а к началу XX столетия стал заводским техником. На данной должности он находился до 1901 года, когда был назначен управляющим Очерским металлургическим заводом Строгановых. Это предприятие он возглавлял восемь лет, а в 1909 году вновь вернулся в хорошо известную ему Добрянку. Уже в качестве управляющего крупнейшим строгановским заводом и округом.

## **Через огонь революции и Гражданской войны**

Архивы сохранили разнообразную переписку управляющего с Ильинским и Петербургским правлениями Строгановых по производственным и социальным вопросам. А вопросов этих было огромное множество. Тут и празднование 300-летия дома Романовых, и разорительное наводнение 1914 года, и перевод предприятия на выпуск военной продукции в годы Первой мировой войны, и забастовочное движение, и революционные события. Но помимо решения производственных и социальных проблем, подобно другим представителям строгановской интеллигенции, Александр Иванович находил время для занятий иностранными языками (знал пять языков!) и ботаникой, увлекался музыкой и театром, собирал личную библиотеку. Судя по тому, что книги были застрахованы в Российском страховом обществе, они представляли для владельца большую ценность. В страховочной описи значилось 295 изданий, среди которых имелись произведения Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева, И. Гончарова, А. Чехова, книги зарубежных авторов (в том числе на иностранных языках), специальная литература по математике, физике, технологии, машиностроению, ботанике, истории, фотоделу и другим отраслям знаний. Но пронести все эти книжные богатства через огонь революции и Гражданской войны ему не удалось. Как следует из переписки Александра Ивановича со свердловским исследователем В.П. Штейнфельдом (30-е годы XX в.), в годы революции его библиотека сильно пострадала, а заводские дневники были вообще «утрачены в 1917 году».

## **В советское время**

Изначально октябрьскую революцию управляющий не принял, а потому в 1919 году эвакуировался вместе с отступающими частями белых в Сибирь. Там он впервые занялся преподавательской деятельностью и до 1922 года преподавал в вузах Томска и Красноярска. В Томске, кстати говоря, находились эвакуированные студенты и преподаватели Пермского университета.

В 1922 году А.И. Кузнецов вернулся на родину в Ильинское и стал трудиться учителем математики и физики в школе II ступени. Преподавал также в 4-годичной профессионально-технической школе. За 11 лет работы заре-

комендовал себя знающим педагогом, которого ценили как коллеги, так и ученики. Говорят, что, прекрасно разбираясь в технике, Александр Иванович постоянно что-то мастерил, изобретал, делал своими руками.

Удивительно, но бывший строгановский управляющий, к тому же ушедший в 1919 году от большевиков с белыми, счастливо избежал ареста во время массовых репрессий 1937-38 годов. Ильинский краевед Николай Кабанов не исключает, что Александра Ивановича спас его внук-орденоносец, который имел в тогдашнем Пермско-Ильинском районе большой авторитет. Но это лишь предположение.

Последний строгановский управляющий Добрянским металлургическим заводом скончался в Ильинском в 1940 году. А в поселке до сих пор живут его родственники.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 10 сентября*

# Добрянские корни семьи Вологдиных

*Среди уроженцев Прикамья, принесших славу отечественной науке, особое место занимает семья Вологдиных. Родоначальник же династии Петр Александрович Вологдин – уроженец Добрянки. С него и начнем наше сегодняшнее повествование.*

## Золотая медаль ученого управителя

Петр, который родился в Добрянке 11 августа 1843 года, был старшим ребенком в семье Александра Григорьевича Вологдина (1817-1896), женатого на Александре Павловне Плюсниной. Корни Вологдиных по мужской линии уходили на Очерский завод Строгановых, по женской, судя по девичьей фамилии матери, – как раз на Добрянский. Всего же в семье было 11 детей.

Крепостной мальчик рано проявил способности к наукам. В 14-летнем возрасте он был направлен на средства заводовладельца на учебу в Московскую земледельческую школу. Через пять лет Петр Вологдин вернулся в Пермское нераздельное имение Строгановых в звании ученого управителя и стал смотрителем горных рудников Кувинского чугунолитейного завода.

В Куве он проработал 20 лет и проявил себя в самых разных сферах жизни. Собрал коллекцию ценнейших книг и коллекцию минералов, создал этнографическую и фольклорную коллекции, изобрел висячую тележку на монорельсе для откатки руды, организовал опытно-показательное поле, сконструировал веялку. А еще он устроил в глухой, далекой Куве настоящий фонтан(!) и два парка: тополевый и березовый. В 1872 году тележка его конструкции и коллекции были удостоены Большой золотой медали на Всероссийской политехнической выставке в Москве.

Впоследствии семья Вологдиных переехала в Очер, где Петр Александрович соорудил знаменитые, сохранившиеся до наших дней солнечные часы, а затем, в 1887 году, в Пермь. Здесь он стал редактором неофициальной части «Пермских губернских ведомостей».

## Семья Вологдиных

Супругой П.А. Вологдина была уроженка Перми Людмила Дмитриевна Швецова (1857-1951). На ней он женился в 1872 году в Куве. У них родилось 13 детей, но выжили лишь шестеро. Известно, что в годы Гражданской войны, после того как ее квартира в Перми была разграблена, уже одинокая Людмила Дмитриевна покинула Россию и три десятка лет жила в Париже, где и скончалась в преклонном возрасте. Что же касается Петра Александровича, то он скончался задолго до этих событий, в декабре 1912 года в Томске. Почему он покинул Пермь и семью, точных сведений нет. Но известно, что к тому времени их дети уже делали первые шаги в науке.

Сергей в будущем станет ученым-металлургом, профессором Донецкого

политехнического института, Валентин – крупнейшим отечественным ученым в области электро- и радиотехники, Борис – специалистом в области образования, профессором Крымского университета, Виктор – основоположником электросварки в судостроении, профессором Дальневосточного университета и Ленинградского кораблестроительного института.

Нас же особенно интересует личность Валентина Петровича Вологодина (1881-1953), который, как и его отец, был достаточно тесно связан с Добрянкой.

## **Друзья из Добрянки**

Будучи редактором неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» («ПГВ») Петр Александрович Вологдин активно способствовал появлению на страницах этого издания разнообразных краеведческих статей и материалов. Как раз при нем в газете печатались исторические исследования управляющего Добрянским металлургическим заводом Павла Ивановича Сюзева. Они были хорошо знакомы друг с другом. В некрологе в память о Павле Ивановиче, опубликованном в «ПГВ» в феврале 1893 года, П.А. Вологдин прямо называет Сюзева своим «лично земляком» и «дорогим другом».

Что же касается Валентина Петровича, то он бывал в Добрянке, на родине своего отца, не раз, дружил с руководителями Добрянского завода, в том числе с членом заводской конторы, будущим профессором ботаники Пермского госуниверситета, тезкой и однофамильцем бывшего управляющего Павлом Васильевичем Сюзовым.

Известно, что В.П. Вологдин дважды – до и после революции 1917 года – размещал на Добрянском заводе заказы по прокатке тончайшего трансформаторного железа для уникальных генераторов собственной конструкции.

## **Первые опыты**

В начале XX века электромашиностроение и радиосвязь были совершенно новыми направлениями в развитии науки и техники. Они настолько увлекли выпускника Петербургского технологического института, инженера-технолога В.П. Вологодина, что в 1907 году он поступил на электромеханический завод Глебова, который выполнял заказы Морского ведомства на изготовление генераторов для корабельных радиостанций. На этом предприятии Валентин Петрович впервые занялся проектированием машинных генераторов. Причем, ознакомившись с зарубежными генераторами высокой частоты, Валентин Петрович пошел своим путем и вскоре изготовил машинный генератор для питания радиостанции, установленной на мощном линейном корабле «Андрей Первозванный».

Тогда же стало налаживаться серийное производство генераторов повышенной частоты, но для их выпуска потребовалось особое железо толщиной



0,03 мм. И в 1916 году В.П. Вологдин впервые обратился за помощью на хорошо знакомый ему Добрянский завод, а также в соседний Чермоз. По словам Г.И. Головина, автора книги «Пионер высокочастотной техники» (М., 1970), здесь сыграли свою роль яркие воспоминания детства. У отца Валентина Петровича якобы имелись «визитные карточки, сделанные из железа тоньше папиросной бумаги», и отец говорил ему: «Так могут катать только у нас, на Урале». Как бы то ни было, нужное Вологдину железо уральцы изготовили. Если верить пермскому краеведу А.К. Шарцу, то сделано это было в Добрянке и впервые в истории металлургии. Чем не повод для гордости!

## От генератора до плуга

Революцию 1917 года В.П. Вологдин встретил сложившимся специалистом. Помимо генераторов для корабельных радиостанций, он разработал бортовой генератор для самолета «Илья Муромец» и много других машин.

В 1918 году, переживая революционные бури, он какое-то время находился со своей семьей на Урале, на родине жены в Ильинском, где занимался опытами по механизации сельхозработ. Он писал в своих воспоминаниях: «Я занялся разработкой схемы пахоты посредством электродвигателей, для чего вошел в сношение с Добрянским заводом. Администрация и Совет завода оказали полное содействие в получении электрических лебедок, троса и т.д. Однако вскоре эту работу пришлось прекратить из-за наступления дождей». А осенью того же года Валентин Петрович был приглашен в качестве ученого специалиста в только что созданную Нижегородскую радиолaborаторию (НРЛ). Здесь он с увлечением продолжил работу над машинами высокой частоты для радиостанций дальней связи. Для таких генераторов вновь потребовалось тончайшее высококачественное железо.

## Новый заказ

Летом 1919 года Вологдин вновь отправился на Урал, прямо вслед за наступающими частями Красной Армии. Ехал целенаправленно в Добрянку. «С трудом добрался до Перми, — писал он в своих воспоминаниях. — К счастью, мои старые работы для военного флота оказали здесь большую помощь. Матрос, ведавший водным транспортом Верхнего плеса и работавший когда-то на военном корабле с моими машинами, предоставил в мое распоряжение небольшой пароход «Революция» с пятью вооруженными моряками».

Лигированное железо толщиной 0,03 мм добрянцы изготовили и на этот раз. В этом деле особо отличились старший мастер Ф.Н. Мелентьев, наладчик П.А. Покумин, прокатчик Ф.Н. Паршин. Благодаря выполнению этого заказа и созданию профессором В.П. Вологдиным новых мощных генераторов, в 1923 году в действие была пущена Октябрьская радиостанция, которая обеспечила надежную радиосвязь советской России с Западной Европой и Северной Америкой.

Как отмечал на съезде физиков в 1922 году профессор Н.Г. Фрейман: «Значение выполненной Валентином Петровичем работы тем более ценно, что она проводилась, с одной стороны, в условиях полной изоляции от иностранных исследований, а с другой, потому, что Вологдин осуществил разработку умножителей частоты раньше и лучше, чем это сделано за рубежом». Именно Вологдин еще в 1919 году сконструировал первые в мире высоковольтные ртутные выпрямители, разработал теорию их работы и предложил схемы включения.

## Открытия и регалии

В 1921 году В.П. Вологдин стал профессором Нижегородского университета. Студенты вспоминали его как человека «очень живого и необычайно простого в общении. Речь его была выразительной и быстрой». С 1923 года он являлся директором Треста заводов слабого тока, с 1947 года руководил научно-исследовательским институтом по промышленному применению токов высокой частоты в Ленинграде. В 30-х годах под его руководством была разработана технология скоростной пайки при нагреве токами высокой частоты, промышленные электропечи для плавки стали и цветных металлов, метод поверхностной закалки стали высокочастотными токами.

В 1948 году Академия наук СССР присудила своему члену-корреспонденту, доктору технических наук, заслуженному деятелю науки и техники В.П. Вологдину первую золотую медаль им. А.С. Попова. Он дважды лауреат Государственной премии СССР (1943, 1952), кавалер ордена Ленина. Имя В.П. Вологодина носит основанный им же в Ленинграде научно-исследовательский институт токов высокой частоты.

За 50 лет своей деятельности Валентин Петрович оставил большое научное наследие. Им получено около 100 авторских свидетельств и патентов и опубликовано 120 научных работ. Учеными стали и двое его сыновей.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 15 июля*

## Блестящий естествоиспытатель, врач, педагог

*Этого человека знали многие, начиная с основателя Болгарской коммунистической партии Д. Благоева и заканчивая президентом АН СССР А.П. Карпинским. Его эрудиция и научный авторитет были общепризнаны как в России, так и за рубежом. «Блестящий ум», «самый крупный гигиенист России», «большой ученый и человек, образец настоящего научного работника» и при всем этом «человек большой души и сердца» – все эти слова относятся к одному человеку, нашему земляку, доктору медицинских наук, профессору, заслуженному деятелю науки РСФСР Григорию Витальевичу Хлопину (1863-1929).*

### В духовной семинарии

16 января 1863 года в семье добрянского священника Виталия Хлопина произошло радостное событие. Родился сын, которого назвали Григорием. По традиции того времени для сына священнослужителя открывался, как правило, один путь – духовная семинария. По этому испытанному многими поколениями служителей культа пути пошел вначале и Григорий Хлопин. Однако, окончив в 1881 году 4 класса Пермской духовной семинарии, он подал прошение с просьбой о переводе его в 8-й (выпускной) класс Пермской классической гимназии с целью поступления в Петербургский университет. На это решение, несомненно, оказали влияние светские настроения среди семинаристов, формировавшиеся под впечатлением идей революционеров-демократов и в частности В.Г. Короленко, находившегося в эти годы в Перми в ссылке.

### Определяющие слова

Руководство духовной семинарии, вероятно, без особого сожаления рассталось со своим воспитанником, который, как стало известно, принимал активное участие в создании в семинарии нелегальной библиотеки, за что и был наказан «карцерным заключением в течение 2-х дней». Уже будучи гимназистом, Г. Хлопин в соавторстве со своим однокашником А. Зязиным написал многостраничное рукописное «Историческое сочинение» с изложением своих взглядов на жизнь и пути развития общества. Там были и такие слова, которые стали определяющими для Г.В. Хлопина на всю жизнь: «Человек должен стремиться к всестороннему развитию, чтобы приносить свою долю пользы обществу».

Окончив в 1882 году с золотой медалью Пермскую гимназию, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где в это время преподавали такие замечательные ученые, как Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, отец русской физиологии И.М. Сеченов и др. Серьезные занятия наукой, особенно химией и физиологией,

Г.В. Хлопину удавалось успешно совмещать с активной общественно-политической деятельностью.

## **В группе Благоева**

Ситуация в России в начале 80-х годов сложилась интереснейшая. Страна шла по пути капиталистического развития. Согласно периодизации, разработанной историками советской поры, в революционном движении заканчивался этап народнический и начинался этап пролетарский. В политическую деятельность начал втягиваться переживавший стадию своего становления российский рабочий класс. Началось распространение марксизма в России. Основными же организаторами кружков марксистского толка в это время были представители интеллигенции, студенты. Не остался в стороне от опасной революционной деятельности и студент Петербургского университета, двадцатилетний Григорий Хлопин; который хорошо узнал жизнь простого народа, уральских мастеровых еще в детские годы, проведенные на Урале, в Добрянке.

## **Ссылка вместо науки**

Наиболее ярким эпизодом в его биографии стали годы сотрудничества с членами первой социал-демократической организации в России, нелегальной группы, возглавляемой студентом-болгарином Д. Благоевым. Она действовала в Петербурге в 1883-87 гг. Несмотря на то, что официально в состав группы он не входил, Г. Хлопин посещал собрания и выполнял важные поручения членов организации. Приближалось и время окончания университета. Впереди его ждала научная деятельность. Однако судьба распорядилась по-иному. В 1885 году был арестован и выслан в Болгарию Д. Благоев. Полиции удалось арестовать еще ряд членов группы. Попал под подозрение и Г.В. Хлопин, который был задержан в тот момент, когда пришел на квартиру к одному из своих земляков, члену организации.

При обыске у Хлопина ничего существенного найдено не было, однако его все же привлекли к суду, и лишь после шестинедельного тюремного заключения он был выпущен под залог в 300 рублей. Тем временем пришло время окончания университета. Под руководством И.М. Сеченова им была написана первая научная работа. Г.В. Хлопину был вручен диплом кандидата естественных наук, но вместо работы в физиологической лаборатории по новому приговору суда Г. Хлопин был сослан на 2 года в г. Чердынь по обвинению в «государственном преступлении». Начался новый этап в его жизни.

## **Пермский период**

Прожив несколько месяцев в Чердыни, осенью 1886 года Г. Хлопин, вероятно, неожиданно для себя был приглашен в Пермь для работы в губернской санитарной станции. Здесь же, в Перми, поздней осенью 1886 года состоялось

бракосочетание Г.В. Хлопина и студентки естественного отделения Петербургских женских Бестужевских курсов Е.А. Кавадеровой, в связи с чем понадобился дополнительный заработок, и Г. Хлопин по совместительству занял место секретаря редакции «Сборника Пермского земства». Во время работы он опубликовал в этом издании несколько своих статей на общественные темы.

Жизнь налаживалась, но вдруг последовал неожиданный обыск, а затем арест с целью обратной отправки в Чердынь. Лишь после долгих хлопот удалось остаться в Перми. Тем временем был объявлен конкурс на замещение вакантной должности заведующего губернской санитарной станцией. Г. Хлопину удалось успешно пройти весь конкурс.

Но весной 1890 года закончился срок полицейского надзора, и он вместе с семьей уехал из Перми в Петербург, а затем, благодаря ходатайству своего бывшего учителя, профессора Н.А. Меншуткина, поступил на медицинский факультет Московского университета, причем сразу на 3-й курс.

## Научная деятельность

В 1893 году, получив «диплом лекаря с отличием», он был оставлен в гигиеническом институте университета, где в мае 1896 года под руководством профессора Ф.Ф. Эрисмана защитил докторскую диссертацию по медицине. В том же 1896 году он получил кафедру гигиены в Юрьевском университете. Уже первые работы Г.В. Хлопина привлекли к себе пристальное внимание специалистов и общественности. Особенно это касается исследований, которые легли в основу изучения и методики оценки санитарного состояния водоемов.

В 1899 году Г.В. Хлопин участвовал в обследовании Волги в целях установления причин и последствий ее загрязнения нефтью, что было совершенно новым делом. Вопросы экологии не стояли тогда так остро, как сейчас. В 1900 году он опубликовал первую в России монографию по этому вопросу под названием «Загрязнение проточных вод хозяйственными и фабричными отбросами и меры к его устранению».

Научный авторитет Г.В. Хлопина рос, и в 1903 г. он получил кафедру гигиены в Одесском (бывшем Новороссийском) университете, а в 1904 г. был назначен на должность профессора гигиены в Петербургский женский медицинский (ныне 1-й Ленинградский) институт и одновременно, с 1906 г., в Клинический институт для усовершенствования врачей.

В ноябре 1904 года Григорий Витальевич был назначен также заведующим учебной частью учебных заведений департамента народного просвещения, а в 1905 г. – членом учебного медицинского совета Министерства внутренних дел России. Огромная нагрузка послужила причиной отказа Г.В. Хлопина от предложения президента Психоневрологического института академика В.М. Бехтерева занять должность профессора кафедры гигиены в этом научном учреждении.

Свою роль сыграло, видимо, и то, что Г.В. Хлопин никогда не был лишь

кабинетным ученым. За время своей жизни он совершил множество поездок в районы, охваченные эпидемиями чумы, холеры, тифа и т.д. Итогами поездок стали многочисленные труды по эпидемиологии, гигиене, санитарии и, в частности, книга «Материалы по оздоровлению русских городов», вышедшая в 1910 г.

Большое внимание профессор Хлопин уделял вопросам школьной гигиены. Среди научных работ по данной тематике особо выделяются статистические исследования «Самоубийства среди учащихся» (1906) и «Школьные болезни среди учащихся русских средних учебных заведений» (1909). На состоявшемся в 1910 году в Брюсселе 3-м Международном конгрессе по физическому воспитанию юношества Г.В. Хлопин выступил с приветственным словом от России. Особое внимание он уделял вопросам введения физического воспитания в школах.

Несомненным признанием заслуг Григория Витальевича стало избрание его в 1910 году профессором и почетным членом генерального совета Педагогической академии Лиги образования Франции в качестве специалиста по школьной гигиене. Большое внимание он уделял также проблемам борьбы с профессиональными заболеваниями, что явилось причиной выдвижения его на пост вице-председателя организационного комитета 3-го Международного конгресса по профессиональным болезням.

В 1914 году Г.В. Хлопин был командирован как член Горного ученого комитета на уральские заводы для изучения постановки там лечебного и санитарного дела. В 1916 году он издал свою монографию «Казенные заводы и рудники Урала».

В 1915 г. во время Первой мировой войны он был командирован сначала на северный, а затем на юго-западный фронт для организации санитарных мероприятий как в войсках, так и в тылу. Кроме этого, он самым серьезнейшим образом занялся изучением вопросов химической обороны страны. Несомненные заслуги Г.В. Хлопина как председателя Общества охранения народного здоровья и редактора журнала, выпускаемого этим обществом до 1917 года.

### **«Выдающийся медик и признанный авторитет»**

Очень плодотворными для профессора Хлопина были и годы работы при Советской власти.

В 1918 году он занял пост заведующего кафедрой гигиены Военно-медицинской академии. Водоснабжение и канализация, жилищное строительство, питание, борьба с эпидемиями и профессиональными «вредностями» и, наконец, военно-санитарное дело – во всех этих вопросах было трудно обойтись без компетентной консультации Григория Витальевича.

Труды Г.В. Хлопина нашли отражение и в иностранной литературе. Так, например, его книга «Военно-санитарные основы противогазового дела» была переведена на немецкий язык, и в предисловии к ней немецкий генерал

Шварте писал, что «в противогазовом деле французы и англичане шли по следам германским, а русские — самостоятельным путем». Представляя далее автора. Шварте писал, что Хлопин—это «выдающийся медик и признанный авторитет в области противогазовой защиты». Часть работ Г.В. Хлопина была использована англичанами.

Крупнейшим же трудом нашего земляка, несомненно, являлись 2-томные «Основы гигиены». Рецензируя этот труд, все авторы особо подчеркивали энциклопедичность знаний и огромную эрудицию профессора Г. Хлопина, его огромную работоспособность. Всего за годы своей научной деятельности Г.В. Хлопин опубликовал около 140 работ, в числе которых имеется ряд руководств, учебников, монографий и брошюр. Под его редакцией было издано около 20 научных сборников. Из заведомых им лабораторий вышло около 300 экспериментальных работ.

Творческая работа Г.В. Хлопина нашла свое воплощение в практической жизни. Он был учителем не одной тысячи русских и советских врачей-гигиенистов. Им было подготовлено более 20 профессоров и множество кандидатов наук. Красной нитью через все годы профессорско-преподавательской деятельности Хлопина проходит идея социального в гигиенической науке. Он также развил и углубил экспериментальный метод в гигиене. Ряд предложенных им методов вошел как в русскую, так и в иностранную практику. Поэтому не случайно он был избран почетным членом Лондонского королевского санитарного института и членом немецкого общества естествоиспытателей.

### **Почетнейшее место в науке**

Высоким признанием заслуг Г.В. Хлопина перед наукой и перед страной явилось присвоение ему осенью 1927 г. постановлением Совета Народных Комиссаров высокого и редкого по тем временам звания «Заслуженного деятеля науки РСФСР».

Выступая на торжественном заседании в Военно-медицинской академии, посвященном его юбилею, Григорий Витальевич сказал, что от отца, скромного заводского священника, он унаследовал трудолюбие и любовь к знаниям, а от матери — свободный и сильный характер. Отвечая же на вопрос, в чем состоит секрет его научных и педагогических достижений, он отмечал: «Я никогда не был ленив. Я любил и люблю науку, люблю молодежь, как материал для науки и жизни».

Многогранная кипучая деятельность Григория Витальевича Хлопина прервалась 30 июля 1929 года. Он скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг. Погребен на Смоленском кладбище в Ленинграде.

Говоря о значении деятельности Г.В. Хлопина, президент АН СССР академик А.П. Карпинский подчеркивал, что «ему принадлежит одно из почетнейших мест» как в науке Советского Союза, так и за рубежом.

*Камские зори. 1989. 14 января*



## Судьба председателя

*Работая с архивными документами второй половины 30-х годов XX века, я не раз встречал в них фамилию Давида Яковлевича Кельмановича, председателя Добрянского райисполкома в 1935-1937 гг. Краткие сведения о нем вошли в мою книгу «Добрянский район и его руководители», вышедшую в свет при поддержке районных властей в 2009 году. Но вот недавно у меня появилась возможность познакомиться с биографией одного из репрессированных руководителей нашего района более подробно.*

### Неожиданная встреча

Огромную роль в этом сыграл Вадим Александрович Ладугин. Звонит мне перед Новым годом и говорит: «Я собираюсь в Пермь к одному уважаемому человеку, который сыграл большую роль в истории Пермской ГРЭС. Это бывший зам. главного инженера «Пермэнерго» Геннадий Наумович Зильберман. Удивительный человек. Предлагаю съездить вместе, пообщаться, думаю, что не пожалеешь».

На следующий день мы были у Геннадия Наумовича. Ему 93 года, но память исключительная, интеллект высочайший, знания энциклопедические. Интеллигентнейший человек! Как и его супруга Бэлла Константиновна.

Говорили мы в основном об энергетике, о том, как ГРЭС пришла в нашу провинциальную Добрянку (надеюсь, этот рассказ еще будет опубликован в нашей газете), но по ходу своего рассказа Геннадий Наумович мельком обмолвился:

– Я Добрянку еще с 30-х годов знаю. У меня там двоюродный брат председателем райисполкома работал.

Я не поверил своим ушам!

– Уж не Давид ли Яковлевич Кельманович?

– Да, – пришла очередь удивляться моему собеседнику. – Он самый.

После этого мы договорились с Геннадием Наумовичем еще об одной встрече. Состоялась она в январе, и вот какие факты из биографии бывшего руководителя Добрянского района удалось установить.

### Судьба семьи

Отец Давида Яковлевича жил за установленной для евреев чертой оседлости, но потом он был призван на службу в царскую армию и оказался в Перми (на солдат запрет на выезд из-за черты оседлости не распространялся). Здесь, в Перми, проживала многодетная ссыльная семья Зильберман. Через какое-то время Яков Кельманович познакомился с их старшей дочерью Павлой, женился на ней и остался после службы в Перми. Так как никакой профессии у него на тот момент не было, он устроился в охрану Мотовилихинских пушечных заводов. В семье Якова Кельмановича родились три до-



чери и столько же сыновей, младшим из которых и стал Давид. Он появился на свет в 1901 году.

Как говорит Г.Н. Зильберман, рабочая семья Кельмановичей была крепкой, непьющей, передовой. В доме часто проводились музыкальные вечера под мандолину, в семье имелись даже очень редкие по тем временам велосипеды. Правда, судьба мужской части этой семьи оказалась трагической. Среднего брата Моню (Соломона) еще в годы Гражданской войны расстреляли белые.

— Он, видимо, был как-то связан с большевиками, за что и поплатился, — рассказывает Г.Н. Зильберман. — Сапоги Мони принесли его отцу, кинули со словами: «Вот, возьми. Твоего, собаки!» А старший брат Михаил после женитьбы уехал в Ростов и был расстрелян фашистами во время Великой Отечественной войны.

### **Путь наверх...**

Что же касается Давида Яковлевича Кельмановича, то его трудовая биография также началась на Мотовилихинском заводе, где он освоил профессию слесаря. После Гражданской войны Давид Кельманович отслужил в РККА и вернулся в Пермь.

— Его мать жила тогда в семье моего отца в маленькой подвальной квартире на улице Ленина, и когда Давид пришел из армии, тоже около года жил в нашей семье. Жили мы очень бедно, но дружно, — продолжает Геннадий Наумович. — Если Давид когда-то и сердился, то лишь по одной причине, когда я, мальчишка, его, взрослого парня, в шашки обыгрывал. Потом он нашел русскую девушку-портниху, женился, снял жилье и снова стал работать слесарем в Мотовилихе.

В 1930 году руководство ВКП(б) озаботилось приемом в свои ряды рабочих. По партийному призыву вступил в партию и Давид Кельманович.

Партийный билет открыл ему путь наверх. В 1930-1932 годах он являлся помощником начальника Мотовилихинского завода по производственным советам, а к 1934 году дошел до должности председателя заводского профкома.

— Вроде бы не сильно грамотным человеком был мой двоюродный брат, а вот пошел и пошел по служебной лестнице, — говорит по этому поводу мой собеседник. — Он недолго поработал председателем горсоветов в Перми и Чусовом, а в конце 1935 года его вызвали в Свердловск к первому секретарю Уральского обкома партии Кабакову. Там он и получил направление на должность председателя Добрянского райисполкома. Внешне Давид Яковлевич выглядел авторитетно. Он был крупным, широкоплечим, представительным мужчиной.

### **...и падение вниз**

В июне 1937 года Д.Я. Кельманович был объявлен врагом народа и арестован органами НКВД. В резолюции «О работе Добрянского райкома РКП(б) за 1937 год» отмечалось: «Враги народа, орудовавшие в сельском

хозяйстве, Кельманович, Лазников, Вдовин и другие разваливали колхозы, уничтожили 10073 головы скота, огульно исключили из колхозов более 250 человек честных колхозников».

Что дальше происходило с бывшим председателем Добрянского райисполкома, рассказывает Г.Н. Зильберман:

– Брат содержался в тюрьме, которая находилась в здании нынешнего Театра кукол, и на допросы его возили в 2-этажное здание управления НКВД на углу улиц 25 Октября и Коммунистическая. Как рассказывал мне позже сам Давид, он, зная указание генпрокурора Вышинского о том, что для доказательства вины достаточно признания самого обвиняемого, решил ни в коем случае не подписывать никаких бумаг. Как-то на одном из допросов он в ярости схватил стул и заорал: «Сейчас выбью окно и заору на всю улицу, что вы здесь творите! Не буду ничего подписывать!» И следователь, совсем молодой парень, растерялся! Нажал на кнопку, вызвал охрану: «Уведите!» После этого о Давиде Яковлевиче словно забыли. Месяц за месяцем – ни одного допроса. А потом нарком Ежов был снят, пришел Берия, и началась реабилитация тех арестованных, которых не успели приговорить к лагерям или расстрелу. В их число попал и Давид.

## Новое восхождение

После освобождения из тюрьмы осенью 1938 года Д.Я. Кельманович занимал в Перми различные хозяйственные должности. Возглавлял, в частности, кирпичный завод, а после войны – кондитерскую фабрику. В военные же годы Давид Яковлевич трудился заместителем председателя Молотовского горисполкома, заведующим отделом местной промышленности Молотовского облисполкома. Характеризовался как «способный, честный и грамотный руководитель». Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

– Мы с Геннадием поженились после войны, и я решила сделать мужу подарок на день рождения, – включается в разговор супруга Г.Н. Зильбермана Бэлла Константиновна. – Зашла к Давиду Яковлевичу на фабрику и попросила сделать большую конфету. Он сделал ее размером с кирпич! Долго мы ее съесть не могли...

\* \* \*

Д.Я. Кельманович скончался во второй половине 50-х годов. У него был сын Яков. Он окончил летное военное училище, но потом перешел в гражданскую авиацию и много лет отработал летчиком в пермском аэропорту Большое Савино. Его тоже нет в живых. Но, как говорит Г.Н. Зильберман, пару лет назад к ним в гости приходила дочь Якова. Поговорили, расстались – и с той поры встреч с ней больше не было. Нет ни ее координат, ни фотографий ее деда, бывшего председателя Добрянского райисполкома Давида Яковлевича Кельмановича.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 31 марта*

## Судьба краеведа Батанова

*«Из партии был исключен по чистке 1933-34 г.г., как бывший эсер. На предмет восстановления в партии подавал апелляции по всем инстанциям, в т. ч. и непосредственно в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Но безрезультатно...». Это строки из автобиографии Владимира Михайловича Батанова, человека нелегкой, трагичной судьбы, человека, чья жизнь была тесно связана с нашим краем, с Добрянкой, но чье имя, дела и заслуги были несправедливо забыты.*

### Из студентов в прапорщики

В.М. Батанов родился 11 июля 1897 г. в с. Ильинском в семье служащего Главного управления Пермского нераздельного имения Строгановых. В 1915 году он окончил Пермское реальное училище и поступил в Воронежский сельскохозяйственный институт, в котором ему удалось проучиться лишь год.

Шла Первая мировая война. Положение как на фронтах, так и внутри страны становилось все более сложным. Была отменена отсрочка от призыва в армию студентов, и В.М. Батанов оказался в царской армии. В апреле 1917 года окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков, после чего был назначен на должность младшего офицера 16 роты 108 пехотного запасного полка, расквартированного в Екатеринбурге.

### В партии эсеров

Здесь в период бурных политических событий его симпатии привлекли идеи эсеров о том, что «подлинным носителем социализма в России является большинство трудового народа, т. е. крестьянства», и летом 1917 года Батанов вступил в партию эсеров. «По своему желанию, – отмечал впоследствии Владимир Михайлович, – я устроил в 16 роте (...) два раза собственные выступления на политические темы против большевиков, в защиту тактики эсеров».

После раскола в эсеровском движении он примкнул к левым эсерам, но уже вскоре по причине болезни он был демобилизован из армии и в марте 1918 года вернулся на родину в с. Ильинское. Здесь он продолжил свою политическую деятельность и, работая в контакте с большевиками, организовал «культурно-просветительский кружок молодежи», целью которого было, во-первых, «дать общее развитие своим членам (...) дабы они создавали новую жизнь, как вполне сознательные и развитые граждане»; во-вторых, заниматься политическим воспитанием граждан и, в-третьих, «всесторонне изучать Камско-Уральский край».

Однако просуществовал этот кружок недолго. Вскоре семья Батанова переехала в Добрянку, откуда родом были как его отец, так и мать, работавшая

до замужества учительницей в Добрянском заводе и в Лунежках. В Добрянке в этот период действовала довольно сильная эсеровская организация, но Владимир Михайлович в ней почти не сотрудничал, занимаясь домашними делами и планируя продолжить обучение в Воронеже. Не сближался и с большевиками, потому что «роль рабочего класса, его диктатуры» была ему в тот период «непонятна».

## **Болезни вопреки**

Тем временем в стране разгоралась гражданская война. И неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба В.М. Батанова, если бы не серьезнейшая болезнь. «В конце июля 1918 года я заболел, как это выяснилось в последние годы, энцефалитом (в Добрянке мою болезнь определили тогда как брюшной тиф). После длительного бессознательного состояния (...) у меня наступил паралич и атрофирование мышц рук. В больнице в Добрянке я лежал с 25 июля 1918 года до апреля 1919. В этот период в Добрянку пришли белые. Затем лечился (...) в Перми, а после изгнания колчаковцев – в Казани. Лечение было безнадежно. Кончилась прежняя жизнь», – писал он в своей автобиографии.

Однако именно в тот сложный период произошел и пересмотр его идейных взглядов. Во время «лежания по больницам» он «читал марксистско-ленинскую литературу и окончательно изжил эсеровские иллюзии о живучести мелкого некапиталистического хозяйства (...) Убедился в жизненности и прогрессивности идей большевистской партии». Бросив бесполезное лечение, он с головой окунулся в общественную работу, вступил в комсомол, а в январе 1920 года стал членом ВКП(б).

Во второй половине 1919 года и до лета 1920-го В.М. Батанов, работая преподавателем истории и экономической географии в Добрянской школе 2-й ступени, одновременно читал множество лекций, обучал политграмоте взрослых, был агитатором. В течение 2-3 месяцев первой половины 1920 года он исполнял обязанности секретаря Добрянского райкома ВКП(б).

В том же 1920 году Владимир Михайлович был вызван в уком партии в Пермь, где стал работать агитатором, затем преподавателем истории на курсах партийных работников. Одновременно учился и сам в губпартшколе. По ее окончании был оставлен в ней групповодом.

## **В Абхазии**

Осенью 1923 года Батанов по ряду причин, в том числе и по состоянию здоровья, уехал в Абхазию, где прожил шесть лет. Преподавал политграмоту в школах г. Сухуми, был директором Сухумского индустриального техникума, работал в Сухумском педагогическом институте, являлся членом ученого совета Абхазского научного общества, членом методического совета при наркомате просвещения АбхССР и председателем его литературно-исторической секции, руководил кружком обществоведов.

Это был очень плодотворный период в его жизни, он, физически немощный, больной человек, был нужен людям. И это придавало ему силы. Неоднократно печатала его статьи по истории и культуре абхазцев газета «Советская Абхазия», публиковались статьи на антирелигиозные темы.

Но всему приходит конец. В 1928 году, будучи заведующим Главным литературным управлением Абхазии, он пропустил в печать брошюру «Трагедия подполья», которая оказалась меньшевистской по своему содержанию. Последовало немедленное увольнение с работы, и вскоре В.М. Батанов вынужден был вернуться на Урал, в Пермь, где жили его родители и родственники.

### **Как жить дальше?**

В Перми он поступил на истфак госуниверситета и одновременно стал готовиться для поступления в институт Красной профессуры. Работу с учебой совмещать было очень сложно, и он вышел было на пенсию по болезни. Однако вскоре понял, что пенсионная жизнь не для него. Уже в 1931 году Батанов стал работать заведующим Пермской городской центральной библиотекой (ныне библиотека им. А.М. Горького), а затем заведующим богатейшей научно-краеведческой библиотекой при областном краеведческом музее. Как он сам писал, «в работу ушел с головой». Жизнь вновь настроилась, но...

В 1933-34 гг. последовали партийные чистки, и 10 сентября 1934 года В.М. Батанов был исключен из партии, как сообщалось в справке, представленной в НКВД, за «притупление классовой бдительности, за неискренность перед ВКП(б) о деятельности в партии эсеров и за нарушение дисциплины партии и государства». Вслед за этим он был уволен и с работы. Многочисленные апелляции (в том числе и письма в газету «Правда») не дали никакого результата.

Наступали мрачные времена в истории Советского государства и в жизни 37-летнего безработного В.М. Батанова, отправленного на «отдых» с нищенской пенсией в 124 рубля (старыми деньгами). Устроиться на работу ему, больному, с недееспособными руками было невозможно. Наступил тяжелый моральный кризис. Как же жить дальше? Из семьи к тому времени с ним осталась лишь престарелая мать. Нужна была работа, дело, которое позволило бы ему вновь почувствовать в себе силы, нужность людям. И такой работой для него стала научно-исследовательская деятельность, которая позволила ему «забыться в условиях безработицы, общественного унижения и полуголодного существования».

### **На поприще краеведения**

Им был проделан огромный труд, переработано огромное число архивных материалов, написано множество статей, в том числе «Частновладель-

ческие заводы Урала», «Медеплавильная промышленность Приуралья и ее исторические корни», «Заметки о русском фольклоре» и другие.

Но крупнейшая его работа – это, несомненно, десяти томная «История Добрянского завода», насыщенная большим числом архивных документов, первоисточников, и которая, по сути дела, представляет собой историческую энциклопедию нашего города. Ценность данной работы заключается еще и в том, что многие документы, которые были использованы в этом труде, до нашего времени не дошли и, таким образом, сохранились лишь в работе В.М. Батанова.

Высоко оценил этот труд крупнейший советский исследователь академик Струмилин, который писал, что эта работа очень содержательна и «принадлежит к тому типу местных исследований (...), которые мы должны всемерно поощрять». Однако, несмотря на все старания и неплохие в целом оценки рецензентов, ни одна из работ Батанова этого периода не была опубликована. Все они остались лишь в рукописях.

Глубоко переживал Владимир Михайлович и истребление многих предметов старины. Так, говоря о Добрянке периода 20-30-х годов, он с горечью писал о том, что здесь «обращение с памятниками не только варварское, но и хулиганское. Богатейший музей, созданный в 80-х годах XIX века, разрушен... Остатки его (минералогические и археологические – из ближайших трех чудских городищ и мамонтовые бивни) валяются беспризорными по чердакам (...). Богатый набор интереснейших исторических дел управляющего заводом XVIII, XIX и XX вв. растащен на 90 процентов невежественными людьми (...). Растащили богатейшую техническую библиотеку, а также журналистику XVIII-XIX вв.»

## **В годы войны**

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на инвалидность, В.М. Батанов стремился оказывать посильную помощь, предлагая свои услуги в деле ведения военной подготовки в школах. В 1942 году он подготовил статью «Участие Прикамья в войнах русского народа», содержащую интереснейший фактический материал. Все это создавалось в тяжелейших условиях. В 1944 году он писал: «От 11-летнего недоедания я изрядно ослабел, ноги нетвердо держат, на теле отеки, постоянный озноб. Мать моя, обеспечивающая меня уходом, умерла летом по существу от голода (...)».

## **Судьба рукописей**

Большое беспокойство Батанова в эти годы вызывала судьба его рукописей, особенно ввиду «массового истребления памятников культуры в результате (...) бескультурья и невежественности» населения. Учитывая все это, а также резко ухудшившееся здоровье, он принял решение о завещании всех своих статей и «материалов Молотовскому государственному архиву».

(Ныне Государственный архив Пермской области (ГАПО), где они и хранятся по сей день, образуя фонд № 551). Наряду с прочими документами поистине бесценными можно считать дневники В.М. Батанова, относящиеся к периоду его жизни в Добрянке в начале 20-х годов, а также записи этнографического характера, рассказывающие о быте, нравах и обычаях добрянцев конца XIX века.

Вероятно, последние годы жизни В.М. Батанова прошли в Еловском доме инвалидов, откуда были написаны последние из имеющихся в ГАПО его писем. Они датируются 1952 годом. Когда и где скончался краевед В.М. Батанов, установить пока не удалось.

Документы, хранящиеся в его личном архивном фонде, являются ныне ценнейшими источниками для всех тех, кто интересуется местной историей. Имя В.М. Батанова должно занять подобающее место в ряду других замечательных деятелей нашего края.

*Камские зори. 1989. 25 февраля*



## Звания для героев

*Как мы уже сообщали, наша газета выступила с инициативой о присвоении звания «Почетный гражданин Добрянского района» нашим землякам-героям. В преддверии 65-летия Великой Победы эту инициативу поддержали депутаты Земского собрания и на заседании 28 апреля они приняли соответствующее решение.*

### Кому присвоены почетные звания?

Список Почетных граждан пополнился именами четырех Героев Советского Союза. Это добрянец Александр Федорович Попов (1917-1991), поллазенец Иван Андреевич Трухин (1910-1972), уроженец Красной Слудки Григорий Григорьевич Лядов (1921-1944) и бывший житель п. Ключанка Николай Ильич Нуждов (1923-1996).

Кроме того, высокое звание посмертно присвоено ныне трем Героям Социалистического Труда: К.А. Кузнецову, М.Я. Кропачеву и С.Ф. Пяткину. Но если о Героях Советского Союза публикации были не раз, то о Героях Соцтруда наши молодые современники не знают почти ничего. Восполняем пробел.

### Константин Александрович Кузнецов (1905-1985)

К.А. Кузнецов стал первым добрянцем, удостоенным звания Героя Социалистического Труда. Он родился в 1905 г. в Вятской губернии в большой крестьянской семье. Жили тяжело. «Мать померла от тифа в голодном 1921 году», – писал позже Константин Александрович в своей автобиографии.

В 1926 г. в тяжелое голодное время будущий герой окончил Суводский лесотехникум, и его направили в Коми-Пермяцкий округ, где он получил должность помощника лесничего в Косе. Через два года стал лесничим, в 1930 г. вступил в партию. В том же году, будучи заместителем директора Косинского леспромхоза, занимался приемом спецпереселенцев, организацией сплава древесины, принимал участие в создании колхозов. Однажды, возвращаясь на санях с собрания деревенской бедноты, Кузнецов был обстрелян в лесу неизвестными. «Мне повезло, остался цел с небольшим повреждением ног», – сообщал он впоследствии.

В 1933 г. К.А. Кузнецов получил назначение на должность заведующего планово-производственным отделом Добрянского леспромхоза, а в 1936 г. стал техническим руководителем этого крупного предприятия. Добрянский ЛПХ занимался заготовкой леса для завода и для южных районов страны. Кузнецову пришлось целенаправленно внедрять в ЛПХ промышленные методы заготовки и вывозки древесины, новую технику: тракторы и автомобили.

О том, чем занималось предприятие в годы Великой Отечественной



войны, К.А. Кузнецов писал в своих воспоминаниях: «На Добрянский лесспромхоз было возложено: обеспечить угольные шахты крепёжным лесом, железнодорожный транспорт шпальным сырьём, производить заготовку и отгрузку Ижевскому заводу ежегодно до 40 тысяч штук ложевой болванки для винтовок и автоматов, отгрузку до 8 тысяч кубометров в год фанерного сырья Уфимским заводам для выработки авиационной фанеры, изготавливать и отгружать для фронта лыжи и сани. Обеспечивать Добрянский металлургический завод технологическими дровами в количестве 300 тысяч кубометров год и древесным углем».

В 1945 г. К.А. Кузнецов был награжден орденом «Знак Почета», а в 1949 г. стал директором ЛПХ. В 1952 г. за успешное выполнение плановых заданий он был удостоен орденом Ленина. Характеризовался как «энергичный, умелый руководитель». Не раз избирался членом бюро Добрянского райкома КПСС, был членом Пермского обкома партии.

К концу 50-х годов Добрянский лесспромхоз вошел в число крупнейших лесозаготовительных предприятий Прикамья. 5 октября 1957 г. за умелое руководство предприятием К.А. Кузнецов был награжден вторым орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

Будучи «пенсионером союзного значения», К.А. Кузнецов являлся заместителем Добрянского районного комитета народного контроля, активно занимался общественной деятельностью.

## **Михаил Яковлевич Кропачев (1907-1969)**

Родился в 1907 г. в Верхне-Чусовских городках. Выходец из крестьян.

В 1929 г. его призвали на службу в армию, после возвращения с которой в 1931 г. он устроился на работу к нефтяникам. Таким образом Михаил Яковлевич оказался в числе пионеров нефтяной промышленности Прикамья. Отличался упорством в достижении цели, рабочей смекалкой, добросовестностью. В 30-х годах М.Я. Кропачев прошел путь от верхового рабочего до бурового мастера. Работал на Краснокамском нефтепромысле. В 40-х гг. он в числе первых в Пермской области на практике освоил новые способы бурения (наклонные скважины) и новую буровую технику (турбобуры).

В 1941 году Михаил Яковлевич рвался на фронт, но ему дали «бронь» и оставили на буровой. Объяснили, что сейчас «нефть важнее винтовки».

После войны М.Я. Кропачев продолжал работу на Краснокамском месторождении нефти. Был старшим инженером конторы турбинного бурения. А затем его как специалиста по наклонному бурению направили в Полазну. Здесь назначили главным инженером у буровиков. Но когда открыли новое перспективное месторождение в Ярино, то Михаил Яковлевич напросился в буровую бригаду. Практическая работа всегда была ему ближе и понятней, чем кабинетная. Он был твердо убежден, что любой специалист даже с вузовским дипломом должен вначале показать свою профпригодность на буровой.

Как сообщалось в одной из публикаций советской поры, Кропачева считали еще и счастливым буровиком. Когда геологи проводили разведку в Каменном Логу, то туда без сомнения направили бригаду Кропачева. И он оправдал надежды: через 3 месяца после начала бурения из скважины № 29 пошла фонтаном нефть.

В 1948 г. М.Я. Кропачев был награжден орденом Ленина, в 50-х годах избирался депутатом Верховного Совета РСФСР от Добрянского округа Пермской области, был делегатом XXII съезда КПСС.

Звание Героя Социалистического Труда с вручением второго ордена Ленина и золотой медали «Серп и молот» присвоено М.Я. Кропачеву в 1959 г.

### **Сергей Федорович Пяткин (1905-1972)**

Родился в 1905 г. в Ульяновской области. В 1923 году начал трудовую деятельность буровым рабочим на нефтепромыслах Каспия. Трудился бурильщиком, буровым мастером, инженером по бурению, начальником нефтеразведки.

В 1937 г. Министерство нефтяной промышленности командировало С.Ф. Пяткина, как опытного специалиста, на поиски нефти в Пермской области. Здесь он был назначен начальником Полазненской нефтеразведки треста «Прикамнефть». Учился в нефтяной промышленной академии в Москве. В 1941-42 гг. служил в органах МВД. С 1949 по 1954 год трудился начальником Полазненской конторы турбинного бурения, а затем был назначен начальником Полазненского нефтепромыслового управления.

Под руководством С.Ф. Пяткина коллектив полазненских буровиков и нефтяников открыл и разработал Полазненское, Яринское и крупнейшее Каменноложское месторождения, освоил новейшие для того времени способы бурения и добычи нефти, достиг больших производственных успехов. К 1958 г. на долю Полазненского НПУ приходилось 75% добычи нефти в Прикамье. «Тов. Пяткин С.Ф. в работе оперативен, требователен к себе и подчиненным, волевой, смелый, осмотрительный руководитель, умеющий организовать коллектив на выполнение хозяйственных задач», — отмечалось в служебной характеристике 1958 г.

Именно при С.Ф. Пяткине Полазна стала превращаться из села в современный поселок городского типа. Как отмечалось в середине 60-х годов, «тов. Пяткин является горячим инициатором в преобразовании облика поселка Полазна. За годы семилетки поселок неузнаваемо изменился: появились многоэтажные дома, благоустроенные улицы, больница, баня и многое другое». НПУ «Полазнанефть» оказывало большую шефскую помощь бюджетным организациям и селу. С.Ф. Пяткин не раз избирался депутатом Добрянского районного Совета депутатов трудящихся, членом бюро Добрянского райкома КПСС.

В 1951 и в 1959 гг. он награждался орденами Ленина, а 28 мая 1966 г. Ука-

зом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Сергея Федоровича называли одним из «самых уважаемых людей не только в поселке Полазна, но и во всем Добрянском районе». В одной из характеристик особо подчеркивалось, что ему «чужды такие черты характера, как чванство, высокомерие, бюрократизм. Он со всеми прост, обходителен, приветлив».

Имя С.Ф. Пяткина носит одна из улиц Полазны.

## **Мнения**

Владимир Кропачев, п. Полазна:

— Я очень рад, что, благодаря журналистам и депутатам, вклад моего отца, Михаила Яковлевича Кропачева, в развитие района получил еще одну достойную оценку.

Анатолий Пяткин, п. Полазна:

— Своих героев наши земляки должны знать. Спасибо, что вспомнили и отца. Это ведь при нем Полазна превратилась из села в современный поселок нефтяников.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2010. 13 мая*



# **«Естественный и законный учитель народа...»**

**Статьи по истории народного  
образования**

- В обозе за наукой
- Из истории школы
- Как в Добрянке открывали женское училище
- В школу – «с радостью», но...
- «Естественный и законный учитель народа...»
- «Высочайшая милость» для добрянской попечительницы

# В обозе за наукой

*Уникальный документ из Добрянского музея подробно рассказывает о том, как в течение двух месяцев дети добирались до Петербурга, чтобы получить образование.*

## Уникальный документ

Название его длинное, в стилистике времени: «Путевой журнал данной из Ильинского Главного Ея Сиятельства Госпожи Графини Софьи Владимировны Строгановой, урожденной княжны Голицыной Правления, межевых дел Старшему Поверенному Ивану Туневу на записку в оной следования его и разных происшествий случиться могущих, при доставлении служительских детей и господских лошадей из села Ильинского до Санкт-Петербурга».

Речь в нем идет об отправке в 1823 году на учебу в Петербург и Москву 13 учеников из числа детей крепостных служащих Пермского нераздельного имения. Документ вел руководитель группы Иван Тунев, а через несколько десятилетий отцовские записи дополнил заметками на полях один из участников поездки – Александр Иванович Тунев. Его дополнения не менее интересны, чем основные записи.

## Верста за верстой

Начинается журнал с момента выезда обоза из Ильинского 22 декабря 1823 года. Санный путь до Петербурга занял у мальчишек два месяца. На каждый день приходится пунктуальная запись: «Дек. 22. Пополудни в 3-м часу отправились из Ильинска в село Кривецкое, в которое приехали того же числа к вечеру. 23-го по утру из оного отправились в деревню Кущерскую, от стоящую от Кривца в 38-ми верстах, в которое приехали того же числа к вечеру. 24-го числа по утру из деревни Кущерской отправились в село Карагайское, от стоящее от Кущерской в 12-ти верстах...».

Далее их путь пролегал в Очерский завод, а оттуда – в починок Игринский. На подъезде к Игре (ныне поселок в Удмуртии) они встретили новый 1824 год. 11 января в два часа дня, преодолев от Очера 436 верст, обоз добрался до Казани. «13 генваря. Из Казани выехали пополудни в 5-ть часов того ж числа, в половине двенадцатого часу приехали в город Свияжск, от стоящий от Казани в 25-ти верстах», – записал старший группы Иван Тунев. 16 января юные пермяки добрались до Чебоксар, 24 января – до Нижнего Новгорода, а 3 февраля оказались в Ярославле, где стали очевидцами пожара в местном театре.

## Ярославские неприятности

«Вечером этого числа горел в Ярославле театр, – вспоминал 31 января 1890 года, то есть через 66 лет после памятного события, А.И. Тунев. – Квар-

тира наша была неподалеку, так что все было в виду. Приблизительно могу определить, что театр горел в 7 час. вечера. Пламя выбивало в окна верхнего этажа».

Во время пребывания в Ярославле автор воспоминаний сильно угорел в той квартире, куда их определили на постой. «Дом, в котором квартировали, был каменный, худой постройки, нештукатуреный, по крайней мере, наша квартира вовсе была негодна. Мокрая, грязная».

## Дорожные забавы

Дальнейший путь пермяков пролегал через город Углич на Бежецк. Этот городок запомнился А.И. Туневу ужином накануне Великого поста. «Так как на квартире не имелось ничего готового, то мальчуганы-путники при пособи кучеров изготовили для себя ужин, – вспоминал Александр Иванович. – Истребили чуть ли не целого теленка».

Телячью голову они везли потом с собой почти до самого Петербурга. «Школяры тщательно сохраняли ее и по приезду на станок (на почтовую станцию. – М.К.) клали ее в шапку следовавшего с нами Матв. Мих. Пепеляева, – писал в воспоминаниях А.И. Тунев. – Осерчавший Матв. Мих. куда бы не убросил досаждавшую ему голову, школяры ее подбирали, чтобы на следующем станке опять позабавиться безвредной злобой простака Пепеляева. Путь наш был хотя и продолжителен, но не скучен».

## Приезд в Петербург

23 февраля, оставив за спиной города Вышний Волочек, Валдай и Новгород, пермяки поутру приехали в село Марьино, в 70 верстах от Петербурга. Там располагалась усадьба графов Строгановых с английским парком и зданиями, построенными по проектам известных архитекторов. Сейчас ее называют жемчужиной дворцово-парковой архитектуры. В графской усадьбе подростки находились более недели, так как открывавшаяся в Петербурге «с высочайшего соизволения» строгановская школа земледелия и горнозаводских наук еще не была готова к их приему. Она открылась 13 марта 1824 года.

Правда, в Марьино тогда остались не все. Руководитель группы, старший поверенный Иван Тунев с двумя учениками сразу же выехал в Петербург, видимо, на отчет в главное правление Строгановых, чей дворец располагался на углу Невского проспекта и Мойки. «24 февраля. Сборное Воскресенье. В этот день на свету приехал я с отцом и Вас. Волеговым в Петербург», – записал много позже А.И. Тунев. Ему и его товарищам предстояло проучиться в Петербурге пять лет. В августе 1824 года к ним присоединились еще двое мальчишек из Ильинского – Василий Бушуев и Александр Теплоухов, которые зимой вынуждены были по болезни оставить обоз и вернуться домой. Первый – из Карагая, второй – из Очёра.

## Домой!

Первые воспитанники школы окончили обучение в сентябре 1829 года, но двоих отправили на службу в Пермское имение еще в 1828 году. Василия Волегова – «по возмужалости», Алексея Малых – «по расположению к чухотке». Остальные к службе в имении были пока не готовы по причине своей юности, а потому вынуждены были прослушать «дополнительный к горно-заводским наукам краткий курс земледелия и ветеринарных наук». «Охотников слушать эти предметы было не много, да и были ли?» – откровенно признавался Александр Тунев.

Понятно, что после пятилетней разлуки с родными юноши рвались домой. «Отправились мы из Петербурга в лодке-тихвинке до Тихвина в значительном количестве пассажиров, – вспоминал А.И. Тунев. – По Ладожскому каналу лодку тащила лошадь, а где не было пути для лошади, чуть ли не люди. Из Тихвина одна только наша школьная компания отправилась в лодке-соминке, чуть ли не до Мологи, а от Мологи до Казани опять в новой крытой лодке, в которой мы лежали головами к бортам, а ногами в середину, причем шутники мешались ногами».

В тот год было изобилие яблок, которые и служили основной пищей для школьников. В лодке их тоже везли немало. «Подкатится яблок под бок кому-либо, и давай его хрумать, – сообщал автор воспоминаний. – Сосед услышит, соблазнится и ежели нет под боком, то потребует из склада-дупельки, и начнется общая суматоха. Когда яблоки на исходе, то приваливай к первому благовидному селению и наполняй вновь дупельку».

В Казани ребята пересели на подводы, а на подъезде к Пермской губернии их застал первый снег. В Ильинское «петербуржцы» вернулись к 14 октября 1829 года. «В Петербурге был, а Москвы не видывал», – констатировал по прошествии многих лет А.И. Тунев. Уже в советское время путевой журнал в Добрянский музей передаст его правнучка Т.Н. Тунева.

## Кто есть кто

Первые выпускники школы земледелия и горнозаводских наук сыграли в дальнейшем большую роль в жизни Пермского имения, стали яркими представителями строгановской интеллигенции.

Автор воспоминаний Александр Иванович Тунёв, пройдя служительские ступени на Павловском и Очерском заводах, с 1847 по 1877 год возглавлял наш Добрянский железодельный завод. Василий Алексеевич Волегов был главным смотрителем золотых промыслов в Билимбае, в 30-х годах являлся управляющим Добрянским заводом, с 1846 по 1864 год служил главноуправляющим Пермским имением Строгановых. В 1864 году его сменил на этом посту Александр Ефимович Теплоухов, который, получив в 30-х годах XIX века дополнительное образование в Германии, стал выдающимся русским лесоводом, известным исследователем прикамских древностей... Яркие примеры строгановской кадровой политики.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2012. 2 февраля*



# Из истории школы

## (Добрянское 2-классное приходское училище)

*Всякий раз, проходя возле здания бывшего Добрянского 2-классного приходского училища (ныне в нем располагается районный Дом пионеров), я задавался вопросами о том, что происходило за этими толстыми старинными стенами десятки лет назад? Какими были тогда учителя и ученики?*

*Какие проблемы перед ними стояли? Какой положительный опыт был накоплен старой школой? Все эти вопросы и привели меня в очередной раз в Государственный архив Пермской области (ГАПО). Предлагаемый вниманию читателей материал явился результатом этих поисков.*

### На средства графини Строгановой

Первая школа возникла в Добрянке более полутора веков назад. Необходимость ее открытия диктовалась, прежде всего, развитием заводского производства, с каждым годом требовавшего все более грамотных специалистов. Она была открыта в 1835 году на средства владелицы заводом графини Софьи Строгановой и поэтому получила название Софийская. Первоначально, до строительства специального здания, школа, или, как тогда называли, училище, размещалась «в одном обывательском доме в 2-х довольно порядочных комнатах... и довольно удобном».

В первом учебном году в училище обучалось 54 ученика. В конце года «на испытаниях» они показали следующие результаты: «успехи хорошие» – 32 человека, «средственные» – 21 и «худые» – 1. С хорошим поведением закончил обучение 51 человек, а с «неодобрительным» – 3. В первом классе школы преподавалось чтение, письмо и 1-я часть арифметики. Обучение велось по так называемому ланкастерскому методу, иначе говоря, по методу взаимного обучения. Во втором классе в учебную программу были включены Закон Божий с катехизисом, 2-я часть арифметики, грамматика и «немного черчения». Существовала при училище и библиотека, в которой в 1836 году насчитывалось 167 томов книг 14 наименований,

### Кто и как преподавал

Преподавали в школе только мужчины. В 1835 году их было трое. Это 21-летний законоучитель священник А. Серебренников, 20-летний крепостной учитель 1-го класса И. Пахнин и 21-летний учитель 2-го класса крепостной И. Сюзев, о котором следует сказать несколько подробнее. Он был направлен учительствовать в Добрянку после окончания Ильинского приходского училища и проработал в школе более 20 лет. Один из его сыновей, Леонид, впоследствии также стал учителем в Добрянском училище, а другой сын, Павел, став в 1877 году управляющим Добрянским заводом, немало по-



лезного сделал для развития школы в Добрянке.

Уже после первого года работы лекторская проверка засвидетельствовала, что уровень преподавания в Софийском училище высок, «успехи во всех предметах весьма хороши и учителя Сюзев и Пахнин... подают особо надежду, в особенности первый...». Неплохие результаты работы подтверждаются и тем, что в 1836 году после окончания Добрянского училища 3 человека были направлены для дальнейшего обучения в Санкт-Петербургскую горнозаводскую школу и 4 человека «для обучения медицине» в Ильинское училище. Но в каких условиях приходилось работать в то время... По свидетельству известного дореволюционного пермского историка А.А. Дмитриева, первоначально обучение письму в училище велось на песке, который насыпался на специально приспособленные ученические парты, а чтению учащиеся учились еще по руководству М.В. Ломоносова.

### **Результаты 1839 года**

Шло время. В 1839 году в школе училось уже 67 человек: 48 в первом классе и 19 во втором. По результатам одной из проверок отмечалось, что «ученики ведут себя хорошо и порочащих наклонностей в заведении не приобретают. Основные правила нравственности им внушаются. Внешний вид довольно благопристойный». Констатировалось, что «по учебной части состояние хорошее, а по нравственной – весьма хорошее».

Интересным и полезным для современной школы, на мой взгляд, представляется то, что в случае «неуспехов» ученика обязательно указывалась причина такого положения дел. Так, в 1845 году из 80 учащихся «не показали успехов» на «испытаниях» трое. Из них «по неспособности – 1, по нерядению – 1» и «по редкому хождению в класс – 1».

### **Новое здание школы**

1845 год стал очень важным в жизни Добрянского 2-классного приходского училища. В этом году для училища было построено новое 2-этажное каменное здание, которое сохранилось до наших дней. Его строительство началось «по повелению графа» от 25 августа 1841 года, для чего были выделены средства в сумме 10 тыс. 161 руб. ½ коп. Однако этих денег не хватило. Всего на строительство было потрачено 16 тыс. 85 рублей. Судя по косвенным данным, имеющимся в ГАПО, проектировал это здание архитектор Комаров.

### **Для «прослуживших беспорочно»**

В наше время много говорится о положении учителя в обществе. В этой связи хотелось бы привести выдержки из очень интересного документа «Положения о пенсиях и единовременных пособиях для учителей начальных учебных заведений», утвержденного в 1845 году. На основании этого положения сроки для получения пенсий были установлены следующие: прора-

ботавший в школе от 10 до 15 лет и выходящий в отставку учитель получал единовременное пособие в размере годового жалования. «Прослужившие беспорочно от 15 до 20 лет» получали пенсию в 1/3 годового жалования, от 20 до 25 лет – в 2/3 оклада и более 25 лет – полный оклад. В том случае, если учитель выходил в отставку «по расстроенному совершенно на службе здоровью», сроки для получения пенсий сокращались на 5 лет, а в случае тяжелой болезни, полученной «на службе» в школе, – на 10 лет. В «Положении» предусматривался и целый ряд других очень важных в материальном и моральном отношении мер. Думается, что в некоторых моментах пенсионное положение 1845 года превосходит и ныне действующее.

## **О «должности учительской»**

Очень высоко ценилось в то время и звание учителя. Слово «Учитель» писалось только с большой буквы. Но в жизни возникали разные случаи. В 1851 году был «удален с должности» учитель «Добрянского приходского училища, служительский сын П.Н. Калашников», который «уклонился в пьянство и другие несвойственные учительскому званию поступки». Вместо него стал работать «имеющий хорошие способности и поведение» Н. Еремеев, который стал во всех документах подписываться как учитель. Но уже вскоре из Перми строго предупредили, что Еремеев «не имеет никакого права присваивать себе звание учителя», так как он не был подвергнут надлежащему испытанию». Вопрос о том, «как приказано будет подписываться Еремееву, настоящим ли Учителем или временно исполняющим должность учительскую?», решил лишь в 1854 году, когда Штатный смотритель Пермских училищ сообщил, что Н. Еремеев может подписываться как «Учитель».

Другой пример. Л.И. Сюезев, сын первого добрянского учителя, начал работать в училище с 1858 года, но лишь после того, как был сделан вывод, что он делает это «с усердием и пользой для учащихся», был утвержден в «должности учительской». Произошло это в 1862 году.

## **В середине века**

Между тем училище жило своими делами и заботами. В 1849/50 учебном году в нем училось более 50 человек. Из них на испытаниях в конце года показали «очень хорошие успехи» – 15 учащихся, «хорошие» – 21 и «средственные» – 18. Не успевали: по неспособности – 1, по нерадению – 2 и по редкому хождению в класс – 1. К этому времени расширилась школьная библиотека. В 1850 году в ней было 398 томов книг на сумму 200 рублей серебром. В школе работало 3 учителя и 2 человека прислуги.

## **Об обучении «девиц»**

На рубеже 40-50-х гг. XIX века произошло знаменательное событие в жизни российской школы – разрешалось обучение в школе девочек. На ме-

стах многие выступали против этого, но, тем не менее, «лед тронулся», и уже в 1851 году в Пермское уездное училище «поступила 31 девица». Постепенно нарастало число учениц и в Добрянском училище. К 1873 году в приходском училище учились 102 мальчика и 31 девочка.

### **Кто ответит за порчу имущества?**

Целый ряд проблем, стоящих перед старой школой, актуален и для наших дней. Одна из таких проблем касается вопросов сохранности школьного имущества. «...Парты или столы изрезаны ножами, шкафы забрызганы чернилами», – сообщалось в письме из заводской конторы в училище в августе 1878 года. «Контора покорнейше просит господ преподавателей обратить внимание на этот предмет и не позволять мальчикам портить господское имущество, внушая им, что за порчу мебели, учебников и проч. родители их должны восполнить расход, навлекаемый такими шалостями их детей, так как училище содержится счетом заводовладельца и за обучение детей никакой платы не взимается». В заключение особо подчеркивалось, что «помимо материального ущерба укореняющаяся в детях небрежность без сомнения отражается вредно на нравственном их развитии».

### **Что взять от старой школы?**

Еще одной очень серьезной и опять же актуальной и для современной школы была проблема материальная. Остро не хватало средств на приобретение для школы многих необходимых вещей. В этой ситуации определенную помощь оказывал Добрянский завод, для которого 2-классное училище было основным поставщиком грамотных, разбирающихся в сложной заводской технике рабочих. На выделяемые заводом средства приобретались, в частности, школьные учебники и «периодические издания... нравственно-педагогического содержания... полезные как для учащихся, так и для учащихся».

В свою очередь и училище стремилось поддерживать тесную связь с заводом. Так, на уроках арифметики ученики зачастую выполняли расчеты, необходимые в заводском производстве. Думается, неплохим стимулом к хорошей учебе была и практика приглашать «начальственных лиц, служащих и родителей учащихся присутствовать на испытаниях». Может быть, и стоит возродить кое-что из опыта прошлого? Тем более что в 80-х годах прошлого столетия Добрянское училище показывало очень хорошие результаты. Пример тому «Похвальный отзыв», полученный школой на Екатеринбургской художественно-промышленной выставке в 1887 году, за работы по черчению и каллиграфии.

### **Что еще было в старой Добрянке**

Добрянское 2-классное приходское училище было первой, но не единственной школой в дореволюционной Добрянке. Еще в мае 1847 года здесь

при новой (строящейся) Рождество-Богородицкой церкви (ныне в этом здании располагается районный Дом культуры) была открыта церковно-приходская школа. В период реформы 1861 года при заводе некоторое время действовала воскресная школа для обучения грамоте заводских рабочих, вскоре, однако, закрытая по распоряжению властей. Несколько расширилась возможность для получения образования и после создания в крае органов местного самоуправления – земств. Но это уже другие страницы истории школы.

*Камские зори. 1989. 7 октября*

## Как в Добрянке открывали женское училище

*В 60-х годах XIX века в Добрянке активно обсуждался вопрос об организации в заводском поселке женского училища. Чтобы открыть новое учебное заведение, понадобилось около 2-х лет. Местные мужики были твердо убеждены в том, что никакой надобности в обучении грамоте «девиц не имеется».*

### Чем озаботился директор

Впервые этот вопрос был поднят в июне 1863 года, когда в Добрянке с целью «обозрения мужского приходского училища» побывал директор училищ Пермской дирекции И.Ф. Грацинский. Сделав «испытания учащимся» в этом учебном заведении, он, как сообщали «Пермские губернские ведомости», озаботился далее «о распространении грамотности и образования между женским полом», численность которого по ревизии 1858 года составляла в Добрянке около двух тысяч душ. С этой целью господин директор предложил волостному старшине и другим представителям заводского общества, разместить в стенах мужского училища еще и женскую школу (школу для девочек. – М.К.). По его подсчетам, ее содержание было бы для общества Добрянского завода вовсе необременительным, не более 10 коп. серебром с каждой ревизской души.

В тот же день, как сообщала губернская пресса, в Добрянке был созван сход, результат которого оказался для директора училищ достаточно неожиданным. Общество, «или не понимая пользы от обучения грамоте детей своих, или жалея денег, от содержания училища совершенно отказалось». Не помогли и предложения некоторых жителей поселка платить взнос не только за себя, но и за своих несостоятельных соседей.

### «Без всякого вознаграждения»

Однако настойчивости и последовательности действий И.Ф. Грацинского стоит отдать должное. 4 марта 1865 года, несмотря на апатию и даже сопротивление большинства жителей, он вновь прибыл в Добрянку и вместе с мировым посредником Клушиным все-таки открыл женское приходское училище. Число добрянцев, присутствовавших при этом, было очень небольшим. Еще бы. По поселку упорно ходили слухи, что «каждый родитель, отдавший свою дочь в училище, в последствие должен будет заплатить за ее обучение».

В этой ситуации подлинное бескорыстие проявили добрянские учителя, которые в опровержение всяких сплетен заявили в волостном правлении, что будут заниматься в новой школе «без всякого вознаграждения». Единственно, чего они хотят, чтобы родители отпускали своих детей на учебу,

а не занимали их в учебное время работами по хозяйству, как это часто бывало.

### **От арифметики до рукоделия**

Учебный процесс в женском училище начался 5 марта 1865 года. В качестве преподавателей выступили учителя мужского приходского училища И. Серебренников (законоучитель), М. Мельников (чтение), Л. Сюзев (арифметика и письмо). Обязанности надзирательницы (по нынешним понятиям – воспитателя) взяла на себя купеческая дочь, жена бывшего дворового Николая Субботина, имя которой в источнике не указано. Между тем именно в ее доме и было расположено на первых порах женское училище. Она же взяла на себя обучение девочек рукоделию. Учебниками новой школе могло мужское училище.

### **Четырнадцать девиц**

Впрочем, особых сложностей в этом плане, вероятно, не было, ведь к учебе в женском училище приступило только 14 «девиц». Причем 10 из них до этого уже обучались грамоте и молитвам в небольшой школе, основанной по указу Синода, преподавал в которой местный священник Виталий Хлопин. Но, как сообщали «Пермские губернские ведомости», после перевода его «в другое место обучение девиц совершенно прекратилось».

Упор в обучении девочек в новой школе был также сделан на предметы религиозно-нравственного плана. Изучались молитвы, главные догматы веры, ветхо- и новозаветная история, а также «правильное чтение славянской и гражданской печати, письмо с книги и, если возможно было, то и с дикта – без претензий на полную грамматическую правильность, изучение нумерации и знание первых четырех арифметических действий или, по крайней мере, первых двух практически – на счетах».

Крупный шаг в деле женского образования в нашем крае был сделан в 90-х годах прошлого века, когда стараниями Л.А. Сюзевой в Добрянке был выстроен дом для школы с квартирой для учительницы, стоимостью 8000 рублей», который был «с полной обстановкой пожертвован обществу». Ныне в этом здании расположен межшкольный УПК.

*Камские зори. 1996. 2 июля*

## В школу – «с радостию», но...

*В старые времена Усть-Гаревая была селом видным. Места тут – за-любующися. И труженица Кама под боком, и ее притоки, и оживленный тракт недалеко. Да в подведомственной волости не один десяток больших и малых деревень. Одним словом, край был людным. Детей кругом было немало. Вот и задумали в 1874 году здешний мировой посредник и волостное начальство открыть начальную, так называемую народную, школу.*  
*Сказано – сделано.*

### Где учить детей?

Уже в начале 1875 года первые усть-гаревские ученики отправились постигать основы русского письма, чтения и арифметики. Прошел месяц-полтора, и многие из них, благодаря стараниям молодого учителя Н. Ладыхникова, уже могли складывать мудреные в первое время буквы во всем понятные слова.

Вот тут-то и зашевелились местные мужики, желавшие поначалу лишь присмотреться к школе, дескать, что из всего этого получится. Увидев же, что затея эта весьма нужная, они стали посылать своих детей на учебу «с радостию». Однако сделать это смогли не все, ибо классная комната имела всего лишь... 2 сажени в длину и 1 сажень 2 аршина в ширину. (Одна сажень – 213 см, аршин – 71 см. – М.К.) Умудрившись втиснуть в это помещение 25 учеников, остальным учитель вынужден был в приеме отказывать, чем и вызвал неудовольствие крестьян.

### Мнение учителя

Дело дошло до того, что преподаватель вынужден был обратиться в редакцию газеты «Пермские губернские ведомости».

«О принятии новых мальчиков я не смею и думать, так как такая мини-атюрная комнатка, к сожалению, не имеющая никакой вентиляции, едва ли удобна в санитарном отношении и для 25 учеников», – сообщал учитель в своем письме и продолжал. – «Чтобы не оттолкнуть от школы крестьян, нужно построить новый дом для училища, но этого без постороннего содействия, ожидать нужно слишком долго...»

Называя «главным тормозом» школьного образования в Усть-Гаревской волости живущих в ней раскольников, он в то же время отмечал пассивность православных жителей села, которые также не всегда «на столь благоразумны», чтобы понять пользу от обучения.

Кроме этого, в письме в редакцию учитель высказал свое мнение о роли попечителя, говоря современным языком, шефа школы. По его словам, уже само слово «попечитель» указывает на то, чтобы он заботился о материальном состоянии школы и всячески помогал бы ей.

«В здешнем училище тоже есть попечитель из крестьян, весьма зажиточный и грамотный. Вот он-то, по моему мнению, и должен бы помочь училищу, потому что он, как общественник, более близок к крестьянам и пользуется от них большим доверием, чем какой-нибудь народный учитель, тем более еще из «молодых», – писал Н. Ладыжников.

### **Ответ попечителя**

Подобная публикация вызвала ответ со стороны того самого усть-гаревского попечителя Л. Желнина, о котором и сообщал преподаватель. Оказалось, что попечитель этот новый и говорить о его бездействии просто-напросто преждевременно.

«Я не желал бы никогда и не желаю хвастаться перед читателями в своей благотворительности, которой очень не много, но ввиду сказанного отзыва должен сказать, что я еще прежде утверждения в звании попечителя, сделал на собственный счет для Усть-Гаревского училища, при самом его открытии, две ученические парты, учительский стол и шкаф для библиотеки, и на эти скромные вещицы употребил до 25 рублей. Не считая эту маленькую сумму жертвой для себя, я надеюсь и в будущем существовании училища быть для него, пока буду состоять попечителем, полезным», – писал Л. Желнин. Кстати сказать, попечительство являлось серьезным делом, и списки таких «шефов» утверждались на уровне Пермской уездной земской управы.

### **С помощью земства**

Что же касается вопроса о сооружении в Усть-Гаревой специального школьного здания, то он был на время отложен, как в связи с нехваткой средств, так и по причине перепланировки уже имеющегося помещения. Перепланировка стала возможна после покупки обществом у местного жителя всего дома, где прежде училище занимало лишь одну часть. Помогло здесь и земство.

«Земство предложило свои услуги, и дело, благодаря ему, ускорилося», – сообщалось в дореволюционной книге с длинным названием «Материалы для описания развития народного образования в Пермской губернии с указанием времени открытия учебных заведений с приложением карты». Издание вышло в свет в Екатеринбурге в 1879 году.

Земство также сыграло большую роль при строительстве в Усть-Гаревой 2-этажного каменного здания школы, того самого, в котором до сих пор учатся сельские дети. Правда, построено оно было уже в начале нашего столетия.

*Камские зори. 1996. 10 октября*



# «Естественный и законный учитель народа...»

## (Из истории церковно-приходских школ)

*«Все течет, все изменяется», – говорили древние. Изменяются и наши взгляды на многие вещи, в том числе и на роль церкви в деле обучения и воспитания детей. Сейчас уже мало кого удивляет большое количество желающих посещать уроки в воскресной школе при Свято-Митрофаньевской церкви или введение уроков «религоведения» в некоторых школах нашего города.*

*А ведь много лет подряд нам внушали, что роль церковно-приходских школ в дореволюционной России лишь в том и состояла, чтобы держать народ в повиновении, внушать ему наиболее реакционные взгляды, препятствовать росту его самосознания.*

*Но так ли это? Какова же была действительная роль таких школ? Давайте же попытаемся найти ответы на эти вопросы, обратившись к архивным материалам.*

## Учреждение церковно-приходских школ

В России школы при храмах существовали издавна, но название церковно-приходских школ они получили лишь в 1884 г., когда царь Александр III утвердил специальные «Правила». В них отмечалось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания».

В перечень учебных предметов входили: «1. Закон Божий, а именно: а) изучение и объяснение богослужения, б) краткий катехизис; 2. церковное пение; 3. чтение церковной и гражданской печати и письмо; 4. начальные арифметические сведения».

В 1891 году, согласно «Правилам о школах грамоты», школьная сеть церковного ведомства значительно пополнилась за счет так называемых «вольных крестьянских школ» и «домашних школ грамотности», имевших до этого одногодичный курс обучения. Много таких школ было и в нашем крае.

## Добрянская церковно-приходская школа

Церковно-приходская школа в Добрянке была открыта 26 октября 1889 г. на базе существовавшей с 1847 г. приходской школы при Рождество-Богородицкой церкви. В штате новой школы были три преподавателя. Законоучитель – священник местной церкви Кесарь Пономарев, учитель – дьякон А. Калачников, работавший до этого земским учителем, и помощница учителя А. Пономарева, которая в свое время окончила курс прогимназии и имела звание сельской учительницы. Отмечалось, что «школа оказывает доброе

влияние на народ, пользуясь его полным сочувствием, как наиболее соответствующая его исконным стремлениям и симпатиям...».

В 1896-97 уч. году школа располагалась в «церковном доме» и содержалась за счет средств Синода, церкви и земства. В ней училось 42 мальчика и 8 девочек. Учительницей «девиц» была Лидия Иваницкая (в советское время – заслуженная учительница, орденосице. – М.К.). Проверка отметила «очень хорошие успехи» учащихся по русскому языку и чтению.

В 1902 г. церковно-приходская школа была переведена из центра заводского поселка, где кроме нее располагались еще четыре школы, в Задобрянку. В одном из документов отмечалось, что и в этом случае «школа может с пользой служить местному населению», тем более что в конце 1907 г. у Добрянской Митрофаниевской церкви появился самостоятельный приход. После этого школа стала «всецело» содержаться на средства храма. В феврале 1910 г. граф С.А. Строганов дал согласие на отвод земельного участка в 100 кв. саженей вблизи Свято-Митрофаниевской церкви для постройки специального школьного здания. До этого занятия проходили в частных, мало приспособленных «обывательских» домах.

В 1913-14 уч. году в школе училось 130 человек: 96 мальчиков и 34 девочки. Столь быстрый рост числа учащихся объяснялся тем, что еще в январе 1899 г. Синод принял решение о преобразовании 2-летних училищ в 3-летние, а «в местностях с инородческим населением» в 4-летние. При школе был открыт и ремесленный класс, в котором столярному ремеслу обучалось 20 мальчиков. Если в трех первых классах упор был сделан на предметы религиозного характера, то в четвертом основными в учебном плане были такие предметы, как арифметика, русский и славянский языки, письмо, история и география. В ходе инспекторской проверки наряду с недостатками выяснилось, что ученики 4 класса показали «очень хорошие успехи по письму, порядочные по истории, географии, славянскому языку и Закону Божьему», «понятие о Боге и главных святых имели правильное», могли «вполне грамотно и складно писать изложения», хорошо пели.

При этом отмечалось, что усердие учителей «не подлежит сомнению». В качестве учебников использовались такие издания, как «Наставление в Законе Божьем», «Начальное наставление в вере», «Начатии христианского учения», «Молитвенник».

На уроках славянского языка учащиеся пользовались «Церковно-славянской азбукой», Евангелием, Псалтырем и часословом. Буквари, «Книги для первоначального чтения», журналы «Приходская школа», «Наше родное», «Первая пчелка» и «Родина» широко применялись на занятиях по русскому языку и чтению. В курсе арифметики основным учебником был «Сборник задач и примеров». Учебники выдавались бесплатно.

Добрянская церковно-приходская школа прекратила свое существование вскоре после революции 1917 года.

## Школа в Усть-Полазне

Усть-Полазенская церковно-приходская школа была открыта в начале XX в. на базе существовавшей до нее «школы грамотности». В 1896-97 уч. году в той школе училось 22 мальчика и 6 девочек. Все занятия в ней вел псаломщик В. Луканин. После преобразования этой школы в церковно-приходскую несколько увеличилось число учащихся. В 1913-14 гг. школу посещало 37 человек. Закон Божий преподавал дьякон А.Н. Калачников, работавший до этого в Добрянке, а должность учителя исполняла А.А. Дудырева.

По отчету, который был подготовлен в 1914 г., дети, обучавшиеся в Усть-Полазенской школе, «обнаружили порядочные и удовлетворительные знания по Закону Божьему» и арифметике, но в целом уровень преподавания и знаний учащихся оставлял желать лучшего. Проверка обнаружила, что «во 2 и 3 отделениях при чтении не делается интонация в голосе. В 1 отделении большинство не усвоило процесса слияния звуков и славянских слов под титлами не знает. Во 2 отделении затрудняются объяснять задачи. Ответы учащихся теряют оттого, что говорят они очень тихо. Замечалось у детей отсутствие внимания». Определенные недостатки были обнаружены и в работе учительницы А. Дудыревой, которая «невнимательно относилась к исправлению письменных работ». Предложено было также установить в школе голландские печи вместо русской, которая занимала много места.

В самой Полазне в это время существовали земские школы: мужская и женская.

## Школа в Сенькино

Сенькинская церковно-приходская школа первоначально также входила в приход полазенской Свято-Троицкой церкви. В начале 1889-90 уч. года она была преобразована из «школы грамотности» и содержалась на средства крестьянского общества, церкви и Епархиального училищного совета. Законоучителем в ней являлся священник Полазенского завода И. Наумов, учителем И. Соларев, а помощницей учителя была М. Мелехина, которая имела «домашнее образование». Эта школа вызывала большое беспокойство у членов церковного училищного совета. Дело в том, что «хотя с внешней стороны она представлялась благоустроенной, со стороны воспитательной и учебной... относилась... к посредственным школам...».

По мнению членов совета, причиной такого положения дел было «местонахождение этой школы в д. Сенькиной, отрезанной р. Камою от храма, своего законоучителя и наблюдателя. Учащиеся этой школы не могли посещать и не посещали богослужений в праздничные и воскресные дни; церковному пению, обязательному предмету, школьники вовсе не обучались...». В результате обсуждения был сделан вывод о том, что «содержание двух учителей... не соответствует результатам», а найти нового законоучителя «не представляется возможным». В конце концов, училищный совет Пермской

Епархии принял решение о передаче Сенькинской школы земству, что вскоре и было сделано.

## **Школа в Патраках**

1 декабря 1903 г. в четырех верстах от Сенькино, в д. Патраки, по просьбе священника Усть-Гаревской церкви М. Бурлева была открыта новая школа. В первом учебном году в ней училось 37 человек. Законоучителем в эту школу был назначен дьякон Шувалов, который был вынужден ездить в Патраки из Усть-Гаревой. В 1910 г. учителем в Патраковской церковно-приходской школе работала «священническая вдова» Н.Г. Желнина. Ее отношение к работе оценивалось как «весьма удовлетворительное». К 1913 г. ее сменила учительница с двадцатилетним стажем работы Е.И. Панкратова. Закон Божий стал преподавать дьякон Ю.И. Копытов. Впрочем, в школе он показывался крайне нерегулярно, и его предмет приходилось вести учительнице, которая сумела быстро «недостатки школы исправить».

Инспекторская проверка, проведенная в 1914 г., зафиксировав слабое знание Закона Божьего, вместе с тем отметила неплохие знания учащихся по арифметике и языку. Практически каждый год школа испытывала серьезные материальные трудности. Были моменты, когда нечем было платить зарплату учителю. В 1908 г. в серьезную проблему вылились поиски 88 рублей на содержание школы. Сказывалось как отсутствие сильного попечителя, так и удаленность от храма.

## **Школа в Висиме**

Висимская церковно-приходская школа была открыта в начале нашего века, когда в Висиме на пожертвования крестьян была построена Свято-Троицкая церковь. Однако задолго до этого события, еще в 1891 году, в селе была учреждена «крестьянская школа грамотности», которая входила в приход церкви с. Слудка, находящейся на расстоянии 12 верст от Висима. В тот период в школе училось 14 мальчиков и 5 девочек. Занятия в школе вела одна учительница «священническая дочь, девица А. Некрасова», которую через некоторое время сменила Ю.К. Зимина, проработавшая в Висиме до сентября 1896 г. В 1893 г. с ней приключилось несчастье. 18 сентября сгорела ее квартира, вместе со всеми школьными учебниками и личным имуществом.

В октябре 1896 г. школу посещало уже более 50 человек, а помещение, которое она занимала, было крайне тесно и неудобно. «Воздух в школе спертый, вентиляции нет, холодно, грязно...», – писал один из проверяющих. В этой ситуации впервые был поставлен вопрос о строительстве специального школьного здания. На запрос из Висима Пермский Епархиальный училищный Совет ответил, что готов выделить деньги лишь в том случае, если 1/3 суммы (более 300 руб.) будет найдена на месте. Но денег не было, и этот вопрос пришлось пока отложить. Школа ютилась то в крестьянских домах,

то в одном доме с сельской управой, то, до 1905 г., в здании недостроенной церкви. В 1909-10 уч. году в школе училось уже 74 ученика. Заведовал ею священник местной церкви А.Н. Наумов, учительницей состояла Е.С. Будрина, работавшая до этого в Левшинской церковно-приходской школе. До нее в Висиме преподавала некая учительница, которая была уволена из школы «за неблаговидные поступки». Да и в целом «состояние школы оставляло желать много лучшего».

Терпение висимских крестьян закончилось в 1912 г. Не дождавшись решения о строительстве школы от церковного ведомства, они решили обратиться за помощью в земство. Лишь после этого училищный Совет Епархии нашел деньги, и к 1915 г. в Висиме была построена новая школа, здание которой сохранилось до наших дней. Сейчас в нем размещается Висимская восьмилетняя школа.

## **Школа в Голубятах**

Подобно всем остальным, церковно-приходская школа в с. Голубята явилась наследницей существовавшей до этого «крестьянской школы грамотности». Первоначально ею заведовал священник И. Дягилев, потом его сменил другой священник А. Калашников.

В 1896-97 уч. году в этой школе проходили курс обучения 24 мальчика и 4 девочки. Предметы и учебники были такими же, что и в других школах. По прошествии нескольких лет, в связи с увеличением числа желающих поступить в школу, встал вопрос «о постройке новой, более обширной школы». Именно с этой просьбой и обратился в письме от 2 декабря 1902 г. священник Голубятской церкви Н. Мациевский в Пермский Епархиальный училищный Совет. Он писал, что «здание, в котором помещается... школа неудобно и тесно», а классная комната имеет площадь «всего 8 аршин». Он предлагал строить новую школу «на церковной площади, с ночлежкой для деревенских школьников и квартирой для учителя». После рассмотрения этого письма в училищном Совете просьба Н. Мациевского была удовлетворена. Большую помощь в этом деле оказала и Добрянская заводская контора, которая «ввиду исполнения господских работ крестьянами названного села» решила бесплатно выделить лес для строительства. Но строительство велось очень медленно. В письме от 20 октября 1908 г. священник К. Стахеев сообщал о том, что школа все еще не достроена, готовы лишь «стены и крыша», и для завершения строительства необходимо выделить еще 360 рублей. Судя по всему, к 1910 году эта стройка все же была завершена. Инспекторская проверка, проведенная по итогам 1910-11 уч. года, отметила, что «состояние школы удовлетворительное».

## **Там, где не было других школ**

Кроме церковно-приходских школ, в пределах нашего района в конце прошлого – начале нынешнего века существовали «крестьянские школы гра-

мотности», которые также подчинялись церковному ведомству. Такие школы были в д. Красная, Дурнята, Залесная и Лунежки. В целом же, по данным статистического сборника Министерства народного просвещения за 1905 г., из 92501 народного училища 42696 (46,5%) были церковно-приходскими. В этих учебных заведениях обучалось около 2 млн. школьников, что составляло 35,5% от общего числа учащихся начальных школ России.

Несомненно, что и по уровню обучения, и по своей материальной базе подавляющее большинство таких школ было намного слабее, чем министерские или земские учебные заведения. Но ведь многие церковно-приходские школы существовали там, где не было больше никаких школ. Они давали знания населению самых глубинных районов страны. В этом их главная заслуга.

*Камские зори. 1991. №№ 11, 12, 13*

## **«Высочайшая милость» для добрянской попечительницы**

*Вышедшие в свет в 80-90-х годах газетные публикации, а затем книги и брошюры по истории Добрянки и края в значительной степени восполнили те пробелы в нашей местной истории (в первую очередь дореволюционной), что существовали до этого.*

Так, широко известным стал тот факт, что до революции в помещении нынешнего Добрянского гуманитарно-технологического колледжа (угол ул. Ленина и Тельмана) располагалась начальная женская школа. Здание для нее было построено в 1894 году вдовой бывшего управляющего Добрянским металлургическим заводом Павла Ивановича Сюзева – Любовью Александровной. Построено в память о муже, на свои средства и безвозмездно передано Пермскому уездному земству под женское училище. На первом этаже здания располагались первый класс и квартира учительницы, на втором – 2-3 классы, кабинет для учительницы и зал.

Открытие новой школы состоялось при большом стечении народа 26 сентября 1894 года. Вначале прошел молебен. Затем, в светской части, с небольшой прочувствованной речью выступил член Пермской уездной земской управы г. Плюснин, хор девочек под управлением г. Батанова исполнил народный гимн, а одна из учениц проникновенно прочитала предназначенный попечительнице училища памятный адрес. Но, оказывается, это не вся история! Продолжение у нее следующее.

В самом конце 1894 года «на основании Высочайшего соизволения» (т.е. с разрешения Государя) министр народного просвещения Российской Империи разрешил установить в зале училища портреты попечительницы и ее покойного мужа. «Пусть же это Высочайшее соизволение послужит наградой за все труды и заботы, вложенные госпожой попечительницей Сюзевой на дело постройки школы...», – писала в 1895 г. в корреспонденции из Добрянки «Екатеринбургская неделя».

После этого дарительница и попечительница была представлена школьной инспекцией к медали, а официальная передача здания школы в вечное ведение Пермского уездного земства состоялось на земском собрании 22 сентября 1902 года, т.е. 100 лет назад.

По этому поводу на заседании было принято решение именовать училище «в своих бумагах Сюзевским, выставить в училище портрет жертвовательницы и повесить на здании доску, на которой указать имя жертвовательницы здания». Одновременно было «возбуждено ходатайство» о присвоении Любви Александровне звания «Почетной попечительницы». Было за что. Она опекала женскую школу на протяжении 20 лет.

К чему все вышесказанное? К тому, что столетие со времени передачи

здания школы земской управе – самый лучший повод отдать дань уважения за великие труды тем нашим землякам, которые бескорыстно и преданно служили на благо родной Добрянки и великой России. Думается, что через 100 лет имя Л.А. Сюзевой на основании «высочайшего соизволения» местных властей вновь должно найти для себя место на мемориальной доске, а портрет – в здании колледжа. Это не только наша история и благодарная память, это еще и важный воспитательный момент.

*Камские зори. 2002. 5 августа*





## «Народ веселился по-благородному»

Статьи по истории общественной жизни

- Как граф Строганов Добрянку посещал
- Волна славянского единения
- Май в Добрянке
- «Народ веселился по-благородному»
- Думские деятели старой эпохи
- О чем писала «Искра»
- Политические акции большевиков
- Потоп и забастовка 1914 года
- Благотворители
- Провинциальные истории 17-го года
- Искривления

# Как граф Строганов Добрянку посещал

*В XVIII-XIX веках визиты заводовладельцев в пермские вотчины случались нечасто. А потому каждый из таких приездов становился примечательным событием для обитателей прикамских заводов. Но не только для них. Для визитеров тоже. Заводовладельцы готовились к таким поездкам очень тщательно и даже скрупулезно.*

## Визитная карточка

Об этом свидетельствуют, в частности, обнаруженные мной в Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА) любопытные материалы о поездке в Прикамье летом 1858 года графа Александра Сергеевича Строганова (1818-1864). Он имел чины флигель-адъютанта и шталмейстера (придворный чин, равный званию генерал-лейтенанта), был известен как собиратель монет, основатель Петербургского археологического общества и член Одесского общества «Истории и древностей Российских». Александр Сергеевич побывал у нас по распоряжению своего отца, заводовладельца, графа С.Г. Строганова.

## По программе

Маршрут поездки был разработан очень подробно и включал в себя разные заводы, в том числе Добрянский. В Добрянке граф побывал дважды. Он находился в заводском поселке с 10 по 13 июня, затем в течение двух дней посетил села Пермское и Никулинское, после чего вновь вернулся на Добрянский завод, где пробыл до 22 июня. Действовал он в соответствии с подготовленной заранее «Программой предметов, заслуживающих особого внимания и изучения во время посещения Нераздельного имения». Программа включала в себя самый широкий круг вопросов.

## В Добрянке...

В производственной сфере граф должен был выяснить в Добрянке, «с каким успехом производится сплав леса по речке выше завода, начатый с 1856 года» и подробно разузнать «успех углежжения по системе Фелькнера». При посещении заводов намечалось совершение не менее двух экскурсий в старые курени.

В сфере сельского хозяйства его интересовало состояние скотоводства у крестьян «сравнительно с 1850 годом» и количество недоимок. Интерес этот не был случайным. В стране шла подготовка к отмене крепостного права. В программе визита графа так и было записано: «При ожидающей нас скорой перемене в хозяйстве крестьян, положение подзаводских преимущественно должно обратить все наше внимание». Но говорить об отмене крепостничества предписывалось «как можно меньше». Это же относилось и к взаи-

моотношениям с чиновниками: «Быть осторожными в отношениях с правительственными лицами (...). Одно не осторожное слово может обернуться сотнями рублей».

### **...и на Косье**

Поездка же А.С. Строганова на Косью объяснялась тем, что в тот период решался вопрос о «прирезке» Перемской лесной дачи к нераздельному имению Строгановых. Как отмечал граф, «она будет снабжать Добрянский завод новым запасом лесных материалов; следовательно вся будущность завода должна зависеть от лесного богатства этой новой дачи». Но это не все. «Есть также повод надеяться, что в ней залегают месторождения каменного угля. Узнать не пора ли заняться этим делом», – записал в своих бумагах А.С. Строганов.

### **Кому и за что**

Не обошел он и социальные вопросы. Граф предписывал «собрать сведения о наличии раненых в прошедшую компанию (имеется в виду Крымская война 1853-56 гг. – М.К.) проживающих в своих семействах в Имении», узнать «есть ли между ними нуждающиеся в пособии», но при этом, что интересно, «не обещать им ничего». Эта оговорка понятна, так как во время визитов заводоладельцев на них обрушивался буквально поток всевозможных жалоб и прошений.

Тому, как вести себя с просителями, был посвящен целый раздел «Программы». «Просящим милость давать как можно меньше, старикам, вдовам и сиротам, нуждающимся в крове давать до 10 рублей серебром»; «за почтовую гоньбу и на водку ямщикам расплачиваться на каждой станции»; «за все платить собственными деньгами и наблюдать, чтобы собственная прислуга не употребляла во зло гостеприимство приказчиков и других служителей»; «на ночлегах у семейных Приказчиков давать им не более 10 руб. серебром». А вот при посещении школ, после проверки грамотности учеников, предполагалось «давать Священнику или Учителю награду по полуимпериалу золотом» (полуимпериал равнялся 5 серебряным рублям. – М.К.).

### **Поговорить и обласкать**

Озаботился А.С. Строганов еще одним актуальным вопросом: духовно-нравственным воспитанием подростков и мастеровых.

Граф выяснял, «почему сельские священники неохотно преподают детям Катехизис», и обращал «внимание на духовное образование мастеровых на заводах». С этой целью вышло предписание «собрать в присутствии Священников и Управляющего всех мальчиков от 12 до 15 лет и расспросить какие они знают молитвы».

Опорой владельцев на местах являлись выпускники столичных горноза-

водской и земледельческой школ. Как правило, в них набирались наиболее талантливые выпускники местных училищ, которые получали очень хорошее по тем временам образование на средства заводоладельцев. По возвращении на заводы они, занимая высокие должности, служили своим благодетелям верой и правдой. С такими воспитанниками А.С. Строганов должен был «переговорить с глазу на глаз и обласкать». А если их поведение «поричалось», то необходимо было «стараться их поднять нравственно и спасти от гибели».

Этот визит А.С. Строганова в Прикамье стал для него единственным. Из-за ранней кончины в наследство он так и не вступил, и в 80-х годах XIX века в Добрянке дважды побывал уже его сын, новый владелец нераздельного имения граф Сергей Александрович Строганов.

*Камские зори. 2003. 18 июня*

## Волна славянского единения

*В бесконечной череде лет, за грандиозными событиями революций, гражданской и мировых войн словно бы теряются и отходят на второй план те события, которые в свое время также волновали людей, вызывали у них бурю чувств, эмоций, душевный и нравственный подъем.*

Пример тому – события Русско-турецкой войны 1877-78 гг., той самой, во время которой русские воины-«братушки» освобождали от многовекового турецкого владычества своих братьев, славян. Именно братьев. Иначе бы не прокатилась по российским городам и весям в те предвоенные и военные годы поразительная по чувству сострадания волна славянского единения. Всколыхнула эта волна и наш край.

Вот что сообщали, к примеру, «Пермские губернские ведомости» за 1876 год в корреспонденции из села Усть-Гаревского: «Общество крестьян Усть-Гаревской волости, состоящее из 1182 душ мужского пола, на сходе 16 сентября, единодушно пожертвовало, в пользу страждущих Балканских Славян, из своих мирских запасных сумм по 3 копейки с души, всего 35 рублей с копейками и деньги эти волостным правлением представлены на другой же день сходки местному мировому посреднику, для отсылки по принадлежности. Крестьяне сочувственно относятся к страданиям Славян от турецкого гнета (...)».

Подобный пример не единственный. Вот что происходило в тот же период в Добрянском заводе: «В пользу Балканских Славян здесь открыта подписка управляющим заводом А.И. Туневым, которым собрано между конторскими служащими и рабочими 429 руб. 28 копеек. Затем мастеровые, безземельные Добрянские жители, приговором сельского схода, пожертвовали на тот же предмет из мирских сумм 150 руб., кроме того, волостным правлением собрано по подписке 19 руб., 25 коп. (...) наконец временнообязанные крестьяне-хлебопашцы Добрянско-Подзаводской волости так же пожертвовали 150 рублей. Следовательно, всего собрано 748 рублей 73 коп. (...) Независимо от этого подписка продолжается, по которой так же уже собрано более 20 рублей».

О глубине чувств и бескорыстии сообщалось в еще одном материале из Добрянки. Автор заметки, скрывшийся за подписью «Житель Добрянского завода», писал, в частности, что добрянцы оказались неравнодушными к страданиям своих единоверцев и что по мере своих средств пожертвования «на разоренных и замученных Славян» делают и богатые, и бедные. «Разшевеленные рассказами о бедствиях даже нищие-убогие отдают собранные копейки на помощь бедствующим: «Мы сыты, а там голодны». Одна 70-летняя старушка пожертвовала 10 рублей, которые она сберегла (...) на поминоки по старости. С охотой жертвуют и старожилы (кержаки) даже до 5 рублей.

Не отстали в сочувствии к Славянам и дети наши, обучающиеся в 2-классном народном мужском училище, пожертвовав 6 руб. 12 1/2 коп...».

Кстати, о детях разговор особый. Их, как выяснилось, делать пожертвования никто не заставлял. Сбор денег – их личная инициатива. Ими, прежде всего, двигало желание помочь своим сверстникам с Балканского полуострова, которые по вине турок «остались без крова, защиты и куска хлеба». «Если бы каждое дитя, обучающееся в приходских училищах, помимо своих родителей, дало хотя бы денежку на это благое дело, сумма составила бы в не сколько тысяч рублей, что обеспечило бы хотя на год или два детей наших братий, – писал в заключение своей корреспонденции автор. – Пусть же эта детская добровольная жертва на помощь таким же малолеткам вызовет сочувствие и отразится в других детских сердцах».

Инициатором сбора средств выступали не только заводское и волостные правления, но и священники Рождество-Богородицкой церкви, которые призывали к этому верующих во время церковных богослужений. Совсем неслучайным в этом ряду выглядит и тот факт, что в числе первых пожертвователей выступил ветеран Крымской войны, некий «севастопольский отставной раненный воин, унтер-офицерского звания». Неслучайным хотя бы потому, что среди солдат, освобождавших Болгарию, было немало наших земляков.

В те годы в боях с неприятелем сложили головы унтер-офицер из временнообязанных крестьян Останинской волости Алексей Алексеевич Тюмин, служивший в 45-м пехотном Азовском Его Императорского Высочества Великого Князя Бориса Владимировича полку; рядовой 34-го пехотного Севского Его Императорского Высочества наследного принца Австрийского полка Даниил Егорович Норицин, проживавший до призыва в д. Королевой Дивьянской волости; бывший житель деревни Адамовой, лейб-гвардии Московского полка рядовой Федор Семенович Болдин и другие.

Думается, что приведенные выше факты 120-летней давности – это лучшее свидетельство того, что в те времена нашим землякам не были безразличны такие чувства, как бескорыстие, сострадание, желание помочь людям, попавшим в беду. Жаль, но, похоже, многое из вышеназванного мы уже потеряли. Что вам теперь до сербов, до беженцев, до «русскоязычных»...

*Камские зори. 1996. 24 сентября*

# Май в Добрянке

## (события 1879 и 1883 годов)

*Еще не было майских событий в Чикаго, не было Парижского Конгресса 2-го интернационала, принявшего решение о ежегодном праздновании дня 1 Мая, но так случилось, что еще задолго до этого, в 1879 и 1883 годах, начало мая было отмечено крупными выступлениями рабочих Добрянского завода.*

События 1879 года начались стихийно, неорганизованно и неожиданно для заводоуправления. «Пудлинговые рабочие сего дня 29 апреля отказались продолжить работы, не предупредив контору ни об остановке фабрик, ни о цели, для которой сделана остановка», – писал в Добрянское волостное управление управляющий заводом П.И. Сюзев. Его особенно беспокоило то, что «за неимением пудлингового железа должны будут остановиться и прочие цеха».

Обстановка прояснилась лишь к вечеру, когда почти все «наличные рабочие собрались в конторе и сделали свои заявления», после чего подали прошение, которое носило ярко выраженный экономический характер. «Из всех действий Добрянского завода мы видим стремление к увеличению и улучшению выковки железа пудлинговым способом, чему и мы стараемся содействовать, – писали мастеровые, – но (...) имеем честь покорнейше просить Главное Управление плату за выковку железа (...) увеличить и установить таковую вместо нынешних 5 1/2 коп. за пуд по 6 коп. с пуда, начиная с мая сего 1879 года».

Как отмечалось в донесении в Ильинское от 30 апреля, «после подачи прошения большинство рабочих пошло работать», но при этом «рабочие Ф. Баранов и Егор Сурнин заявили, что если платы не будут увеличены, то совсем от работы откажутся». Но, вероятно, чувствуя нерешительность большинства рабочих, Главное Управление Пермским нераздельным имением Строгановых в своем предписании от 5 мая 1879 года объявило, что «находит незаконными действия мастеровых, которые явились с заявлением к дому управляющего, в большом количестве, скопом, а не через доверенных». Решение же вопроса о повышении зарплаты откладывалось на неопределенный срок.

Затянувшееся решение этого и многих других вопросов через четыре года привело к новой забастовке рабочих пудлингового цеха, которая на этот раз отличалась большой настойчивостью и организованностью. Главным требованием рабочих и в этот раз было требование о повышении зарплаты, так как «плата мастеровым была утверждена в 1875 году, а цены на хлеб выросли к 1883 году на 40 процентов».

Судя по материалам, хранящимся в личном фонде В.М. Батанова в Государственном архиве Пермской области, события 1883 года разворачивались следующим образом.

Утром 30 апреля 1883 года уполномоченные от рабочих явились в контору и объявили о своих требованиях, пригрозив при этом забастовкой. Управляющий заводом П.И. Сюзев попытался уговорить мастеровых, указав на то, что «с остановкой пудлинговых печей неминуемо должны остановиться все фабрики» и, следовательно, рабочие «наносят вред делу, которому надо служить беспристрастно». Но, видя, что рабочие настроены очень решительно, он со своей стороны также попытался пригрозить им, заявив, что «в случае забастовки выдача вперед хлеба мастеровым производиться не будет».

10 мая рабочие всех цехов с шумом ввалились в контору и ультимативно заявили, что если им не будет установлена прибавка в размере 1 коп. на пуд выплавляемого железа, то они прекратят работу. 15 мая пудлинговый цех остановился. Это грозило остановкой других цехов завода. В ответ на это заводоуправление объявило, что если все забастовщики немедленно не выйдут на работу, они будут с завода уволены, а убытки от простоев будут взыскиваться с них же. Но и эта угроза не имела успеха. Видя решительность рабочих и их готовность держаться до конца, 18 мая 1883 года Главное Управление разрешило Добрянской заводской конторе удовлетворить требования мастеровых.

Майские события в Добрянке в 1879 и 1883 годах позволяют проследить рост самосознания рабочих, эволюцию их взглядов, методов борьбы. Движение 70-80-х годов подготовило переход к новому этапу массового рабочего движения, связанного уже с социал-демократией.

*Камские зори. 1989. 30 апреля*



## «Народ веселился по-благородному»

*Сейчас, когда о борьбе с пьянством практически забыто, весьма любопытно было бы сравнить эту ситуацию, скажем, с той, что имела место в Добрянке сто лет назад. Оказывается, желающих выпить тогда тоже было немало, да и мест продажи спиртного имелося в заводском поселке предостаточно.*

В 1890 году при шеститысячном населении к услугам местных мастеровых было 17 винных лавок, портерных и трактиров, цены в которых на горячительные напитки были для большинства жителей самыми доступными. Если взять, к примеру, соседнюю Пермь, то в ней в начале нашего столетия ведро водки стоило 8 рублей, бутылка клубничного и белосмородинового вина – 75 коп., вишневого – 60 коп., малинового, черничного и яблочного – от 30 до 50 коп., а земляничного – 35 копеек. Зарплата же сильно зависела от квалификации. В те годы на казенном Мотовилихинском заводе подсобные рабочие получали от 12 до 25 рублей в месяц, мастеровые средней квалификации – 40-70 рублей, а высококвалифицированные – 200 рублей и более. Примерно такие же расценки существовали и в Добрянке, где самым неприемлемым противником пьянства выступала заводская администрация.

«Заводоуправление содействует водворению общего порядка тем, что при приеме на работы в завод, поставляет в неприменную обязанность соблюдать трезвость, а с отцов, желающих отдавать детей в заводские работы, берет подписки в том, что сыновья их не будут ни пьянствовать, ни буйствовать по улицам и, что нарушение условия вызовет немедленный отказ от работы, что и исполняется на самом деле», – сообщала в марте 1890 года газета «Пермские губернские ведомости».

Не оставалась в стороне от решения этих проблем и заводская полиция, учрежденная незадолго до этого особым распоряжением владельца завода графа С.А. Строганова и содержащаяся за его счет. Как отмечалось, урядник и два стражника относились к своим обязанностям весьма добросовестно и «предупреждали беспорядки преимущественно убеждением, прилагая строгие меры, лишь к рецидивистам и упрямым». Кроме этого, полиция очень придирчиво относилась к тем мастерам, которые ругались на улицах «непечатными словами». По сообщению автора газетной публикации, скрывшегося за подписью «Проезжий», в результате убеждения многие из мастеровых «начали приходить к осознанию всего неприличия подобных ругательств и сознаваясь в нем немедленно соглашались постараться оставить свою дурную привычку».

Судя по всему, меры, предпринимаемые в Добрянке заводоуправлением и местными стражами порядка, не прошли даром. Например, масленица в 1890 году прошла в заводском поселке, как никогда прежде, тихо и мирно.

«Не было ни одной драки и не было ни одного ареста, хотя склоны гор были полны катающегося народа, а по улицам то и дело нагоняли одна другую одиночки, пары и тройки лошадей, запряженных в увешанные коврами, одеялами и плотно нагруженные веселыми пассажирами, сани. Одним словом, народ веселился «по-благородному». Мало было видно даже и пьяных», — с удивлением сообщали «Пермские губернские ведомости».

Интересно, чтобы написал сей безвестный «Проезжий», окажись он вдруг в нашем времени...

*Камские зори. 1995. 1 августа*

## «Думские» деятели старой эпохи

*Далекие прообразы нынешних представительных органов власти – земства – действовали в России более чем полувека, с 1864 по 1918 гг. Дума-ется, что наработанный ими опыт актуален и в наше время. Тем более что занимались они в основном вопросами социальной направленности, а среди наиболее активных земских деятелей были и представители нашего Добрянского края.*

### Как и кого избирали?

Правовой базой реформы местного самоуправления было Высочайше утвержденное «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (1 января 1864 г.). В соответствии с ним земства создавались для решения местных хозяйственных вопросов. Их распорядительными органами являлись уездные и губернские земские собрания, исполнительными – избираемые этими собраниями уездные и губернские земские управы. Как собрания, так и управы избирались сроком на 3 года.

Выборы гласных (депутатов) земских собраний не являлись прямыми и равными. В уездные земские собрания они проходили по трем куриям: на съездах уездных землевладельцев, городских избирателей (купцов) и сельских обществ. В избирательных съездах не могли участвовать лица моложе 25 лет; лица, находящиеся под уголовным следствием или судом; опороченные по суду или общественному приговору, а также иностранцы, не присягнувшие на подданство России. В определенных случаях допускалось участие в избирательных съездах поверенных от тех или иных лиц, опекунов и попечителей. Уездные землевладельцы и горожане получили избирательное право на основании имущественного ценза. В этом случае учитывались количество земли, стоимость недвижимого имущества, годовой доход.

Для членов сельских обществ вместо имущественного ценза устанавливалась трехступенчатая система выборов: сельский сход – волостной сход – избирательный съезд. Съезды распределялись по мировым участкам и станам. Добрянка и целый ряд соседних волостей относились к 3-му стану Пермского уезда.

Как следует из данных выборов гласных Пермского уездного земского собрания первого трехлетия (1870-1873 гг.), от 37 уездных землевладельцев было избрано 16 гласных, от 198 городских избирателей – 6 гласных, а от 66219 ревизских душ сельских обществ – всего 10 человек.

### Гласный губернского земства

Важность земской реформы хорошо уловили крупнейшие земле- и заводладельцы Прикамья, в том числе Строгановы. Как писал 19 ноября 1869 года в Ильинское в адрес своего Главного управления Пермского нераз-

дельного имения граф С.Г. Строганов: «По открытии в Пермской губернии земских управ, желательно было бы, что бы для защиты интересов нераздельного имения были выбраны по каждому уезду в члены управы наши служащие».

Одним из таких служащих стал управляющий Добрянским заводом П.И. Сюзев. Первый раз он был избран гласным губернского земского собрания (с большими натяжками этот орган можно сравнить с современным областным Законодательным собранием) в октябре 1882 года, а затем не раз переизбирался. В архивах сохранились его подробные отчеты о проверках финансовой и хозяйственной деятельности земской управы (первоначально он являлся членом ревизионной комиссии), в 1888 году в «Сборнике Пермского земства» вышла его статья «Некоторые соображения по оказанию содействия кустарной промышленности» (к тому времени П.И. Сюзев был избран членом Губернского комитета для содействия сельскому хозяйству и кустарной промышленности), он неоднократно выступал в земстве с докладами «Об ослаблении убыточности от пожаров». В начале 90-х годов XIX века Павел Иванович выпустил две книги на эту тему: «Безопасные от пожаров сельские постройки из материалов малоценных» и «Памятная записка о том, как тушить сельские пожары». Первая книга была одобрена Министерством народного просвещения России «для начальных школ, технических училищ, училищных институтов, семинарий и др.», вероятно, в качестве учебного пособия. Как известно, немало пользы принес он и своей родной Добрянке.

Так получилось, что П.И. Сюзев скоропостижно скончался, прибыв как раз на очередную сессию губернского земского собрания. Случилось это в номере пермской биржевой гостиницы в ночь на 15 февраля 1893 г.

«В понедельник, 15 февраля, губернское земское собрание почтило память скончавшегося торжественною панихидою в зале заседаний», – сообщали «Пермские губернские ведомости».

Стоит добавить еще, что современники считали Павла Ивановича одним из наиболее «энергичных и талантливых» земских деятелей Прикамья.

## Уездный гласный

Дореволюционные публикации донесли до нас еще одну «земскую» фамилию. Как следует из газетных сообщений конца XIX – начала XX веков, в числе наиболее активных гласных Пермского уездного земского собрания (Пермский уезд включал в свой состав территорию нескольких современных районов, но с большим допуском этот орган можно сравнить с нашей нынешней городской Думой) был депутат от Косьвинской волости Е.Н. Ярославцев. Особенно много внимания он уделял развитию медицинского дела в своем крае.

Так, в 1899 году он выступил на заседании уездного земского собрания с предложением об открытии самостоятельного фельдшерского пункта в

селе Голубятском. Это мотивировалось тем, что из-за дальнего расстояния (25 верст) и бездорожья жители Голубят и окрестных деревень (около 600 душ) далеко не всегда могли воспользоваться медицинской помощью от находившихся в Перемском земского врача и фельдшера. Как писали газеты, «Земское собрание предложение г. Ярославцева приняло, но с тем, чтобы голубятское общество было привлечено к участию в расходах по содержанию фельдшерского пункта (квартира, отопление, освящение и проч.), а земство берет на себя жалованье фельдшеру и расход на медикаменты».

Удивительно, но дело это закончилось на тот момент совсем не так, как предполагалось. Волостной сход Останинской волости, обсудив предложение земской управы, постановил: «Предложение отклоняем, так как урожай хлебов в сем году был плохой и для населения содержание фельдшера является обременительным».

Вскоре после этого Е.Н. Ярославцев сыграл большую роль в строительстве нового здания для Перемской больницы. При его участии на Косье весной 1900 г. побывал член уездной земской управы С.М. Жебелев, который вместе с земским врачом Пономаревым и волостным старшиной В.П. Клабуковым, в присутствии Е.Н. Ярославцева, осмотрели «место для постройки новой земской лечебницы в с. Перемском». Место это, по данным «Пермских губернских ведомостей», было «выбрано самое возвышенное во всем селении, сухое, ничем не засоренное, в стороне от жилых помещений. При осмотре найдено во всех отношениях годным для постройки лечебницы, о чем г. членом управы и составлен акт за подписями присутствовавших лиц при осмотре». По данным за 1903 год, больница в Перемском строилась успешно.

Хочется надеяться, что этот материал в определенной степени восполняет наши пробелы в знании истории своего края и пойдет на пользу как жителям Добрянского района, так и нашим сегодняшним думцам.

*Камские зори. 2003. 19 февраля, 31 марта, 28 апреля*

## О чем писала «Искра»

*«Мы, нижеподписавшиеся, рабочие листокатальной фабрики Добрянского завода сим заявляем Волостному правлению, что впредь до прибавки платы на листовое кровельное железо работать не будем, в чем и подписываемся...».*

### «Действовали заодно»

С этого малоприятного для конторы заявления 115 рабочих 7 апреля 1901 года в Добрянке началась новая забастовка. На этот раз забастовщики требовали повышения расценок на 1 и 2 сорта листового железа на 25 процентов. Немаловажную роль в начале этой забастовки сыграло и то, что в предыдущем 1900 году уровень зарплаты был на 20 процентов выше, чем в начавшемся 1901-м, но этот факт объяснялся не «кровожадностью» начальства, а тем, что 1900 год был на редкость многоводным, и завод работал почти без остановок.

По сведениям, имевшимся в заводоуправлении, зачинщиком забастовки на сей раз был «уволенный из конторской службы за неправильное выписывание» разных бумаг А. Водолеев, который «распустил среди рабочих слухи, что надо бастовать весной, когда много воды (...) и заводовладелец вынужден будет пойти на уступки».

Как только информация об отказе мастеровых листокатального цеха выйти на работу поступила в Ильинское, там сразу же согласились повысить расценки, но только на 10 процентов. Предлагалось также вызвать в контору наиболее «солидных рабочих» и через них разъяснить остальным, что требования мастеровых «чрезмерны и не вызваны никакими уважительными обстоятельствами». При этом местное начальство ссылалось на письмо графа С.А. Строганова от 19 августа 1894 г., в котором тот писал, что не допускает «никаких уступок стачкам, хотя бы пришлось останавливать в следствии сего действия целого завода». По его мнению, «делать уступки несправедливым требованиям рабочих ради материальных выгод безнравственно и никогда не должно».

Тем временем подошло 17 апреля, день выдачи зарплаты. Накануне этого рабочие явились к управляющему заводом П.А. Туневу и «заявили о желании работать, т. к. им надоело гулять и семьи их сидят на голодном пайке». При этом мастеровые выдвинули условие не увольнять зачинщиков забастовки, так как все они «действовали заодно». Заводская администрация, не заинтересованная в обострении обстановки, с этим требованием согласилась. Правда, уже через несколько дней выяснилось, что рабочие стали трудиться «хуже обычного», а 23 апреля они вновь потребовали прибавить им «по 50 копеек за 1 т. листов 1 сорта».

## Об опасности высоких заработков

Нельзя сказать, что контора не знала нужд рабочих. Конторские служащие жили бок о бок с мастеровыми, в таких же домах, как они. Да и что можно было утаить друг от друга в небольшом заводском поселке? Поэтому заводоуправление признало, что у рабочих есть немало проблем, что у них есть деньги только для того, «что бы жить и строиться», но нет их на старость или на случай инвалидности. Исходя из этого, вопрос о предоставлении пенсии контора считала справедливым. Любопытно, что, по ее мнению, «прежде дальнейшего увеличения заработных плат было бы полезно принять меры для поднятия религиозно-нравственного и умственного уровня рабочих посредством расширения приходской церкви (...), устройства библиотеки, театра и расширения ремесленной школы для мальчиков и девочек». Высокие же заработки «при низком нравственном и умственном уровне рабочих, — сообщалось в одном из писем в Ильинское, — могут послужить развитию пьянства, ленности и беспокойного духа среди населения».

Каким-то образом информация об апрельских событиях на Добрянском заводе поступила в редакцию газеты «Искра», которая в номере от 1 января 1902 года откровенно сообщала, что бастовали добрянские рабочие «дружно, нарушителей стачки не было ни одного, но это явление надо приписать не развитому чувству солидарности, а скорее боязни кулачной расправы со стороны забастовщиков...».

## «Никаких уступок не делать»

Начало мая прошло на заводе более или менее спокойно, а вот в конце его служащим строгановского имени вновь пришлось схватиться за головы. 26 мая 1901 года в Главную Санкт-Петербургскую контору графа С.А. Строганова пришло новое прошение от добрянских мастеровых с требованием повысить им зарплату. Подобное же письмо было написано ими и в адрес управляющего заводом. В своем прошении рабочие механического и плющильного цехов довольно путанно писали, что находят «плату производимую (...) в настоящее время крайне обидною, тем более еще за 12-часовую смену — работать не согласны, а согласны работать 8-часовую смену...».

Ответ на эти требования оказался самым резким. «Если вы считаете, что ваша зарплата низка, — заявил просителям помощник управляющего и член конторы Мальцев, — то можете не работать, а идти домой, так как завод в таких рабочих не нуждается». Не исключено, что столь резкий ответ конторы объяснялся письмом заводовладельца, в котором тот сообщал, что его принцип «возможно большая беспристрастность и объективная справедливость (...) Вне первого принципа или вопреки ему никогда, никаких уступок не делать, хотя бы из-за этого пришлось закрывать завод, т.е. согласиться на большие убытки». «Какие бы ни были установлены общие правила плат

и категории плат, — подчеркивал в своем письме в Добрянку граф, — в них всегда найдутся пробелы или упущения».

## **Появление листовок**

В июле, по сообщению той же «Искры», «в Добрянке грозила вспыхнуть вторая забастовка». На этот раз обладателями беспокойного духа вновь оказались рабочие механического цеха, которые стали требовать от заводоуправления повысить им зарплату на 25 процентов на страдный месяц. Как и прежде, рабочие действовали мирно, и уже на второй день контора приняла решение повысить им зарплату, но вновь лишь на 10 процентов. Однако мастеровые согласились и с этим, ибо «ни денег, ни хлеба» из-за предыдущей забастовки у них больше не было.

По прошествии двух месяцев, уже в сентябре, в Добрянке появились жандармы для выявления авторов прокламаций, которые были расклеены по добрянским дворам в ночь на 1 сентября. Судя по всему, это была первая акция местных социал-демократов, тайный кружок которых, возглавляемый рабочим А.А. Коровиным, появился на заводе в августе 1901 года. Как стало известно позже, авторами той листовки были пермские социал-демократы. В прокламации разъяснялось значение стачек.

Тем временем жандармы, проведя в Добрянке две недели и не добившись каких-либо результатов, уехали в Пермь, но брожение в умах местных мастеровых продолжалось еще не один месяц. К тому же у них уже был выбор, за кем идти. Помимо социал-демократов на заводе стала действовать группа социалистов-революционеров (эсеров).

*Добрянский вестник. 1992. 4 ноября*



# Политические акции большевиков

*Революционное движение — тема нынче немодная. Но как бы там ни было, это история, и ее надо знать.*

*Предлагаемая вниманию читателей статья написана на основе реферата по истории Отечества, подготовленного ученицей 11 «Б» класса школы № 5 З. Балтачевой (руководитель М. Калинин). Посвящена она событиям революции 1905 года, имевшим место в Добрянке. В ней использованы как опубликованные источники, так и не публиковавшиеся ранее архивные документы, которые хранятся в Государственном архиве Пермской области.*

## «Долой самодержавие!»

К 1905 году Добрянский металлургический завод был самым крупным предприятием графа С.А. Строганова. На нем трудилось до двух тысяч мастеровых и служащих. Рабочие завода, помимо заработной платы, имели определенный доход со своего крестьянского хозяйства. У них были свои огороды, покосы, скот и т.д. Такая картина была типичной для Урала. Поэтому совсем неслучайно, что первые выступления мастеровых Добрянского завода приходятся на момент реформы 1861 года, когда у них попытались забрать лишние покосы. После этого волнения имели место в 1870-90-х годах прошлого века.

Наиболее крупное выступление рабочих произошло в 1901 году. О нем в январе 1902 года писала даже газета «Искра». Так что к 1905 году опыт борьбы у рабочих Добрянки был, но, если судить по требованиям, носившим главным образом экономический характер, на общем фоне рабочего движения местные мастеровые особо не выделялись. По воспоминаниям одного из жителей Добрянки А. Тарина, «движение рабочих до октября 1905 года не шло дальше переговоров мастеровых с заводской администрацией». Тем не менее, уже в марте 1905 года, по сообщению пермского уездного исправника Соколовского, в Добрянке 10-го числа «около 12 часов ночи нижними полицейскими чинами, находящимися в обходе, снято со столбов в двух центральных улицах Добрянского завода два экземпляра воззваний, воспроизведенных печатным шрифтом на 1/8 листа, следующего содержания: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода личности, свобода слова и печати! Да здравствует грядущая революция!» Судя по всему, это были листовки, расклеенные местными большевиками. Кроме них, в поселке была еще эсеровская организация.

## Шаги навстречу

Сейчас трудно сказать, то ли эти листовки подействовали на рабочих, то ли это было простое совпадение, но, тем не менее, 15 марта в контору посту-

пило прошение мастеровых, в котором они писали: «Честь имеем покорнейше просить Добрянскую заводскую контору, не найдет ли она возможности удовлетворить наше прошение» и установить восьмичасовой рабочий день, увеличить поденную зарплату на 25%, разрешить избирать комиссии из рабочих для заведования их нуждами, обеспечить лечение рабочих и членов их семей в графской больнице и на дому, отпускать лекарства бесплатно и т.д. Наряду с такими, весьма серьезными, требованиями рабочие просили администрацию «привести в исправное состояние все отхожие места».

Стоит сказать, что действия администрации в этой ситуации были вполне продуманны и направлены на предотвращение любого возможного конфликта. Все требования рабочих, порой даже нелепые, рассматривались с особой тщательностью, в том числе и самим графом Строгановым, который стремился решать подобные вопросы «с полной беспристрастностью», если прошения поданы мирно, но он был «не согласен ни на какие требования, которые явились бы уступкою насильственным действиям мастеровых».

По сообщению Главного управления имением, оно согласно было решить несколько пунктов требований от 15 марта, в том числе установить 8-часовой рабочий день. Что же касается лечения рабочих в графской больнице, то здесь последовал отказ ввиду того, что ее медперсонал «был чрезвычайно обременен трудом лечения населения более 5000 человек». По заверению администрации, этот вопрос должен был решиться с открытием в поселке земской больницы.

Тогда же по согласованию с фабричным инспектором 1-го участка Пермской губернии были подготовлены «Дополнения к правилам внутреннего распорядка» и разработан «Проект правил о выборе старост». Правила эти были вполне демократичными. Старостой мог быть избран грамотный человек, окончивший курс в двухклассном училище, из мастеровых Добрянско-заводской волости, возрастом не менее 30 лет и стажем работы на местном заводе не менее 10-15 лет. Кроме того, он должен был иметь право голоса на волостном сходе и удовлетворять требованиям в нравственном отношении. Выборы были тайными. Они проводились в праздничный день в здании Добрянского заводского волостного правления «закрытой баллотировкой шарами». Каждый цех мог выдвинуть по три кандидата. Старостой становился тот, кто набрал большее количество голосов, но не менее 1/2 числа всех рабочих. Срок его полномочий составлял 1 год, а исполнять свои обязанности он должен был «в свободное от работы время».

## **Под пение «Марсельезы»**

Тем временем, несмотря на некоторые ростки демократии и уступки со стороны владельца и заводской администрации, революционные идеи, которыми была захлестнута Россия, все больше стали занимать и умы добрянских рабочих. По воспоминаниям П.И. Палкина, «в разговоре стали появ-

ляться слова «революция», «революционер», «стачка», «забастовка» и т.д.». Все более активно действовали и местные социалисты, которые сумели склонить на свою сторону определенную часть мастеровых. Так, в результате забастовки 29 мая 1905 года администрация вынуждена была пойти на повышение зарплаты рабочим. Основные же события в Добрянке, как и во всей России, развернулись в октябре-декабре все того же беспокойного 1905 года.

Как известно, 17 октября вышел царский манифест, в котором «самодержец всероссийский», идя на уступки требованиям различных общественных групп, «даровал» политические свободы (совести, слова, собраний и союзов) и провозглашал законодательный характер будущего народного представительства – Государственной Думы. В среде либеральной оппозиции манифест был воспринят как начало новой, конституционной, эры и конец революции. Однако она еще не прошла свой «пик».

Как следует из материалов добрянских краеведов П. Кузнецова и В. Климова, «22 октября в Добрянке был базарный день. Сюда съехалось много крестьян, собрались рабочие со своими семьями». И именно этот день большевики избрали для своей политической акции. «Вдруг над большой группой рабочих взвились красные флаги, раздались слова «Марсельезы». На импровизированную трибуну поднимались ораторы, призывающие к уничтожению царского самодержавия. Затем почти тысячная колонна демонстрантов прошла по улицам поселка». Судя по всему, эта демонстрация была первым политическим выступлением рабочих Добрянки. Впрочем, не заставили себя ждать и следующие.

Трудным для заводских служащих выдался день 1 декабря. По сообщению конторы, в тот день туда явилась «толпа рабочих 300 человек (...) с бранью, угрозами требовала планы на покосы». Это требование было исполнено. В ответ «на отказы о неимении полномочий, – сообщал тогда же в Ильинское управляющий заводом, – мастеровые требуют через два дня сюда управляющего (имением), грозят заставить силой давать положительные ответы, грозят выкупать в проруби» одного из служащих.

Беззакония продолжались и в последующие дни. 11 декабря попытались организовать демонстрацию эсеры, однако на нее, по сообщению ряда авторов, явилось лишь 100 человек, в то время как на митинг 18 декабря, созванный большевиками, на базарной площади и у волостного правления собралось чуть ли не 2 тысячи добрянских жителей. Там вновь были лозунги свержения самодержавия, ораторы пытались разъяснить собравшимся сущность царского манифеста, поднимались красные флаги. После этого толпа прошла по улицам Добрянки.

По непроверенным данным, в тот же день группа эсеров во главе с П. Ховриным попыталась осуществить террористическую акцию, чтобы убить управляющего заводом А.И. Мальцева и полицейского надзирателя Н. Субботина. Но оба они остались живы. В те годы меньше повезло Полазненско-

му заводу, где был убит управляющий Б. Копылов, а заводская казна экспроприрована.

## Выступления крестьян

В конце декабря рабочие вновь требовали прибавки зарплаты, в частности, на ремонтах, просили увеличить ее за чистку котлов «вместо 40 копеек по 80», желали убрать с завода чем-то не понравившегося им мастера Потапова. Кроме того, как следует из сообщения Добрянской конторы в Ильинское, «мастеровые не желали более платить деньги за лесные припасы и требовали, чтобы они выдавались им бесплатно». Все это, в конце концов, вывело из себя графа, и он сообщил, что если рабочие не успокоятся, то завод будет закрыт. Тогда же в строгановском имении было зафиксировано множество крестьянских выступлений, сводившихся главным образом к самовольным порубкам господского леса. Порой дело доходило до столкновений порубщиков с лесной стражей, пример тому – Сенькинская волость.

В целом события в Добрянке 1905 года были сходны с ситуацией в других районах страны. Движение рабочих местного металлургического завода не имело большого значения для истории России, но для истории Добрянки эта страница была не менее важной, чем все остальные.

*Добрянский вестник. 1993. 16 июля*

## Потоп и забастовка 1914 года

*17 января исполнилось ровно 50 лет с того момента, как над Добрянкой разнесся рыдающий звук последнего в ее истории заводского гудка. Заводское оборудование было демонтировано, постройки снесены, и на том месте, где более двух веков плавился металл, гуляют теперь волны Камского «моря». Но, оказывается, за свою долгую историю завод уходил под воду не раз и не два. Иногда это приводило к серьезным социальным последствиям.*

### Потоп и...

От наводнений особенно страдал Нижний (Софийский) завод. По данным заводской конторы, в 1836 г. «по причине затопления» он простоял 126 дней (с 12 апреля по 17 августа), в 1837 г. – 117 дней (с 26 апреля по 22 августа), в 1839 – 110 дней (с 27 апреля по 16 августа). Всего же за 10 лет, с 1836 по 1845 г., предприятие бездействовало 715 дней, то есть почти два года!

Самым же высоким, хотя и не самым продолжительным наводнением, по-видимому, следует считать весенний паводок 1914 г. Тогда по самые крыши были затоплены не только фабрики (цеха) обоих заводов, но и расположенная в низине часть заводского поселка. Нижний завод был под водой 25 дней, Верхний – 15.

### ...«пожар»

Наводнение и вызванный им простой завода негативно отразились на работе мастеровых и вылились в крупную забастовку. Как писали в своем заявлении в контору рабочие: «Нынче жизненные продукты дорогие, а платы за работу маленькие. Не оплачивают наш труд, от чего мы находимся в бедственном положении (...)). При этом они предупреждали заводоуправление, что если в течение двух недель вопрос о повышении зарплаты и выполнении ряда других требований положительно не решится, то они будут «вынуждены работу остановить». Однако заводовладелец, граф С.А. Строганов, считая, что «требования рабочих чрезмерны и отчасти незаконны», идти им на уступки категорически отказался. Мало того, все забастовщики предупреждались, что «при отказе от работы на существующих условиях завод будет закрыт на неопределенное время».

### Под угрозой закрытия

Тем не менее, забастовка началась. Случилось это 27 мая. А уже 31 мая по Добрянке было развешано объявление следующего содержания: «Ввиду отказа местеровых (...) работать в заводе на прежних условиях и отказа их приступить к работе с 27 мая для пуска завода в действие после наводнения и неявки их в завод в течение следующих затем трех суток, заводоуправле-

ние считает факт расторжения рабочими договора найма состоявшимся, о чем и объявляет мастеровым Добрянского завода».

Еще через день из Петербурга в Добрянку пришла телеграмма за подписью главноуправляющего строгановским именем Римского-Корсакова. В ней сообщалось, что: «завод будет немедленно пущен, если мастеровые сейчас же одумаются и согласятся работать на существующих условиях (...)». Если же они и впредь будут упорствовать, то завод будет просто-напросто закрыт.

### **На тех же условиях**

Забастовочного запала мастеровым хватило на три-четыре недели. До 22 июня продержались рабочие мартеновского цеха, до 24-го – мастеровые прокатного, листобойного и механического цехов Верхнего завода, до 25-го – рабочие пробивного цеха Верхнего и механического цеха Софийского завода, до 26 июня – листопрокатчики Софийского завода. Правда, «софийцы» вступили в забастовку позже других, с 11 июня.

В целом же забастовка 1914 года закончилась для рабочих поражением. Они вынуждены были приступить к работе на тех же самых условиях найма, «которые имели силу во время остановки завода 27 мая».

*Камские ЗОРИ ПЛЮС. 2006. 10 февраля*

# Благотворители

*Только самый ленивый корреспондент губернских газет конца прошлого – начала нынешнего веков не потешался в своих заметках из Добрянского завода по поводу «благотворительной» деятельности местного «временного купца»\* Александра Ивановича Плюснина по прозвищу... Впрочем, прозвище, по причине его нелитературности, лучше и не упоминать. Дескать, пожертвовал этот купчина почти негодный дом под библиотеку комитета о народной трезвости, повесил на нем огромную вывеску, извещающую о своей необыкновенной щедрости, а потом взял да и отобрал, ибо не дождался от правительства за свой «подвиг» обещанной медали «величиною с блюдечко». Но, как оказалось, рано хихикали и наш брат журналист, и добрянские обыватели. Оконфузившийся было на ниве меценатства торговец и компаньон одного из частных пароходств сумел не просто реабилитироваться в глазах общественности, но и оставил о себе добрую память.*

## Счастливейший год

Именно таким, по признанию современников, стал для многих юных добрянцев 1910-й. В этом году после долгих мытарств наконец-то переехала в достойное помещение Добрянская церковно-приходская школа.

Она была открыта при Рождество-Богородицкой церкви еще в 1889 году, но долгое время ютилась в «нижнем этаже» одного из церковных домов. «Что это было за помещение – без грусти нельзя и вспоминать. Наполовину врытое в землю, темное, сырое, тесное и холодное, оно скорее пригодно было выполнять назначение подвала, чем служить такому важному делу, как народное образование», – сообщалось в одной из публикаций «Пермских губернских ведомостей». Не соответствовали своему назначению и другие помещения для этой школы, снимаемые у местных жителей в более позднее время.

И неизвестно, сколько бы еще лет странствовала она по разным обывательским квартирам, если бы к 1910 году не подоспел 25-летний юбилей «вызванных к жизни и деятельности Высочайшею Волею» церковных школ. Это был лучший повод для проявления благотворительности, и не воспользоваться им было просто грех. Тем более церковному старосте, обязанности которого не один год усердно исполнял уже знакомый нам А.И. Плюснин.

К вышеуказанному юбилею он сделал для народного образования старей Добрянки просто шикарный подарок. Построил исключительно на свои

\* Во временные купцы записывались предприниматели из дворян, мещан, крестьян. Они приобретали торговые права, но при этом продолжали числиться в своем сословии.

средства «специально приспособленное к школьному делу, превосходное здание стоимостью не менее 3000 рублей» и передал его в ведение церковно-приходской школы, которая действовала к тому времени уже от Свято-Митрофаниевской церкви. Как отмечали современники, «светлое, просторное (25х10 арш.), высокое (4 1/4 арш.), удобное (...) здание, без сомнения ставит добрянскую церковно-приходскую школу на твердую почву, обеспечивает не только дальнейшее ее существование, но и развитие ея, как в смысле постановки учебного дела, так и в численности учащихся».

Торжественное освящение новой школы состоялось 5 сентября. Его, при большом стечении народа, учителей и учеников, провели священники обеих добрянских церквей. Пел хор. Состоялся крестный ход и молебен с водосвятием. Много самых добрых слов было сказано и в адрес благотворителя. Подчеркивалось, что «прекрасное здание (...) будет служить постоянным памятником доблорасположенности и отзывчивости на все доброе досточтимого Александра Ивановича Плюснина». К слову сказать, им же за два года до этого были приобретены новые золоченые кресты для старейшей в Добрянке Свято-Митрофаниевской церкви.

### **Почетная помечительница**

Похоже, благотворительность в отношении школ вообще была чертой поведения состоятельных людей дореволюционного времени.

Еще за полтора десятка лет до дара Плюснина на этой благородной ниве отличилась вдова бывшего управляющего Добрянским заводом П.И. Сюзева Любовь Александровна, которая построила на свои средства и в память о муже специальное двухэтажное полукаменное здание для Добрянской женской школы. Об этом в высшей степени замечательном случае мне приходилось писать уже не раз, поэтому не буду повторяться и приведу лишь некоторые новые данные, касающиеся факта дарения.

Судя по последним архивным находкам, здание нынешнего межшкольного УПК было построено осенью 1894 года и тогда же торжественно освящено. По меркам старой Добрянки оно оценивалось как «громадное». В начале 1902 года Л.А. Сюзева обратилась в Пермь с письмом, в котором сообщала, что готова передать построенное ею школьное здание «в вечное владение» Пермскому уездному земству. Приняв на очередной сессии этот дар, земство выразило дарительнице не только свою признательность «за ее отзывчивость в нуждах народного образования», но и возбудило ходатайство перед уездной управой «об утверждении Любви Александровны в должности почетной попечительницы Добрянского женского училища».

Думается, что давно уже настала пора установить на здании УПК памятную доску в честь этой достойной нашего уважения женщины.



## Памятник царю-освободителю

Шумно илюдно было 12 марта 1911 года в Усть-Гаревой. Мужики спорили, чадили самокрутками, в раздумьях чесали затылки и бороды. Дело было важное. Как-никак, сельский сход, да еще и непростой, а приуроченный к 50-летию объявления в провинции «Манифеста» об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Вот и мыслили они, как же увековечить им память Царя-Освободителя Александра II. Думали, думали да и решили, что лучшим памятником государю станет открытие в их селе 2-классного училища с ремесленными классами для мальчиков и девочек. Но одно дело – взять да постановить и совсем другое – найти для этого необходимые средства. Но устьгаревляне их нашли. Всем миром тогда строили не только храмы, но и школы.

Для постройки училищного здания прямо на сходе было принято решение ассигновать 100 рублей из «мирских сумм». А место под школу площадью 600 кв. сажень земству выделили состоятельные и, что важно, не чуждые образованию жители этого закамского села К.М. Волков, Т.В. Баранов и И.И. Пирогов. И это далеко не все. Каждый из них пожертвовал на постройку новой сельской школы по 10 тысяч штук кирпича.

В большом двухэтажном здании, построенном более восьми десятилетий назад, до сих пор занимаются дети, уже правнуки и праправнуки дореволюционных строителей и благотворителей.

## Феномен из Никулино

Такого эпитета в дореволюционной губернской печати удостоился Герасим Созонтович Поморцев. И есть за что. Человеком он был поистине удивительным. Будучи к сорока годам далеко не самым богатым местным крестьянином, он, тем не менее, успел объездить не только всю Западную Европу, но и Америку, свободно изъяснялся на нескольких европейских языках и владел широчайшими, или, как писали раньше, «прямо редкими» знаниями. Подстать ему была и жена, Вера Николаевна, урожденная Раппо, женщина не только образованная, но и весьма эмансипированная. Она, к примеру, поражала всех никулинских баб и мужиков тем, что была курящей.

Что же касается Г.С. Поморцева, то, помимо всего прочего, он являлся еще и человеком удивительной инициативы, энергии и силы воли. И это благодаря ему в 1909 году в Никулино, в «сравнительно очень короткое время», вырос новый, «прямо грандиозный» для отдаленного села храм, которому, по признанию современников, «мог бы позавидовать любой город».

Сам Герасим Созонтович не обладал большими денежными средствами, но, будучи «истинным ревнителем храмов Божьих», сумел не только объединить и настроить на святое дело все население волости, но и организовать дело так, что новый храм обошелся никулинцам относительно недорого. Он являлся незначительно уменьшенной копией церкви Лысьвенского завода,

но стоил почти в пять(!) раз дешевле, 32 тысячи рублей против 150 тысяч. Говорят, что тот же кирпич производился прямо на месте, в Никулино, а это при отсутствии хороших транспортных путей да и самого транспорта – фактор немаловажный.

В советское время Никулинская церковь была поругана и закрыта, и ныне находится в полуразрушенном состоянии. «Новых Поморцевых» на Косье пока что незаметно.

## Умение сострадать

Множество примеров говорит о том, что одной из главных черт характера наших земляков прошлого и начала нынешнего веков было чувство сострадания. Так, в 70-х годах минувшего столетия крестьяне и мастеравые по зову сердца несли свои копейки в фонды помощи Балканским славянам и жертвовали разные денежные суммы «в пользу больных и раненых воинов».

Весьма распространенным явлением в Добрянке в более позднее время были благотворительные любительские спектакли, а на сходах крестьян и мастеровых из общественных сумм постоянно выделялись деньги для помощи детям-сиротам, убогим и престарелым людям, которые, как отмечалось, «не могут своими трудами снискивать пропитание». «Подписка на погоревших и осиротевших в Добрянке не редкое, весьма отрадное явление», – сообщалось в одном из номеров «ПГВ» за 1889 год.

Не утратили этих чувств наши земляки и в начале XX века. Уже в самом начале русско-японской войны 1904-1905 годов жители одной только, далеко не самой богатой, Сенькинской волости перечислили российскому Красному Кресту 150 рублей деньгами и «много холста».

Было немало и других проявлений «братских чувств» как «к защитникам своего дорогого Отечества», так и к просто нуждающимся людям.

Тогда люди еще умели творить добро.

*Камские зори. 1998. 11 сентября*

## Провинциальные истории 1917 года

*Летом того далекого года в Добрянке стреляли. Это палил в воздух из своего револьвера только что назначенный распоряжением уездного комиссара на должность начальника добрянской милиции прапорщик Низов. Палил оттого, что, «напившись вина, отобранного от торговли Зыряновой», решил показать собравшейся на пристани публике, что отныне он и есть тут главная власть.*

*Власти после свержения Романовых хотели все: прапорщики и солдаты, рабочие и крестьяне, профессора и кухарки. Взгляды разных социальных групп выражали различные партии: эсеры, кадеты, большевики, меньшевики... Все чего-то требовали, кричали, объединялись, разъединялись... В густом вареве левых, правых, монархических, революционных и прочих идей вызревали, гибли и нарождались снова разные союзы, группы, течения, движения. Именно в бурлящем котле 17-го года в лоне меньшевизма вызрели и первые профсоюзы, которые потом В.И. Ленин назовет «школой коммунизма». Если судить на примере Добрянки, то рождались они в тяжких муках*

### **«Скорей вступить старайтесь в рабочий свой союз...»**

«Запрягали» свой профсоюз добрянские мастеровые долго. Первые разговоры о необходимости профессионального объединения рабочих пошли на здешнем металлургическом заводе вскоре после свержения царской власти. Но прошла весна, наступило лето, а профсоюза все не было. Причины такого положения дел, судя по публикациям в губернском органе РСДРП(м) газете «Пермская жизнь», крылись как в очень небольшом числе среди добрянцев «сознательных, умеющих будить мысль, рабочих», так и в непроясненной «темноте, невежестве и лени» основной массы мастеровых.

«Рабочие Добрянского завода почему-то очень неохотно идут в свою же чрезвычайно важную рабочую организацию, в особенности лица старше 40 л. возраста (...). Они должно быть мыслят так: «Рабами родились, рабами, жили, так и умрем рабами», – сообщал на страницах меньшевистской газеты весьма активный добрянский корреспондент, скрывавшийся под стать М. Горькому и Д. Бедному, под псевдонимом Антон Горемыка. «... Дружней соединяйтесь, скорей вступить старайтесь, в рабочий свой Союз», – писал он в своем стихотворении «Воззвание».

Первое, учредительное, собрание рабочих по поводу организации профсоюза состоялось в Добрянке 17 июля 1917 года. На него явилось около сотни мастеровых, в основном молодых, от 20 до 40 лет отроду.

На собрании был прочитан доклад, объявлен устав союза, выбраны члены правления, которые из своей среды избрали председателем В.А. Первушина, секретарями А.И. Лузина и Н.А. Маркова, а казначеем Ф.С. Сюзева. На том,

в общем-то, все и закончилось. В номере «Пермской жизни» от 22 августа с горечью сообщалось, что «многие из товарищей рабочих, вступивши в союз, ограничиваются только тем, что внесли вступительную плату по 50 копеек с человека, и ни о чем дальнейшем не заботятся. Не желают являться на общие собрания, а если являются, то дела вперед не двигают (...). Из 504 членов нашего Добрянского профессионального союза по вторичному оглашению собрания являются только 60 человек.(...). Рабочие вообще индифферентно, т. е. безразлично относятся к своим классовым организациям. (...). Все представляют по-старому на волю Божию».

Ничего не изменилось в этом плане и в сентябре. «Все кого-то в чем-то винят, а сами не хотят шевельнуть пальцем. А есть такие рабочие, которые всеми силами тормозят каждое благое начинание. Так, например, некоторые рабочие старого завода о союзе говорят так: «нашто нам союз-то? Плати там деньги, а пользы никакой», – сообщалось в одном из сентябрьских номеров органа РСДРП(м).

К слову сказать, всякой путаницы в деле создания профсоюзных организаций было в то время немало. Лекало классового подхода прикидывали и к месту и не к месту. Стоило, к примеру, служащим Добрянского завода создать свой профсоюз, как он тут же подвергся критике со стороны меньшевиков. Дескать, зачем они включили в число своих членов заводских руководителей, ведь для них есть свой профсоюз техников. «Громадную ошибку совершили служащие Добр, зав. (...). Лица администрации завода будут тормозить движение союза против капитализма и его приспешников», – убежденно писал известный нам Антон Горемыка.

## **Партийная балаганщина**

Создание профсоюзов происходило на фоне межпартийной борьбы левых. Первоначально политические симпатии добрянцев принадлежали социалистам-революционерам (эсерам), чья организация появилась тут вскоре после февраля 1917 года. Как сообщалось в одной из публикаций, «записывались в нее все с краю», и оттого к лету она оказалась весьма многочисленной. Но дальше, как и в деле о профсоюзах, все застопорилось. Пустая политическая трескотня на фоне постоянного ухудшения ситуации в стране, дороговизны, серьезных проблем с продовольствием и зарплатами, заставила отвернуться от эсеров многих из их недавних сторонников. К тому же местные обыватели почему-то считали, что эсеры работают только на свой «карман».

Меньшевики, сообщая о кризисе в добрянской эсеровской организации, констатировали: «На собрания перестали ходить и часто они не могли состояться за отсутствием кворума. По три и четыре раза собираются для обсуждения одних и тех же вопросов, да и те не могут решить, ни какие собрания теперь уже не интересуют массу, которая вместо собраний ходит больше в цирк смотреть балаганщину...».

На цирк был похож и митинг, который социалисты-революционеры попытались организовать в Добрянке 25 августа. На него прибыл некто Хмелинин, который, по признанию участников, «произвел на своих товарищей заводских соц. рев. плохое впечатление, т.к. заводские эсеры начали его бомбардировать записками, в одной из которых, между прочим, было сказано что-то вроде того, что он «пробороздил» (передвинулся) сильно вправо и может удалиться». Эсеровский митинг закончился ничем, ибо, по мнению добрянских меньшевиков, которых можно было пересчитать по пальцам одной руки, «приспосабливающиеся социалисты далеки еще от социалистов истинных», каковыми они считали себя.

Меньшевистскую организацию в Добрянке создать, по-видимому, так и не удалось. Призывы вроде «Товарищи! Нужно сбросить с себя лень и халатность. (...) Нужно нам самим заботиться о себе. А как мы можем заботиться? Только созданием своей рабочей партии социал-демократии...» не нашли отклика среди добрянцев. По крайней мере, в сентябре 1917 года «Пермская жизнь» сообщала, что социал-демократической организации в Добрянском заводе «до сих пор нет. Нужны, как можно скорее люди и литература».

О других добрянских социал-демократах, большевиках, в губернской прессе в тот период вообще ничего не сообщалось. Хотя известно, что под руководством Н.Т. Копылова они действовали тут достаточно активно и уже в сентябре играли значительную роль в местном Совете рабочих депутатов, вытесняя из него, подобно героине сказки о лисе и зайце, «родителей»-эсеров, создавших Совет еще весной 1917 года.

## Первые «думцы» Добрянки

1917 год стал, помимо всего прочего, еще и годом первых демократических выборов депутатов в органы местного самоуправления, в так называемые волостные земства. В отличие от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органов классовых, а следовательно, и недемократических по своей сути, земства образца 1917 года являлись органами внесловесными и надклассовыми. Выборы в них проходили в сентябре.

Голосование проводилось по партийным спискам. Под первым номером в Добрянке шли эсеры, под вторым – некие «беспартийные», под третьим и вовсе какие-то «кокаровцы». Всего в выборах в заводском поселке участвовало до 8 групп и партий. Такое изобилие окончательно запутало головы местных обывателей.

«Есть в массе и такие, что ничего совершенно не понимают», – признавали современники.

Но как бы то ни было, выборы, проведением которых руководил учитель М.С. Попов, состоялись, и 14 сентября в Добрянском заводе, как и во всех других волостях, было открыто первое в его истории волостное земство. Отмечали это дело торжественно, с молебном и приветственными словами от

исполкома Совета рабочих депутатов, от правления общественной лавки, от продовольственной управы, от союза служащих Добрянского завода и др. Все дружно спели народный гимн.

Всего было избрано 45 гласных (депутатов): служащих заводоуправления, представителей Совета рабочих депутатов, деятелей правлений общества потребителей и продовольственной управы, представителей эсеров и других, в том числе немало беспартийных рабочих.

Председателем собрания гласных был избран заводской механик Н.М. Любимов, секретарями – служащие заводоуправления Н.М. Карпов и В.В. Мазин, товарищем (заместителем) председателя, эсер, руководитель исполкома Совета рабочих депутатов Ф.С. Пермяков.

«Приветствую тебя новорожденное дитя и пожелаю тебе силы и крепости идти по тернистому пути к свету и правде и на пользу демократической республике», – восклицал автор газетной публикации от 6 октября 1917 года.

Кто знал тогда, что до конца демократии в России осталось уже меньше 3 недель.

*Камские зори. 1998. 6 ноября, 11 ноября, 17 ноября*

## Искривления

*На протяжении семи десятилетий символом неподкупности, честности и порядочности для всех советских людей были большевики ленинской поры. Их так и называли – «Ленинская гвардия». А между тем в пыли архивов лежали закрытые для широкой публики многочисленные материалы, которые, мягко говоря, несколько портили классический образ проводника идей строителя «светлого будущего». Хранятся такие материалы и в бывшем партийном архиве Пермской области.*

Немалая их часть касается деятельности Добрянской районной организации ВКП(б) начала 20-х годов. Судя по этим документам, определенная часть местных большевиков хотела видеть «светлое будущее» немедленно и желательно для себя. Благо, что партбилет словно возвышал их над беспартийными массами. Отсюда чванливость, вседозволенность, беспардонность некоторых из них. В подтверждение вышесказанному приведу несколько весьма характерных и даже колоритных эпизодов из жизни Добрянки начала 20-х годов.

Вот что сообщал в письме на имя политсекретаря производственной ячейки Н.Г. Пермякова один из беспартийных рабочих: «Вы, коммунисты, не смотрите за порядком... Ночью на сегодняшний день народный судья Бесов в пьяном виде и с неизвестным товарищем у меня в складах насильственно зашли к женщине и делали принудительным порядком сальное предложение. Женщина вырвавшись от пьяных нахальников побежала за помощью к соседям... Бесов угрожал револьвером и сделал выстрел... Начальник милиции вовремя помощи не оказал. Этот инцидент вызвал сильное волнение среди беспартийных...» Письмо датируется 16 декабря 1922 года.

Еще один документ. Он, пожалуй, больше подходит под рубрику «Ну и ну!» Впрочем, судите сами.

В одной из справок Добрянской волостной милиции, датируемой 14 июня 1923 года, рассказывается, что член партии некий т. Пивоваров «учинил дебоширство», ворвавшись ночью с револьвером к гражданке Дроздовой «с целью покушения на нее», ибо решил, что она «его околдовала». Мало того, названный товарищ обращался за помощью к знахарке, которая, как следует из документа, сняла с него «эту заколдованность, обведя пальцами живот». В результате разбирательства т. Пивоваров лишился своего партбилета.

Не отставали от своих старших товарищей и их молодые последователи – комсомольцы. Вот что писала в заявлении от 29 марта 1923 года одна из молодых партактивисток: «Вечером 27-го марта с. г. во время хождения по Билимбаю и Домовской улице (ныне – ул. Советская и ул. Ленина. – М.К.) попадали навстречу несколько раз на лошади два типа. Первый, член РКП и секретарь РКСМ т. Орлов... и второй его товарищ – Вешкуров..., которые были вдрызг пьяны и гоняли на лошади, якобы не видя дорогу. Приходилось отворачивать от них в сторону в снег, но несмотря на это упомянутые това-



рищи наезжали на публику и заганивали дальше в снег. Например, приходилось мне от них отворачивать 4 раза, что может подтвердить гуляющая самой член РКСМ т. Клепикова. Далее делали выстрелы из револьвера: 1 раз на Базаре и 2 раза на Рынке, что может подтвердить беспартийная молодежь и шедший на работу рабочий, каковой с испугу бежал вплоть до завода».

Интересно, что в отличие от предыдущего случая добрянский комсомольский вожак не только не лишился партбилета, но был даже поощрен. Летом того же года, «как активный товарищ из числа рабочих», он был направлен на учебу на рабфак.

Впрочем, были случаи, когда люди выходили из партии добровольно. Как следует, к примеру, из заявления некоего Мокрушина от 6 марта 1920 года, он разочаровался в партии, ибо не получил никаких «познаний» от партийных собраний «и каждый раз уходил с них с разбитым сердцем, видя и слыша только одне пререкания и ругань товарищей».

Одним из весьма распространенных явлений в начале 20-х годов была неуплата членских взносов. Однако это объяснялось самым прозаическим образом – отсутствием жалованья. Основной источник доходов, металлургический завод, в те годы простаивал, и большинство добрянцев жили главным образом за счет личных подсобных хозяйств.

Не отличались особой дисциплиной члены партии и комсомола и в последующие годы. Как следует из отчетного доклада РК РКСМ XI районной партконференции, проходившей с 10 по 13 июля 1931 года, отмечались «искривления комсомольской линии». Так, секретарь одной из комсомольских ячеек Норицын «вместо мобилизации масс комсомольцев и несоюзной молодежи на ликвидацию прорыва цеха, и организации работы во вторую смену» заявил администрации: «Дайте табаку, мяса, вина – тогда все будем работать», за что был из комсомола исключен. Кроме этого, неоднократно отмечались случаи отказа от сверхурочной работы на лесозаготовках. Некоторые работники пытались даже бежать домой, но, благодаря оперативному вмешательству райкома комсомола, все подобные попытки были пресечены.

В тот же период большевики из Добрянки боролись против «фактов правооппортунистической деятельности, двурушничества, примиренчества, правых и левых загибов, ревизионизма». В этом плане были рассмотрены так называемые «Красновское дело», «Дело леспромхозовской ячейки ВКП(б)», «Дело механической ячейки» и т.д. Отмечалось, что «мелкособственнические обывательские настроения» существовали и в заводской парторганизации.

Но настоящим бичом было пьянство «среди коммунистических работников», которое входило в разряд «болезненно-бытовых явлений». Фиксировались также неоднократные случаи хулиганства в пьяном виде, и отмечалось, что «особенно пьянство имеет тенденцию развиваться в последнее время».

Согласитесь, что приведенные выше факты никак не укладываются в хрестоматийный образ строителей «светлого будущего» 20-х – начала 30-х годов.

*Камские зори. 1996. 6 июня*



# Для народного здравия

Статьи по истории медицины  
и санитарии

- Заводская и земская медицина
- Как открывали земскую больницу
- Для народного здравия



# Заводская и земская медицина

(Из истории здравоохранения в нашем крае (XIX – нач. XX в.)

*Начало развитию заводской медицины на Урале было положено В.Н. Татищевым. В разработанном им «Горном уставе» 1735 года было указано «больных лечить, для которых докторов медицины, лекарей, аптекарей и потребных служителей из нашей казны содержать». Организация обязательной медицинской помощи как на казенных, так и на частных заводах предусматривалась и в «Горном положении» 1806 года. По закону 1866 года одна больничная койка должна была приходиться на 100 рабочих.*

## Заводская медицина

### «Штаб-лекарский ученик в господском доме»

Всего к 1870 году в Пермской губернии насчитывалось 70 заводских больниц и приемных покоев, в которых работало 28 врачей и десятки фельдшеров. Была среди них и графская больница при Добрянском заводе. Она была открыта еще в XVIII веке. По данным Н. Попова, относящимся к самому началу XIX века, в Добрянке имелась «больница с одним штаб-лекарским учеником в господском доме». Каждый год на ее содержание заводууправление выделяло определенные денежные суммы. Так, в 1847 году было выделено 729 руб. 90 1/2 коп., в 1848 году – 1030 руб., в 1850 году – 800 рублей.

Как правило, за время пребывания в госпитале на большинстве горных заводов Урала с каждого мастерового удерживались «половина жалованья и весь провиант». Кроме того, производились вычеты из зарплаты по 1 коп. с рубля на приобретение медикаментов.

### Кто, кого и как пользовал

По отчету Добрянского лекарского ученика Якова Дружинина, в 1850 году «в госпиталь поступали больные преимущественно с простудной горячкой, ревматическими болями от слабости и устатку и хирургическими болезнями от механических повреждений при заводском действии. В домах преимущественно были больные также с простудного горячкою и легкими нервными и хирургическими болезнями (...)». Всего за год «за советом приходило 1322 человека».

В сведениях за 1854 год, подготовленных конторой, отмечалось, что «состояние здоровья народа было удовлетворительным (...) и никаких особенно трудных повальных болезней не обнаруживалось(...)». В госпитале «было пользовано» больных 243 чел. Из них выздоровело 235. Умер 1. На излечении оставалось 7 человек. Врачебная помощь на дому была оказана 267 взрослым пациентам и 500 детям.

Медицинский персонал Добрянской заводской больницы в тот период состоял из двух человек: старшего лекарского ученика А. Волегова и младшего ученика Я. Дружинина. Труд медиков оценивался по достоинству. Так, А. Волегов получал зарплату в сумме 118 руб. 30 коп. в год, что существенно превышало заработки не только мастеровых, но и многих служащих.

### **Что показала проверка**

Наряду с положительными моментами в медицине того времени были и значительные недостатки. Некоторые из них отметил главный врач Пермского нераздельного имения Строгановых К.Г. Шикун, который летом 1877 года проверил ряд госпиталей. Проверка показала «крайне неудовлетворительное пищевое довольствие больных (...) Отсутствие питательных веществ и крайнее однообразие их». Отведав в Добрянской больнице «кушанье больных», инспектор отметил, что «хлеб довольно хорошего качества, а постный суп и кисель совершенно невозможно есть». В целом же «вид и устройство» больницы были не хуже и не лучше всех остальных госпиталей имения. Пожалуй, хуже выглядела больничная аптека, в которой была бедна «инструментальная часть и библиотека». Отмечался также недостаток белья в больнице. Ее штат в то время состоял из старшего фельдшера, фельдшера-заведующего аптекой и фельдшера-палатного, который выполнял обязанности смотрителя. Хозяйственный персонал включал в себя двух сторожей и трех кухарок. Деятельность медперсонала была оценена как «более или менее правильная».

### **Первый врач Добрянки**

В 1888 году на Добрянском заводе была утверждена должность врача. Первым врачом в Добрянке стал А.К Бутковский, окончивший в 1884 году медицинский факультет Казанского университета. После этого, по данным управляющего заводом, «явилось столько желающих лечиться в Добрянской больнице из мастеровых и их семейств, сколько никогда не было (...)». В скором времени завод приобрел для больницы полный набор хирургических инструментов и прибор для хлороформирования, «которые раньше фельдшеру не требовались». Их покупка обошлось заводу управлению в 194 рубля.

### **Против «азиатской холеры»**

В 1892 году многие губернии России охватила эпидемия «азиатской холеры». Появилась она и в Прикамье. Для противодействия ей на заводе было введено обязательное кипячение воды для питья, за Митрофаниевской церковью был построен холерный барак на 10 коек, во время прибытия пароходов па пристани постоянно дежурили медики, осуществлялся ежедневный контроль за санитарным состоянием поселка и завода, надзор «за продажей съестных припасов». Все эти меры дали свои результаты, и эпидемия обошла Добрянку стороной.

Медики в тот период выписывали газету «Русский врач», журнал «Фельдшер», специальные практические издания «Практическая медицина», «Современная медицина и гигиена», «Современная клиника и терапия» с их приложениями к т.д.

## **Расширение больницы**

А между тем в условиях роста населения существующее больничное здание уже не отвечало необходимым требованиям. Слишком мала была палата для приема амбулаторных больных и больничная аптека, отсутствовала «ожидательная комната» для пациентов, склад для хранения медикаментов и «оперативная комната». Да и в целом существующее здание было уже очень ветхим и требовало неотложного ремонта. Все это и заставило медперсонал больницы обратиться в 1895 году с просьбой о строительстве нового здания, но «ввиду произведенной уже постройки при Добрянской больнице особого барака для заразных больных» и по причине других значительных расходов заводская контора отказала медикам в этой просьбе.

Однако уже через год к этому вопросу пришлось вернуться вновь. Дело в том, что в 1896 году Уральское Горное управление издало постановление «О врачебной помощи рабочим и о мерах к охране жизни, здоровья и нравственности рабочих на горных заводах, рудниках и промыслах», которое должно было быть принято «к неуклонному исполнению». Основываясь на этом документе, Добрянская заводская контора обратилась с просьбой к графу С.А. Строганову с тем, чтобы он разрешил начать строительство новой больницы при заводе. При этом подчеркивалось, что «старая больница хуже, чем считали» ранее. 1 января 1897 года из Главной конторы пришло разрешение о строительстве нового пристроя к больнице стоимостью не более 10 тыс. рублей. После окончания строительства заводская больница обрела совершенно новый вид. По описанию 1901 года в ней было 15 кроватей, располагавшихся в трех палатах. Действовал редкий по тем временам водопровод. Приемное отделение, аптека и операционная располагались в отдельном здании, которое было соединено «теплым, светлым коридором со зданием больницы». Существовал родильный покой. Заразное отделение размещалось в специальном здании, состоящем из трех палат, ванной и умывальной комнат, комнаты для сиделки. Кроме того, при больнице имелись баня с прачечной и паровая дезинфекционная камера.

К 1910 году больница несколько расширилась. Она была рассчитана на 20 кроватей. Возглавлял ее врач В.Д. Ивачев. Вместе с ним работали фельдшер и акушерка. Прислуга насчитывала 7 человек.

## **Военный лазарет**

В годы русско-японской войны 1904-1905 годов по распоряжению графа Строганова и за его счет в Добрянке был открыт лазарет на 20 человек

для «содержания и лечения» раненых воинов. Заведовал им врач Ястребов. Однако, просуществовав год, лазарет так ни разу и не был использован по прямому назначению. В октябре 1905 года он был упразднен, а находящееся в нем оборудование было передано в заводскую больницу.

Заводская больница обслуживала только район завода. Остальная территория находилась в ведении земской медицины.

## ***Земская медицина***

### **Первым было Перемское**

Земства, как выборные органы местного самоуправления, были введены в России реформой 1864 года. На средства земств открывались новые школы, больницы, строились дороги и т.д. Одним из наиболее активных губернских земств было Перемское. Достаточно сказать, что только на той территории, которую сейчас занимает наш район, в прошлом веке было открыто до десятка земских медицинских учреждений.

Первым из них, еще в феврале 1872 года, был основан земский врачебный участок в с. Перемском. В начале нашего века он включал в себя огромную территорию, на которой более чем в 250 населенных пунктах проживало 30 тыс. жителей. В тот период в его состав входили земские фельдшерские пункты в Добрянке, Полазне и Никулино. Земская лечебница в Перемском размещалась «в весьма мало приспособленном» двухэтажном деревянном доме. Внизу размещались аптека и амбулатория, а на втором этаже – 3 палаты для больных, рассчитанные на 7 человек. Родильное отделение отсутствовало, а заразное находилось в отдельном помещении.

Возглавлял лечебницу врач, у которого в подчинении было 2 фельдшера и 1 акушерка. Естественно, что качественно обслуживать свой участок они были не в состоянии. Поэтому вскоре прошла реорганизация. В 1910 году в Перемском имелась земская больница на 16 коек и заразное отделение на 6 кроватей. Площадь обслуживаемой территории составляла 2693 кв. версты. На ней проживало 12 тыс. 765 человек. Врачебный участок включал в себя три волости: Перемскую, Останинскую и Никулинскую со 123 селениями.

Кроме больницы в Перемском, имелись фельдшерские пункты в Голубятах, Никулино и д. Тихой. С мая по сентябрь 1910 года Перемской участок возглавлял земский врач П.П. Львов. Но присутствие врача было скорее исключением, чем правилом. Как отмечало уездное земство, место это «постоянно бывает свободным, причиной чего служат неблагоприятные условия жизни в этом участке (...)».

### **Становление земской медицины в Добрянке**

Добрянский земский врачебный участок был организован в январе 1903 года. До этого в Добрянке существовал лишь земский фельдшерский пункт,

который вначале входил в Мотовилихинский, а затем в Перемской участки. Первоначально земская больница, рассчитанная на 9 коек, располагалась «в наемном доме». Она обслуживала участок в 653 кв. версты с населением более 16 тыс. человек, проживавших на территории Добрянской, Добрянско-Подзаводской, Дивинской, Сенькинской и Висимской волостей. Всего 123 населенных пункта. На протяжении нескольких лет участком и больницей заведовала врач Н. Блинова. Вместе с ней работали фельдшера А.Р. Хромцов и К.М. Алексеева, акушерка Л.С. Котенева, «служащая при аптеке» М.В. Гачегова, а также 4 человека прислуги. На участке, кроме больницы в Добрянке, имелось еще два фельдшерских пункта: в Сенькино (фельдшер Ф.К. Пирогов) и в Висиме (фельдшер Е.И. Сапожникова).

В 1910 году врачебный комитет Пермского уездного земства решил возбудить ходатайство о скорейшей постройке земской больницы в Добрянском заводе, ввиду того, что «заводууправление уже несколько раз просило земство освободить помещение, занимаемое больницей». Однако решение этого вопроса затягивалось, и в 1913 году земский врач, заведующий Добрянским участком Н.Н. Мультиановский решил начать переговоры с управляющим заводом А.И. Кузнецовым об аренде другого здания. Он отмечал, что «помещение лечебницы в настоящем заводском доме не терпимо для врачебных целей». В конце концов, завод согласился передать под земскую больницу здание заразного барака, в котором имелись две палаты для больных, ванна, комната для прислуги. Стороны также решили, что кладовка, кухня и погреб будут общими с заводской больницей. Арендная плата составляла 120 руб. в год. На время вопрос был решен.

## **Особенности Полазны**

Полазненский земский врачебный участок был открыт в 1905 году и существовал совместно с заводской больницей. Отсюда название: заводско-земский участок. Больница была рассчитана на 5 коек. В сферу ее деятельности входили Полазненская волость и часть Краснослудской с населением около 4630 душ и площадью в 550 кв. верст. Всего в участке насчитывалось 24 селения. С 1 декабря 1908 года этот участок возглавлял врач А.А. Хитров. Кроме него в состав медперсонала входили: фельдшер, акушерка и аптекарский практикант.

До революции на территории нашего района существовал и земский фельдшерский пункт в с. Усть-Гаревая, который входил в состав Васильевского земского врачебного участка.

## **Против эпидемий**

Земская медицина сыграла большую роль в деле борьбы с различными эпидемиями. Так, в 1910 году вспыхнула эпидемия брюшного тифа в Голубятах, Перемском, д. Останино и в других населенных пунктах. Болезнь была

занесена жителями этих деревень, которые работали на соляных промыслах в Соликамске. Отмечалась значительная смертность. Для борьбы с тифом земство направило в этот район медиков из Перми и других мест. Благодаря их работе эпидемия дальнейшего распространения не получила и вскоре была полностью ликвидирована.

Для профилактики заболеваний в тот период широко применялась медицинская пропаганда, разного рода листовки, оспопрививание, медицинские осмотры населения. Земские медики делали много хирургических операций, порой достаточно сложных.

В целом же, несмотря на многочисленные трудности и слабую материальную базу, земская медицина внесла большой вклад в дело охраны здоровья населения нашего края.

*Камские зори. 1990. 27, 29 ноября*

# Как открывали земскую больницу

*19 июня 1902 года в Добрянскую заводскую контору заглянул врач местной больницы А. Ворфаламеев и передал управляющему заводом П. Туневу свои соображения по поводу улучшения дел в медицинском обслуживании мастных мастеровых.*

## Мнение заводского врача

Дело в том, что заводская больница, содержащаяся на средства заводовладельца, была рассчитана только на лечение людей, связанных с заводом, а в жизни же получалось, что ее медперсоналу приходилось обслуживать и других жителей, тех, лечением которых должна была заниматься земская медицина. В результате на заводской медперсонал падала очень большая нагрузка.

Врач Ворфаламеев считал, что необходимо обязательно открыть в Добрянке земский врачебный участок, взамен фельдшерского пункта, успехом не пользовавшегося, ибо население уже стало осознавать «преимущество помощи врачебной перед фельдшерской». По его словам, земство просто эксплуатировало труд заводских медиков. А ведь только Добрянский завод выплачивал в качестве разных земских налогов до 38 тыс. рублей в год. Вот на эти деньги и могло бы Пермское земство открыть новую больницу в Добрянке, считал заводской врач.

## Где найти помещение?

Соображения Ворфаламеева соответствовали настроению управляющего. И тот без всяких дополнений передал их в Главное управление Пермским нераздельным имением Строгановых в Ильинское. Главноуправляющий Н. Конюхов также согласился с предложением добрянцев и распорядился уведомить земство о том, что больница Добрянского завода прекращает прием земских больных.

В этой ситуации Пермскому уездному земству ничего не оставалось, кроме как пообещать Добрянскому управляющему П. Туневу рассмотреть вопрос об открытии в Добрянке земской больницы на своей очередной сессии. Одновременно земцы попросили его найти в заводском поселке «помещение для приемного покоя на 4-5 кроватей и 1 в заразном бараке за плату 60 коп. в день за 1 больного».

В ответном письме контора согласилась временно уступить земским больным 3-4 кровати, а вот то, что касалось «помещения для земской амбулатории и аптеки, то такового, по мнению управляющего, в заводских зданиях нет, так как господских квартир не достаёт и для своих служащих». Поначалу против совмещения двух больниц выступало и Главное управление. Правда, вскоре Конюхов изменил свое мнение. Он, видимо, понял, что ситуация создалась достаточно глупая: имение само же просит открыть земский врачебный участок и само же этому препятствует.

Вопрос об открытии Добрянского врачебного участка «в утвердительном



смысле» был решен земскими гласными на осенней сессии 1902 года, но до реальных шагов дело дошло далеко не сразу. Когда в январе 1903 года Добрянская заводская контора заинтересовалась в Перми, почему участок не открывается, земство вполне резонно ответило: коли у вас нет подходящих помещений, то мы не будем у вас ничего открывать.

## **Межведомственные преграды**

Лишь после этого, судя по письму из Добрянки в Ильинское от 14 июля 1903 года, контора предприняла конкретные шаги. Помещения для земской больницы и аптеки были временно наняты у одного из местных мастеровых за 12 рублей в месяц.

После этого врачи заводской больницы вздохнули посвободней, но вскоре началась неразбериха с пациентами. Земские и заводские медики стали ссылаться друг на друга, делить больных на своих и чужих, особенно это касалось членов семей рабочих. Поэтому со временем у медперсонала созрела мысль об объединении двух больниц в одну, чтобы расходы по ее содержанию делились поровну между заводом и земством. (Пищевое довольствие в больничном покое обходилось от 12 до 20 копеек в сутки, а медикаменты — от 4 до 6 копеек. Деньги за лечение с больных не брались. — М.К.). Но из этого ничего не вышло, межведомственные преграды сказались и здесь, стороны боялись переплатить.

## **От земства к наркомздраву**

На первых порах земская больница в отличие от заводской находилась в достаточно сложном материальном положении. Ее помещение и оборудование сильно уступали давно существующей в Добрянке заводской лечебнице. А тут еще глупые выходки по отношению к земским врачам со стороны местных жителей. Так, в 1905 году вскоре после своего приезда в поселок вынуждена была уехать из него женщина-врач (редкое по тем временам явление!) «госпожа Александрова». Причина — «трехкратное выбитие в ее квартире неизвестными ей лицами окон». В результате место врача стало вакантным.

Все это происходило в самый разгар революции 1905 года. Например, в очень беспокойном ноябре почти все рабочие высказали прибывшему в Добрянку фабричному инспектору «явное неудовольствие против медперсонала и порядка в земской больнице и прочили разрешить им лечить свои семьи в заводской больнице или каким-либо родом устроить соединение больниц в общую». Но, как мы уже знаем, этого не произошло, и вплоть до установления Советской власти в Добрянке существовали две самостоятельные больницы. К 1937 году, помимо единой больницы наркомздрава РСФСР, в Добрянке имелись амбулатория райздрава, здравпункт завода, детская и женская консультации и лаборатория.

*Добрянский вестник. 1993. 3 сентября*

## Для народного здоровья

*80 лет – конечно, дата. Но это дата со времени создания санитарной службы в Советской России, что вовсе не мешает заглянуть нам в дореволюционную эпоху. Ведь первые санитарные медики, станции, комитеты, попечительства и другие общественные организации в области санитарии и гигиены появились в нашей стране задолго до событий 1917 года. Да что там говорить! Именно Добрянка является родиной одного из крупнейших врачей-гигиенистов России, профессора, ученого с мировым именем Г.В. Хлопина. Но это уже хорошо известный факт. Я же хочу представить сегодня несколько малоизвестных страниц из истории санитарного дела в нашем крае.*

### Добрянские миазмы

Для начала приведу выдержку из одного занятного письмеца: «Живущие около Добрянского 2-классного мужского училища обыватели вывозят и сваливают нечистоты и навоз возле самого училища, где все это гниет и заражает воздух миазмами, а вблизи приходского храма напротив паперти находится сортир, который, по всей очевидности, никогда не очищается, производя зловоние от разлагающихся нечистот вредных для проходящих и в особенности для близ живущих». Ну и как картинка? Что и говорить, мало приятного. Потому и обращалась в апреле 1879 года заводская контора к полицейскому уряднику 2-го участка 3-го стана с просьбой «принять предоставленные» ему «законом меры к устранению беспорядков вредных для народного здоровья».

Санитарная медицина находилась тогда в зачаточном состоянии, и за чистотой улиц наблюдали полицейские органы.

### «Пьет он много и все, что случается...»

Впрочем, не только полицейские. Не оставалась в стороне от санитарных проблем и общественность. Особенно во время угрозы возникновения массовых эпидемий. Характерный пример в этой связи – Усть-Гаревая.

110 лет назад, 10 августа 1892 года, в этом прикамском селе, в доме местного волостного правления под председательством участкового врача собрались: священник, фельдшер, псаломщик, гласный уездного земства (по-современному – районный депутат. – М.К.), волостной старшина и наиболее понятливые крестьяне-общественники из близлежащих деревень. Собрались с целью создания сельского «Санитарного комитета для борьбы с холерной эпидемией». Эта опасная болезнь охватила тогда многие губернии Поволжья и добралась до Прикамья.

На заседании был выработан ряд решений. В том числе такие, как: обя-

зательная проверка фельдшером всех выходящих на местной пристани пассажиров (с тех пароходов, что шли с низовьев Камы); деление волости на санитарные участки и избрание санитарных попечителей; установление контроля за водными источниками («многим известно, как неразборчив наш крестьянин в питье. Пьет он много и все, что случается или что подают ему пить») и за продажей съестных припасов.

Особое внимание было обращено на санитарное состояние деревенских улиц и дворов. Санитарные активисты должны были, к примеру, объяснять крестьянам, что нельзя выливать помой прямо с крыльца во двор или на улицу, как было заведено веками, а следует выкопать подальше от домов специальные помойные ямы. Вроде бы чего проще? Но дело это в крестьянском сознании приживалось с трудом. «Заразные болезни в Пермской губернии вообще никогда не переводятся», — сообщалось в газетах. В добрянских деревнях и селах, помимо холеры, случались тиф, скарлатина, оспа, заушница (свинка).

## **Ничего себе водича!**

«Весело» в смысле гигиены жили в Залесной. В деревне, насчитывающей 40 дворов и почти полтысячи жителей, почему-то не было ни одного колодца! Крестьяне употребляли «в питье воду из близлежащего озера, или, лучше сказать, большой лужи, наполненной грязной, гнилой водой», — сообщал в 1901 году корреспондент «Пермских губернских ведомостей». По его же словам: «Когда скипятишь самовар этой водой, то по всей комнате распространяется зловоние», но привыкшие к таким ароматам залеснинцы, несмотря на это, «пьют чай до седьмого пота».

Неравнодушный автор призывал земство подействовать на сознание обитателей этой притрактовой деревни, чтобы они выкопали хотя бы один колодец и прекратили травить себя из «пресловутого озера, вода которого годна лишь для того, чтобы в ней купались свиньи».

По данным за 1903 год, колодец в Залесной появился, но он был собственностью одного из местных жителей, а потому большинство крестьян, как и прежде, хлебало «мерзкую вонючую болотную воду, настоящую вдобавок на навозе».

## **На фоне багровых зарниц**

Рассвет в деле санитарии в нашем крае забрезжил было в 1916 году, когда в Добрянке было создано санитарно-благотворительное попечительство, своего рода прообраз санэпидемстанции на общественных началах. На общее собрание по его организации явились: земский и заводской врачи, санитарный медик из губернского земства, служащие завода, учительницы и представители общественности в лице рабочих и крестьян.

Первым делом собравшиеся выбрали председателя, казначея и секретаря

попечительства, а затем перешли к обсуждению вопроса об улучшении санитарных условий в заводе.

Как оказалось, состояние некоторых улиц Добрянки было просто-напросто «невыносимым», никаких водосточных канав не имелось, нечистоты сваливались без соблюдения санитарных правил «и при том в местах (...) наиболее удобных и выгодных для возчиков, но никак не для жителей Добрянки». Да и с питьевым водоснабжением существовали немалые проблемы. Население нуждалось «в хорошей питьевой воде», а водные источники — в благоустройстве.

Присутствовавший на собрании санитарный врач пообещал приехать в Добрянку с целью обследования ключей и колодцев со специалистом-гидротехником, но успел ли, неизвестно. Страна погружалась в хаос Первой мировой войны, а на горизонте уже сверкали багровые всполохи будущих революций.

*Камские зори. 2002. 25 сентября*



# Очаги просветительства

Статьи об истории культуры  
и искусства

- Из культурной жизни Добрянки
- «Бал закончился под звуки военного марша»
- Под чарами Мельпомены
- Загадка одной афиши
- Очаги просветительства
- Добрянский музей в 20-е годы
- Нас посещала Василиса Прекрасная
- «И снег, и ветер, и звезд ночной полет...»

## Из культурной жизни Добрянки

*В первой половине XIX века в жизни русского общества происходили большие изменения. В 70-80-х годах XIX века во многих уральских городах и заводских поселках возникают новые школы, появляются самодеятельные театры, расширяется сеть общественных и частных библиотек, усиливается интерес к изучению края.*

*Достаточно ярко эти процессы отразились и на состоянии культурной жизни Добрянки той поры.*

### Оркестр

(...). В 80-х годах XIX века в Добрянке существовал оркестр в составе 19 человек под управлением военнослужащего в отставке Плюснина. В отличие от театра состав оркестра был более демократичным. Основу составляли мелкие служащие завода, причем одиннадцать из них проходят под званием мастеровых, а несколько человек под крестьянским званием. Кроме того, в состав оркестра входили четыре мальчика, ученики Добрянского 2-классного училища. В оркестре было: три скрипки, флейта, кларнет, виолончель, контрабас и другие музыкальные инструменты. В него также входило пятеро певчих.

Оркестр устраивал концерты в помещении графской школы, в саду, исполнял пьесы во время театральных антрактов. Использовали его и для встречи важных лиц, как, например, губернатора или бельгийского генерального консула, приезжавшего в Добрянку в 1889 году. В репертуаре были марши, кадрили, вальсы, увертюры из опер, народная музыка.

В начале 80-х годов на месте бывшей каменоломни, на горе около завода был разбит сад. В саду по праздникам в хорошую погоду устраивались гуляния, во время которых играл оркестр и выступал хор портного Шилова, сумевшего организовать вокруг себя группу рабочих. Этот хор исполнял народные песни, иногда коробившие уши служащих.

### Музей

Музей в Добрянке был создан по инициативе П.И. Сюзева в 1888 году. В музее было широко представлено состояние производства завода. В нем было сосредоточено большое количество вырабатываемых сортов железа и ширпотреба, минералогические, геологические и археологические находки, собранные в окрестностях Добрянки. К числу последних можно отнести, например, бивни мамонта, найденные на р. Тюсь. В числе экспонатов музея находились и две «художественно исполненные фигуры-манекены» контуазского мастера и кузнеца в их производственной одежде. Одно время даже называли тех, кого они изображали.

В таком виде Добрянский музей просуществовал примерно до 1916 года,

когда во время Первой мировой войны он был выброшен из помещения.

Часть экспозиции попала в пермский музей, часть осталась в Добрянке, основная же масса экспонатов была утеряна или же уничтожена в мартене.

Добрянский музей мог бы играть достаточно большую роль в деле просвещения рабочих, но он был закрыт для посещения сколько-нибудь широкой публики. Однако сам факт существования музея говорит об определенном интересе, проявленном к истории края, к его прошлому.

*Камские зори. 1986. 1 июля  
(в сокращении)*

## Бал закончился под звуки военного марша

*Если сравнивать по значимости Рождество и Новый год, то до революции главным из праздников был, конечно же, первый, рождественский. Новый год тоже отмечался, но не с таким размахом, как нынче. Не буду оригинальным, если скажу, что особенно рады ему были дети. Об этом свидетельствуют, к примеру, публикации в старых дореволюционных газетах. Возьмем для начала встречу в Добрянке, скажем, 1895 года.*

### Праздник в женской школе

Самая лучшая елка в тот период была устроена в только что открывшемся новом здании женского училища. По сообщению «Пермских губернских ведомостей»: «Вечер с елкой 27 декабря открылся в 5 часов народным гимном, исполненным учащимися-девочками под аккомпанемент двух скрипок, флейты и виолончели. Управлял этим хором учитель пения г. Батанов (отец известного прикамского краеведа 20-30-х годов В.М. Батанова. – М.К.).

Елка была убрана роскошно и находилась в отдельной комнате, на возвышении; двери этой комнаты были открыты во время пения гимна «Боже, Царя храни», и все дети были поражены видом елки даже до того, что чуть было не перестали петь от восторга... В ходе этого вечера прозвучала вокально-музыкальная программа из 3-х отделений, звучали стихи, басни, разыгрывались сценки.

В конце праздника, по данным того же источника, «все девочки-ученицы были угощены чаем со сладостями и одарены подарками, состоящими из книжек, игрушек и платка, в котором именно и были завязаны лакомства. (...). Елка закончилась детскими играми с пением и музыкой в 9 часов вечера и оставила у всех, в особенности у детей-учениц, самое приятное воспоминание, которое дети, вероятно, не забудут всю жизнь. Всем этим они обязаны своей доброй попечительнице П.А. Сюезовой, не жалеющей для женской школы в Добрянке ни средств, ни трудов, ни забот».

Следует добавить, что и само здание женской школы было выстроено на средства этой женщины, на что было израсходовано до 10 тысяч рублей. Построено оно было в память об ее муже, управляющем Добрянским заводом П.И. Сюезове.

Что же касается прошедшего вечера, то помимо детей, коих было до 120 человек, на нем присутствовали как их родители, так и многочисленные гости. Сценарий праздника подготовили учительницы Дерябина и Нечаева. Напомню, что первая из них проработает в школах Добрянки более полувека и будет награждена в конце 30-х годов орденом Ленина.



## «Дамы были одеты по-русски»

Впрочем, этот факт несколько выбивается из темы нашего повествования, а потому мы вновь вернемся в XIX век и побываем на встрече Нового 1889 года.

«Новый год здесь был встречен обычным балом по подписке. Дамы, по обыкновению, водящемуся здесь, были одеты по-русски – в сарафаны, обшитые позументом, а головы многих украшены лентами и повойниками с вышитым мишурою и разноцветными стеклышками орнаментом прошлого столетия. Украшения эти, вероятно, перешли в наследство от прабабушек и какими-то судьбами уцелели до сих пор», – не без иронии писал в главной газете губернии некий автор, скрывшийся за подписью «Случайный посетитель». (Позумент – шитая золотом или серебром тесьма. Повойник – старинный головной убор замужней женщины в виде повязки, надеваемой под платок. – М.К.)

Судя по всему, публики здесь было предостаточно. В материале упоминаются два хора по двадцать с лишним человек в каждом, любительский оркестр и некий «плетень», состоявший из более чем 50 участников, которые вместе с певчими и музыкантами, «не сбиваясь с такта», пели фрагмент из оперы «Русалка».

При этом «танцев не было – благочестивые гости в этот день их не допускают, – сообщал все тот же автор, – играли только святочные игры».

## О Новом годе извещал будильник

Нынче о наступлении Нового года, как правило, сообщает бой кремлевских курантов, раздающийся по радио или телевидению. Раньше же о его начале сообщал обычный будильник, который заводили на 12 часов ночи. Так было и в описываемом нами году. После звонкой трели «все гости встали, повернулись к иконе, а хоры запели «Спаси, Господи, люди твоя». Во время наступившей затем тишины один из гостей вышел на середину зала, поздравил всех с наступившим Новым годом, а затем сказал речь, исключительно касавшуюся чуда Божия 17 октября 1888 года (в этот день произошла катастрофа царского поезда, в которой, однако, не пострадал ни император Александр III, ни его семья. – М.К.). Ответом со стороны всех прочих было многократное и восторженное «ура», «Боже, Царя храни» несколько раз повторенное и «Слався, наш русский Царь», – писала газета.

Далее все пошло обычным порядком: тост за Государя Императора, взаимные поздравления, новые тосты. Удивил публику шестилетний гармонист, сын усольского мастерового Саша Горлаев, который, не чувствуя ни малейшего стеснения, «как взрослый, весьма бойко действуя по всему регистру», сыграл несколько русских народных песен.

«Бал кончился под звуки какого-то военного марша. Очевидно, всеобщая воинская повинность дает свой оттенок и на семейных удовольствиях, – со-

общал ироничный «Случайный посетитель», — многие из здешних музыкантов доканчивали свое музыкальное образование и упрочивали свою любовь к музыке в войсковых оркестрах».

Заканчивая этот материал, добавлю лишь, что, встречая праздники, люди в ту пору не забывали и о тех, для кого они не по карману. Понятие «благотворительность» не было тогда пустым звуком. Об этом свидетельствуют, к примеру, регулярные рождественские и новогодние пожертвования на содержание «бедных сирот, воспитывающихся в Пермском губернском детском приюте ведомства учреждений Императрицы Марии». Среди жертвователей регулярно встречались фамилии жителей Добрянки и ее округа.

*Камские зори. 1997. 30 декабря*

## Под чарами Мельпомены

*Одним из главных увлечений интеллигенции во второй половине XIX – начале XX веков был театр. Точнее, самодеятельные постановки различных пьес и выступление с ними перед местным населением. Сто лет назад таких театральных «звездочек» на карте Урала светилось огромное множество. Но свет их не был постоянным. Они то вспыхивали, то гасли не только в городах и крупных заводских центрах, но и в наиболее «видных» деревнях и селах. Применительно к Добрянскому краю, самодеятельные театры действовали в Добрянке, Полазне и Перемском.*

### Театральный... сарай

Первые достоверно известные сведения о существовании театральных кружков в поселке Добрянского завода относятся к 1878 году. Как писал в 1884 году агенту общества драматических писателей и оперных композиторов отнюдь не чуждый театральному творчеству управляющий заводом П.И. Сюзов, «спектакли в Добрянском заводе дают в наскоро приспособленном к этому сарае из-под склада разной заводской рухляди, преимущественно зимой, от 3 до 5 в течение сезона».

По его же данным, в тот период в добрянском театральном кружке, возглавляемом бывшим заводским инженером Н. Дьяконовым, занимались 26 человек. Среди поклонников Мельпомены числились заводские служащие, учителя, медики...

Правда, собраться для репетиций им было не так-то просто. Этому мешало огромное число характерных для российской жизни ограничений. Во-первых, пьесы могли ставиться «лишь в дни разрешенные законом», во-вторых, они обязательно должны были иметься в списке разрешенных, в-третьих, получить разрешение можно было только в Перми, в-четвертых, для устройства репетиций необходимо было обязательно представить в полицейские органы список их участников и т.д.

Однако любовь к театру и стремление местных интеллигентов испытать себя в роли актеров были сильнее цензурных и бюрократических препятствий. И вот когда падал сооруженный чиновниками бумажный занавес, то вместо него перед добрянским обществом раскрывался настоящий, театральный. Тот, что отделял зрительный зал от сцены.

В 80-х годах прошлого века репертуар добрянского самодеятельного театра состоял в основном из водевилей. Пожелтевшие архивные страницы донесли до нас названия таких давно забытых пьес, как «Барыня почивает», «На бойком месте», «Гамлет Сидорович и Офелия Кузминична» и др. Но не обошли стороной добрянские актеры и социально заостренные пьесы Островского, Писемского, Гоголя.

Спектакль, пусть даже любительский, требовал определенных денежных

сумм на изготовление декораций, костюмов, другого реквизита, но траты эти покрывались не всегда. Так, при постановке «Ревизора» любителями было выручено 62 рубля, а потрачено 66. В последнюю сумму входили и траты на угощение актеров. Трудно сказать, в чем это угощение заключалось, но отрицательный баланс складывался порой даже при аншлагах, которые были вполне типичным явлением. Как правило, в дни постановок люди не только сидели на одиннадцати имевшихся в импровизированном театре скамьях, но и стояли по бокам и в глубине зала. От места зависела и цена билета, которая колебалась в пределах от 5 до 40 копеек.

## Артисты-альтруисты

Впрочем, никто из актеров и не ставил перед собой цель заработать деньги. На первом месте для них стояло получение морального удовлетворения. В дореволюционных источниках встречается масса примеров, когда весь, часто весьма приличный, сбор от постановок шел на конкретные, заранее определенные благотворительные цели. Так, осенью 1889 года добрянские актеры дали, «по мысли управляющего», спектакль «в пользу бедствующего осиротевшего семейства» одного из конторских служащих», а 22 ноября 1898 года они играли в пользу местной читальни. При этом второй спектакль отличался от всех других тем, что в нем, благодаря инициативе заведующего 2-классным приходским училищем М.С. Попова, были задействованы не служащие, а мастеровые. Как писала губернская пресса, «представлено было «Ночное» Стаховича и «Бобыль» Круголепова. Театр, сравнительно большой для завода, был буквально переполнен. Народ толпами уходил домой, так как уже не было билетов. Мастеровым страшно хотелось видеть, как будут играть на сцене их же товарищи, играть перед «господами». Действительно, играли они так хорошо, что даже «господа» сочли долгом зааплодировать и вызывать выдающихся артистов. Артисты-мастеровые, взятые от листокатальных станов, мартеновских печей, механических фабрик и пр., тщательно подготовленные г. Поповым, вызывали громкие одобрения многочисленной публики. На долю новоиспеченных артистов выпал поразительный успех, который затмил славу доселе подвизавшихся на добрянской сцене, чего действительно никто не ожидал. Народ весело и не без пользы провел 3-4 часа и разошелся вполне удовлетворенный. Народная читальня, между тем, получит значительную сумму, а пятаки и гривенники, принесенные народом, вернутся снова в него в виде книжек».

Хорошие отзывы зрителей получил и спектакль, поставленный в Добрянке в 1898 году по комедийной пьесе Мясницкого «Заяц». «Комедия была разыграна гладко, все исполнители прекрасно знали свои роли и очень нравились публике», – сообщали «Пермские губернские ведомости». Сбор от спектакля в размере 75 рублей также был передан «на поддержание читальни».

Подобная практика сохранилась и в начале XX века. К примеру, весь «поря-

дочный сбор» от устроенного 13 декабря 1910 года в помещении 2-классного училища спектакля «Сыщик» пошел на организацию рождественской ученической елки, а средства от постановки спектакля «Правда – хорошо, а счастье – лучше» в размере 91 рубля были переданы в пользу жителей губерний, пострадавших от неурожая. Среди наиболее запомнившихся артистов начала века современники называли обладателя могучего баса заводского служащего С.Ф. Третьякова, капитана парохода «Еруслан» Зырянова, заводского техника Бушуева. Одно время в качестве театра выступало небольшое здание технического бюро, и на спектакли попадало лишь ограниченное число зрителей.

### **«Вся жизнь – театр...»**

Помимо Добрянки, достаточно яркой звездочкой на театральном небосводе Прикамья светилась Полазна. Местный любительский театр был устроен здесь в помещении заводского пожарного депо. Инициаторами его создания стали, как обычно, служащие заводууправления и учителя. Они же были главными актерами.

В губернской прессе первое сообщение о полазненском любительском театре относится к 1901 году. Тогда здесь ставили пьесу «Изумительное превращение». Правда, сообщение это было посвящено не столько самому спектаклю, сколько трагедии, случившейся во время него. По данным «Пермских губернских ведомостей», «едва началось первое действие, как один из участвующих любителей, г. Хлебутин, моментально на сцене упал.

Местный врач, бывший также в числе любителей, тотчас же констатировал смерть последнего от болезни сердца. Видя из-за кулис своего мужа лежащим на полу и над ним доктора, жена покойного (тоже участвующая в пьесе) старалась ворваться на сцену к мужу, и ее в состоянии близком к обмороку, почти унесли за кулисы на руках. Большая часть публики, как незнакомая с содержанием даваемой пьесы в начале полагаала, что любители выполняют лишь свои роли, но когда открыли занавес и начали просить публику расходиться по домам, т.к. случилось несчастье, всем сделалось видимо не по себе, хотя многие совсем не думали о таком плачевном финале. При выходе из театрального помещения публике было объявлено, что желающие могут получить свои деньги из кассы театра обратно, но, как слышно, таковых оказалось немного, и выручка целиком поступит в пользу умершего г. Хлебутина».

Деньги эти им были совсем нелишними. По сведениям газеты, покойный служил в местной конторе кассиром в течение более чем 10 лет и получал относительно небольшое жалованье в размере 40-45 рублей в месяц. После его смерти на попечении жены остались 8 детей в возрасте от 2 до 20 лет. «Да, положение сирот Хлебутиных в настоящее время не из завидных, и материальная помощь им, от кого бы то ни было, не будет лишней, хотя по слухам, управляющий Полазнинского завода принимает в них большое участие», – писала газета.

В исторических записках, подготовленных полтавским учителем П.И. Палкиным в 1957 году, помимо братьев Хлебутиных, в числе наиболее популярных местных дореволюционных актеров встречались, в частности, фамилии заводского бухгалтера К. Еремеева и учительницы Н. Шилковой.

Не исключено, что именно они блистали перед местной публикой осенью 1914 года на спектаклях, поставленных «в пользу усиления средств местного попечительства по вспомоществованию оставшихся семьям призванных на войну запасных». Тогда на суд зрителей были представлены драма Алмазова «Волчьи зубы» и водевиль «Сосватались и разошлись». По словам очевидцев, «обе пьесы исполнены были безупречно, а говоря о любителях, даже прекрасно. Насколько драма оставила в слушателях тяжелое и гнетущее настроение, настолько веселый водевиль заставил от души посмеяться. Сбор был полный. Устроительница спектакля Е.В. Кузнецова предполагает с тою же целью организовать в ближайшем будущем благотворительный вечер».

Но так бывало не всегда. По сообщению газеты «Камский край» за 1906 год, «со спектаклями дело в Полтаве обстояло» хуже некуда. Время было неспокойное. Еще не затух окончательно огонь первой русской революции, а потому и получить разрешение на постановку было крайне сложно. Не особенно было расположено к спектаклям в то время и местное заводское начальство.

### **«Не живи, как хочется»**

Ярчайшим событием в тусклой, однообразной жизни прикамской провинции явилась постановка в 1909 году любительского спектакля в селе Перемское.

«Село Перемское – центр довольно обширной глухой местности, именуемой по протекающей реке, Косью. Край лесов, непроходимых сугробов и ничем не нарушаемой тишины... И вот в этом медвежьем уголке возникла мысль дать деревне разумное развлечение, да, кстати, и собрать немножко деньжонок на устройство школьной елки. Возникла она в самом живом и отзывчивом элементе – учительской среде. Поддержали еще кое-кто из местной интеллигенции. Ставили Островского: «Не живи, как хочется», – сообщалось в газетной корреспонденции из этого села.

Под театр была приспособлена сельская школа. Многие из учителей-актеров приезжали на репетиции «и в холод, и пургу» из деревень, удаленных порой от села на 24 версты. Успех спектакля был полным. «Страхнута на минуту лямка ежедневного труда и будней. Яркий вечер, яркое впечатление в жизни глухой деревни и ее вечного труженика – народного учителя». Сбор от спектакля – чуть более 17 рублей, а также деньги от добровольной подписки, «повысившей эту сумму до 70 рублей», пошли на устройство новогодней елки для детей, в том числе на подарки им в виде сладостей, книжек, а наиболее бедным – и одежды.

*Камские зори. 1999. 24 сентября, 1 октября*

## Загадка одной афиши

*О дореволюционной истории Добрянского самодеятельного театра написано немало. Материалы о театральной жизни выходили на страницах газет, в научных сборниках, в книгах. Но когда именно был создан этот театр? Найти ответ на этот вопрос никак не удавалось. По косвенным же данным получалось, что в 70-х гг. XIX века он уже существовал. И вот тут появляется одна загадочная афиша...*

### Афиша на атласной ткани

Почти два года назад хранилище коллекций декоративно-прикладного искусства Пермской художественной галереи Галина Серафимовна Кимвалова сообщила добрянским музейщикам о том, что в ее руки попал интересный экспонат, который наверняка заинтересует добрянцев. Так и произошло.

Этим экспонатом оказалась афиша комедии А.Н. Островского «Бедность не порок», поставленной актерами добрянского театра. Спектакль был показан публике 27 сентября 1892 года.

Интересно, что афиша была напечатана не на бумаге, а на розовой атласной ткани. Ее размер – 22,6 на 45 см. Сообщалось, что афиша отпечатана в Типолитографии Заозёрского в г. Перми, а ее печать позволил уездный исправник Баралевский.

В верхней части афиши два сидящих купидона держат венок с бантом, в центре которого помещена монограмма «СП.Л». Под ними даты «1867. XXV. 1892». Ниже изображена лента с надписью «Добрянский завод». Под лентой находится лира в окружении виньетки с тонким цветным орнаментом. Еще ниже помещен текст: «С дозволения начальства. В Воскресенье, 27-го Сентября 1892 г. в местном заводском театре любителями сценического искусства представлено будет «Бедность не порок» (Комедия в трех действиях А.Н. Островского). Действие происходит в уездном городе, в доме купца Торцова, во время святок. Начало в 6 часов вечера. В антрактах музыка. Цена мест: 1 ряд – 40 коп., 2-3-й ряды – 30 коп., 4 и 5 ряды – 25 коп., 6, 7 и 8-й – 20 коп., остальные 15 коп., стоять – 5 копеек.

Стоимость афиши – 3 коп. Режиссер – В.Е. Волков.

Распорядитель – Ф.А. Плюсин».

### Актеры и их роли

Кто же играл в этом спектакле в тот далекий от нас день? Как следует из афиши, роли и исполнители были следующими.

Гордей Карпыч Торцов, богатый купец. Эту роль играл добрянский окружной лесничий Василий Александрович Тютюков.

Пелагея Егоровна, его жена – М.А. Тютюкова (вероятно, жена лесничего).



Любим Карпыч Торцов, его брат, промотавшийся – В.Е. Волков (режиссер постановки).

Африкан Саввич Коршунов, фабрикант – Павел Александрович Тунев. В то время он был механиком-строителем Добрянского завода, а в дальнейшем с 1895 по 1903 год являлся управляющим завода. Известно также, что он был шурином П.И. Сюзева.

Митя, приказчик Торцова – Михаил Степанович Попов, учитель Добрянского 2-классного приходского училища с 1884 года. Современники заслуженно относили его к лучшим педагогам Добрянки. Был известен своей общественной деятельностью, на протяжении нескольких лет возглавлял любительский театр.

Яша Гуслин, племянник Торцова – Михаил Иванович Батанов, преподаватель пения, отец известного добрянского краеведа 1920-30-х гг. В.М. Батанова.

Гриша Разлюляев, молодой купчик – Федор Александрович Плюснин, служащий Добрянской заводской конторы, распорядитель театра. В «Истории Урала» сообщается, что он входил в число наиболее известных исполнителей Пермского музыкального кружка.

Остальные шесть ролей играли как совсем юные, так и пожилые артисты театра.

## **В честь серебряной свадьбы?**

Теперь о датах, помещенных в верхней части афиши: «1867. XXV. 1892». Если 1892 год – эта дата постановки спектакля и выпуска афиши, то две следующие даты явно указывают на 25-летие. Но чего? Вот здесь-то и кроется загадка. Возможно, это юбилей добрянского любительского театра. Если данное предположение верно, то получается, что он был создан в 1867 году. А если нет, тогда о каком еще 25-летию идет речь?

Не исключено, что новой театральной постановкой добрянские любители сценического искусства отметили серебряную свадьбу Павла Ивановича и Любови Александровны Сюзевых. Ведь не случайно же на афише присутствует монограмма «СП.Л». Ее можно расшифровать как «Сюзевы Павел. Любовь». И дело здесь не в каком-то подобоострастии местных самодельных актеров к управляющему Добрянским горным округом и его супруге, а в искреннем уважении к тем людям, которые своей разнообразной деятельностью приносили несомненную пользу как Добрянке в целом, так и любительскому театру в частности.

О том, что 25-летие супружеской жизни Сюзевых не прошло незамеченным для современников, сообщалось в статье друга семьи, известного пермского дореволюционного историка А.А. Дмитриева. Как писал он на страницах «Пермских губернских ведомостей»: «В конце 1892 г. признательные служащие Добрянского завода почтили своего управляющего поднесением



ему серебряного блюда и роскошного альбома по случаю 25-летия бракосочетания П.И. Сюзева с Любовью Александровною, урожденною Туневою». Таким образом, датировка практически совпадает с той, что указана на театральной афише. Видимо, поэтому, по причине юбилея, афиша и была заказана не на обычной бумаге, а на атласной ткани.

А может быть, Сюезы как раз и стояли у истоков создания добрянского театра, и две даты, их личная и театральная, чудесным образом совпали в 1892 году? Может быть...

### **Кто сохранил афишу?**

Что же касается самой афиши, то известно, что 17 октября 1929 года она была передана в Пермский краеведческий музей жителем Перми Иваном Матвеевичем Вахониным. Он являлся художником Пермского театра рабочей молодежи (ТРАМ). А вот как добрянская афиша попала к нему, неизвестно. Но здесь важно другое. Этот экспонат заставляет нас еще более бережно, пристально и вдумчиво вглядываться в нашу историю. Загадок в ней еще немало.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 7 декабря.  
(В соавторстве с Н.М. Першиной)*

## Очаги просветительства

*Жил да был в Добрянке в начале нашего столетия некий торговец П. Просто П. и всё. И никто бы не вспомнил о нем сегодня, если бы не захотелось ему однажды стать знаменитым. Вот и сделал он широкий жест. Взял да и подарил местному обществу попечения о народной трезвости один из своих домов. А чтобы все знали о его благотворительности, первым делом приколотил к зданию громадную вывеску, что вот-де дом пожертвован тем-то и тогда-то. Но шли день за днем, месяц за месяцем, а ни в одной губернской газете об этом примечательном факте отчего-то не сообщалось и никакой известности, а тем более награды господин П. не получал. Обиделся он на весь свет да и отобрал у общества подаренный дом.*

*В результате же сей трагикомической истории, рассказанной в «Пермских губернских ведомостях» за 1909 год, без крыши над головой осталась самая крупная в Добрянке на тот момент общедоступная библиотека. И это лишь небольшой штрих из истории развития библиотечного дела в нашем крае. Мы же начнем свое повествование с XIX века.*

### Где и у кого имелись библиотеки?

Первые документально подтвержденные данные о существовании в Добрянке библиотеки относятся к 1836 году. Но сразу следует оговориться, что речь в этот период шла лишь о школьной библиотеке при только что открытом в заводском поселке Софийском 2-классном приходском училище. На тот момент в ней насчитывалось 167 томов книг 14 наименований. К 1850 году число книг увеличилось до 398 экземпляров. Причем книги были достаточно дорогими. Их общая стоимость оценивалась в 200 рублей серебром.

Помимо этого, есть сведения, что к тому времени в поселке уже существовала крупная техническая библиотека при местном металлургическом заводе. По данным краеведа В.М. Батанова, фонды ее были «богачейшими». Там, в частности, имелись издания не только XIX, но и XVIII веков, в том числе периодика. После революции 1917 года эта библиотека, как и заводской архив, была в значительной степени растащена «невежественными людьми», и большинство уникальных изданий ушло, по-видимому, на самокрутки местным мужикам.

Крупные и весьма ценные личные библиотеки имелись также у некоторых представителей местной интеллигенции. Самой же известной частной библиотекой в Добрянке была библиотека управляющего заводом П.И. Сюзева, переданная в 1910 году в дар Пермскому научно-промышленному музею. В музейных фондах до сих пор встречаются весьма ценные и редкие издания XVIII-XIX веков, помеченные личной печатью Павла Ивановича.

Свои библиотечки религиозной литературы существовали и при церквях.

Есть сведения, что в начале нашего века в одной из них хранилось уникальное Евангелие 1606 года издания, которое являлось личным подарком заводовладельцев храму. Впрочем, все вышеперечисленные библиотеки были либо ведомственными, либо частными и вряд ли их фондами мог пользоваться широкий круг читателей. Поэтому нам важнее сегодня выяснить историю появления в крае первых публичных, широкодоступных для любого читателя библиотек. И, похоже, что первой в этом ряду следует считать библиотеку-читальню, открытую в 1894 году в селе Сенькинском.

## **Сенькино – библиотечная «столица»**

Как сообщалось в одной из газетных публикаций, за время своего существования «она снискала всеобщие симпатии крестьян. Крестьяне охотно ее посещают, особенно в праздничные и воскресные дни, когда читающих в ней бывает до 60 человек и даже больше, но и в простые дни всегда в ней народ».

Но и это еще не все. Оказывается, на рубеже веков в Сенькино, которое традиционно считалось «медвежьим углом», существовала даже своя небольшая детская библиотека! Ею заведовал окончивший курс местной школы «мальчик Афанасий Меркушев». Эта библиотека действовала отдельно от традиционной школьной.

Столь бурный расцвет библиотечного дела в этом селе был связан с именем удивительного человека, учителя, а затем и известного прикамского общественного деятеля Я.К. Морозова, которого местные жители буквально боготворили. Его деятельность заслуживает отдельной, обстоятельной публикации, поэтому мы не будем задерживаться в Сенькино и перенесемся в старую Полазну, где 1 апреля 1898 года также была открыта бесплатная библиотека-читальня.

## **Библиотека в Полазне**

Средства на ее открытие в размере 200 рублей были получены из Пермского комитета попечительства о народной трезвости. Кроме того, по 30 рублей ежегодно обязалось жертвовать на читальню общество мастеровых Полазнесенской волости. Заведующим библиотекой, на общественных началах, стал один из учителей местной мужской школы.

Первое время библиотека-читальня в Полазне пользовалась большим успехом среди населения. За 2 месяца ее работы в ней побывало около трехсот читателей, которые брали для чтения 479 книг самого разного содержания. Особым успехом пользовались русская и зарубежная художественная литература, книги по истории и географии, духовная литература.

Интересно, что наряду с библиотекой, которая рассматривалась как средство отвлечения населения от пьянства и бесцельного времяпрепровождения, в Полазне обществом борьбы за трезвость была открыта еще и дешевая

чайная, часть выручки от которой предполагалось пускать на приобретение книг. Однако уже скоро выяснилось, что действует эта чайная себе в убыток. За пять месяцев деятельности в ней было выручено 85 рублей 44 копейки, а израсходовано на ее содержание 100 рублей. Это явление объяснилось тем, что в Полазненском заводе к тому времени «получила широкое потребление брага которая, приготавлилась с хмелем и выпивалась в громадном количестве». Дешевый чай по 3 копейки за порцию с двумя кусками сахара конкуренции с брагой не выдержал.

Точно так же не удавалось направить полазненцев на путь истинный и библиотеке, деятельность которой в рамках попечительства о народной трезвости постепенно сошла на нет.

«Полазненским обывателям постоянно приходится слышать площадные ругательства здешних уличных хулиганов, каковые ежедневно по вечерам сходятся партиями в 10-15 человек и с песнями под гармонию расхаживают по улицам.

Если же проходящему за надобностью нежелательно получить оскорблений со стороны этих хулиганов действием или же словами, то нужно обходить 2-3 квартала, чтобы избавиться от этих неприятностей», – сообщалось в одной из газетных корреспонденции.

## **Библиотека в Добрянке**

Не лучше обстояли дела с народной нравственностью и в Добрянке, где бороться с пьянством пыталось местное Александро-Невское общество трезвости во главе со священником Федором Светловым.

Главным же звеном просветительской, в том числе и антиалкогольной деятельности должна была опять же стать бесплатная библиотека. Должна была, но вот стала ли?

С самого начала (1898 г.) она столкнулась с отсутствием удобного помещения и первое время ютилась в двух небольших комнатах квартиры священника Иоанна Шибкова. Теснота помещений не позволяла устроить при библиотеке читальню, поэтому объемы выдачи литературы на дом поначалу были весьма внушительными. Только в течение первого года работы услугами библиотеки воспользовалось 535 читателей, которые брали 7914 книг, в основном религиозно-нравственного содержания.

В дальнейшем трудности в работе Добрянской библиотеки нарастали подобно снежному кому. Самой большой проблемой была нехватка денежных средств, в результате чего невозможно было содержать библиотеку, приобретать для нее необходимые книги и выписывать периодические издания. С целью отыскать хоть каких-то средств в Добрянке неоднократно устраивались любительские спектакли, весь сбор от которых отправлялся в адрес библиотеки, которая, по мнению современников, все же «давала возможность рабочим провести свободное время в разумном развлечении». Только вот

возможности эти были невелики. «Новых книг, журналов, периодических изданий почти совсем не выписывается. Помещение читальни далеко не соответствует своему назначению, — сообщали в 1909 году «Пермские губернские ведомости». «Надо надеяться, что местные интеллигентные силы, соединившись вместе, придут ей на помощь!» — восклицала газета.

Вряд ли чем-то серьезным могло помочь библиотеке и местное попечительство о народной трезвости, ибо ряды его постоянно сокращались, и в 1907 году в нем состояло не более 5 человек. Многие жители Добрянки о таком обществе успели уже забыть.

## **Под опекой земств**

К 1910 году деятельность многих библиотек-читален, действовавших под эгидой обществ трезвости, практически прекратилась, в дальнейшем начался их переход в ведение земств. Подобную эволюцию претерпела, к примеру, Полазненская библиотека.

При этом земства не только брали под свою опеку уже существующие читальни, но и открывали новые. Так, в 1909 году Пермская уездная управа открыла библиотеку-читальню в Голубятах, в 1911 году — в Перемском, а затем наметила открыть новые библиотеки в таких косьвинских деревнях, как Серегова, Наумята, В.-Ярославщина и Тысяцкова. Как это часто бывает, открытие библиотек в разных местах происходило по-разному. Где-то был настоящий праздник, а где-то оно проходило совсем незамеченным.

## **Читатели из Голубят**

Вот что сообщалось, к примеру, из Голубят. «Не смотря на довольно-таки порядочный промежуток времени, истекший со дня открытия читальни (8 месяцев. — М.К.), последняя не успела еще сорганизоваться как следует и носит свое название лишь номинально... В ней до сих пор нет ни одной книги для чтения... Высылаются «Пермские ведомости», «Русское слово» и «Журнал для всех», но и этот скромный литературный материал редко попадает в руки немногочисленной публики, интересующейся тем, что происходит на белом свете. Если же и случится кому-либо получить по счастью номер газетки, то уже после того, как он потерял всякий текущий интерес и по внешнему виду напоминает что-то вроде оберточной бумаги, бывшей несколько раз в употреблении. Заведующий библиотекой фельдшер Щербаков, ревниво оберегает газеты и зорко следит за каждым номером, чтобы он не попал раньше его кому-либо другому.

По получении же газет, он держит их у себя недели две, а то и больше. Недавно местный священник воспользовался отлучкой фельдшера в участок и получил газеты, чтобы прочитать и отнести их в библиотеку, но вскоре приехал фельдшер и с выговором отобрал их у священника».

Ситуация в Голубятах изменилась лишь в 1914 году, когда заведующей

библиотекой-читальней стала А. Петухова, жена местного священника. Благодаря ее стараниям, библиотека была переведена в другое, более подходящее здание и стала работать ежедневно. При этом в дополнение к изданиям, выписываемым земством, заведующая выписала еще несколько изданий на свои личные средства. В результате в декабре 1914 года в библиотеке побывало 300 читателей, а в январе 1915-го – более четырехсот. Газеты посылались и в соседние деревни.

## **Библиотеки на Косье**

В отличие от Голубят в Перемском дело пошло на лад сразу. Открытие читальни в этом селе сопровождалось торжественным молебном. Для нее было подготовлено помещение, библиотекарем стал крестьянин Кормщиков. Большую помощь ему в составлении картотеки оказал местный учитель И.И. Бабин.

Совсем по-другому обстояло дело с открытием библиотеки в селе Никулино. Здесь в начале нашего века действовала так называемая Павленковская библиотека, одна из двух тысяч в России, учрежденных на средства книгоиздателя и мецената Ф.Ф. Павленкова.

## **Что читали крестьяне...**

Количество и наименование книг, газет, журналов в разных библиотеках края было различным. Все зависело от их материального обеспечения, а часто и от активности самого заведующего читальней. В том же Сенькино, к примеру, в 1903 году в местную библиотеку были выписаны следующие журналы и газеты: «Пермские губернские ведомости», «Сельский вестник», «Воскресенье». «Живописное обозрение», «Вокруг света», «Земледелец», «Сельский хозяин» «Крестьянское хозяйство», «Народное благо», «Деревня», «Журнал для всех», «Вестник русского общества пчеловодства». В детскую библиотеку поступали журналы «Родник» и «Читальня народной школы».

Кроме этого, специально для крестьян библиотека заказывала такие издания, как «Маслоделие в Западной Сибири», «Узаконения о крестьянском поземельном банке» и многие другие книги и брошюры практического характера.

## **...и сельские интеллигенты**

Много журналов выписывали для себя представители сельской интеллигенции. В тот же период в Сенькино поступали «Вестник Европы» и «Вестник иностранной литературы», «Нива» и «Север». Не отставали от учителей и медиков и некоторые крестьяне. «Такое большое по нашему селу количество выписываемых журналов, без сомнения, свидетельствует о том, что любовь к чтению в нашем селе и волости сильно развита», – сообщалось в

одном газетном материале из Сенькино. Кстати, в 1898 году в этом селе в 28 домах проживало всего лишь 107 человек.

Большую страсть к чтению и к получению информации испытывали и жители Перемского. В 1904 году, когда библиотеки здесь еще не было, на помощь им пришел служащий имения Строгановых, некто Волков. Учтывая жажду к чтению, особенно со стороны малоимущих односельчан, он, выписав для себя газету «Пермские губернские ведомости», журналы «Нива», «Сельский хозяин», «Природа и люди» и «Пчеловодство», разрешил читать их бесплатно всем желающим беднякам с. Перемского, а потом уже отправлять журналы к нему. «Нужно видеть, с каким нетерпением неимущие дожидаются «волковской газеты», а получивши их с почты с восторгом читают и обмениваются впечатлениями», — сообщалось в 1904 году в одном из писем из этого отдаленного косьвинского села в Пермь.

Естественно, что, помимо разнообразных периодических изданий, в библиотеки-читальни поступало и немало книг самых разных жанров. К примеру, в Павленковской библиотеке села Никулино (а такие библиотеки были «обставлены» лучше прочих) имелись книги Толстого, Короленко, Сенкевича, Войнич и других известных авторов. Во всех читальнях было много книг сельскохозяйственного назначения, предназначенных для крестьян. Например, такие как «Беседы по обработке земли», «О крестьянской лошади», «Стельная корова», книги по обработке льна и т.д. Кроме этого, в конце прошлого — начале нынешнего века большой популярностью среди населения пользовались так называемые чтения с «туманными картинками» и «волшебным фонарем». Правда, такие чтения проводились в основном на базе школ.

В целом же к 1911 году в Пермском уезде имелось 48 земских библиотек, без учета библиотек обществ трезвости, заводских и церковно-приходских, с общим количеством книг в них 18 тыс. экземпляров. Со временем число библиотек в крае неуклонно увеличивалось, и каждая из них в той или иной степени способствовала просвещению народа. А в этом и заключалась главная цель их деятельности.

*Камские зори. 1997. 9, 14, 16 октября*

## Дорянский музей в 20-е годы

*С момента основания П.И. Сюзевым музея при Добрянском заводе прошло уже более ста лет. За эти годы в его истории образовалось немало «белых пятен». Буквально до последнего времени к ним относились 20-е годы нынешнего века. Бытовало даже мнение, что музея в Добрянке в тот период уже не было, однако это предположение оказалось неверным.*

Выяснилось, что музей, закрытый в годы Первой мировой войны, возобновил свою деятельность в 1924 году. Размещался он тогда в помещении бывшей графской школы, а инициатором его открытия был лесничий Сысов.

Вот что сообщала по этому поводу областная газета «Звезда» в номере от 15 августа 1926 года: «К настоящему времени музей имеет: образцы производства б. Строгановских заводов, из которых следует отметить художественное литье со сложным и стильным рисунком, а также небольшие чисто сделанные модели машин.

Лесное хозяйство Урала представлено в виде разрезов различных пород деревьев.

Останавливает на себе внимание небольшая коллекция старинных монет и громадный ключ от дома графов Строгановых.

Очень интересна шпага времен императрицы Анны Иоанновны, с гравировкой на одной стороне лезвия: «богу и отечеству» и на другой – «виват Анна великая».

Имеются также чудские топоры и подковы, найденные на чудском городище у с. Рождественского и старинное паникадило с р. Косьвы.

В уголке нашли приют четыре пушки времен Ермака: две из них более крупного калибра служили для защиты Строгановских городков и две небольшие – для установки на стругах, может быть, они когда-то сопровождали Ермака в его победном шествии на Сибирь.

Имеется также довольно обширная коллекция уральских каменных пород.

Музей сейчас определенного хозяина не имеет, благодаря чему и влачит самое жалкое существование.

По мнению автора заметки Б. Никитина, «хозяин должен найтись или в лице РИКа, или в лице заводууправления», а Пермскому краеведческому обществу «не мешало бы... принять кое-какое участие в организации музея, а не ограничиваться изъятием некоторых, наиболее ценных экспонатов для пополнения Пермского музея»

Как это не жаль, но в тот период судьба музея никого не заинтересовала. В 1927 году он был упразднен и, по свидетельству столичной исследовательницы С. Киселевской, побывавшей в наших краях в конце 20-х годов,



образцы заводских изделий, содержащиеся прежде в экспозиции музея, отправились на переплавку, а манекены кричных рабочих «в производственном костюме были разбиты».

Об этом же с большой горечью писал в 30-х годах и В.М. Батанов: «Бога-тейший музей, созданный в 80-е г.г.. был разрушен... Остатки его (минералогические и археологические – из ближайших 3-х чудских городищ) валяются беспризорными по чердакам...».

Лишь через 40 лет после этого разгрома, благодаря стараниям энтузиастов, музей в Добрянке появился вновь. Но это уже другая страница его истории.

*Междуречье. Буклет литературно-краеведческого объединения  
при газете «Камские зори». Вып. 1. 1992*

# Нас посещала Василиса Прекрасная

*О том, что в середине 50-х годов в нашем районе снимался знаменитый советский фильм-сказка «Илья Муромец», знают многие. Оказывается, в наших краях не только этот былинный богатырь побывал, но и сама Василиса Прекрасная.*

## Первая встреча

Случилось это в 1948 году, когда в период с 16 по 18 августа в Добрянке гостила исполнительница главной роли фильма-сказки «Василиса Прекрасная», актриса Валентина Михайловна Сарогожская. Встречи с ней и членом съемочной группы Федором Сергеевичем Седых (его называли то артистом, то автором фильма) проходили в переполненном зале кинотеатра им. Ворошилова, который размещался в здании бывшей Рождество-Богородицкой церкви. «Посмотреть живой образ исполнительницы роли Василисы (...), послушать рассказы об актерах и киносъемках (...), каждый вечер сюда собирались молодежь, старики и подростки», – писала добрянская районная газета «Сталинский путь».

Судя по всему, это была самая первая встреча с артистами кино в истории Добрянки. Надо полагать, что в то время приезд в далекую послевоенную провинцию артистов из Москвы был подобен явлению небожителей.

## Старая-старая сказка...

Фильм «Василиса Прекрасная» в 1939 году снимал знаменитый советский режиссер-сказочник Александр Роу, который, по словам специалистов, «умел творить настоящее волшебство на экране» и «его сказки согревали людей в то суровое время».

Сюжет фильма, построенный по мотивам русских народных сказок, прост. В современных аннотациях к картине сообщается: «Задумал как-то отец женить своих сыновей. Вышли три брата в чисто поле, натянули тетиву луков и пустили стрелы в разные стороны. Стрела старшего сына упала на боярский двор, к боярской дочери, стрела среднего сына упала на двор купеческий, а стрела Ивана, младшего сына, упала на болото к лягушке-квакушке. Лягушка оказалась не простой, а заколдованной Василисой Прекрасной...».

Фильм-сказка о Василисе Прекрасной снимался на киностудии «Союздетфильм» и вышел в прокат в мае 1940 года. Среди наиболее известных фамилий актеров, снимавшихся в нем, встречается, к примеру, фамилия неподражаемого Георгия Милляра. Он сыграл в фильме сразу три роли: гусяря, отца и бабы Яги. Да и актера Сергея Столярова как не упомянуть. В разные годы он сыграл ведущие роли в «Цирке» с Любовью Орловой, в «Каше Бессмертном», «Руслане и Людмиле», «Садко», «Илье Муромце», «Тайне

двух океанов». Автором текстов песен для фильма «Василиса Прекрасная» являлся не менее знаменитый в то время поэт Михаил Светлов. Ну а в роли крестьянской дочери Василисы выступила, как мы уже знаем, гостя нашего города Валентина Сарогожская.

## **Под взрыв аплодисментов**

Некоторые подробности добрянской встречи были изложены в «Сталинском пути». «Перед началом кино-картины «Василиса Прекрасная» на сцене появлялся артист Федор Сергеевич и, прерываемый аплодисментами и веселым смехом зрителей, он рассказывал о достижениях советской кинематографии, о проводившихся съемках и участии в них актеров, — сообщал читателям автор заметки Ф. Яковлев. — Кино кончилось, и новый взрыв аплодисментов наполнял зал. Перед экраном вырастал образ той самой артистки, которая исполняет роль Василисы в этой картине. Горячо приветствуемая зрителями, Валентина Михайловна рассказывала, каким образом производилась съемка кинокартины «Василиса Прекрасная» и как ей приходилось исполнять роль Василисы». Публикация заканчивалась словами «большой благодарности» столичным артистам «за их посещение».

## **«Кино кончилось...»**

Сведений об исполнительнице главной роли, как бы сейчас сказали, культового фильма в источниках на удивление мало. Даже фамилия ее и то пишется по-разному: то Сарогожская (как в «Сталинском пути»), то Сорогожская (в Интернете).

После поисков в киноведческой литературе и в Интернете удалось установить, что Валентина Михайловна не была профессиональной актрисой и снялась всего лишь в двух фильмах. За год до «Василисы Прекрасной» она сыграла одну из ролей в фильме «Шел солдат с фронта», снятом по мотивам повести Валентина Катаева «Я сын трудового народа». Действие той кинодрамы разворачивалось в 1919 году на территории Украины, оккупированной немецкими войсками.

Судя по весьма скудным сведениям, родилась В.М. Сарогожская (в девичестве Первак) в июле 1912-го, а скончалась в июне 1988 года. Где, информации нет. Как сообщают на сайте [www.kino-teatr.ru](http://www.kino-teatr.ru) знатоки кино и почитатели киноактрисы, впоследствии Валентина Михайловна, «очень красивая и обаятельная актриса», отошла от актерской деятельности, растила троих детей, вышла замуж за актера Евгения Тетерина, который стал отчимом ее детям. Дочь живет во Франции, сыновья — в Москве.

Что же касается фильма «Василиса Прекрасная», то работа А. Роу даже сейчас смотрится просто волшебным. Стоит смотреть наши старые добрые сказки, показывать их современным детям. Нет, я не против «Шреков», «Мадагаскаров», «Гарри Поттеров». Они хороши, весь мир их смотрит. Я просто

за то, чтобы мы, нынешние, и свои корни не забывали. Те фильмы и сказки, на которых выросли наши бабушки, дедушки, родители наши. Хотя бы потому, что в них сохраняется душа русского народа. Это то, что напрямую связывает каждого из нас с прошлым нашего Отечества.

Глядя на эту фотографию, трудно не согласиться с тем, что Валентина Сарогожская была очень красивой и обаятельной актрисой. На данном снимке ей ориентировочно 25-26 лет. В Добрянке она побывала десятью годами позже.

## **В тему**

Сейчас уже мало кто помнит еще один любопытный факт, связанный с приездами к нам известных советских киноактрис. А между тем осенью 1973 года в Полазне побывала актриса театра и киностудии «Ленфильм», народная артистка РСФСР Людмила Чурсина. Актриса в то время молодая, 32-летняя, но уже суперпопулярная. Зрители знали и любили ее по запоминающимся ролям в таких фильмах, как «Донская повесть», «Виринея», «Щит и меч», «Угрюм-река», «Адъютант его превосходительства», «Приваловские миллионы» и многих других.

В полазненском Доме техники Людмила Алексеевна провела две встречи со зрителями, в ходе которых были продемонстрированы фрагменты из кинокартин с ее участием. Зрители очень тепло приняли ленинградскую гостью. Причем не только аплодисментами, цветами и признаниями в любви. Начальник НГДУ «Полазнанефть» А.Д. Черкасов вручил Людмиле Чурсиной памятный адрес и свидетельство о присвоении ей звания «Почетный нефтяник Полазны»!

\* \* \*

В 70-х годах встречи полазненских нефтяников с известными ленинградскими актерами редкостью не были. В 1974 году, например, в поселок приезжал популярнейший артист, герой самых ярких комедий советского кинематографа Алексей Смирнов. Достаточно вспомнить его незабываемые «Операцию «Ы» или «Свадьбу в Малиновке». Интересно, что на встрече с ним разговор шел не только о кино, но и фронтовом пути актера.

В 1976 году переполненный зал Дома техники встречал еще двух известных актеров «Ленфильма» – Геннадия Нилова и Павла Кадочникова. Как сообщалось в прессе, «гости поделились воспоминаниями о киносъёмках, рассказали о своей творческой работе», а также оставили записи в книге посетителей многотиражки «Нефтяник Полазны». «Я ушел со сцены обогащенным», – писал после встречи с нефтяниками П. Кадочников.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2010. 25 ноября*

## «И снег, и ветер, и звезд ночной полет...»

*50 лет назад, в марте-апреле 1958 года, в Добрянке прошли съемки известного в свое время художественного фильма «По ту сторону».*

### Чему посвящался фильм

Осенью 1958 года в СССР отмечалось 40-летие создания Всесоюзной Ленинской Коммунистической организации молодежи. Проще говоря (объясняя для нынешних молодых), комсомола, или ВЛКСМ. Подготовка к этому событию шла по всем направлениям, в том числе и в кинематографии. В авангарде двигалась, естественно, крупнейшая киностудия страны «Мосфильм», где задумали снять киноленту «По ту сторону». Снималась она по одноименному роману писателя Виктора Кина (его настоящая фамилия Суворовикин. — М.К.).

Этот роман был впервые опубликован в 1928 году и рассказывал о героизме комсомольцев в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке. Несмотря на идеологическую выдержанность романа и на то, что он очень полюбился советской молодежи, судьба писателя сложилась трагически. Бывший красный комиссар, член ВКП(б) с 1920 года, а затем журналист «Комсомольской правды» и ее собкор в Испании Виктор Кин был репрессирован в 1937 г. Его жизнь оборвалась в возрасте 34 лет. Естественно, что съемки фильма по роману В. Кина стали возможны лишь после посмертной реабилитации автора.

### О героизме и любви

«...1922 год. Перед зрителями встают тревожные дни борьбы, дни полные лишений и опасностей, овеванные романтикой и мечтой о счастливом будущем для всех трудящихся», — так осенью 1958 года анонсировала этот фильм добрянская районная газета «За коммунизм».

Если же коротко говорить о сюжете кинокартины, то в центре ее — повествование о героической судьбе комсомольцев Матвеева и Безайса, которые пробирались из Читы через линию фронта в таежный партизанский штаб. Они должны были доставить партизанам деньги и шифровку. По дороге из Забайкалья в Хабаровск друзья встретились с анархистами, затем нарвались на заставу белых. В перестрелке Матвеев получил тяжелое ранение, едва выжил и остался инвалидом. В результате к партизанам ушел один Бейзас, а желающий хоть как-то помочь делу революции Матвеев позже отправился расклеивать большевистские листовки на улицах Хабаровска и погиб в схватке с белыми.

Героико-революционная тема переплеталась в фильме с любовной. Знакомая Матвееву девушка Лиза отказалась от него, но зато его, тяжелораненого комсомольца, преданно полюбила девушка Варя.

## Звезды в Добрянке

«Мосфильм» в лице режиссера Федора Филиппова собрал для съемок в новой картине целую плеяду блестящих актеров. Судите сами. Роль Матвеева играл Всеволод Сафонов, Бейзаса – Юрий Пузырев, а Варю – звездная «укротительница тигров» Людмила Касаткина. В этом фильме был также задействован Сергей Филиппов и другие известные актеры.

Многих из них добрянцы могли воочию лицезреть в марте-апреле 1958 года на улицах своего города. Тем более что в дни съемок артисты (В. Сафонов, Ю. Пузырев и Л. Касаткина) встречались с трудящимися нашего района «в Доме культуры и в теплой душевной беседе делились своими творческими делами». Судя по опубликованной тогда в «районке» статье директора картины С. Биязи под названием «Сердечно благодарим», артистам и членам съемочной группы в Добрянке понравилось.

Кстати, мне с детства запомнилось, что на одной из почтовых открыток с Людмилой Касаткиной, выпускавшихся в советское время, был помещен кадр именно из этого фильма. Правда, я и не подозревал тогда, что он имеет отношение к нашему городу.

Фильм «По ту сторону» вышел на экраны Советского Союза осенью 1958 года. В Добрянке он демонстрировался с 7 по 9 ноября. В силу понятных причин, наш город стал первым в Пермской области, где была показана эта картина.

## Метель из... резаной бумаги

Несмотря на то, что с момента съемок этого фильма прошло полвека, многие добрянцы помнят то, как это происходило. Причем, как всегда, в воспоминаниях всплывают такие нюансы, о которых нигде не прочитаешь, но именно из них и складывается наша жизнь.

### Иван Лазаревич КУЛИКОВ:

– Когда этот фильм снимали, я учился в первой школе. Уроки заканчиваются – и мы на съемочную площадку. Мне почему-то особенно запомнился момент, который снимали на ул. Трудовой Задобрянкой. Помню, ярко фонари, прожекторы светят, электростанция тарахтит и тут же установлен авиадвигатель с пропеллером. По сценарию должна была быть метель, а ее нет. И вот тогда привезли несколько мешков с мелко нарезанной бумагой, ее разбрасывают перед работающим пропеллером, бумага летает и вроде как метель метет, а в метели этой едет тройка.

### Ирина Владимировна ВОРКИНА:

– Когда съемки этого фильма проходили, моя мама Людмила Алексеевна работала продавцом в задобрянском магазине. И она рассказывала мне, что как-то двери в магазине раскрываются – и на пороге сама Касаткина! Подошла к прилавку, попросила показать какую-то брошку. Тогда весь магазин сбежался, чтобы увидеть знаменитую актрису.

### **Валентина Ивановна ФИЛАТОВА:**

— Какие-то эпизоды фильма снимались у нас на улице Степана Разина в Захолщевке. Естественно, что в центре внимания добрянцев была молоденькая, улыбчивая Людмила Касаткина. У нее коса была длинная, а ребятишки, кто пошустрее, подбегут, косу потрогают: «Не-е, не настоящая», а Касаткина смеется, с ними балуется. К моему четырехлетнему сыну Сереже подседа, за щечку его потрепала: «Ух, какой бутуз розовощекий!»

### **Владимир Евдокимович САВИНОВ:**

— Когда съемки проходили, вся наша первая школа сбегалась посмотреть. Запомнился момент, связанный с нашим учеником Володей Якушевым. Он парень видный был, вышел на улицу, стоит распахнутый, воротник расстегнутый, смотрит. И представьте себе, к нему подходит сама Людмила Касаткина, застегивает воротник и говорит: «Ты не задавайся, а то простудишься!»

### **Муза Сергеевна САВИНОВА:**

— Володе, кстати, пророчили судьбу актера. По крайней мере, по Добрянке ходили разговоры, что москвичи беседовали с его родителями на этот счет. Артистом он не стал, зато стал известным писателем Владимиром Соколовским.

А еще я тогда поняла, насколько труден актерский хлеб. Был там эпизод, когда Варя (Людмила Касаткина) должна была заскочить на сани и схватить вожжи. Так сколько же раз этот эпизод переснимали! Я тогда еще подумала, что ведь в фильме сотни таких эпизодов. Это сколько же труда надо вложить в каждый из них.

### **«Песня о тревожной молодости»**

Сам по себе фильм «По ту сторону» хоть и был замечен зрителями, но все же не стал каким-то особо значимым словом в отечественной кинематографии. Но зато суперпопулярной стала впервые прозвучавшая в нем «Песня о тревожной молодости» Александры Пахмутовой. Получается, что Добрянка хотя и косвенно, но все же причастна к этой песне. Вот ее текст.

Забота у нас простая,  
Забота наша такая, -  
Жила бы страна родная,  
И нету других забот.

Припев:  
И снег, и ветер,  
И звезд ночной полет...  
Меня мое сердце  
В тревожную даль зовет.

Пока я ходить умею,

Пока глядеть я умею,  
Пока я дышать умею,  
Я буду идти вперед.

Припев.  
Пускай нам с тобой обоим  
Бедя грозит за бедою,  
Но дружба моя с тобою  
Лишь вместе со мной умрет.

Припев.  
И так же, как в жизни каждый,  
Любовь ты встретишь однажды,  
С тобою, как ты, отважно  
Сквозь бури она пойдет.

Припев.  
Не думай, что все пропели,  
Что бури все отгремели,  
Готовься великой цели,  
А слава тебя найдет.

Припев.

### **Кто еще из артистов бывал у нас?**

1955 год. Добрянка. Режиссер фильма «Илья Муромец» А.Л. Птушко и народный артист СССР Б. Андреев.

1970 год. Добрянка. Заслуженная артистка РСФСР И. Кондратьева («Константин Заслонов», «Залп Авроры», «Балтийское небо» и др.).

1973 год. Полазна. Народная артистка РСФСР Л. Чурсина. В том же году – артист Б. Аракелов («Кортик», «Два капитана», «Даурия»).

1974 год. Полазна. «Герой кинокомедий» А. Смирнов («Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «Свадьба в Малиновке» и др.).

1976 год. Полазна. Артист Г. Нилов и народный артист РСФСР П. Кадочников («Укротительница тигров», «Повесть о настоящем человеке» и др.).

1977 год. Добрянка. Полазна. Съемки фильма «Стратегия риска» (режиссер – А. Прошкин).

1979 год. Добрянка. Режиссер фильма «Баламут» В. Роговой, актеры В. Андреев, Н. Казначеева, Б. Гитин. В том же году – актеры Е. Воронина и С. Гурзо с фильмом «С любимыми не расставайтесь».

1981 год. Добрянка. Директор картины «Юность Петра» А. Кушлянский,



актеры Л. Германова и Д. Золотухин.

1983 год. Добрянка. Авторы фильма «Инспектор ГАИ»: режиссер Э. Уразбаев, сценарист А. Бородянский, актриса Р. Рязанова. В том же году – киноактер Б. Галкин («В зоне особого внимания»).

1985 год. Добрянка. Народный артист СССР И. Горбачев.

1990 год. Добрянка. Актер Ю. Демич с фильмом «Человек из черной «Волги».

1995 год. Добрянка. Народные артисты России В. Шалевич и А. Ларионова, заслуженные артисты России М. Вертинская и М. Воронцов.

1999 год. Добрянка. Народный артист СССР М. Светин.

2004 год. Добрянка. Актриса и телеведущая Е. Дробышева с фильмом «Весьегонская волчица».

2006 год. Добрянка. Заслуженная артистка РСФСР Е. Драпеко.

2007 год. Добрянка. Народный артист России В. Золотухин.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2008. 7 марта*

# При шашках и погонах

Статьи по истории добрянской  
полиции и милиции

- Граф Строганов повелел
- При шашках и погонах
- Страхивая пыль десятилетий...
- Пять фамилий на черном граните



## Граф Строганов повелел

*В феврале 1887 года по требованию вотчинного правления Добрянская заводская контора подготовила обстоятельный доклад о состоянии нравственности и правопорядка на местном железоделательном заводе. В нем отмечалось, что «буйства и драки мастеровых происходят везде: около винных лавок, трактиров, портерных, на улицах, на площадях».*

### Ослабление народной нравственности

По мнению заводоуправления, причины безобразного поведения мастеровых «следует искать в увеличении числа мест продажи водки и появлении притонов разврата, т.е. портерных (пивных. — М.К.) и постоялого двора с продажными женщинами, а кроме того увеличение безобразий следует приписать вообще к ослаблению народной нравственности, причины которой вероятно кроются в воспитании детей, ибо безобразия случаются чаще всего в новом поколении, т.е. в молодежи».

В условиях роста народонаселения и увеличения числа правонарушений уездная полиция со своими обязанностями практически не справлялась. Она лишь постоянно требовала «увеличения числа сотских, десятских и учащения обходов по заводу». Добрянская же контора вполне логично считала, что «меры эти само собой мало действительны», так, как с одной стороны, в полицию «избираются люди не из лучших членов общества», а с другой — «причины безобразий кроются глубже».

### Пьяный шум

В этой связи характерным выдался день 6 декабря 1886 года. Начался он с того, что девятнадцатилетний крестьянин Добрянско-подзаводской волости А.П. Ковин «разрезал ножом правую щеку пермскому мещанину С.П. Семерикову». В то же самое время в другой части поселка, неподалеку от дома «пивоварки» Д.Е. Рыжковой, муж которой был сослан в Сибирь за покушение на изнасилование, ее брат В.Е. Пьянков выстрелом из ружья ранил 18-летнего А.И. Третьякова. Ближе к вечеру не на шутку «разгулялись» братья Вороновы. Вначале они нанесли 13 ножевых ран мастерскому М.В. Еремееву, а затем «тяжелым орудием пробили до крови голову тридцатилетней мастеровой женщине» и дважды ударили ножом ее мужа. Возможно, таким образом они пытались восстановить «справедливость» в отношении одного из своих родственников, которого в тот же день на краю Софийского пруда избил мастеровой И.Д. Пермьяков.

Ранним утром следующего дня в заводской караульной избе произошел конфликт между обходчиками и пьяным рабочим П.К. Грохотовым, который пообещал служащим, что «он сшибет им голову» за то, что те не пускают его на завод. По решению волостного суда Грохотов был наказан розгами.

Дело дошло до того, что «пьяный шум нередко происходил и против квартиры» графа С.А. Строганова во время пребывания его в Добрянке в 1886 году. Терпеть и дальше подобный разгул уже не было никакой возможности. Необходимо было принимать самые решительные меры.

### **«Люди поведения хорошего»**

«В бытность мою в Добрянском заводе я убедился в необходимости учреждения там строгого и сильного полицейского надзора, — писал граф в мае 1887 года, — нужен не один стражник, а несколько под командою расторопного и надежного человека(...). Желательно, чтобы такая полиция в лице старшего, пользовалась властью большей, нежели вверенная простому полицейскому стражнику». Осенью того же года из Севастополя, с борта своей яхты «Иньва», С.А. Строганов прислал распоряжение об «учреждении в Добрянском заводе полицейского надзора в лице конного урядника и двух пеших стражников при ежегодных расходах в 1000 рублей серебром», а в случае необходимости «и до 1200 рублей серебром».

Вновь организованная полиция должна была всецело подчиняться заводской конторе и служить дополнением к уездной полиции, которая оказалась «не в состоянии исполнять возложенные на нее поручения по сохранению порядка, тишины и спокойствия в заводском селении» по причине своей малочисленности. В конце 60-х годов XIX века такая полиция подчинялась приставу 3-го стана Пермского уезда и состояла в Добрянке всего лишь из двух человек: полицейского и его помощника. Зарплата их была весьма небольшой и равнялась, соответственно, 120 и 90 рублям в год. Для примера: ежегодное жалованье конторщика составляло 400 рублей, старшего фельдшера — 350 рублей, а учителя — 200 рублей. Понятно, что низкая зарплата не способствовала престижу службы, поэтому должности полицейских часто бывали вакантными.

Приступив к формированию своей полиции, заводская контора попыталась избежать повторения подобной ситуации. По согласованию с владельцем, зарплата заводским полицейским чинам была установлена в пределах от 180 до 420 рублей в год. Слух о высоком жалованьи привлек многих отставных военных. Пожелали поступить в полицию бывший младший унтер-офицер Пермского местного батальона П.С. Баранов, отставной бомбардир 1-й батареи Западно-Сибирской артиллерийской бригады М.Ф. Плюснин, рядовой 9-го Туркестанского линейного батальона Савва Сюзев, унтер-офицер 5-го Западно-Сибирского батальона Л.А. Михалев и др. Все они характеризовались как люди «поведения хорошего, под судом и следствием не бывавшие».

### **Устранять нарушения спокойствия**

В первой половине 1888 года, после разного рода согласований заводские полицейские приступили к службе. Первым урядником стал некий Завьялов.

Через год его сменил С.И. Чудинов, который за все время службы «имел поведение очень хорошее и (...) ни в чем предосудительном замечен не был». Пешими стражниками были назначены Л.А. Михалев и П.С. Баранов. Из заводских средств для них приобрели обмундирование, «форменные бляхи» и револьверы «с кобурами, шнурами и патронами к ним». По указанию заводовладельца конный урядник и два пеших стражника обязаны были «выполнять все поручения» конторы «до полицейской части относящиеся». В праздничное время они должны были постоянно находиться при заводе и «устранять нарушения спокойствия» в поселке и «во всех ближайших к заводу местах», а также вместе с уездной полицией «участвовать в прекращении драк и закрытии увеселительных лавок в указанное законом время». По мнению управляющего заводом П.И. Сюзева, «необходимой надобностию» являлось и ночное патрулирование поселка.

### **Буйства, драки, оскорбления...**

Работы на новоиспеченных полицейских навалилось много. Только за период с 1 мая 1889 года по 1 января 1890 года в поселке был зафиксирован 31 случай буйства, драк и оскорбления полиции, 24 случая краж и мошенничества, в том числе продажа воды вместо водки. За то же время полицейские задержали «для вытрезвления» 142 человека «пьяных и шляющихся без определенной цели». Из этого ряда выделялся случай сбыта фальшивой монеты, дела «о подкидывании ребенка и «детоубийстве» и случай... «изувечивания коровы».

К числу наиболее распространенных правонарушений относились кражи заводских припасов. Это было связано с тем, что мастеровые кроме основной работы, занимались еще и кустарными промыслами: кузнечным, слесарным и др. Железо для этих целей старались не покупать, а уносить с завода. Иногда дело приобретало весьма серьезный оборот. Так, во время задержания мастерового П. Лагунова он попытался оказать сопротивление полицейскому П. Шолгину, замахнувшись на него топором, но, как следует из протокола, «будучи пьяным, пошатнулся и удар топором миновал Шолгина, после чего Лагунов снова на него замахнулся кулаком, но был удержан» подоспевшими рабочими. Сообщая об этом случае, Добрянская заводская контора просила судебного следователя 3-го участка Пермского уезда подвергнуть Лагунова «в пример другим... суждению».

В качестве наказания применялись штраф, принудительные общественные работы, розги, заключение в исправительные арестантские роты, ссылка, каторга и тюрьма.

### **«Страшной силы оглушительный выстрел»**

Количество различных правонарушений резко возросло во время стачек, забастовок и особенно в период революции. Впрочем, по большому сче-

ту, сама революция есть не что иное, как противоправное деяние. В такие периоды даже под любую уголовщину можно было легко подвести идеологическую базу. Яркий пример тому – «экспроприации», проводимые в 1905-1907 годах в Прикамье (в том числе в Добрянском и Полазненском округах) «лесными братьями» Александра Лбова.

Весьма интересный случай произошел в Добрянке во время забастовки 1901 года. В один из дней в контору заявился вооруженный револьвером бывший пудлинговый мастер В.П. Воронов и, требуя устройства его на прежнее место работы, сообщил, что «скорее умрет на этом месте», чем уйдет из заводоуправления. «Но прежде, – пригрозил он перепуганным служащим, – умрете вы, сидя на своих стульях». Это дело закончилось миром, но кто мог дать гарантию, что подобное не произойдет в будущем? Поэтому совсем неслучайным было то, что в 1906 году вотчинное правление решило вооружить управляющих, лесных сторожей, заводских надзирателей, кассиров и других служащих пистолетами и револьверами. Для этих было закуплено несколько десятков браунингов, револьверов типа «Эйвер Джонсон» и «Бульдог». Они приобретались в оружейных магазинах Варшавы по цене от 10 до 35 лей за штуку и выдавались только под расписку служащих в том, что оружие не будет «употребляться (...) для каких-либо злонамеренных целей».

Наряду с боевым оружием варшавская фирма «Захаров и К» предлагала Добрянской заводской конторе «безопасные револьверы «Гром и Молния», которые предназначались для стрельбы холостыми патронами и являлись точными копиями настоящих пистолетов. «Достаточно нажать рукой нижний курок, – сообщалось в рекламе, – и моментально произойдет страшной силы оглушительный выстрел, который превратит хулиганов и воров в бегство». Этот пугач продавался без всяких ограничений и стоил всего 3 рубля 75 копеек.

\* \* \*

Тем временем колесо истории продолжало свой неумолимый ход. Минули 1917 год и Гражданская война. На смену полиции пришла милиция. Но кто бы мог подумать, что через сто лет после организации в Добрянке заводской полицейской охраны вновь начнутся разговоры о необходимости финансирования правоохранительных органов промышленными предприятиями. Недаром говорят, что все возвращается на круги своя.

*Камские зори. 1992. 18, 21 января*

## При шашках и погонах

*Откровенно говоря, такой удачи я не ожидал. Но читал, читал в архиве день за днем малограмотные, корявые записи, сделанные советскими милиционерами в 1918 году, и встретил среди них красивый, четкий почерк других сотрудников милиции. Милиции белогвардейской! Неожиданная находка! А поскольку таких материалов собралось немало, появилась возможность пролить свет на еще одну забытую страницу нашей истории. Время тогда было жестокое. Как говорили красноармейцы в Гражданскую войну: «С белыми у нас один спорный вопрос – это земельный вопрос. Кто кого закопает раньше». Белые отвечали тем же. Вот и закапывали русские люди друг друга.*

### Долой совдепию!

В такую же зимнюю пору, как сейчас, только 85 лет назад (в конце декабря 1918 г.) в Пермь и соседние с ней уезды вошли части одного из самых лучших соединений белой армии, 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса генерала Пепеляева. Добрянку, предположительно, заняли подразделения входившего в его состав 20-го Тюменского полка. В крае тут же началось восстановление досоветских порядков. В том числе прежних правоохранительных органов. Главная роль в поддержании порядка в тыловых районах отводилась милиции. Только не советской, а той, что была утверждена еще в 1917 году Временным правительством. Его легитимность белые признавали в полной мере, поэтому на переименование милицеских органов, скажем, в полицию не посягали.

Основанием для начала практической деятельности на местах колчаковской милиции стал циркуляр министра внутренних дел и директора Департамента милиции Сибирского правительства, снабженный грифом «Весьма срочно» (столицей освобожденной от красных России был г. Омск). Через временного управляющего Пермской губернией циркуляр был разослан по всем освобожденным уездам. Он требовал, в частности, в кратчайший срок предоставить в Пермь «подробный отчет по организации и деятельности милиции в уездах со дня очищения местности от большевиков по 1 января 1919 г.».

Белым пришлось начинать формирование своей милиции фактически с нуля. Как сообщалось в одном из документов той поры, «делопроизводство и счетоводство, книги, дела и наряды прежних лет, как полиции, а равно и милиции большевиками расхищено (...)».

### При шашках и погонах

В январе 1919 года Пермский уезд был разделен на несколько полицейских участков. Добрянско-заводская, Добрянско-Подзаводская, Полаз-



ненская, Дивьинская, Висимская, Сенькинская, Перемская, Останинская и Никулинская волости вошли в состав 2-го участка. По причине военного времени милиция подчинялась армейскому командованию. При этом нумерация милицмейских участков не совпадала с участками других правоохранительных органов. Так, указанные выше волости вошли в состав 3-го следственного участка Пермского судебного округа и 13-го участка округа мировых судей (судья Ф.Д. Селяков).

18 января приказом управляющего Пермской губернией начальником Добрянской милиции был назначен поручик 1-го Пермского офицерского полка Игнатий Яровиков.

Первоначально в его подчинении находились секретарь и девять милиционеров. Пять в Добрянке, двое в Голубятах, по одному в Висиме и Дивье. Но этого было явно недостаточно. Уже в январе распоряжением коменданта Добрянского завода милицмейский штат расширился до 18 человек и в дальнейшем продолжал расширяться. Желających поступить на службу в милицию было немало. Народ насытился большевистскими экспериментами, и с приходом «сибирцев» многие связывали наступление стабильности и предсказуемости власти. Часть милиционеров содержалась за счет завода.

«Людей приходит довольно много, но из них принимать приходится мало, потому только, что люди Добрянского завода, а я жду из уезда. Взять только добрянских нахожу неправильным. Вероятно, на днях наберу штат и распределю. Жителей в Добрянке около 9000 человек и раньше было милиционеров 45 человек (...). Тайная разведка необходима в числе 3-х человек, потому что много есть под тайным надзором. Прошу об увеличении штата в Добрянском заводе, хотя до 30-ти человек», – писал в рапорте за январь 1919 года И. Яровиков. И он был услышан. По крайней мере, по данным на март того же года в милиции числились уже 49 человек.

Оружия добрянским милиционерам хватало. По сведениям за февраль, в их распоряжении находилось 32 винтовки французской системы «Гра», 13 – системы Бердана, 8 револьверов и столько же пашек. А вот в Красной Слудке вообще находился целый арсенал из 184 винтовок и более 3600 патронов к ним. Правда, однозарядные «берданки» особо не котирировались, и были просьбы по их замене на надежные, оснащенные магазином русские трехлинейки.

## **От самогонки до «Червонных валетов»**

Несмотря на военное время и близость фронта, а может, и благодаря этому, преступлений уголовного характера на Добрянском участке регистрировалось совсем немного. Чаще всего в направляемых в Пермь рапортах содержалась стандартная фраза «происшествий никаких не случилось». В основном милиция пресекала уличное хулиганство, самогоноварение, другие противоправные действия. Похоже, что поимкой оставшихся коммуни-



стов и сочувствующих им граждан милиционеры не занимались. По крайней мере, таких фактов в отчетах не встречается. Сведения о числе лиц, находящихся под арестом, есть, но их было немного, и что это за люди, неизвестно. Видимо, аресты политических противников являлись прерогативой контрразведывательных, а не милицмейских органов.

Межу прочим, согласно приказу уполномоченного Командующего Сибирской армией по охранению государственного порядка и общественного спокойствия полковника Щербатского, за изготовление, хранение и продажу спиртных напитков, а равно и за появление в пьяном виде в общественных местах, виновные получали штраф или тюремное заключение. Их списки публиковались в специальных бюллетенях для всеобщего обозрения.

Первое происшествие криминального характера приключилось на территории 2-го участка в конце февраля 1919 года. Тогда в д. Вож милиционеры задержали «местных молодых парней 17 и 18 лет», которые приставали к двум «малолетним 13 и 6 лет девочкам той же деревни», чтобы «произвести половое сношение». А в марте извращенная «любовь» проявила себя еще в одном облике. Как информировал начальник милиции, «12 марта с.г. гражданка Никулинской волости Анна Ярофеева на любовной почве зарезала ножом в грудь гражданку той же волости Евдокию Вандышеву и ранила своего мужа».

А вот к весне, особенно с началом наступления красных, криминальная ситуация стала быстро ухудшаться. В волостях возросло число грабежей и разбоев. «С наступлением весны в пределах некоторых уездов, главным образом в лесах, появились вооруженные шайки, преимущественно из дезертиров и красноармейцев, занявшиеся грабежами», – прямо сообщалось в письме управляющего Пермской губернией от 27 мая 1919 года.

Особенно много шума наделала тогда вооруженная винтовками, ружьями, бомбами и тесаками шайка «Червонных валетов». Она действовала на востоке Пермского уезда, в районе Лысьвы.

## Две стихии

Чего было много, так это несчастных случаев. Фигурировали в основном две стихии: вода и огонь.

В мае 1919 года при переправе через Косьву утонула крестьянка д. Мочелята Р. Паршакова, 7 июня в Добрянке утонул 11-летний мальчик К. Девятков, 15 июня при купании на р. Тюсь погибли малолетние добрянцы – брат и сестра Пьянковы, а 22 числа в пруду, нырнув с лодки, погиб 17-летний житель Добрянки П. Сюзов.

В хронику происшествий попал также пожар, случившийся в ночь на 13 мая в одном из цехов Полазненского завода. Вот что говорилось о нем в полицейском отчете: «Произведенным дознанием выяснялось, что пожар произошел ввиду того, что за неимением керосиновых ламп цех освещался

нефтью, куда иногда подкладывалась лучина. Горевшая искра угля упала из коробки в ведро со смолой (...), смола вся вспыхнула и от последней загорелась нефть, политая на пол в большом количестве. Ввиду энергичности рабочих пожар был вскоре потушен. Человеческих жертв при тушении не было. Убытки от пожара 5000 руб.».

### **На голодном пайке**

Материальное положение белых милиционеров оставляло желать лучшего. Иначе бы не писали они в июне 1919 года на имя начальника милиции 2-го участка докладную записку следующего содержания: «Настоящим просим Вашего ходатайства об урегулировании нам получаемого нами содержания наравне с милиционерами г. Перми, так как получаемое нами содержание 384 руб. 75 коп. (старшие милиционеры) и 320 руб. 62 коп. (младшие милиционеры) совершенно не хватает ввиду сильной дороговизны на предметы первой необходимости, а именно: пуд муки ржаной стоит в Добрянке от 120-150 руб. мясо 9-10 руб. фунт, масло 15-20 руб. фунт, дрова сажень 150 руб. «погонные» и молоко 15 руб. четверть. А потому на получаемое нами такое ничтожное содержание существовать совсем не возможно».

Как откликнулось начальство на эту просьбу, неизвестно. Скорее всего, никак. В этот период уже начиналась эвакуация белых из Перми, соседних волостей и уездов. Через две недели в Прикамье вернутся большевики, и у нас вновь начнется формирование разогнанной белыми советской рабоче-крестьянской милиции.

*Камские зори. 2004. 12 января*

## Страхивая пыль десятилетий...

*Об истории правоохранительных органов в нашем крае, преступлениях и наказаниях дореволюционной поры я писал не раз, но дыхание времени коснулось уже и более позднего периода нашей истории. Плотной пеленой окутаны, в частности, события, относящиеся к первым годам советской власти. В том числе те, что касаются деятельности местной милиции. Сегодняшняя публикация – лишь первая попытка стряхнуть пыль десятилетий с этой любопытной темы. Тем более что и повод есть. В этом году исполнилось 200 лет со времени образования в нашей стране Министерства внутренних дел.*

### Как наводился революционный порядок

Прямо скажем, навести порядок в отдельных волостях, при том, что он отсутствовал в масштабах всей страны, было делом непростым. Главным аргументом в решении споров и конфликтов было наличие оружия или партийного мандата. Вот и палил летом 1917 года в воздух из своего револьвера, напившись конфискованного у торговки Зыряновой вина, начальник добрянской милиции периода Временного правительства прапорщик Низов, вот и «качали права» в конце апреля 1918 года в Полазненской волости заявившиеся туда красноармейцы.

Красноармейский отряд численностью 150 человек прибыл в Полазну из Мотовилихи по просьбе местной большевистской ячейки с целью наведения в заводе и соседних деревнях революционного порядка. Необходимость этого объяснялась тем, что «партия большевиков-коммунистов (...) популярностью крестьянского населения не пользовалась – крестьяне считали ее не правомочной, да и большинство заводских мастеровых смотрело на партию с некоторым недоверием как на нелегальную».

Красноармейцы разгулялись в Полазне и ее окрестностях не на шутку. По данным проводившего летом 1918 года расследование помощника комиссара по административно-следственным делам Пермского уездного исполкома М. Городищеского, солдаты устроили ночью в д. Константиновке, «как на разбойника», облаву со стрельбой на неугодившего им председателя волостного исполкома Бесова и закололи штыками его корову. Самочинно устроили обыск у торговца Ежова, а затем, «обложив торговца контрибуцией», заставили его угощать их завтраком и обедом. «Раскрутили» на самовар местного священника Василькова и изъяли в свое пользование часть имущества у лесничего Дружинина. В числе изъятого были и «семь колод игральных карт». В карты солдаты разыграли конфискованные в Полазне револьверы.

Следствие по этому делу завершилось ничем. Ввиду наступления белых, «порезвившийся» в Полазненской волости отряд был спешно отправлен на фронт.

## Первый милицейский штат

Белые находились в нашем крае недолго, с конца декабря 1918 года до конца июня 1919. После их отступления органы правопорядка пришлось создавать заново. Тем более что часть местных милиционеров сгинула в кровавой мясорубке Гражданской войны. В декабре 1918 года среди прочих большевиков белыми был расстрелян и первый начальник Добрянской советской милиции А.И. Ипанов.

В 1920 году Пермский уезд был разделен на несколько милицейских районов. Добрянка стала центром 4-го района, который в свою очередь делился на ряд участков. Как следует из рапорта от 1 августа 1920 года, в состав первого участка входили Добрянская и Полазненская волости (старший участковый А.С. Рудаков), второй милицейский участок включал Висимо-Дивьянскую и Сенькинскую волости (ст. участковый А.И. Коротин), а третий – Останинско-Перемскую и Никулинскую волости (ст. участковый А.П. Пьянков). Старшим на участках помогали младшие милиционеры А.Т. Зеров, П.Ф. Ведерников и П.Ф. Ганицев. Одновременно был назначен исполнитель судебных решений, старший милиционер Л.Е. Ветошев, а для «выполнения разных поручений при начальнике» – старший милиционер И.А. Ковин. Всего на 42,5 тыс. населения приходилось, вместе с командным составом, 39 милиционеров. По штату в тогдашнем райотделе полагался 31 человек.

## Саботажный народ

«Милиция производит работу и дает содействие разным организациям постольку по сколько у ней хватает сил, так что в общем таковая работает не в полном образе, как не имея в достаточном количестве обмундирования, в особенности обуви какой милиция до крайности нуждается. При чем также не хватает вооружения, особенно патронов. Ощущается недостаток в милиционерах, как например в Перемско-Останинской волости, которая является из наиболее саботажного населения. Не приходится заглядывать в те уголки где находится тайная масса в этой волости, имея по штату всего 3 человек милиционеров», – не шибко грамотно, но зато скрупулезно писал в отчете от 3 сентября 1920 года начальник Добрянской милиции. Фамилия его скрывается за неразборчивой подписью.

За отчетный август его подчиненные раскрыли 30 фактов контрреволюции, семь случаев кумышкварения (изготовление браги и других спиртных напитков на дому), по одному – взяточничества и вымогательства. Были зафиксированы также «и другие разные драки и проч. преступления». Население в целом к работе милиции относилось удовлетворительно, но тем не менее приходилось «сталкиваться с такими гражданами которые являются явно отказывающимися от законов Советской власти».

Между прочим, законы эти нарушали не только несознательные гражда-

не с дореволюционным мышлением, но и партийные товарищи при должностях. В декабре 1922 года гонялся по Добрянке с револьвером за неподдавшейся на его «сальные предложения» местной жительницей пьяный народный судья Бесов. В марте 1923 года гоняли по улицам на лошадях, стреляли из револьверов и пугали народ пьяные лидеры местного комсомола Орлов и Вешкуров, а в июне того же года в поселке «учинил дебоширство» член партии Пивоваров, который ворвался ночью с наганом к некой гражданке Дроздовой, решив, что она «его околдовала».

## Плюсы на фоне минусов

О том, что представляла из себя добрянская милиция в конце 20-х годов, свидетельствует «Акт проверки работы Административного отделения Добрянского райисполкома», который был составлен в ноябре 1928 года пермским окружным инспектором Елькиным. Картина вырисовывалась не самая приятная.

Так, откровенно сообщалось, что «дисциплина среди строевого состава недостаточна, в силу чего наблюдаются случаи пьянства, невнимательного отношения к служебным обязанностям, нетактичного поведения, а подчас и грубого обращения с отдельными гражданами». За неполный год дисциплинарным взысканиям, вплоть до ареста, было подвергнуто 20 добрянских милиционеров.

Невысокие моральные и деловые качества сотрудников, их многочисленные проступки привели к тому, что «авторитет работников милиции (...) пошатнулся, особенно в самом райцентре».

Распространенным явлением в этой ситуации была большая текучесть кадров и, как следствие, слабая служебная подготовка личного состава. Специальное образование имели лишь два человека, в том числе начальник административного отделения Бельтюков. За его плечами была Омская школа среднего начсостава милиции.

Не спасал ситуацию даже тот факт, что весь строевой состав «работников государственной и ведомственной милиции пользовался бесплатными коммунальными услугами: квартирами, отоплением и освещением» и снабжался форменным обмундированием.

В отделении существовали проблемы с оружием. Имевшиеся винтовки-трехлинейки вовремя не чистились, хранились как придется, не имели штыков, а некоторые и шомполов. Из пяти предъявленных для проверки «наганов» один для вооружения оказался не пригоден, а остальные не имели принадлежностей для чистки. В чем был порядок, так это в содержании лошадей. Их было три. Две в Добрянке и одна в Перемском. Фураж имелся, упряжь тоже.

Несмотря на все недостатки, в том числе выявленные нарушения в оформлении протоколов, милиция все же создавала заслон на пути правона-

рушений. В период с 1 января по 1 сентября 1928 года было составлено 634 протокола об административных правонарушениях (из них за хулиганство – 50,8%, лесные нарушения – 23,1%, самогоноварение – 12,8%, нарушение правил рыбной ловли – 4,1% и т.д.).

Что же касается борьбы с преступностью, то за январь-октябрь отчетного года в районе было возбуждено 295 уголовных дел (81,9% к аналогичному уровню 1927 г.). На первом месте опять же стояло хулиганство (61 дело), за ним не вполне понятные «другие преступления против порядка управления» (53 дела), кражи (37 дел), приготовление и сбыт спиртных напитков, растраты, скотокрадство и т.д. «Успешность работы», т.е. раскрываемость дел, составляла 85,5%. На удивление высокий показатель. Тем более что, как следовало из акта проверки, «борьба с преступностью в районе заключается лишь в простом фиксировании фактов уже совершенных преступлений», а «меры профилактического характера не принимаются». Отсутствовал также учет преступного элемента и подозрительных мест, сеть осведомителей хотя и имелась, но была недостаточной.

\* \* \*

Вот такая картина. Точнее, лишь первый набросок к картине, посвященной истории правоохранительных органов в нашем крае. Ясно, что жизнь использовала для ее написания самые разные краски. А какие конкретно, покажет дальнейшая работа.

*Камские зори. 2002. 2 декабря*

# Пять фамилий на черном граните

*В мае 2002 года возле здания Добрянского ГОВД в торжественной обстановке был открыт обелиск, посвященный сотрудникам милиции, погибшим на боевом посту. На обелиске пять фамилий.*

## За революционный порядок

Первый в скорбном списке – Александр Иванович Ипанов (1881-1918), бывший слесарь, а затем, после ампутации в результате несчастного случая правой руки, табельщик Добрянского металлургического завода, первый начальник Добрянской советской милиции.

Избрание Ипанова в 1917 году начальником милиции стало следствием его активной жизненной позиции. Еще в 1912 году Александр Иванович вступил в тайный социал-демократический кружок, в 13-м он возглавил страховую больничную кассу, в 1917-м его избрали членом исполкома первого в Добрянке Совета рабочих и солдатских депутатов. Думается, что на его «любовь» к старому режиму повлияла, прежде всего, гибель на каторге брата. Тот угодил в Сибирь за то, что, будучи на срочной армейской службе, избил офицера.

В то время, что он возглавлял в Добрянке милицию, «революционный порядок был установлен надежно». По словам М. Максименко, автора статьи об А.И. Ипанове, опубликованной в советские времена в книге о пермской милиции, о первом добрянском милиционере сообщается следующее: «Не раз в эти дни в особняке сбежавшего купца Варнашева (правильно Варлашова. Ныне в этом здании по ул. Советской находится один из корпусов Добрянского гуманитарно-технологического колледжа. – М.К.) можно было услышать властный голос Александра Ивановича. Требователен и неумолим к богачам был Ипанов: «Купец Марков... Вот что, Марков, две тысячи рублей чтоб были здесь, прихлопнул по столу, – через два часа... Следующий». Та-ким виделись принципы революционной законности.

В декабре 1918 года, незадолго до прихода в Добрянку белых, А.И. Ипанов вместе с небольшим отрядом добрянцев не только словом, но и оружием наводил порядок в Голубятах и Никулино, где вспыхнули антисоветские крестьянские мятежи, а в конце декабря он эвакуировался в Ильинское. Там был расквартирован 10-й кавалерийский полк красных. Но в полку вспыхнул мятеж, и 24 декабря в числе других активистов А.И. Ипанов был расстрелян на льду р. Обвы.

Имя А.И. Ипанова носит одна из улиц Добрянки.

## Кровавая драма на Косьве

Второй на камне высечена фамилия участкового уполномоченного, старшины милиции Степана Александровича Ипанова. Он погиб во время жуткой трагедии, разыгравшейся 15 января 1954 года в Косьвинском стройучастке Косьвинского рейда.

В тот день освободившийся по амнистии из мест лишения свободы пьяный 25-летний рабочий А. Гончаров («по национальности в советском спорте русский, по показаниям свидетелей осетин») решил с помощью ружья «разобраться» с другим рабочим рейда П. Клименко. И «разобрался». Разборка превратилась в кровавый триллер. Вначале преступник выстрелом из ружья через окно убил Клименко, затем тяжело ранил в грудь его жену, после чего отправился бродить с ружьем по участку.

Как сообщалось в январе 1954 года в секретном спецдонесении из Добрянки в Пермь: «О совершенном преступлении было сообщено находящемуся в то время в соседней деревне Крутиково, Никулинского с/с в метрах 700 от поименованного выше поселка, уч. уполномоченному тов. Ипанову», который немедленно отправился в поселок стройучастка. На подходе к поселку Степан Александрович был неожиданно встречен убийцей, который с возгласами «идешь меня судить» с расстояния 10-15 метров выстрелил дробью сначала в лицо, а затем, с близкого расстояния, в грудь участковому. Упавший на снег раненый милиционер был добит озверевшим преступником тяжелыми ударами приклада.

После учиненного издевательства Гончаров, захватив милицейский наган, явился «с целью убийства» на квартиру начальника стройучастка С.И. Ротанова, но был встречен тем выстрелами из ружья. В завязавшейся перестрелке преступник ранил начальника и его 12-летнего сына, но и сам получил три огнестрельных ранения. Понимая, что обречен, убийца застрелился.

## **Жажда мести**

Не прошло и двух лет после косьвинской драмы, как добрянская милиция вновь провожала в последний путь своего сотрудника. В новогоднюю ночь 1956 года вооруженным преступником был застрелен помощник дежурного, сержант Павел Федорович Меркушев 1918 г.р. События, предшествующие убийству, развивались следующим образом.

Вечером 31 декабря 1955 года сотрудниками добрянского райотдела милиции «за нарушение общественного порядка в пьяном виде» в клубе им. Копылова был задержан житель Чусового А. Айдаров. Ночью, после протрезвления, он был отпущен из милиции восвояси, но, обуянный жаждой мести, решил вернуться в райотдел, где в это время находился лишь один Меркушев. Когда увидел Айдарова, П.Ф. Меркушев вышел на крыльцо, преступник трижды выстрелил в него из пистолета ТТ и, забрав оружие убитого, скрылся.

В районе были объявлены мероприятия по розыску подозреваемого. В 10 часов 1 января Айдаров был обнаружен в д. Горы, где ранил местного жителя. Опергруппа из Добрянки блокировала убийцу в одной из деревенских бань. В ответ на предложение сдаться он открыл огонь из двух пистолетов по милиционерам и в ходе интенсивной перестрелки был убит.



## Выстрел в упор

Летом 1972 года в с. Сенькино объявился некий Якушев, ранее осужденный за участие в краже и условно освобожденный для работы на стройках народного хозяйства. Но с «химии» он сбежал, пьянствовал, хулиганил. 20 июля с целью задержания беглеца из Добрянки в село был направлен старший лейтенант милиции Александр Иванович Синицин 1939 г.р.

Как писали более тридцати лет назад «Камские зори»: «В селе он постарался быть незамеченным. На берегу около причала шла погрузка баржи. Наказав, чтоб ему сообщили о появлении Якушева в селе, Синицин спустился в трюм колхозного катера. Не прошло и часа, как в катер забежал запыхавшийся мальчуган:

– Дядя Саша, вот Якушев идет по берегу, но он с оружием.

Последние слова ничуть не смутили старшего лейтенанта. Не успев надеть ботинки, лишь взяв наручники, он выскочил с катера на берег. Беглец был буквально в пяти метрах от него. Синицин не успел сказать и слова, как Якушев резко обернулся и выстрелил. Пуля сразила старшего лейтенанта в сердце».

Преступник был задержан на следующий день, а на скромном обелиске возле старого здания милиции появилась еще одна скорбная строка. По воспоминаниям современников, А.И. Синицин был улыбочивым, жизнерадостным, неунывающим человеком, смелым и отважным сотрудником милиции. На его «боевом счету» числилось более ста задержанных преступников и нарушителей правопорядка.

## Трагедия на дороге

Об инспекторе дорожно-патрульной службы ГАИ, старшем сержанте Олеге Олеговиче Змееве в горотделе милиции многие помнят до сих пор, вспоминают его с теплотой. Олег погиб вечером 31 января 1997 года в районе г. Березники во время сопровождения автоколонны с крупногабаритным и тяжеловесным грузом, следовавшей из Яйвы на нефтяное месторождение «Уньва».

Трагедия произошла в тот момент, когда на специальный прицеп-трал стала производиться погрузка мощного трактора ТЭ-500. Как сообщается в справке по факту гибели сотрудника ДПС, «воспользовавшись затишьем на дороге, Змеев О.О. подошел к тралу, чтобы узнать ход погрузки трактора. При этом стал передвигаться возле разделительной полосы в полутора метрах от тягача с тралом. В это время по разделительной полосе встречного движения с большой скоростью двигался автомобиль УАЗ-3303 (...), который, поравнявшись с тралом, совершил наезд на инспектора ДПС Змеева О.О., после чего скрылся с места происшествия...».

После срочной отправки Олега в березниковскую больницу были приняты меры по розыску автомобиля-нарушителя. УАЗик с «характерными повреждениями наезда на человека» нашли вскоре в трех километрах от места совершения ДТП, а вот О.О. Змеева спасти уже не удалось.

*Камские зори. 2002. 3 июня*



# **«Виновным себя не признал»**

**Статьи по истории  
политических репрессий**

- «Советская власть падет быстрее,  
чем пала романовщина»
- Дело № 13805
- Как уничтожали служителей культа
- ВМН для фотографа
- Как «зачищали» руководителей завода
- Финская трагедия 1937 года
- Агент царской жандармерии
- «Виновным себя не признал»
- Триумф и трагедия Фомы Сюзева

## «Советская власть падет быстрее, чем пала романовщина»

*Все-таки воспитание — вещь серьезная. Не знаю, кому как, а мне как внушили в свое время мысль о монолитности советского общества в 30-х годах, о всенародной поддержке курса большевиков на построение социализма, так она до сих пор где-то в голове и присутствует. Энтузиазм комсомольцев, «Даешь!», всевозможные Магнитки и Днепрогэсы, стахановцы и Паши Ангелины... Стереотипы 30-х годов, стереотипы мышления. А между тем до конца 90-х годов минувшего столетия в архивах под грифами «Секретно» и «Совершенно секретно» хранились дела, свидетельства-вавшие совсем о другом. О том, что не все так просто было в той жизни, о значительном недовольстве политикой проводимой Советской властью.*

### Стук, стук...

В начале 30-х годов органы политического сыска действовали в СССР весьма активно. Сбор материалов об умонастроениях граждан осуществляли штатные и внештатные сотрудники ОГПУ, в стране существовала разветвленная сеть тайных агентов и информаторов. Полученные в цехах, очередях, во время совместных выпивок и в ходе массовых мероприятий данные стекались в районные и областные подразделения ОГПУ, регулярно доводились до сведения местных партийных функционеров. Так было везде, так было и в Добрянке. И вот такая картина вырисовывается.

### Добровольно-принудительно

В начале 30-х годов XX века с целью добывания денег для многочисленных строек государство активно использовало средства населения. С этой целью применялись не только репрессивные методы типа раскулачивания, но и «добровольные» способы отъема денег. К их числу относилась реализация многочисленных займов. В 1932 году, например, в стране шла шумная кампания по «реализации займа 4-го решающего года пятилетки». По спущенному сверху плану население Добрянского района должно было сдать на эти цели 500 тыс. рублей. По данным на 1 июля 1932 года, было собрано 360 тыс. 68 рублей. Как отмечалось в одной из «Докладных записок»: «Вся работа проводится путем массового разъяснения среди рабочих, колхозников и неорганизованного населения...». Кто-то сдавал свои кровные деньги сознательно, кто-то добровольно-принудительно, а кто-то принародно высказывал свое недовольство и саботировал кампанию. Поскольку в тот период в Добрянке существовали большие, по несколько месяцев, задержки с выплатой зарплат, то основной мотив «антисоветских высказываний» был следующим: сначала деньги дайте, а потом заимствуйте. Вот некоторые конкретные примеры из числа тех, что зафиксировали сотрудники ОГПУ.

Рабочий Добрянского завода Субботин: «Ну и творится же насиливание в нашей России (...). Говорили, что все добровольно, а между тем в смену-то раза 3 подойдут «подписывайся на заем». Я нынче на 10 рублей подписался, а в прошлом году ни копейки. Они меня и осмеяли, на доску раскрашивали, мне ни жарко, ни холодно. Раз денег нет – не строились бы. Даже с пенсионеров и то дерут».

А вот записанные агентами ОГПУ откровения рабочего, члена Добрянского поселкового совета Таскаева: «Товарищи все-таки прохвосты и жулики. Путем изнасилования и хитрости навязывают заем. Устроили митинг, начали предлагать облигации, выходит агитатор за агитатором, чтоб принять заем: «Ну, кто подпишется?». Все молчат. «Давайте голосовать». Из 100 поднимается 20 рук. «Кто против?». Никого, все бояться поднять руку. «Ну, раз молчат, значит согласны». Завтра приходят в цех: «Подпишись». Рабочий не подписывается, а если и подписывается, то не много. Агитатор опять говорит: «Что товарищ, не слышал постановления?». Вот так все идет. (...). Вообще у нас правители в поссовете сидят ни к черту не годные, не входят в положение человека, прямо обдирают».

### **«Полное варварское издевательство»**

Займы – это лишь один из поводов для недовольства. А поскольку подобных поводов существовало много, то недовольство людей политикой Советской власти носило не только конкретный, но и общий характер. Тем более что многие еще помнили жизнь в царское время и в годы НЭПа. В подтверждение этого приведу несколько фактов, отмеченных сотрудниками ОГПУ в Добрянке в 1933 году.

«Я совсем не читаю газеты, потому что в наших газетах правду не пишут. Пишут, что у нас все хорошо, а за границей голод, как раз наоборот. Говорят о постройке социализма (...), а это постройка нового крепостного права. Раньше на помещика работали 180 дней в году, а остальное на себя и кормили семью и можно взять что угодно в дом, а теперь рабочий работает в год 365 дней, да субботников не пересчитать, а зарплату по 2-3 месяца получить не возможно. Коммунисты говорят, что раньше существовали классы, нужно их уничтожить, а теперь эти классы и правят, и рабочий в угнетении. Говорят, рабочий доволен властью. Взять для примера Добрянку: довольны 200 человек, которые сыты, а тысячи против власти...», – говорил в 1933 году рабочий Добрянского завода Первушин.

Ему вторил режиссер драмкружка рабочего клуба Осолодков. По данным ОГПУ, он неоднократно говорил: «Да, настало времечко, чего не хватись, ничего нет, нет предметов первой необходимости, а то ли было в период НЭПа. Все что угодно на базаре купишь».

Еще более откровенно высказывался рабочий Дроздов: «Жизнь ни к черту негодная, рабочий голодный и полуголодный, пайка не хватает, деньги

выдают неаккуратно, сахару и того нет. Хотя бы жил человек и дети чаем, но и чаю нет. Полное варварское издевательство, сдохнет рабочий с голоду. (...). На собраниях говорят только одне коммунисты, а наш брат не смеет и рта открыть».

Нелестно отзывались мастеровые и по поводу непутевой колхозной жизни.

«У государства надежда на колхозы, а государство обобрало и колхозников, сделало хуже нищих, – размышлял рабочий Фомин. – Колхозник, бедняк, работает, работает и нет у него хлеба (...). Как не стыдно властям за такое издевательство над народом: разные выселения... И за что так мучают человека. Человек как скотина, работает все время, ест всякую дрянь...».

## **О коммунистах и «армяшке Сталине»**

Вероятно, наиболее опасными для государства высказываниями были те, что прямо касались необходимости устранения власти коммунистов и Сталина. А такие тоже встречались.

Как сообщалось в одной из сводок за 1933 год, пьяный рабочий прокатного цеха, бывший красный партизан Дроздов, проходя по улице, «кричал, что он партизан, что он скоро зажмет коммунистов, что они нас давят и мы их давить будем. Мы боролись, завоевывали свободу и уничтожили класс, а теперь опять классы».

А 6 ноября 1933 года его однофамилец (Дроздовы, как известно, одна из самых распространенных в Добрянке фамилий. – М.К.) рассказывал своим знакомым следующую историю: «Слышали новость? Нашего посланника в Польше убили. (...). Не мог же армяшка Сталин, сволочь, поехать, ему бы прямо, холере, голову оторвали».

В тот же период среди заводских рабочих ходил анекдот об Иисусе и Сталине. Вот как он выглядел в пересказе информатора ОГПУ: «Приехал Иисус к И. Сталину. Пока он с ним разговаривал о делах, осел заревел. Иисус побежал, чтобы накормить осла. Сталин его остановил и говорит: зачем торопиться кормить осла, когда у тебя один осел, а у меня тысячи таких ослов голодными сидят, я и то не тороплюсь».

Ну а настоящим провидцем предстал добрянский пенсионер Рыков. Хотите верьте, хотите нет, но он изрек в 1933 году, что «Советская власть (...) падет быстрее, чем пала романовщина». Так оно и вышло. Династия Романовых продержалась в России более трехсот лет, власть коммунистов – менее семидесяти пяти.

## **В преддверии 37-го**

В начале 30-х годов органы ОГПУ действовали еще в рамках законодательства, и потому особым репрессиям инакомыслящие не подвергались. Докладные записки направлялись в партийные органы и органы местной

власти с целью принятия по ним конкретных мер. В том числе для улучшения ситуации со снабжением населения хлебом и товарами первой необходимости, нормализации выплаты заработной платы. Но не за горами был уже 1937 год.

Прим.: Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете народных комиссаров (СНК) СССР являлось органом по охране государственной безопасности. Действовало оно с 1923 по 1934 год, после чего было включено в состав Наркомата внутренних дел (НКВД) и переименовано в Главное управление госбезопасности.

*Камские зори. 2004. 31 мая*

## Дело № 13805

*«1937 год, апреля 29 дня. Я, оперуполномоченный Добрянского райотдела УНКВД, сержант Государственной Безопасности Цыганов, рассмотрев материал изобличающий граждан: Плюснина Архипа Павловича, Пospelова Петра Алексеевича и др. работающих при Добрянском металлургическом заводе в механическом цехе в качестве токарей в том, что они занимались антисоветской и контрреволюционной агитацией среди рабочих Добрянского металлургического завода механического цеха направленной к подрыву авторитета руководителей партии и правительства, т.е. в преступлении предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР».*

*В чем же именно состояла контрреволюционная и антисоветская деятельность самых обычных рабочих? Ответ на этот вопрос дает их следственное дело. Дело № 13805.*

### Антисоветская... мануфактура

По большому счету, мужики пострадали за слишком длинные языки. В то время, когда большинство рабочих безропотно голосовало на собраниях за все решения партийных и советских органов и предпочитало лишний раз не высываться, мол, плетью обуха не перешибешь, А.П. Плюснин, П.А. Поспелов, А.Н. Максименков и С.Е. Пьянков не молчали и высказывали мнение, отличное от генеральной линии партии.

Идет, к примеру, на заводе «проработка доклада тов. Сталина», а свердловщик Максименков на пару с токарем Поспеловым задают вопрос докладчику. Дескать, если все у нас так хорошо, то почему же «стала дороже мануфактура против 1936 года»? В результате завязался шумный спор, о «проработке» сталинского доклада слушатели забыли и вспомнили о нем лишь со звонком об окончании обеденного перерыва. Пришлось прорабатывать злополучный доклад на следующий день.

Когда следователь НКВД стал допытываться, с какой же такой контрреволюционной целью Максименков задал вопрос про мануфактуру, тот все свои действия объяснил никакой не антисоветчиной, а всего лишь тем, что хотел оставить не шибко умного, но «партийного» докладчика в дураках, «так как заранее знал, что он на вопрос не ответит». Этого вполне хватило для приговора.

«Контрреволюционер» Александр Егорович Максименков был расстрелян по решению тройки при УНКВД Свердловской области 25 сентября 1937 года.

### Пушкин вместо... хлеба

Токарь А.П. Плюснин был, судя по всему, человеком из породы тех людей, которые что думают, то и говорят. Первый раз он пострадал от властей еще при государе-императоре. Тогда он угодил в Сибирь за скандал с поли-



цейским приставом. Потом, в 1921 году, Архип Павлович был арестован уже большевиками за то, что хранил у себя эсеровскую листовку, а в 1937 году... В 37-м ему припомнят все.

В феврале того страшного года на заводе шла очередная проработка. Только уже не сталинского доклада. Все заводские рабочие обязаны были после работы оставаться в красных уголках для читки произведений... Пушкина. Остался и Плюснин. Слушал, слушал да и говорит: нам надо сейчас не Пушкина читать, а разобрать вопрос об очередях за хлебом. А поскольку с хлебом тогда был большой напряг, Плюснина поддерживали другие рабочие. Архип Павлович, что называется, сел на своего конька и разошелся: да я до революции лучше жил, чем сейчас; «при графе Строганове начальства в цехе было по два человека, а сейчас этой шпаны развелось много и всем нужно деньги платить»... Таких речей Советская власть не прощала никому.

Последним днем жизни «злостного антисоветчика» и «махрового контрреволюционера» стало уже известное нам 25 сентября 1937 года.

### **За частушки и не только за них**

Токарю П.А. Пospelову, как и Плюснину, припомнили в 1937 году его эсеровское прошлое (в 1917 году в партию эсеров записали чуть ли не половину добрянских мастеровых), разговоры о хорошем житье в дореволюционное время, его «недолюбливание» стахановцев, а также... частушки. Как докладывал в органы некий «доброжелатель», одна «частушка была о питании и выполнении пятилетнего плана. В этой частушке говорили рифмой о том, что рабочий ест редьку, а ему приходится выполнять пятилетку и т.д.». Петр Алексеевич все предъявленные ему обвинения в антисоветчине категорически отрицал, но кто его слушал... Впереди было 25 сентября.

### **«Жить стало лучше...»**

Еще один фигурант «Дела о контрреволюционной эсеровской группе в механическом цехе Добрянского завода» Степан Егорович Пьянков пострадал, в частности, за то, что: «проходя в красный уголок механического цеха всегда останавливался против лозунга тов. Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселей», заявлял: «Уберите вы его с глаз» и смеясь отходил к рабочим». Другие «доброжелатели» сообщили в НКВД о его нездоровых разговорах по поводу колхозов («в колхозы согнали людей, крестьяне в них работать не хотят, вот и нету хлеба») и Сталинской Конституции («сказано, что жить стало лучше, а на самом деле жить стало тяжелей»). Приговор тройки НКВД был аналогичен вышесказанному – расстрел.

### **Реабилитация**

Что тут еще добавить? Пожалуй, лишь то, что в 1959 году, после передопросов свидетелей и анализа имевшихся сведений, Верховный суд РСФСР



пришел к выводу о том, что «все осужденные по делу в той или иной мере допускали нездоровые, обывательские суждения, но рассматривать их как контрреволюционную пропаганду нет достаточных оснований». А раз так, то и «постановление тройки НКВД в отношении всех четверых осужденных» являлось «необоснованным».

*Камские зори. 2003. 29 октября*

## Как уничтожали служителей культа

*Тяжелое кроваво-красное колесо сталинских репрессий прокатилось по нашему краю неумолимо, жестоко, страшно. Под его бездушно-стальной тяжестью были погребены сотни жителей Добрянского района. Более 250 из них являлись уроженцами наших мест, более тысячи (в основном из числа спецпереселенцев) стали добрянцами вынужденно, сначала по месту выселения в 1930-1932 годах, а затем и нового ареста (1937-1938 гг.). Среди тех, кто уже никогда не вернулся в родные края, оказались и священнослужители церквей Добрянского района. О них наш сегодняшний рассказ.*

### «Зачистка» на Косье

«Вопрос. Вы ежегодно давали сведения о рождаемости и смертности населения. Значит Вы являлись шпионом?

Ответ. Такие сведения я давал благочинным. Шпионом я себя не признаю.

Вопрос. Кем Вы были завербованы в контр-революционную повстанческую группу?

Ответ. В контр-революционную повстанческую группу я никем не вербовался.

Вопрос. Следствию известно, что Вы являлись руководителем контр-революционной повстанческой группы церковников. Расскажите подробно о Вашей контр-революционной деятельности.

Ответ. Никакой контр-революционной работы я никогда не вел и руководителем повстанческой группы я никогда не был. (...)».

Это строки из протокола допроса священника перемской церкви Александра Михайловича Тронина. Он был арестован органами НКВД в сентябре 1937 г. Батюшке, а по версии следствия главному контрреволюционеру, который «сколачивал вокруг себя антисоветский элемент, проводил с ним тайные собрания, давал своим членам контр-революционные вредительские установки, как-то: производство вредительства в колхозе путем уничтожения поголовья скота, поломки машин», в то время было 80 лет.

Каждый день прибывшие на Косьву следователи Добрянского райотдела НКВД втягивали в мифическое «дело церковников» все новых людей, в основном «бывших кулаков» и предполагаемых участников антисоветского крестьянского восстания 19-летней давности. Напомню, что это восстание охватило Косьву в декабре 1918 года. Тогда косвяками были разоружены, захвачены в плен или рассеяны по окрестным лесам остатки отступавшего из Губахи на Добрянку 22-го Уральского красного полка.

Среди арестованных в 1937 году косьвинских «церковников» оказались также второй священник из Перемского Григорий Трофимович Коняев (1889 г.р.) и крестьянка д. Аничкиной, староста перемской церкви Анна Андреевна Маркова (1872 г.р.). Ее следователи донимали вопросами о том, какие

контрреволюционные вопросы обсуждались на церковных собраниях. Попытки старосты объяснить, что на собраниях кроме хозяйственных вопросов ничего больше не обсуждалось, следователей не убедили. Да им это и не требовалось. Требовалось другое – в обязательном порядке «раскрыть» в Перемском деле о «контр-революционной повстанческой организации». Суть его заключалась в своеобразной зачистке «столицы» Косьювинского края от всех неугодных «бывших». О соблюдении какой-либо законности речи вообще не шло. Все дело – одна большая фальсификация. Это было признано на дорасследованиях, произведенных во второй половине 50-х годов. Все обвиняемые по «перемскому делу» (26 человек) были реабилитированы «за отсутствием в их действиях состава преступления». Только вот кто дожил до той поры? Восемь человек были расстреляны по решению тройки НКВД по Свердловской области от 4 ноября 1937 года, остальные получили по 10 лет лагерей. В том числе и перемские церковнослужители. Об их дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

## 29 скорбных листов

«20-го июля разговаривали два попа Орлов Алексей Иванович и дивьинский поп Андрей Выголов относительно троцкистов. Не те троцкисты которых расстреливают, а кто сидит и управляет государством (...)». Казалось бы, всего-то несколько строчек из донесения тайного сотрудника НКВД, скрывшегося под псевдонимом «Нагорный», но строчки эти оборвут жизнь еще двух священнослужителей нашего края.

Уроженец Чермоза, священник Екатерининской церкви с. Дивья Андрей Аверкиевич Выголов (1876 г.р.) был арестован в начале августа 1937 года. Стандартно обвинялся следствием в том, что «оставаясь непримиримым врагом Советской власти, среди колхозников систематически вел контр-революционную повстанческую террористическую пропаганду, открыто призывал к организации борьбы против Советской власти и партии. Распространял провокационные слухи о Советской власти, восхваляя расстрелянных врагов народа и их контр-революционную деятельность». Основанием для такого рода выводов стало малограмотное «свидетельство» одного из местных бедняков о том, что «поп Выголов в полне понятно, что всякий факт слабости или же опущения, в работе колхоза и сельсовета сразу же использует, в свою пользу», да сообщение заместителя председателя Дивьинского сельпо о том, что, дескать, минувшей весной Выголов говорил среди колхозников у магазина: «Советская власть долго не продержится».

Бумагу и чернила энкавэдэшники берегли больше, чем людей. Следственное дело А.А. Выголова содержит всего лишь 29 листов. Ни подробного расследования, ни сколько-нибудь серьезных доказательств. Да и зачем? Батюшка не подходил Советской власти по своему социальному статусу. Приговор тройки в отношении священника гласил: «Выголова Андрея Аверкиевича

вича РАССТРЕЛЯТЬ. Личное принадлежащее имущество конфисковать». 29 листов и нет человека.

## Шпиономания

Следственное дело священника Алексея Ивановича Орлова позволяет проследить не только скорбный путь очень уважаемого в Добрянке человека, но и выявить методы работы следственной бригады сотрудников Пермского горотдела НКВД, которые действовали у нас зимой 1937-38 годов. Все они были арестованы (ирония судьбы, да и только) в 1938-39 годах и откровенно рассказывали своим бывшим товарищам по органам о методах работы. Тут массовый подлог и фальсификация документов, «искусственное создание следственных дел о несуществующих контрреволюционных формированиях», «применение мер принуждения» (в течение нескольких суток подряд держали подследственных на ногах и не давали им спать) и еще многое другое. Как признавался один из следователей: «Протоколы допроса мы составляли, руководствуясь собственной фантазией (...)», спрашивали у арестованных одно (например, биографические данные), а в протоколе записывали совсем другое (признания типа: «да, я действительно являюсь шпионом и вредителем...»). Однако вернемся к батюшке.

А.И. Орлов родился в 1887 году и служил в церкви с 1907 года. Его арестовали 3 января 1938 г. как «руководителя немецкой шпионской группы», который передавал немцам сведения о продукции Добрянского и других оборонных заводов. Интересно, что по версии следствия, члены этой шпионской организации не только вынюхивали советские военные секреты, но и... фотографировали «советских граждан в полуобнаженном виде»(!)

Дело раскрутили такое большое, что в нем нашлось место для агентов немецкой и румынской разведок, молдавских диверсантов, украинских националистов, японских и даже эстонских шпионов. Но, как оказалось, арестованные позже пермские энкавэдэшники состряпали его настолько грубо, что оно развалилось при первых же проверках, которые были организованы еще до войны, во второй половине 1938-го и в 1939 годах. Никаких компрометирующих фактов на А.И. Орлова и других проходящих по этому же делу лиц обнаружено не было, а протоколы их допросов были признаны вымышленными. Это же подтвердили и расследования 50-х годов. Только вот Алексея Ивановича в живых уже не было. Он был приговорен к высшей мере наказания (ВМН) 7 февраля 1938 года, а 16 марта того же года расстрелян.

В январе 1938 года в Добрянке по делу А.И. Орлова была арестована и староста Свято-Митрофаниевской церкви Маремьяна Андреевна Ганицева. Она была объявлена «немецкой шпионкой» и участницей «молдавской шпионско-диверсионной группы». 15 марта после допросов ее направили из пермской тюрьмы в оперативный штаб УНКВД по Свердловской области,

где особая тройка ГУГБ НКВД СССР приговорила ее к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 28 марта 1938 года.

### **Антисоветская... коза**

Престарелый священник закрытой в июле 1937 года Сретенской церкви села Сенькино Семен Петрович Субботин (1869 г.р.) тихо и незаметно жил в соседней с Сенькино д. Филатенки. Жил с женой и больной дочерью бедно, имел в хозяйстве одну козу и, чтобы прожить, занимался починкой обуви для соседей. Но в августе 1937-го органы НКВД добрались и до него. Поводом для ареста священника послужило написанное под диктовку оперативников письмо жителя д. Гарюхи: «В Филатенской бригаде Сенькинского колхоза «Передовик» живет поп Субботин, который не служит, а только разлагает колхозников». Разлагательство это, по показаниям еще одного «свидетеля» (позже снятого с работы за злоупотребления. – М.К.), заключалось, например, в том, что батюшка «агитировал колхозников за восстановление церкви и сколачивание религиозной общины».

В обвинительном же заключении по делу С.П. Субботина все это трансформировалось в ведение им «антисоветской, контрреволюционной агитации против всех проводимых мероприятий партии, правительства и политики Советской власти», троцкизм, создание недовольства и т.д. Трудно поверить, но в обвинении нашлось место даже для поповской козы. Она якобы преднамеренно выходила на озимые колхозные посевы и тем самым «подрывала экономическую мощь колхоза».

Бывший учитель народной школы, священник сенькинской церкви Семен Петрович Субботин (1869 г.р.) был осужден тройкой УНКВД по статье 58 п. 7-10 к десяти годам лагерей и скончался 3 января 1938 года в Каргопольяге НКВД от паралича сердца. Реабилитация состоялась в 1958 году. Все свидетели вспоминали его с самой доброй стороны и считали, что недоброжелатели оговорили батюшку совершенно напрасно.

\* \* \*

Репрессии 30-х годов против верующих имели широкую географию и коснулись почти всех населенных пунктов нашего района. К примеру, в сентябре 1937 года был арестован и в октябре расстрелян бывший церковный староста висимской Свято-Троицкой церкви В.М. Коновалов, а в Усть-Гаревой тогда же была придумана и «раскрыта» «антисоветская, контрреволюционная, повстанческая группа старообрядцев» в составе семи человек. Все они были расстреляны по решению тройки НКВД. По 10 лет лагерей осенью 1937 года получили и пятеро староверов Добрянки. Они были сосланы для отбытия срока в лагеря Архангельской области и Тайшетские лагеря НКВД (Восточная Сибирь). Самому молодому из осужденных было 60 лет...

*Камские зори. 2004. 9 апреля*  
*Православная Пермь. 2005. Июнь-июль*

# ВМН для фотографа

*В фондах Добрянского историко-краеведческого музея имеются фотографии Добрянки 30-х годов XX века. Сохранились они чудом. Чудом потому, что большинство фотоснимков той поры были изъяты сотрудниками НКВД в конце 1937 года во время ареста их автора. Одного из более чем 1200 наших репрессированных земляков.*

## Из священников – в фотографы

В 30-х годах минувшего столетия Сергей Адрианович Удников был самым известным фотографом в Добрянке и соседней Полазне. Родился он 3 октября 1894 года в селе Коса в бедной крестьянской семье. До революции крестьянствовал, служил в церкви псаломщиком, а затем принял священнический сан и в 20-х годах имел чин протоиерея (старшего священника) в полазненской Свято-Троицкой церкви. Церковную службу вынужден был оставить в 1929 году. Тогда-то и занялся всерьез фотоделом. Уже в Добрянке, где открыл свою мастерскую. В следственном деле 1937-38 годов в графе «социальное происхождение» так и записано: «кустарь-фотограф».

## Без шансов на спасение

Анализируя сейчас ситуацию конца 30-х годов, понимаешь, что шансов на выживание в массовой зачистке «негодных элементов» 1937-го – начала 1938 годов у Сергея Адриановича было немного.

С точки зрения карательных органов происхождение С.А. Удникова было самым что ни на есть контрреволюционным: во-первых, «бывший поп», во-вторых, кустарь-одиночка. К человеку с такими анкетными данными можно было без проблем пришить любое дело, нужное сотрудникам НКВД для плана.

Постановление об его аресте было подписано начальником Добрянского отделения НКВД, сержантом госбезопасности Цыгановым в самый канун Нового 1938 года – 31 декабря. В нем фотограф характеризовался как «участник шпионско-диверсионной организации» и обвинялся сразу по пяти пунктам печально знаменитой 58-й статьи УК СССР.

## Что снимал «немецкий шпион»?

В следственном деле всего-навсего 11 листов. Первый – постановление об аресте, одиннадцатый – справка о приведении приговора в исполнение. Есть и куций, на полтора листочках, протокол единственного допроса С.А. Удникова 4 января 1938 года. В нем Сергей Адрианович прямо-таки с энтузиазмом рассказывал о себе как о германском шпионе, завербованном «священником Добрянской церкви Орловым Алексеем Ивановичем». По его заданию он не только переснимал чертежи секретных изделий пермских за-

водов, но и «сфотографировал истощенных людей в трудпоселках». «При фотографировании полуголых фигур мне, чтобы они выглядели худыми, пришлось прибегнуть к фальсификации тенями на телах и ретушировке», — якобы рассказывал фотограф. Якобы, потому что протокол допроса полностью придуман следователями бригады Пермского горотдела НКВД, которые свирепствовали в тот период в Добрянке. Осенью того же 1938 года они сами попали под следствие и рассказывали на суде, как на самом деле ими шились «шпионские признания» и раскрывались мифические диверсионные организации.

## **ВМН**

На момент ареста С.А. Удникову было 43 года. В Добрянке у него остались жена Вера Матвеевна и трое детей: дочери Надежда и Нина 17 и 15 лет соответственно, и 13-летний сын Сергей. По нумерации того времени, семья жила в доме по ул. Кирова, 16.

В ходе обыска сотрудники НКВД изъяли не только различные фотопринадлежности и химикаты, но и три альбома с фотографиями. Дальнейшая судьба этих немых свидетелей добрянской жизни неизвестна. Как и судьба трех фотокамер с объективами «Гильярд», «Цейс» и ГОМЗ. А вот судьба фотографа оказалась трагической.

21 января 1938 года дело было закончено и направлено в Главное управление госбезопасности Свердловской области «для внесудебного рассмотрения». Тройка карала списками и в числе прочих «шпионов», «вредителей» и «врагов народа» приговорила Сергея Адриановича к ВМН (высшей мере наказания). Приговор был приведен в исполнение 16 марта 1938 года. Реабилитация состоялась весной 1989 года.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 15 июля*

## Как «зачищали» руководителей завода

*В 2006 году исполнилось 50 лет со времени ликвидации Добрянского металлургического завода (ДМЗ). В более чем двухсотлетней истории этого предприятия были как славные, яркие страницы, так и страницы, написанные самыми мрачными красками. Взять, например, период репрессий 1937-38 годов.*

### «Выродки», «вредители» и «враги народа»

24-26 марта 1938 года в Добрянке состоялось районное партсоборание, на котором подводились итоги работы по очищению партийных рядов «от заклятых врагов народа, троцкистско-бухаринских выродков, орудовавших в промышленности, сельском хозяйстве, животноводстве и лесозаготовках района». Именно «гнусной подрывной деятельностью» вредителей объяснялись в тот период все экономические неудачи и срывы плановых заданий. В том числе металлургического завода, который в 1937 году выполнил свою производственную программу лишь на 87%. Не лучше обстояли дела на нем и в первые месяцы 1938 года. «Последствия вредительства на заводе ликвидируются слабо. Аварии в цехах, простои и т.д. еще и до сего времени не изжиты», — отмечалось на райпартсоборании. К тому времени органами НКВД уже были арестованы его директор, главный механик, заведующий конструкторским бюро и другие руководители.

### Одни из многих

29 августа 1937 года первым среди них был арестован главный механик Аркадий Яковлевич Вайзбурд. Причем задержали его накануне дня рождения. Свое 29-летие уроженец Житомира, выпускник Московского института обработки металлов, инженер-механик «отметил» уже в камере предварительного заключения (КПЗ) при Добрянском райотделе НКВД. Дома у него осталась жена Анна Петровна, трехлетний сын Руальд и восьмимесячная дочь Светлана.

31 августа того же года аресту был подвергнут 40-летний директор ДМЗ, уроженец Одесской области, выходец из рабочей среды и член ВКП(б) с 1917 года Авраам Семенович Авраменко. Его жена Анна Михайловна работала врачом в Добрянской поселковой амбулатории, а 10-летняя дочь Нинелла училась в Добрянской средней школе. Семья проживала в доме № 20 по ул. 25 Октября. Как и главный механик, он был евреем по национальности.

В отличие от них арестованный 3 января 1938 года 39-летний уроженец Нижнего Тагила, инженер-механик, заведующий заводским конструкторским бюро Данил Николаевич Воецкий был русским. Но ему явно аукнулось непростое происхождение и другие «грехи». Во-первых, он был выходцем из семьи священника, во-вторых, по данным НКВД, служил в годы



Гражданской войны в белой армии, в-третьих, его мать, брат и сестра проживали в Китае. До ареста семья Воецких (жена Галина Викторовна, дочери Маргарита и Лидия) проживала в Добрянке по ул. Копылова, 20.

## **В чем обвинялись?**

Если коротко, то суть обвинений Авраменко и Вайзбурда сводилась к их «диверсионно-вредительской деятельности» на заводе, «направленной на вывод из строя механизмов и срыву выполнения» заводской производственной программы. При этом, по версии сотрудников НКВД, вредили они не сами по себе, а по заданию некой антисоветской «вскрытой и ликвидированной контрреволюционной организации правых на Урале». Воецкий же помимо этого обвинялся в принадлежности к японской разведке и молдавской контрреволюционной националистической организации.

Фактически на обвиняемых навесили все проблемы старого, обветшавшего завода: поломки печей, прокатных станов, ветхость плотины. Как отмечалось в обвинительном заключении «по следственному делу № 20447», руководители «не принимали мер к выполнению производственной программы, а наоборот дезинформировали рабочих. Авраменко говорил: «Скоро наш завод будут закрывать в связи с разрешением Камско-Печерской проблемы». Обвинение совершенно абсурдное, так как слова директора в полной степени соответствовали истине. Добрянский завод действительно подлежал сносу ввиду строительства плотины Камской ГЭС. Как писал в 1939 году в наркомат черной металлургии и обком ВКП(б) новый директор предприятия В.Г. Вершинин: «Добрянский завод до 1938 года подлежал сносу и затоплению. Вследствие этого заводу на протяжении 8 лет не отпускались средства для капитальных ремонтов агрегатов, а также и новое строительство. Наоборот заводу была дана установка (на что на заводе имеются соответствующие документы) все оборудование и агрегаты не ремонтировать, дорабатывать до невозможности эксплуатации и оставлять заброшенными». Эти слова подтверждаются цифрами. К примеру, чтобы выполнить в 1937 году повышенный по сравнению с 36-м годом на 30% производственный план, заводу требовалось выделить на реконструкцию печей 1 млн. 200 тысяч рублей. Реально было выделено... 10 тысяч.

## **Итоги дела**

Можно сказать, что А.С. Авраменко, А.Я Вайзбурду и проходящему по аналогичному делу Д.Н. Воецкому повезло. Их по какой-то причине не успели передать в руки тройки НКВД, которая выносила наказания, включая высшую меру, заочно, списками. А в 1938 году после расстрела наркома внутренних дел Н. Ежова и прихода на этот пост Л. Берии, когда скорость вращения репрессивного маховика замедлилась, в стране начался пересмотр многих дел. Среди прочих под эту волну попали и добрянские руководители.

А.С. Авраменко и А.Я. Вайзбурд провели в тюрьмах более двух лет. Они были освобождены из заключения на основании судебного решения осенью 1939 года. Как отмечалось в приговоре выездной сессии судколлегии Пермского облсуда, их принадлежность к контрреволюционной организации ничем реально не подтверждалась. Как не подтверждались и факты их вредительства. «Аварии, которые имели место на Добрянском заводе, происходили по вине отдельных, непосредственных работников, вследствие изношенности механизмов и недолжной квалификации персонала работников, но какой-либо к.р. деятельности со стороны подсудимых, причастной к данной аварии ни документами, ни свидетельскими показаниями на суде не подтверждено», — сообщалось в судебных материалах.

Д.Н. Воецкий также был признан невиновным осенью 1939 года. Как отмечается в Постановлении о преквалификации следственного дела от 23 сентября: «Произведенным исследованием принадлежность Воецкого к шпионско-диверсионной организации не установлена. Бывший следователь дал объяснение, что протокол допроса Воецкого от 3/1-38 г. не соответствует действительности и им — следователем — вымышлен». Не было установлено со стороны начальника конструкторского бюро и фактов «умышленных вредительских действий». Д.Н. Воецкого освободили из-под стражи «за недоказанностью состава преступления».

А что завод после чистки? Да ничего. Как был ветхим, планово-убыточным предприятием, таким и оставался. Производственные задания заводчане стали выполнять и перевыполнять лишь в годы войны. Но это уже совсем другая история.

*Камские ЗОРИ ПЛЮС. 2006. 27 октября*

# Финская трагедия 1937 года

*В этом году исполняется 70 лет «большому террору» в СССР. Среди сотен дел, заведенных следователями НКВД в 30-х годах минувшего столетия на жителей Добрянского района, особо выделяются дела в отношении представителей финской национальности. Из 33 арестованных в 1937 г. финнов 32 были приговорены к высшей мере наказания.*

## Откуда и когда

Финны были высланы в Добрянский район из Красногвардейского района Ленинградской области «как неблагонадежные элементы» в качестве спецпереселенцев. Произошло это весной 1935 г. В общей сложности в район прибыло 55 семей. Первоначально женщины с детьми были размещены в Добрянке в бараках на Кочневом поле, а мужчины (мужья и старшие сыновья) направлены на строительство домов в спецпоселке Верх-Добрянка. Потом туда же были переведены их семьи. Все они трудились либо на лесоразработках, либо в местной сельхозартели.

Что же касается 1937 г., то аресты добрянских финнов прошли в два этапа. Первый относится к августу, второй – к декабрю.

## «Контрреволюционная организация»

В ходе первой волны, когда маховик репрессий только раскручивался, сотрудниками добрянского отделения НКВД были арестованы восемь жителей п. Верх-Добрянка и д. Ярино: И.М. Ватиска (1886 г.р.), О.И. Ивайнен (1890 г.р.), А.П. Сокко (1881 г.р.), М.А. Сюгияйнен (1892 г.р.), И.С. Коломайнен (1887 г.р.), М.М. Корболайнен (1873 г.р.), П.А. Лукконен (1870 г.р.), А.И. Пойколайнен (1879 г.р.). Всех их арестовали 7 августа и первоначально поместили в камеру предварительного заключения при добрянской милиции.

В ходе фабрикации дела и допросов основным обвиняемым следователи сделали Ивана Михайловича Ватиску. Для роли руководителя «контрреволюционной повстанческой группы» он подходил хотя бы потому, что в 1916-17 гг. служил в качестве городского в г. Выборге, а с апреля 1917 по январь 1918 г. находился в обозе бывшего лейб-гвардии Преображенского полка.

Схема его допроса характерна для всех последующих дел. Вначале следователь НКВД интересовался у него, с кем он находится в дружеских отношениях? Тот отвечает, мол, знаю Сокко, так живем в одном доме, что изредка заходит земляк Сюгияйнен и еще несколько верующих женщин «для молебствия». После этого следователь говорит: «следствию известно, что на молебствии у вас на квартире идут контрреволюционные разговоры». Ватиска отрицает. Следователь заявляет, что отпираться бесполезно: «вы являетесь, членом контрреволюционной группы». Подследственный категорически: «не состоял и не состою». Следователь: «Вы лжете следствию». Иван Михайлович вновь: «виновным себя не признаю». Первый и последний допрос окончен.

При допросе Андрея Петровича Сокко определяющим пунктом для следователя был факт его дореволюционной службы в жандармерии г. Выборга, при допросе Ивана Степановича Коломайнена – проживание его двоюродных братьев в Финляндии и Австралии, при допросе Пойколайнена – проживание в Финляндии знакомой ему женщины и т.д.

## **«Признания» и свидетели**

Поскольку все обвиняемые свою принадлежность к некой контрреволюционной группе категорически отрицали, в ход пошел подлог. 26 августа 1937 г. на повторном допросе из-под пера сотрудника УНКВД по Свердловской области Афонасьева вышло фальсифицированное «признание» М.А. Сюгияйнена о том, что будто бы в поселке действительно есть антисоветская группа. В нее входят Ватиска, Сокко, Коломайнен, Лукконен, Корболайнен, Ивайнен и Пойколайнен, которые действительно ведут контрреволюционную агитацию и дезорганизаторскую работу, а также отправляют своих детей в побег и проводят молебствия.

Почему выбрали Сюгияйнена? Может быть, потому, что у поселковых активистов на него имелся «большой зуб». Однажды, подойдя к нему во время работы в лесу, активисты стали указывать Михаилу Андреевичу, «как уплотнить рабочий день и повысить производительность труда». А он, как следует из приложенного к делу акта, «в ответ бросился в псих, начал бросать с головы свою шапку и стал обругивать нецензурными словами весь руководящий состав поселка, в особенности поселкового коменданта. Выражался, что комендант не бог, чтобы перед ним молиться».

После фальсификации протокола допроса в ход пошли такие же «признания» свидетелей. Один из них, трудпоселенец Г., якобы говорил, что финны призывали к борьбе со стахановцами: «Мы, ленинградцы, всем кто будет работать по-стахановски, головы оторвем». Почему «якобы»? Да потому, что при проверке этого дела в 1968 г. следователи КГБ нашли 60-летнего Г. в г. Пензе и он, признав факт вызова его на допрос в 1937 г., однозначно ответил: «Что бы я давал показания об антисоветских высказываниях кого-либо из трудпоселенцев, таких фактов не было. Работники НКВД (...) после бесед писали протоколы допросов. Эти протоколы мне не зачитывались, но подписывать протоколы меня заставляли. Не читая протоколов допроса, я подписывал потому, что так приказывали работники НКВД».

11 сентября 1937 г. следственное дело по обвинению восьми арестованных финнов было направлено «на рассмотрение тройки УНКВД по Свердловской области». Постановление тройки появилось через десять дней. Согласно ему все арестованные были расстреляны 25 сентября 1937 г.

## **Как делались «признания»**

В декабре 1937 г. на Прикамье, в том числе на Добрянский район, обрушилась новая, еще более мощная и жестокая волна репрессий. Произо-

шло это после того, как в район прибыла следственная группа Пермского городского управления НКВД. Это была настоящая карательная экспедиция. Каждый день штамповались десятки подложных дел.

Все репрессируемые разбивались на две категории. К первой относились «наиболее враждебные элементы». Их предписывалось арестовывать и уничтожать через тройки. Менее активные антисоветчики попадали во вторую категорию и отправлялись после проведения необходимых процедур в лагерь на срок от 8 до 10 лет. В области и края была спущена разнарядка. По Свердловской области, куда до осени 1938 года входил и наш край, необходимо было репрессировать 10 тыс. человек! Планы перевыполнялись.

В списки мифических повстанцев записывались все «бывшие» и обладатели нерусских фамилий. Следствие по ним велось во внесудебном порядке, по упрощенной схеме. Оперативному составу предлагалось проводить следственные дела как можно быстрее, «задавая арестованным по 2-3 вопроса с обязательным признанием обвиняемого». Обычно, по показаниям бывшего следователя Корпачева, это делалось так. Арестованным задавались вопросы автобиографического характера, а в протокол следователи вписывали совсем другое – признания арестованных в принадлежности к контрреволюционным организациям и ведении шпионско-диверсионной деятельности. Как рассказывал бывший чекист: «Малограмотные, а их было большинство, подписывали не читая, а грамотных уговаривал подписать, что это так нужно, что их просто переселят в другое место и т.д. и в конце концов добивался подписи. На том следствие заканчивалось». А по признанию другого следователя, Рычина, «большинство арестованных давали вымышленные показания в результате их камерной обработки, а также других незаконных методов следствия».

### **«Поджигатели», «вредители», «диверсанты»**

В результате за пять декабрьских дней 1937 года пермские следователи совместно с сотрудниками Добрянского районного отделения НКВД арестовали несколько сотен(!) человек.

Позже один из следователей, Королев, откровенно признавался, что начальнику Добрянского районного отделения НКВД, сержанту госбезопасности Цыганову была дана «твердая установка арестовать 500 кулаков. Цыганов точно выполнил эту установку, арестовывая всех, кто попадет под руку». Как следует из свидетельских показаний, в декабре 1937 – январе 1938 гг. органами НКВД были арестованы почти все мужчины трудпоселка Верх-Добрянка.

Среди них было более двух десятков финнов. Это А.М. Кемпи (1899 г.р.), П.М. Хуттонен (1916 г.р.), Н.М. Хунтонен (1915 г.р.), А.П. Лукконен (1903 г.р.), П.А. Лукконен (1870 г.р.), И.А. Кембес (1878 г.р.), А.А. Лембенен (1892 г.р.), А.Ф. Корочкин (1891 г.р.), И.И. Рахманен (1898 г.р.), А.П. Рахмонен (1897 г.р.), А.Ф. Кукко (1900 г.р.), П.С. Терво (1898 г.р.), И.И. Ванганен (1877 г.р.), А.И. Коугия (1869 г.р.), А.С. Хянин (1888 г.р.), С.А. Хянин (1912 г.р.),

И.А. Тинтунен (1876 г.р.), И.И. Тинтунен (1907 г.р.), И.А. Местиляйнен (1898 г.р.), И.А. Юнолайнен (1893 г.р.), С.Я. Никкаринен (1871 г.р.), И.О. Сварвали (1883 г.р.), Ф.И. Савойланен (1885 г.р.), А.А. Тикко (1879 г.р.), И.П. Янус (1878 г.р.). За исключением И.П. Януса, который был арестован в октябре 1937 г. и получил 10 лет лагерей, все остальные финны попали под арест в середине декабря и были осуждены к расстрелу.

Как такового следствия против них не было. Дела содержат по несколько страниц. Лист 1. Постановление об избрании меры пресечения; 2. Ордер на арест; 3. Протокол обыска (обычно с формулировкой «не найдено ничего»); 4. Анкета арестованного; 5. Протокол допроса (один лист с оборотом); 6. Протокол об окончании следствия; 7. Обвинительное заключение на одном листе; 8. Выписка из протокола комиссии НКВД СССР и Прокуратуры с формулировкой ВМН (высшая мера наказания); 9. Справка о приведении приговора в исполнение.

Все дела написаны словно под копирку. Каждый из арестованных обвинялся в антисоветской агитации, вредительстве, диверсиях, принадлежности к контрреволюционной организации, иностранной разведке (обычно Эстонии или Германии). Согласно фантазии следователей обвиняемые поджигали лес и строения, выводили из строя автомобили и тракторы, портили семена и почти все в этом признавались: «будучи озлобленный на Советскую власть, я дал согласие быть членом повстанческой группы», «ежедневно ходил в лес и поджигал лесные массивы», «Поручение выполнил честно. Лес поджог в 14 местах и на 4 участках».

Руководителем же «мощной организации, которая охватывает все трудпоселки Добрянского района» был сделан бывший учитель, прапорщик царской армии (по версии следствия, штабс-капитан белой армии), кавалер полученных в годы Первой мировой войны боевых орденов Станислава 3-й степени и Анны 3-й степени Иван Осипович Сварвали. «Главный центр этой контрреволюционной организации находится на Верх-Добрянском трудпоселке, – сообщалась в энкавэдэшных материалах. – Он также имеет свои контрреволюционные организации на Луховском трудпоселке, на Верх-Челве, на Верх-Истоке, на Ключевском и в гараже около п. Добрянки. Эти контрреволюционные организации представляют собой группы по 5-10 человек, во главе которых стоят ставленники Сварвали. И вокруг себя эти контрреволюционные организации группируют всех спецпереселенцев, недовольных существующим строем, дают им задания контрреволюционного характера и сами ведут контрреволюционную работу, направленную на подрыв Советской власти и особенно колхозов и сельхозартелей».

Все эти домыслы были в полной мере развенчаны в ходе расследований и реабилитации в 50-60-х гг. После агентурных проверок причастность расстрелянных к иноразведкам не подтверждалась, «уничтоженные» ими в 30-х гг. склады благополучно стояли и в 50-х, как и «сожженный» финнами лес.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 5 октября*

# Агент царской жандармерии

*В октябре 1937 года один из высланных в наш район «врагов народа» был обвинен в слежке за писателями Максимом Горьким, Леонидом Андреевым и Федором Сологубом.*

## На службу в жандармерию

Финн Андрей Петрович Сокко был уроженцем д. Соколово Ленинградской области. Родился он в 1882 году в крестьянской семье. До поры до времени крестьянствовал, а в 1909 году нанялся на службу в Финляндское жандармское управление (до взятия власти большевиками Финляндия входила в состав Российской империи). Обязанности жандармов заключались, в частности, в обнаружении и расследовании государственных преступлений, в охране внешнего порядка и общественной безопасности в районе железных дорог, в осмотре паспортов в некоторых портах и пограничных местах империи, в надзоре за государственными преступниками.

Что же касается Сокко, то служил он на низших должностях. В начале 1913 года, по его личным показаниям, он являлся унтер-офицером\* крепостной жандармской команды в г. Выборге, а через год был переведен в г. Гельсингфорс (ныне г. Хельсинки), где служил «вестовым по разноске пакетов».

В 1916 году А.П. Сокко продолжил службу в контрразведывательном отделении при штабе 42-го армейского корпуса и до лета 1917 года занимался проверкой заграничных паспортов на ст. Выборг. А через восемь лет после этого, летом 1925 года, Андрей Петрович был арестован отделением транспортного отдела ОГПУ при ст. Ленинград Северо-Западной железной дороги.

## Тайный агент

За что? С одной стороны, за службу в царской жандармерии, что уже само по себе с точки зрения советских карательных органов являлось преступлением, с другой – за то, что служил он не кем-нибудь, а филером. То есть сыщиком, агентом, в обязанности которого входили проведение наружного наблюдения и негласный сбор информации о лицах, представляющих интерес. Первоначально А.П. Сокко отрицал свое филерское прошлое, говорил, что такие обязанности выполнял лишь один раз, когда «вел наблюдение за приезжавшим из Англии неизвестным ему человеком», но потом на допросе вынужден был признать, что в 1914 году он действительно служил агентом на ст. Выборг около года. И тут начинается самое интересное.

\* Это звание условно соответствует современным сержантам.



## Писатели – под «колпаком»

Как следует из «Справки по архивному делу», в ходе следствия 1925-26 годов в качестве доказательств вины были приобщены выписки из архивных документов бывшего Финляндского жандармского управления (в то время, в отличие от 1937-38 гг., для доказательства вины документы еще требовались). В копии донесения начальника управления от 1 апреля 1915 года было указано, что в Финляндии «(...) группой писателей во главе коей: помощник присяжного поверенного Леонид Николаев Андреев, 43 лет, «Федор Сологуб» – отставной надворный советник Федор Кузьмич Тетерников, 52 лет и «М. Горький» – Нижегородский цеховой Алексей Максимов Пешков, 46 лет – ведется в настоящее время при посредстве печати работа по борьбе с антисемитизмом, причем лица эти устраивают собрания, на которых бывает по 50-60 человек».

С учетом вышесказанного сотрудникам жандармерии требовалось выяснить, «кто на таковые собрания приезжает, не известна ли цель таковых и где останавливается Тетерников».

Для негласной проверки этих сведений помощником начальника жандармского управления по Выборгскому району 27 марта 1915 года был вызван, а затем направлен к месту жительства писателей в деревни Неуволы и Ваммельсу «филер Андрей Сокко». 28 марта он уже вернулся в Выборг.

## Что узнал Сокко?

В результате этой краткосрочной поездки выяснилось, что «писатель Леонид Андреев проживает на собственной даче в дер. Ваммельсу в 8 верстах от ст. Райвала. В течение февраля и марта его посетило разновременно человек 6-7 неизвестных приезжих из Петрограда молодых людей в студенческой форме, возвращавшихся в тот же день в Петроград. Многолюдных собраний у Андреева за это время замечено не было. Алексей Пешков («Максим Горький») тоже проживает в настоящее время на своей даче в дер. Неуволы Новокирского прихода Выборгской губернии и довольно часто на короткое время отлучается в Петроград, иногда посещает дачу писателя Леонида Андреева. Многолюдных собраний на даче Горького за последние два месяца тоже не замечено, но его посещают многие приезжие из Петрограда – по наружности и одежде студенты и курсистки. Горького посещает довольно редко писатель Федор Тетерников (Федор Сологуб) и в тот же день выезжает обратно в Петроград. В последнее время Тетерников не посещал Андреева».

На поездку «филер Сокко» издержал 8 руб. 55 коп. Деньги ему должны были оплатить «при отчете агентурного расхода за март месяц».

На суде осенью 1926 года А.П. Сокко своей вины не признал и, как следует из архивных данных, «свое участие в слежке за А.М. Горьким и Л. Андреевым голословно отрицал». Тем не менее, 2 октября по приговору Ленин-



градского губернского суда он был признан виновным по ст. 67 УК РСФСР и осужден на 5 лет лишения свободы\*\*.

## От высылки до расстрела

Из приграничных территорий Ленинградской области жившие там многие века финны были высланы в 1935 году. В том числе в Добрянский район. Был среди них и А.П. Сокко со своей семьей, в которой было три дочери и два сына. Местом ссылки для большинства из них стал спецпоселок Верх-Добрянка. Весной 1937 года один из его сыновей, Андрей 1914 г.р., попытался вместе со своим другом бежать из ссылки, но когда они «шли по Соликамскому тракту в сторону Левшино», то в районе Лунежек случайно угодили в руки милиционера, который искал пропавшую лошадь. Беглецов осудили к 3 годам лишения свободы.

А в начале августа практически все главы семей из числа финнов-спецпоселенцев были «зачищены» органами НКВД. Их арестовали, обвинили в самых страшных государственных преступлениях (антисоветская агитация, создание контрреволюционной организации, вредительство) и осенью того же года расстреляли. Реабилитация состоялась лишь через несколько десятилетий.

## О ком идет речь в статье?

Классик пролетарской литературы Максим Горький (1868-1936).

Теоретик символизма Федор Сологуб (1863-1927).

Родоначальник русского экспрессионизма Леонид Андреев (1871-1919).

Все эти писатели в 1915 г. находились под негласным жандармским надзором. Но, несмотря на это, все они, в том числе и М. Горький, не приняли большевистский переворот. Горький жил за границей с 1921 по 1932 год, Андреев скончался в эмиграции, Сологуб пытался неоднократно покинуть Советскую Россию.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 22 октября*

\*\* Согласно «Особенной части УК РСФСР 1922 г.» ст. 67 относилась к «контрреволюционным преступлениям» и звучала так: «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе». Минимальный срок лишения свободы по ней составлял 3 года, а верхняя граница простиралась вплоть до расстрела.

## «Виновным себя не признал»

*День учителя – один из самых теплых и искренних профессиональных праздников. Музыка, цветы, награды, красивые лица и красивые слова. Но любой праздник – это еще и повод оглянуться назад, осмыслить пройденный путь, вспомнить о тех, кто так же вел когда-то школьные «корабли» по океану знаний.*

### Нерусские фамилии

В декабре 1937 года в Добрянку прибыла следственная бригада Пермского городского отдела НКВД. Перед ее сотрудниками была поставлена четкая цель – «каким бы ни было методом выкорчевать всех врагов». О выборе методов ведения допросов следователи особо не задумывались. На состоявшемся в Перми оперативном совещании установка им была дана четкая: «любой метод, какой бы к арестованному не применялся в настоящий момент является хорошим». Оперативному составу предлагалось проводить следственные дела как можно быстрее. Обычно арестованным задавались вопросы автобиографического характера, а в протокол следователи вписывали совсем другое – признания арестованных в принадлежности к контрреволюционным организациям и ведении шпионско-диверсионной деятельности. Особый упор делался на выявление лиц «инонационального происхождения». То есть для того чтобы попасть в число врагов, достаточно было иметь нерусскую фамилию.

В результате за пять декабрьских дней 1937 года пермские следователи совместно с сотрудниками Добрянского районного отделения НКВД арестовали 120 человек из числа спецпереселенцев (все они обвинялись в принадлежности к румынской разведке), а затем произвели арест 500(!) спецпереселенцев с Украины. Для них следователи придумали «контрреволюционную организацию украинских кулаков, (...)», которая по заданию польской разведки вела националистическую работу за отделение Украины от СССР».

Сейчас невозможно поверить, но факт остается фактом. В числе разоблаченных «диверсантов» оказалось даже около сотни несовершеннолетних жителей спецпоселков Добрянского района, которые угодили в пермскую тюрьму прямо со школьного порога, вместе с учебниками. Позже один из следователей, Королев, откровенно признавался, что начальнику Добрянского районного отделения НКВД, сержанту Цыганову была дана «твердая установка арестовать 500 кулаков. Цыганов точно выполнил эту установку, арестовывая всех, кто попадет под руку».

Массовые аресты по признаку «инонационального происхождения» проводились не только в спецпоселках, но и в райцентре. Не мог не попасть в их круговорот и 34-летний учитель немецкого языка, завуч Добрянской средней школы (ныне школа № 1) Георгий Иосифович Бивальд. Его судьбу определила нерусская фамилия.

## Как «настоящий советский человек»...

Георгий Иосифович Бивальд, немец по национальности, родился в 1903 году в Москве. Его отец Иосиф Карлович был специалистом по прокату и всю жизнь проработал в металлургической промышленности России. Сначала трудился на заводах юга страны, а затем на металлургических предприятиях Урала. На пенсию вышел в Ижевске. За годы своей многолетней работы он внес много рационализаторских предложений и изобретений, «за что был неоднократно награжден и премирован». В 1938 году Иосиф Карлович переехал на жительство в подмосковную Истру и погиб там во время войны в результате налета фашистских бомбардировщиков.

Сын И.К. Бивальда Георгий Иосифович избрал для себя учительскую стезю. Вначале он преподавал в начальной школе, а позже стал учительствовать в средней школе п. Теплая Гора. Там он трудился с 1924 по 1927 год, там же познакомился с молодой учительницей, уроженкой Добрянки А.П. Барановой.

«В 1927 году мы перевелись на работу в г. Добрянку – мою родину. Сначала мой муж и я работали в образцовой (так тогда называлась) школе, а позднее муж был переведен в среднюю школу той же местности, где он и работал в качестве заведующего учебной частью школы и вел часы немецкого языка», – писала в декабре 1954 года в письме на имя председателя КГБ заслуженная учительница, кавалер ордена Ленина Александра Павловна Баранова. Ее брат был первым красным директором Добрянского металлургического завода.

По словам Александры Павловны, Г.И. Бивальд «был настоящим советским человеком, хорошим мужем, любящим отцом. (...). Как учитель и воспитатель в школе, он вполне соответствовал своему назначению, пользовался уважением и авторитетом со стороны учащихся, их родителей и учительского коллектива. (...) За работу школы он болел душой. Он всего себя отдавал работе и имел неплохие результаты. В течение ряда лет был учителем-ударником (так в то время назывались лучшие учителя и руководители школ). Он был лучшим учителем общественником. Его знали и ценили широкие круги населения. Он всегда живо и своевременно откликался на все мероприятия, проводимые партией и правительством...».

Все письмо в прошедшем времени и это не случайно. С момента ареста Г.И. Бивальда прошло уже 17 лет. Никаких сведений о нем у жены и детей не было. За что и почему его арестовали, родные также не знали. А потому предоставим слово другим документам.

## ...стал «эстонским шпионом»

«6 декабря 1937 года, Пермским ГО ГКВД был арестован БИВАЛЬД Георгий Иосифович, обвиняемый в шпионско-повстанческой деятельности в пользу Эстонии.

Следствием по делу установлено: Бивальд в 1936 году связался с участниками эстонской диверсионно-повстанческой организации: Стуковым, Пильтек и другими и был вовлечен ими в названную организацию. По заданию организации систематически среди учащихся Добрянской средней школы и колхозников – вел контрреволюционную пропаганду, направленную на дискредитацию руководителей ВКП(б) и Правительства. Принимал участие в подборе лиц и подготовке вооруженного восстания на период возникновения войны капиталистических государств СССР.

**ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЛ.** Изобличается показаниями участников организации Стуковым и Пильтек.

На основании изложенного:

**БИВАЛЬД** Георгий Иосифович, (...).

Обвиняется (...) в преступлении, предусмотренном ст. 58-2-10-11 УК РСФСР.

Дело по обвинению Бивальд Г.И. подлежит направлению в ГУТБ НКВД СССР – для внесудебного рассмотрения.

Нач. 3-го отд. Пермск. ГО НКВД -

Сержант гос/безопасности КОРОЛЕВ».

Представленный выше документ – выдержка из «Обвинительного заключения» по делу Г.И. Бивальда.

Все обвинение против него было построено на «признаниях» двух ранее арестованных «контрреволюционеров». Дело против них велось с грубейшими нарушениями какой-либо законности: свидетели не вызывались, очные ставки не проводились, с делом осужденные не знакомились, приговоры выносились без суда, списками. Как следует из протокола допроса Георгия Иосифовича, свою вину он не признал:

«Вопрос: Вы арестованы как активный член диверсионно-повстанческой организации действующей на территории Добрянского района. Признаете ли себя виновным в этом?

Ответ: Членом диверсионно-повстанческой организации я не состоял и виновным себя не признаю. (...)».

Больше допросов не было. А 7 февраля 1938 года состоялось очередное заседание Особой Комиссии НКВД СССР, на котором среди прочих дел было рассмотрено и дело добрянского учителя. Постановление комиссии звучит так: «**БИВАЛЬД** Георгия Иосифовича обвиняемого в шпионской и диверсионной деятельности в пользу Эстонии – **РАССТРЕЛЯТЬ**».

## **Восстановление справедливости**

Нет, недаром хрущевский период нашей истории называют оттепелью. Именно тогда тысячи людей впервые узнали о судьбе своих репрессированных отцов и братьев. Но оттепель – это временное явление, и потому сведения родным предоставлялись далеко не самые полные. Вот и на запрос о

судьбе Г.И. Бивальда А.П. Баранова получила первоначально извещение, в котором сообщалось, что ее муж осужден тройкой сроком на 10 лет и выслан в дальние лагеря без права переписки. На самом деле, к тому времени его не было в живых уже много лет.

Справедливость была восстановлена лишь в 1956 году. Тогда был, в частности, допрошен следователь НКВД Рычин, который вел в свое время дело Бивальда. По признанию Рычина, «большинство арестованных давали вымышленные показания в результате их камерной обработки, а также других незаконных методов ведения следствия. (...), а о существовании в Добрянском районе каких-либо контрреволюционных организаций» он ничего не знал. Что же касается непосредственно Бивальда, то следователь был знаком с Георгием Иосифовичем еще до ареста, занимался у него на курсах немецкого языка и «ничего плохого о нем ни от кого не слышал». Вот так. Все хорошо, а человека нет.

21 марта 1956 года в Военную коллегия Верховного суда СССР в порядке надзора поступил протест от заместителя генерального прокурора Советского Союза, генерал-майора юстиции Е. Варского. В нем содержалось требование «Постановление НКВД СССР и Прокурора СССР от 7 февраля 1938 года в отношении Бивальда Георгия Иосифовича отменить и дело производством в уголовном порядке прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления». Так состоялась реабилитация добрянского учителя. Одного из тех, кто попал под кровавое колесо репрессий 1937-38 гг.

*Камские зори. 2003. 3 октября*

# Триумф и трагедия Фомы Сюзева

*Долгое время на доме № 39 по ул. Шмидта в Добрянке висела мраморная мемориальная доска. На ней была начертана надпись: «В этом доме жил член КПСС с 1917 года, член первого большевистского Совета Сюзев Фома Сергеевич. Умер в 1937 году». И все. Сведений – минимум. И тут на помощь нам пришли архивные материалы.*

## Рождение революционера

Фома Сюзев родился в 1898 г. в семье служащего Добрянского завода. Окончив Добрянское (Софийское) 2-классное приходское училище, он начал работать чертежником при заводууправлении, а когда ему исполнилось 17 лет, активно включился в революционную деятельность. Первоначально в партии эсеров, в которую в Добрянке «записывались все с краю».

Судя по некоторым характеристикам людей, лично знавших его, Фома Сюзев обладал горячим нравом. Особую «любовь» он отчего-то испытывал к стражам порядка. В 1916 году Фома «избил полицейского, обезоружил его и переломил шашку пополам», за что по постановлению губернатора отбыл трехмесячное заключение в пермской тюрьме. А в феврале 1917 г. он «принял активное участие в разгоне полиции» и «первым обезоружил пристава завода Добрянки».

## Вступление в партию большевиков

В августе 1917 г. девятнадцатилетний Ф.С. Сюзев, который уже полгода возглавлял Добрянский волостной исполком, вступил в ряды РКП(б). В сентябре 1917 г., когда Добрянский Совет рабочих депутатов перешел под контроль большевиков, его председателем избрали Н.Т. Копылова, а Ф.С. Сюзев стал одним из членов Совета. Кроме того, в феврале 1918 г. он вошел в состав Делового Совета, который взял в свои руки руководство металлургическим заводом.

На должности руководителя волисполкома Сюзев находился до декабря 1918 года и сыграл большую роль «в укреплении молодой Советской власти». «Я хорошо помню, как тов. Сюзев выступал на собраниях рабочих, призывал рабочих встать на защиту Советов», – писал в 1957 г. ветеран партии Г.И. Новоселов. Его товарищ по партии С.Д. Пьянков вообще называл Фому Сергеевича «видным членом Добрянской коммунистической партийной организации», настоящим «большевиком ленинцем».

## В годы Гражданской войны

В декабре 1918 г. к Добрянке подошли подразделения армии адмирала Колчака. Разрозненные вооруженные группы добрянских большевиков не смогли оказать организованного сопротивления белым, были частично уничтожены или рассеяны ими. Многие погибли во время мятежа в с. Ильинском.

Ф.С. Сюзеву удалось избежать гибели. Как вспоминала в конце 50-х го-

дов его жена: «В декабре 1918 года мы вместе с мужем эвакуировались в гор. Глазов Вятской губернии, где его партия направила работать секретарем политотдела III армии Восточного фронта». В феврале 1919 г. Фому Сюзева перебросили «в Вятский губвоенком в качестве ответственного инструктора», а затем, «по установлению Советской власти», в Осу. Там он в течение лета являлся членом уездного ревкома. В октябре 1919 г. Фома Сергеевич вернулся в родную для него Добрянку.

## Взлеты и падения

С того времени и до декабря 1922 г. Ф.С. Сюзев занимал высокий пост ответственного (первого) секретаря Добрянского комитета РКП(б). Это был крайне тяжелый период в истории Советского государства в целом и Добрянки в частности. Завод работал с большими простоями, многие рабочие остались без средств к существованию, в районе свирепствовал голод. Летом 1921 г. положение усугубилось очень жаркой погодой, и кругом запылали лесные и торфяные пожары. На лесных дорогах орудовали грабители. Отдаленные деревни, например на Косье, не отваживались посещать даже вооруженные милиционеры.

Видимо, Ф.С. Сюзев справлялся со своими обязанностями неплохо. Иначе он не получил бы назначение на более высокий пост. В декабре 1922 г. он «был переброшен партией» в Пермь на пост начальника земельного управления Пермского уездного исполкома, стал членом уездного комитета РКП(б). В конце 1923 г. Фома Сергеевич являлся уже председателем Пермского уездного исполнительного комитета (в состав уезда входило несколько районов). С началом районирования его направили на пост председателя Ильинского, затем Оханского райисполкома. В 1926 г. наш земляк получил назначение в Усолье. Являлся там руководителем орготдела Верхне-Камского окружного исполкома, в 1927-28 гг. трудился прокурором Чердынского района, после чего по неизвестной нам причине его карьера пошла вниз. Некоторое время Сюзев вообще исполнял обязанности заведующего краеведческим отделом газеты «Смычка», выходившей на Верхней Каме.

С 1929 г. в его карьере наметился было новый подъем. Ф.С. Сюзев занимал выборные должности в профсоюзе работников лесной и кустарной промышленности, был членом Березниковского райкома ВКП(б), возглавлял березниковское отделение конторы «Свердпромторг», но в 1935 г. произошло новое падение. На этот раз до должности рядового торгового инспектора. На середину 30-х гг. пришлось и два партийных взыскания. Одно – за «самовольный выезд из сельского Совета, что привело к отставанию в севе», другое – «за зажим самокритики».

Как бы там ни было, но в 1935 г. Фома Сергеевич был переведен в Пермь, где его назначили заведующим базой «Росмасложирпром». Эта должность оказалась последней в его жизни. 22 февраля 1938 года он был арестован органами УНКВД Свердловской области и домой уже не вернулся.



## «Революция пожирает своих детей»

Зная о том, что в 1916 г. Ф.С. Сюзев был членом партии эсеров, следствие выдвинуло против него обвинение в том, что к 1937-38 гг. «он являлся участником контрреволюционной эсеровской организации (...), проводил вредительскую деятельность, направленную на срыв советской торговли». Как следует из строго секретной выписки заседания бюро Пермского горкома ВКП(б) от 2 июня 1938 г., решением Ленинского РК партии от 19 мая Ф.С. Сюзев был исключен из рядов ВКП(б) «как враг народа».

15 августа 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Фому Сюзева к высшей мере наказания – расстрелу. Обвинения против него были выдвинуты самые суровые: контрреволюция, вредительство, терроризм. Приговор был приведен в исполнение в тот же день...

Как не вспомнить тут слова, сказанные перед казнью знаменитым деятелем Великой французской революции Жоржем Жаком Дантоном: «Революция пожирает своих детей».

## Реабилитация

Прошло 19 лет. В 1957 г., после изучения этого дела прокуратурой, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР вынесла определение, что Ф.С. Сюзев был осужден и расстрелян «необоснованно». Приговор отменили, дело прекратили «за отсутствием состава преступления».

Имея на руках справку о посмертной реабилитации мужа, в 1957 г. супруга Фомы Сергеевича Мария Тимофеевна обратилась в комитет партийного контроля при Молотовском обкоме КПСС с заявлением о его партийной реабилитации. С этой целью партийными органами были опрошены ветераны партии, лично знавшие Ф.С. Сюзева. Все они единодушно отмечали, что он являлся преданным большевиком, активным участником становления Советской власти. «Всюду тов. Сюзев Ф.С. проявлял себя хорошим товарищем и способным работником партийцем. Считаю, что Сюзев и его семейство заслуживают перед революцией быть в наших рядах, поэтому нужно его реабилитировать в КПСС», – писал, к примеру, коммунист с большим партстажем С.Т. Копылов. И реабилитация состоялась.

Осенью 1957 г. М.Т. Сюзева получила извещение о том, что «26 сентября 1957 года решением бюро бывшего Молотовского ныне Пермского обкома КПСС (...), Сюзев Ф.С. считается членом КПСС с августа 1917 года».

Следствием реабилитации стала установка уже известной нам мемориальной доски.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 27 октября*  
В соавторстве с Анастасией Подсkochиновой





# С ножом, вином и знаменем

**Статьи о криминальных проявлениях  
и пожарной безопасности**

- «Негодные люди»
- Исправительные розги для «постыдных пороков»
- Как в Добрянке с «зеленым змием» боролись
- «Даже смотреть на кабак позор»
- «Во дворах и конюшнях табаку не курить»
- Криминальные истории старой Добрянки
- Кровавый туман
- «Холодное дуло бессменного маузера»
- С ножом, вином и знаменем
- Проделки «красного петуха»
- Добрянская власть сгорела весной

## «Негодные люди»

*Оказывается, лихие, не боявшиеся «ни черта, ни ладана» мужики жили в старой Добрянке. Такие, для которых и пистолет самодельный изладить, и пальнуть из него в человека при должности было делом плевым. В истории Добрянского металлургического завода подобные факты встречались несколько раз. Почему-то самыми урожайными в этом смысле оказались 40-е годы XIX века и начало XX-го. Тогда покушения на заводских руководителей отмечались неоднократно. В прежние времена это называлось классовой борьбой, но если отбросить всякую идеологическую шелуху, то окажется, что приведенные ниже факты – есть простое злодейство.*

### «Такие просьбы впредь не сочинять...»

Первый раз это случилось в 1846 году. Тогда объектом покушения стал заводской приказчик Мельников. Неизвестный злоумышленник выстрелил в его комнату прямо через окно. Сам приказчик не пострадал, но найденные в его комнате жеребьи (самодельные ружейные заряды. – М.К.) стали при следствии главной вещественной уликой.

Подозрение в их изготовлении пало на временно работавшего на заводе «мастерского мальчишка Долгополова», который, по показаниям одного из мастеров, изготавливал их в слесарной и там же «примеривал с дулом пистолета». Подозрения усиливались еще и от того, что отец подростка «будто бы имел неудовольствие на Мельникова и подговаривал мастеровых к жалобам на него».

Такая жалоба действительно была направлена в Ильинскую контору нераздельного имения Строгановых в январе 1845 года. Рассмотрение всех обстоятельств, связанных с ней, было поручено инспектору заводов Шарину.

Как выяснилось, главными причинами для недовольства со стороны мастеровых было несколько моментов, в том числе возросшая «строгость браковки железа», повышение норм его выковки, уменьшение отпуска угля, удаленность лесных делянок для «домашнего строения», низкая оплата труда «малолеток» и уменьшение выгонов для скота.

Между тем, по словам Шарина, ни по одному из вышеуказанных пунктов приказчик не был виноват, поскольку он лишь выполнял распоряжения вышестоящих руководителей. В чем он был не совсем прав, так это лишь в излишней строгости и педантичности.

«Полагаю, что новость штатных положений послужила только поводом к выражению нерасположения питаемого некоторою частию мастеровых к приказчику Мельникову. А это нерасположение (...), проистекает по моему мнению, от сухости обхождения Приказчика с мастеровыми, а не от каких-либо притеснений с его стороны (...). Ограниченные понятия простолюдина, нуждаются часто в благоразумной снисходительности (...). А этого-то кажет-

ся Мельникову и недостает! Чем более усердие оказывает он к службе — тем более обнаруживает и той, отталкивающей, так сказать, сухости в обращении с мастеравыми, за которую многие почитают его несправедливо строгим...», — писал инспектор заводов в своем донесении от 28 февраля 1846 года.

Как это часто бывало и бывает, в удовлетворении этой жалобы мастеровым было отказано, а шестеро главных инициаторов ее написания были наказаны штрафами. Больше всего пострадал писчик Пивоваров, который, зная о неграмотности рабочих, написал от их имени такие вещи, о которых те и не подозревали. За эти проделки его, «как человека нарушающего общественное спокойствие», было приказано «удалить от должности пищика, выдержать неделю под арестом и потом обязать подпиской, такие просьбы впредь не сочинять, под опасением перевода в другое место».

Что же касается личности стрелявшего в Мельникова, то она так и не была установлена. Как и в случае, произошедшем в 1848 году.

### **Пистолет для... зайцев**

К тому времени приказчиком Добрянского завода стал А.И. Тунев. Поначалу в выстреле в него или «в соучастии к тому» «заподозривались» слесарный мастер В. Еремеев и кузнец П. Марфин, которые в тот день пьянствовали и никак не могли указать, где находились во время попытки покушения. Неизвестно, что бы с ними стало, если бы через 2 месяца после выстрела не выяснилось, что у мастерового К. Орлова имелся пистолет, сделанный из «обрезка ружья». С целью проведения дознания от общества были избраны «депутаты», которые, несмотря на «запирания» Орлова, привлекли на свою сторону его родственников и доказали факт наличия у него оружия. Найденный под крышей пистолет, несмотря на уверения Орлова, что оружие неисправно, оказался вполне пригоден к стрельбе.

После этого, по словам приказчика А. Тунева, «Орлов совсем растерялся и видимо убитый горем, просил меня дать ему вина. Просьба его была удовлетворена тот час же. Орлов, не будучи пьяницей, пил охотно и много и при этом беспрестанно просил прощения, не объясняя в чем, но от всякого против меня злоумышления отказывался». Свое нежелание сообщить о пистолете он объяснял тем, что оружие это он нашел, перекрасил и отдал своему «убогому» сыну для охоты на зайцев.

Из Добрянки Орлов был переправлен в Ильинское, где также постоянно менял показания, путался в них, но доказать его вину в выстреле не удалось. «Негодные», по словам Тунева, люди так и остались безнаказанными.

### **Керосиновая «симпатия»**

Не особенно жаловали некоторые добрянцы руководителя своего предприятия и в начале нашего столетия. Тогда было предпринято несколько по-

попыток покушения на жизнь управляющего Мальцева и на уничтожение его имущества. В 1904 году, например, некие злоумышленники пытались поджечь его дом, подбросив под террасу горящую паклю, а в 1906 году, через несколько дней после возвращения управляющего из отпуска, «симпатии к нему рабочих выразились тем, что были попытки поджечь его квартиру, в которой облили керосином забор около подъезда». И в том, и в другом случаях огонь удавалось быстро затушить.

Управляющий сумел избежать неприятностей и во время двух покушений на его жизнь. Как писала родившаяся на волне реформ 1905 года газета «Камский край», «памятником второго – осталась большая дыра от пули на двери подъезда» управительского дома. «Нельзя не удивляться, как граф Строганов и те, кому это ведать надлежит, не могут расстаться с теперешним управляющим, который не пользуется симпатиями не только у рабочих, но и служащих», – восклицала газета.

Неспокойно в то время было и в Полазне, где неизвестные однажды выстрелили из пистолета в окно квартиры бухгалтера Бахарева, а потом, уже в 1907 году, добрались и до управляющего заводом Б. Копылова. Там постарались революционеры-лбовцы, которые убили его прямо в заводской конторе.

*Камские зори. 2003. 17, 24 января*

*Досье 02. 2003. 29 сентября*

## Исправительные розги для «постыдных пороков»

*На дело № 4685 фонда Строгановых в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве я наткнулся случайно, но информация, содержащаяся в нем, оказалась крайне неожиданной. Дело датировалось 1846-47 гг. и называлось «Сведения о числе сужденных за распутство людей (...)». Ни больше ни меньше.*

### По классам и званиям

В архивной папке оказались отчеты с мест о борьбе с нарушениями в сфере нравственности. Отчеты направлялись в Петербург согласно предписанию графа С.Г. Строганова от 16 сентября 1846 года и на основании подписанных им тогда же «Правил о предупреждении и пресечении распутства». По данным управляющего Пермским нераздельным имением Волегова, такая отчетность вводилась в качестве эксперимента («для опыта») сроком на один год. А поскольку к началу 1848 года установленный заводовладельцем срок завершился, то и было принято решение «собрать и предоставить немедленно от всех окружных правлений и Добрянской заводской конторы сведения о числе лиц сужденных за распутство (...), с подразделением винных мужска и женска пола по классам и званиям (...)». И пошли отчеты...

### Исправительные розги

Все они основывались на вышеуказанных «Правилах». Прелюбопытнейшем, между прочим, документе. «Правилами» была установлена четкая система действий должностных лиц и суровости выносимых наказаний. Их степень зависела от уровня вины нарушителей нравственности и должна была учитывать жизненные обстоятельства, в которые попали виновные (девка или вдовая, старая или молодая, одинокая или замужняя и т.д.) В пункте 10 «Правил» говорилось, что «для исправления женщин и девок, предающихся разврату», нужно использовать «три степени полицейского оштрафования».

На первый раз («первая вина, когда она будет гласна») разбор полетов могли проводить сельские приказчики, старосты и так называемые заводские расправы. Наказание могло обернуться для виновных (как мужчин, так и женщин) арестом на срок от 4 до 7 дней, «оштрафованием» в виде битья розгами (от 5 до 10 ударов) или «черной работой от 4 до 6 дней (...)».

«За вторую или третью вину или проступки» штрафы (в частности, до 25 ударов розгами) определяли уже в окружных правлениях или, применительно к Добрянке, в заводской конторе. При этом подчеркивалось, что «если девки и вдовы после трехкратного произведенного над ними оштрафования (...) за распутство не отстанут от своего постыдного порока, то признаются не исправно развратными, и на основании 14-го тома свода законов о предупреждении и пресечении преступлений

статей: 283, 284, 285, 342, 345 и проч. представляются в распоряжение Губернского Правления». А там виновным светила уже Сибирь-матушка или рекрутство.

### **Под прицелом – «мастерские девки»**

Как следует из отчета Добрянской заводской конторы, с сентября по декабрь 1846 года в поселке было осуждено четверо мастеровых и четыре девки, а за 1847 год более двух десятков мужчин и девять женщин. Среди мужчин фигурировали в основном молодые, холостые парни, которые «распутствовали» либо с «мастерскими девками», либо с солдатками (женщинами, чьи мужья находились на военной службе) и вдовами. Но не только. Среди наказанных изредка встречались женатые или замужние обитатели Добрянки.

Некоторые «дамы» пользовались особым успехом у кавалеров. К примеру, только в мае 1847 года на одну из местных солдаток пришлось двое холостых и один женатый «клиент». Их похождения получили огласку, и каждый из «донжуанов» получил по 25 ударов розгами. Еще более любвеобильной оказалась «мастерская девка О.», которая в июне 1847 года приняла восьмерых кавалеров, за что попала «в список назначенных к ссылке в Сибирь на поселение». Но не уgomонилась она и в сентябре, за что получила 20 ударов розгами.

Среди распутствующих особ отмечались случаи беременности. Сведений же о том, как происходило «распутство», за деньги или «по любви», в документах нет. Но в одном из отчетов отмечен факт недостойного поведения добрянских жительниц в Перми.

Так, в январе 1847 года в поле зрения пермской городской полиции попали три «мастерские девки» Добрянского завода: сестры Настасья и Прасковья К. и их подруга Авдотья В. Все они были изобличены полицейскими «в распутстве» и высланы из губернского центра «в жительство», то есть в Добрянку. Но одна из них избежала розг по случаю «выхода в замужество».

### **Пошел «налево», угодил в Сибирь**

Видимо, особо жестоко каралось хождение «налево» женатых людей. Ведь брак в то время был церковным, и расторгнуть его было почти невозможно. А прелюбодеяние – великий грех. Но что-то все-таки заставляло нарушать установленные нормы. Так, в марте 1847 года трижды были замечены в «распутстве» замужняя И. и женатый В., за что они и получили по полной программе. По решению Добрянской заводской расправы любовники сначала были «выдержаны в аресте по 6 дней», а затем наказаны «при заводской полиции» розгами (по 30 ударов на каждого). После этого женщину принудили отработать «в заводе в недельное время», а мужчину поместили «в список порочных людей», которые назначались к ссылке в Сибирь на поселение.

Вот и вся любовь, вот и вся история.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 7 сентября  
Ретроспектива. 2009. № 1*

# Как в Добрянке с «зеленым змием» боролись

*Борьба с пьянством – вечная тема. Боролись с «зеленым змием» в советские времена, боролись и в царские. Например, в Добрянке один из всплесков антиалкогольной активности пришелся на середину XIX века.*

## Главная причина пьянства

Старт этой антиалкогольной кампании был дан в 1848 году. Началась она с предписания главноуправляющего Пермским нераздельным имением Строгановых Волегова, который, «зная как испорчена нравственность добрянских мастеровых и что главная тому причина есть пьянство (...), решил вывести из Добрянского завода кабак». Но как это сделать, коли кабак (питейный дом) имеет все необходимые разрешения и срок откупа (лицензии) на право торговли спиртным у его владельца заканчивается лишь в 1851 году?

## Как обойти закон?

С целью решения этого вопроса в 1850 году к делу был подключен пермский поверенный Строгановых Еганов. Он пытался договориться с «некоторыми лицами» о том, чтобы обойти закон, но «ничего удобоисполнимого не открыл». Ведь, как писал в мае 1850 года графу другой поверенный Бочаров, «даже сам Г. Министр финансов не вправе нарушать условие с откупщиком до истечения срока». Не помогло и личное обращение строгановской администрации к откупщику Пермского питейного округа, содержателю добрянского кабака Мамонтову с просьбой прикрыть свое заведение. По словам Еганова, откупщик выдвинул в ответ «хищнические» требования платить ему за это неустойку. Поскольку сумма ее оказалась впечатляющей (Мамонтов получал до 800 рублей серебром чистой прибыли в год), этот вариант тоже не прошел.

## Обратный результат

Вслед за этим попыталась закрутить гайки местная полиция, но запретительные меры дали обратный результат. «Вместо вина введено мастеровыми питье пива и браги, которые они готовят дома и попеременно бражничают один у другого, или даже по секрету покупают у особых пивоварок, за чем полиция хотя и имеет наблюдение, но совершенно прекратить этого зла не может», – сообщалось в документах 1850 года. А раз так, то Волегову больше ничего не оставалось, как направить все свои усилия на то, чтобы добрянский питейный дом не смог войти «в новую публикацию при вызове к торгам на новый откуп». По мысли поверенных, надо было «позаботиться, чтобы этот дом не включили в реестр» и перевели его, к примеру, в Усть-Гаревую. Тем самым можно было бы и кабак из Добрянки выселить, и «святость закона исполнить».



## Буйный дух

В 1850 году к решению вопроса о выселении из Добрянки кабака подключился сам граф Строганов. Он писал: «Озабоченный совершенно упадком нравственности людей, проживающих в Добрянском железном заводе (...), я пожелал бы удалить его (кабак. — М.К.) на время от завода в надежде, что четырехлетний опыт (срок винного откупа составлял четыре года. — М.К.) при других вспомогательных мерах даст мне возможность, приучив жителей Добрянского завода к более воздержанной жизни — укротить в них разврат и буйный дух, против которого все усилия мои оказываются безуспешными». К тому времени добрянцы, при постоянном населении поселка в две с половиной тысячи человек, выпивали в год до 1300 ведер вина! И это без учета других спиртных напитков.

## «Спиртуозные напитки есть первое лекарство»

Но не менее убежденно писал в «доношении» в Пермскую казенную палату и откупщик Мамонтов. Суть его рассуждений заключалась в том, что отсутствие казенного вина, во-первых, принесет казне убыток, а во-вторых, приведет к изготовлению «корчемного», то есть поддельного спиртного. И это при том, что «при тяжких трудах земледельца и мастерового, особенно во время перемен воздушных, спиртуозные напитки есть первое лекарство, подкрепляющее силы и отвращающее болезни, а с тем вместе они доставляют одушевление мирным беседам семействам во время дней отдохновения и редких праздников». «За что же лишать этот класс трудолюбивого народа временного удовольствия?» — задавался вопросом Мамонтов.

## Граф или торговец?

И что? Чьи же доводы оказались весомей: графа Строганова или виноторговца Мамонтова? Виноторговца. Летом 1850 года после обращения Строганова министр финансов сделал представление в правительствующий Сенат, который принял решение в просьбе графу о переводе кабака из Добрянки в Усть-Гаревую отказать. Ведь в условиях государственной монополии на продажу спиртного такой вариант нанес бы казне финансовый убыток.

*Камские ЗОРИ ПЛЮС. 2006. 4 августа*



## «Даже смотреть на кабак позор»

*Открытие в наше время алкогольных магазинов часто не радует жителей города. Как свидетельствуют документы из Государственного архива Пермского края (ГАПК), не радовались этому и наши земляки из XIX века. Вот история, относящаяся к 1868 году.*

### «Патент на продажу питий»

Весной того далекого года в Добрянке предполагалось открытие штофной лавки Дедюхинского 2-й гильдии купца Эдуарда Даниловича Линдера. Чтобы открыть лавку и организовать торговлю спиртным, ему необходимо было получить особый «Патент на продажу питий» и заплатить за него в казну двадцать рублей. Что он и сделал. Патент торговцу был выдан от имени «Пермского первого окружного Акцизного Управления» на основании имевшегося у него «промыслового свидетельства». Патент выдавался сроком на один год. Получил купец и необходимый для открытия винного торгового заведения «приговор Добрянского сельского общества 5 Марта 1868 г., засвидетельствованный Добрянско-Подзаводским волостным старшиной Иваном Вдовиным».\*

Говоря современным языком, привлечение общественности являлось в то время обязательным условием для открытия питейных заведений. Об этом свидетельствовал циркуляр пермского губернатора от 8 октября 1865 года, адресованный волостным старшинам. В нем прямо говорилось о том, что согласие на размещение в селах и деревнях кабаков, штофных лавок и других подобных заведений может приниматься только «на сходах». Письмо это появилось «ввиду заявлений временнообязанных крестьян и мастеровых о чрезмерном размножении в их селениях питейных заведений (...), и заметном понижении народной нравственности от излишнего устройства» таковых.

### «Взяли в арест»

Помещение для устройства штофной лавки купцу Э.Д. Линдеру предоставил было добрянский крестьянин Федор Васильевич Плюснин, который

\* В дореволюционной Добрянке в условиях существования сословий имелись два волостных правления. Добрянско-заводское ведало делами мастеровых, Добрянско-Подзаводское занималось делами крестьян, живших как в поселке, так и в соседних деревнях.

В начале XX века их правления располагались, соответственно, на ул. Куйбышева, 9 (ныне офис ОАО «ДЭТК») и на ул. Тельмана, 2 (заброшенное ныне здание, известное добрянцам как здание районной библиотеки, а позже БТИ). Помимо правлений, в обоих зданиях размещались также земские училища (школы).

владел большим домом в самом центре заводского поселка. «Через 2 дома от церкви в расстоянии от нее в 60 сажень напротив приходского училища», — сообщалось в одном из документов. Хозяин жил на втором этаже старого полукаменного дома, а на первом имелись помещения для двух магазинов.

Договор Плюснина с Линдером был словесным. Он соглашался отдать низ своего дома за арендную плату в 8 рублей в год, но при условии сделать его приказчиком в открываемой штофной лавке с оплатой 15 рублей 75 копеек в год. Однако купец предложил должность приказчика другому человеку, и Плюснин заартачился. Его строптивость вызвала резкое неудовольствие со стороны местного начальства: старосты Пьянкова и волостного судьи Казанцева. 15 марта 1868 года они «насильно отперли устроенную лавку (...), поместили в ней бочку вина и два ящика питий», а Плюснина «взяли в арест» и выдержали при волостном правлении «в арестантской каморке с 1/2 часа». После этого Плюснин стал просить защиты у заводууправления.

### **Почему вмешалось заводууправление?**

По большому счету, заводууправление и граф не имели к этому делу никакого отношения, поскольку по закону открытие магазинов и прочих торговых точек входило в ведение местных волостных, а не вотчинных властей. Но на этот раз в стороне они не остались. С одной стороны, руководителей завода и имения беспокоило падение нравственности местных мастеровых, с другой — открытие еще одной винной лавки задевало экономические интересы заводовладельца. Как сообщалось в письме от 19 марта 1868 года из Главного управления Пермским нераздельным имением графа Строганова в контору Добрянского завода: «Линдер получил патент на штофную лавку не правильно, ибо (...), штофные лавки могут быть открываемы без согласия владельцев в том только случае, если бы помещики открыли питейных заведений больше, чем дозволено обществу. В Добрянском же заводе в настоящем году открыт один господский питейный дом и другие общества мастеровых».

Открытие подобного заведения еще и подзаводским (крестьянским) обществом считалось явным перебором. По крайней мере, приказчик Добрянского завода Александр Иванович Тунев в письме в Пермское уездное полицейское управление прямо писал, что «крестьянское общество имело в Добрянке всего 25 домов и не имело основания давать приговор без согласия помещика». Только вот не учитывал он, что крепостное право к тому времени было уже отменено и наступала другая эпоха.

### **«Даже смотреть на кабак позор»**

Купец и подзаводское волостное правление не собирались уступать давлению конторы.

Штофная лавка купца Линдера открылась в Добрянке 24 марта 1868 года.

Правда, не в доме строптивного Федора Плюснина, а во «флигеле крестьянина Добрянско-Подзаводской волости Егора Макарова». В ней была организована «продажа напитков на вынос».

Интересна в этой связи аргументация волостного начальства по поводу открытия винного магазина. Как сообщалось в письме из правления Добрянско-Подзаводской волости в заводоуправление: «От штофной лавки нисколько не может увеличиться пьянство, ибо если у него есть страсть напиться, то он напьется в распивочном кабаке. Для честного же человека, не только распивать на улице при публике, но даже смотреть на кабак позор».

Несмотря на все старания, руководству строгановского имения и Добрянского завода не удалось найти понимания в губернском центре. Полиция отказывалась закрывать штофную лавку в Добрянке из-за отсутствия распоряжения от акцизного управления, а управление было уверено, что разрешение Линдеру было выдано правильно.

«Пришлось снова при объяснениях с начальником 1-го округа г. Куличкиным выносить нравственную борьбу, — писал в Добрянскую заводскую контору пермский поверенный Строгановых. — Он говорит, что патент г. Линдеру на открытие штофной лавки выдан им законно и справедливо».

Подобная ситуация, кстати говоря, имела место в Добрянке в 1850 году. Закончилась она тем же, что и 18-ю годами позже. Тогда граф Строганов, представитель знаменитейшего аристократического рода, также проиграл дело одному из малоизвестных виноторговцев.

Интересно, что фамилия купца Линдера встречается в романе «Мужики и бабы» известного российского писателя Бориса Можаяева: «А другие говорят — будто в этом лесу давным-давно проезжего купца убили, по фамилии Линдер. Как бы там ни было, но Линдерова роща считалась местом глухим и нечистым». Впрочем, это вряд ли относится к нашему купцу и к нашей истории.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2010, 19 августа*

## «Во дворах и конюшнях табаку не курить»

*В середине XIX века руководство Добрянского и соседних заводов было озабочено организацией противопожарных мероприятий, среди которых значилось и устройство некоего «предохранительного на случай пожара снаряда».*

### Чермозский интерес

В Добрянке информацию об устройстве «пожарных снарядов» впервые получили весной 1851 г. благодаря письму в Ильинское из Чермозского главного правления «господ владельцев Лазаревых». Чермозяне пытались выяснить у руководства строгановского имения, «устраиваются ли по требованию Правительства в селениях Ея Величества пожарные на зданиях снаряды, если устраиваются, то на господский счет или на счет домохозяев, и что стоит устройство в том и другом случае?»

Так как Ильинское правление распоряжений на этот счет не имело, то обратилось в Добрянскую заводскую контору с вопросом: «Не было ли со стороны правительства распоряжения об устройстве пожарных снарядов, если было, то по одному ли заводу, или по селениям подзаводских крестьян?»

Добрянский приказчик А. Тунев в письме от 7 мая 1851 г. предположил, что вопрос чермозян возник «вследствие указа Уральского Горного правления», но в означенном указе речь шла только о городах. А так как устройство снаряда «слишком многосложно», то заводская контора широко его не применяла. «Постановлено в обязанность каждому домохозяину иметь на чердаках или крышах домов их кадки с водой при них швабры и ведра. Печные трубы, как в домах, так и в банях от сажи очищать ежемесячно, и последнее без надобности и вовсе не топить», — сообщал А. Тунев. — На господских же заводских зданиях и домах занимаемых служащими, с деревянными крышами означенной снаряд начинает устраиваться на счет господской».

### Что скрывалось за словом «снаряд»?

Так что же это за придуманный в Харькове таинственный снаряд, о повсеместном введении которого «благоугодно было повелеть» самому государю императору?

Все оказалось до банальности просто. «Предохранительный на случай пожара снаряд» представлял собой окрашенную кадку с водой, которая устанавливалась на деревянной или соломенной крыше на горизонтальной подставке. К кадке прилагались мочальная швабра на длинном шесте и лестница. Намоченная швабра использовалась «для гашения переносимого огня с пожара».

За техническим состоянием «снарядов» должны были следить полицейские. «Местная полиция должна иметь строгое и бдительное наблюдение,

дабы кадки и швабры с наступлением весны выставлялись на предназначенные места и чтобы всегда были наполнены водою», – требовала инструкция. «При появлении же пожара» на крыши требовалось «немедленно высылать дворников и прислугу».

### **Что запрещала инструкция**

Пожарная тема была крайне важной для заводов. Заводские поселки и многие производственные постройки строились в основном из дерева, а это значило, что любой пожар мог иметь самые губительные последствия для заводских жителей. Поэтому в строгановском имении была разработана подробнейшая инструкция «О предосторожностях от пожаров». В ней прописывались как противопожарные мероприятия, так и наказания за их несоблюдение.

Всем жителям вменялось, к примеру, «неослабно смотреть за прочностью печей и труб», а «на чердаках домов или на крышах в летнее время иметь непременно кадки или чаны с водою». Запрещалось ходить с зажженной лучиной по чердакам, в подполе, в конюшнях, сараях, сенниках, амбарах, кладовых. С этой целью требовалось употреблять лишь свечи в жестяных или стеклянных фонарях. Черные бани разрешалось топить только в сырую погоду и рано утром «под наблюдением караульного».

Много внимания уделялось местам хранения «веществ, подверженным скорому воспламенению». Порох, сера, деготь, сено, солома, пенька, лен и так далее не должны были храниться «на печках или близ оных», или на чердаках у печных труб. Вводился также запрет на стрельбу «из ружей, пистолетов и прочих орудий в домах, на дворах, улицах, огородах». Указывалось, где и как разогреть самовар, как устраивать печные трубы, где ставить бани, овины для сушки хлеба, мыловарни, кожевенные избы, кузницы, сушилки и другие постройки. «Во дворах, конюшнях, сеновалах и проч. табаку не курить, – предписывала инструкция. – Не оставлять при образах зажженных свеч когда никого не будет в комнате». Запрещалось также доверять огонь «детям, престарелым, слепым и сумасшедшим людям».

### **Кто за что отвечал**

В крупных населенных пунктах за соблюдением этих мер должны были наблюдать избираемые ежегодно старшины (один на 30-50 домов), а в мелких – десятские смотрители. Эти должностные лица обязаны были «сколько возможно чаще осматривать вверенные им дома», предупреждать хозяев, а в случае неподчинения сообщать об этом полицейским. «Сии последние, как главные блюстители порядка, обязаны сами временно или неожиданно осматривать хотя некоторые дома, в коих исправность хозяев более сомнительна», – говорилось в документе.

С целью успешного тушения пожаров и соблюдения порядка на них в

земских избах ежегодно составлялась «пожарная роспись на людей». В ней прописывалось «во-первых, кто именно из обывателей прикомандировывается для действия пожарных трубами и другими инструментами, и, во-вторых, кто с каким орудием или лошадью из своего дома должен явиться на пожар». Эти орудия обозначались на номерных табличках, закрепленных на каждом доме. К слову сказать, подобная практика сохранялась в российских деревнях до самой перестройки. Как и ночные сторожа в летнее время.

До сноса церквей стража располагалась обычно на колокольнях. Увидят стражники возгорание – бьют тревогу. «Старший из прибывших на место пожара начальников, есть Главный распорядитель на пожаре, – наставляла инструкция. – Все прочие исполняют его приказание». К вынесенным из загоревшегося строения вещам ставилась стража, «дабы они не могли быть утеряны или расхищены». Запрещалось «приходить на пожар детям и другим лицам, кои неспособны подать никакой помощи от пожара». По окончании тушения огня полицейский служитель или сельский приказчик обязаны были исследовать причину пожара и донести результаты окружному правлению.

## Наказания и поощрения

Виновные в пожаре несли наказание. «Кто произведет пожар умышленно, того предавать суду Правительства», – предписывалось в документе. Эта формулировка предполагала уголовное наказание. Тот же из обывателей (в массе своей – крепостных), кто «замечен будет в несоблюдении общих предосторожностей против пожара», подвергался аресту, телесному наказанию (розгам) или штрафу в размере от 20 копеек до 1 рубля серебром, «смотря по тому сколь важно содеянное нарушение и в который раз». По решению вотчинных властей, этот штраф мог удваиваться «за несоблюдение предосторожностей от огня в засушливую и ветреную погоду».

В свою очередь наказание могли заработать и полицейские, «плохо смотревшие за небрежностью сторожей и тех обывателей, которые не явились на пожар без уважительной причины, или явились поздно, или без орудий тушения». А вот те жители, которые проявили во время тушения свои лучшие качества, поощрялись. По крайней мере, о тех, «кои спасли человека от смерти, подвергая собственную жизнь явной опасности», требовалось «дonoсить Высшему начальству».

В целом противопожарное состояние Добрянского завода во 2-й половине XIX века находилось на высоком уровне. Масштабных пожаров здесь не наблюдалось. Особенно эти меры усилились при управляющем П.И. Сюзеве, который был, к слову сказать, автором двух известных в России книг по противопожарному делу.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2011. 26 мая*

## Криминальные истории старой Добрянки

*«На днях в земскую управу почтарем Серебренниковым доставлена из Добрянского завода в высшей степени оригинальная вещественная улика, характеризующая нравы уральской заводской молодежи. Улика эта – сосновое бревно длиною 3 аршина, толщиною в верхнем диаметре до 5 вершков. (Аршин - 71,12 см. Вершок – 44,45 мм – М.К.) Оказывается, что этим бревном один из заводских молодцов, на одном из осенних праздников в заводе, убил своего отца. Этот молодец, известный в заводе буян, драчун и забияка Г-в, будет в непродолжительном времени фигурировать на скамье подсудимых».*

*Это сообщение было опубликовано в разделе судебной хроники газеты «Пермские губернские ведомости» в 1899 году под весьма характерным заголовком – «Зверские нравы». О них, об этих самых нравах, мы и расскажем сегодня нашим читателям.*

### Ножи, поленья, топоры

Судя по имеющимся документам, рассказанный выше случай если и выбивался из общего ряда себе подобных, то лишь орудием преступления. Чаще же всего в старых материалах о нанесении тяжких телесных повреждений и убийствах фигурировали ножи, топоры, «железные палки» и поленья. Вот как произошло, к примеру, одно из добрянских убийств 1914 года.

9 марта в поселок из отпуска вернулся мастерской местного завода некто Орлов, который вечером того же дня отправился к мастеру Пьянкову, чтобы сообщить ему о своем приезде. Однако мастера он дома не застал, а потому решил заглянуть к своему сменщику Гурьеву, который замещал его во время отпуска. Заглянул. В доме у того был еще один знакомый – Шмыров. Встретились. Выпили водки. Поговорили. Разошлись. Но Орлов домой не вернулся.

Где-то в районе 2-х часов ночи на его поиски отправилась жена и, как выяснилось, беспокоилась она не зря. На одной из добрянских улиц она наткнулась на окровавленное тело своего мужа, еще подававшего признаки жизни. Вместе с квартиранткой Желниной она сумела дотащить его на санках до дому, но было уже поздно. Орлов скончался, не приходя в сознание.

Потом было следствие, в ходе которого выяснилось, что это убийство совершил пьяный Гурьев, который, догнав в тот вечер Орлова, ударил его несколько раз поленом.

11 октября того же года Гурьев предстал перед судом присяжных по обвинению в нанесении «тяжких, опасных для жизни побоев». Был вынесен обвинительный вердикт, на основании которого преступник был осужден «к отдаче в исправительное отделение на 3 года».

Еще один совершенно дикий случай произошел зимой 1908 года в одной



из деревень Краснослудской волости. Там проживавшая в доме местного крестьянина Лядова 12-летняя няня в отсутствие взрослых ударами ножа нанесла своей 4-летней подопечной несколько ран в лицо и шею, от чего маленькая хозяйская дочь вскоре умерла. Как и в первом случае, о мотивах этого ужасного преступления ничего не сообщалось.

Впрочем, случались и такие убийства, причины которых лежали, что называется, на поверхности. Именно такой случай произошел в Добрянке 26 февраля 1900 года. Тогда здесь вечером 20-летний мастеровой Крапивин устроил кровавую разборку со своим 19-летним соперником, также мастеровым Добрянского завода Пермяковым. Все закончилось тем, что первый из них нанес второму удар топором по голове, от чего Пермяков через три дня скончался в заводской больнице. О причинах этого тяжкого преступления сообщалось коротко и ясно – «убийство произошло из-за ревности».

## Уличные буйства

Не надо думать, что буйным нравом отличались только жители старой Добрянки. В дореволюционных криминальных сводках не менее часто фигурировали и жители других населенных пунктов нашего края. Так, настоящим бичом для обывателей Полазны в начале нашего столетия было уличное хулиганство.

«В нашем заводе уличная жизнь принимает все более и более буйный характер. Во время праздника Воздвижения двое подгулявших молодых парней сильно истязали своего товарища, в защиту которого выступил было один из местных обывателей, но парни набросились на заступника и начали наносить несчастному все более и более усиливающиеся удары поленьями до тех пор, пока не лишили его сознания. Все это происходило среди белаго дня...», - сообщали «Пермские губернские ведомости» в номере за 1899 год.

Здесь же, в Полазне, весной следующего года кто-то выстрелил из пистолета в окно квартиры заводского бухгалтера И. Бахирева. Пуля, пробив стекло, ударила в стену, не причинив при этом никому вреда. Интересно, что Бахирев не посчитал этот выстрел покушением на себя, отнеся его «к случайности».

Развеселая жизнь была в начале нашего века в Сенькино. В 1907 году дело тут дошло до того, что вечером на улицах стало опасно показываться не только простым обывателям или интеллигентам, но и полицейским. Так было 14 июня, когда на село совершили набег некие грабители (возможно, экспроприаторы-лбовцы), так было и ровно через месяц, когда в Сенькино разбуянилась уже местная молодежь.

«13 июля, вечером, урядник Якутов пробовал было укротить и развести пьяную шайку хулиганов из местных крестьян, но пьяная шайка чуть не лишила его жизни, – сообщалось в корреспонденции из этого села. – Арестованного им одного хулигана по дороге к волостному правлению стали от-



нимать такого же сорта товарищи и стали наносить уряднику побои: сбили с ног, оборвали костюм и изломали шашку. Урядник был спасен скоро подоспевшей помощью». Похоже, что сенькинских крестьян на такие «подвиги» распаляли не только водка, но и пожар первой русской революции.

## Неинтеллигентные грабители

Шум, гам, топот в сенях — и в квартиру заведующего продаж лесных припасов висимской казенной дачи К. Зимина, расположенную на окраине деревни Усть-Дивья, ворвались пятеро вооруженных грабителей, один из которых был в маске. Поставив хозяина с поднятыми руками у стены, они быстро отыскивали кассу с двумя тысячами рублей, захватили охотничьи ружья заведующего и скрылись.

Этот бандитский налет произошел в 10-м часу утра 10 августа 1906 года и, видимо, остался для налетчиков безнаказанным. Пристав 3-го стана, в состав которого входила и Усть-Дивья, был в этот день в отъезде в одну из отдаленных волостей и узнал об этом преступлении слишком поздно. Из допроса потерпевшего выяснилось только, что «возглас «руки вверх!» был произнесен довольно неуверенным голосом, из чего можно заключить, что грабители впервые выступают в этой роли, а руки грабителей доказывают их не интеллигентность, так как похожи на рабочие...».

Примерно такой же налет произошел в 1909 году в Висиме. Здесь в нем участвовали 4 человека в масках, а объектом нападения был дом одного из престарелых местных жителей. Правда, этот налет оказался неудачным, так как старик не только стал звать на помощь, но и, несмотря на побои, дал грабителям неожиданный отпор. Так и не найдя денег, те вынуждены были ретироваться.

## Как украли набатный колокол

Как и сейчас, в число самых распространенных преступлений в начале века входили кражи. Чаще всего крали разные заводские припасы. Таких воришек в советское время называли несунами. По мелочам крали и из частных домов, и даже из церквей. Но случались и более громкие дела. Одно из них произошло в декабре 1906 года. Тогда в один из коротких зимних дней, воспользовавшись обеденной отлучкой сторожа, воры забрались на поселковую пожарную каланчу и стянули оттуда сигнальный колокол. Вероятно, в этом преступлении не было бы ничего необычного, если бы не следующие обстоятельства. Кража была совершена среди бела дня, а вес колокола, отлитого из хорошей меди с большим содержанием серебра, равнялся ни много ни мало 16 пудам! Напомню, один пуд округленно равен 16 кг.

Дальнейшая судьба этого старого подарка графини Строгановой обществу мастеровых Добрянского завода оказалась печальной. Колокол был разбит похитителями на части и вывезен в Пермь. Правда, продать им весь

металл не удалось. Не успели. В начале января 1907 года куски добрянского набатного колокола были «розысканы» в Перми приставом второго городского участка.

Похоже, красть металл – старая российская традиция.

### **Фальшивомонетчики**

Среди богатого набора криминальных историй, происходивших в старой Добрянке и в соседних с нею селах и деревнях, особняком стоят случаи изготовления здесь фальшивых денег, причем не банкнот, а монет. Хотя в том случае, что произошел в 1899 году, все больше походило на необдуманную шалость, чем на опасное преступление. Судите сами. Фальшивомонетчиком оказался крестьянин Останинской волости И. Меланьин, который проживал в основном в Добрянке и занимался нищенством. Каким-то образом он сумел раздобыть пузырек с ртутью и не придумал ничего лучше, как натирать ею и крепкой водкой медные монеты копеечного достоинства. Была копейка, натер – и стала она походить на серебряный «двадцарик». Если, конечно, здорово в него не вглядываться. Таким образом, этому «изобретателю» удалось сбыть несколько монет, но, как говорится, недолго музыка играла. Первым неладное заподозрил церковный сторож. Затем в дело вмешались священник и урядник. Был произведен досмотр меланьинского жилища, где в опушках лаптей была найдена не только ртуть, но и несколько уже готовых к сбыту натертых ею монет. Тут же были найдены пропавшие незадолго до этого из церкви полотенца. Полученные таким образом деньги «фальшивомонетчик» тратил чисто по-русски. Проще говоря, пропивал.

В 1900 году все было гораздо серьезней. В начале февраля чинами местной полиции в поселке были задержаны: крестьянка уже знакомой нам Останинской волости Дарья М., 51 году от роду и крестьянин Кылосовской волости Соликамского уезда, девятнадцатилетний Яков К., которые занимались сбытом фальшивой 25-копеечной серебряной монеты. Еще несколько таких же монет было найдено у квартиранта Дарьи М., сорокалетнего крестьянина арзамасского уезда Нижегородской губернии Митрофана Б. Там же удалось обнаружить некий белый сплав «в виде серебра», из которого, по всей вероятности, и изготовлялись фальшивые монеты. Все сбытчики были задержаны, и сведений об их дальнейшей судьбе в документах не встречается.

\* \* \*

Конечно, рассказанные выше криминальные истории – это лишь малая часть той необъятной картины преступности, которая в большей или меньшей степени характерна для любого общества или строя. В этом смысле ситуация в нашей Добрянке, нынешней или столетней давности, есть лишь отражение всех тех процессов, которые присущи государству в целом.

*Камские зори. 1998. 9 января*

# Кровавый туман

*15 февраля 1907 года было в Полазне обычным рабочим днем. В местном заводоуправлении негромко щелкали костяшки больших конторских счетов, скрипели о бумагу старые перья. На стене лесного отдела конторы мерно тикали ходики, неспешно отмеряя часы, минуты, секунды...*

*Время сжималось и неумолимо приближалось к роковой черте...*

## Драма в Полазне

Тишина была взорвана перед самым обедом, когда в заводскую контору с шумом и топотом ввалились шестеро вооруженных револьверами грабителей. С криками: «Руки вверх! Ни с места! Где касса?!» они устрещающе направили оружие на оцепеневших от страха и неожиданности служащих.

Услышав необычный шум, в лесное отделение конторы бросился управляющий Полазненским металлургическим заводом, горный инженер Борис Ильич Копылов. Оттолкнув двух стоявших у дверей налетчиков, он вбежал в комнату. Это были последние мгновения его жизни. Тут же в спину управляющему раздались выстрелы, и с «леденящим кровь криком и стоном» инженер повалился на пол.

В этот момент кто-то из служащих попытался закрыть шкаф с заготовленными для лесной стражи винтовками, но сделать это ему не удалось. Выхватив первую же винтовку, один из нападавших стал штыком добивать истекавшего кровью управляющего. Остальные бандиты осатанело кричали: «Бей его, собаку!... Коли! Не тут... Коли влево, под сердце!... Поверни!»

— И слышно, как штык и кинжал, пронзая тело, ударяются в пол, видно, как брызжет кровь, разливаясь по полу, — вспоминали очевидцы этой драмы. Потом на теле управляющего насчитают 15 огнестрельных и колотых ран.

На этом кровопролитие в Полазненской заводской конторе не закончилось. Еще одна пуля пришлась на долю кассира. Она впиалась ему в ногу после того, как он сделал было попытку закрыть решетку, отделявшую помещение кассы от коридора. Захватив в кассе небольшой сундучок с деньгами местного потребительского общества и штрафной капитал, всего около 1000 рублей, убийцы быстро покинули контору, так и не заметив вмонтированную в стену главную заводскую кассу. Конторские служащие, напуганные словами грабителей о якобы заложенной в дверях бомбе, еще долго не смели выходить из залитого кровью заводоуправления.

— Где мы, кто мы?... Боже, зачем ты молчишь? И где конец этой кровавой оргии! — восклицали в те дни губернские газеты.

## Деньги не пахнут

Трагические события в Полазне явились хотя и громким, но всего лишь эпизодом в длинной цепи убийств, разбоев и грабежей, буквально

захлестнувших Прикамье в 1905-1907 годах. Они были тесно увязаны с событиями первой русской революции и назывались на языке революционеров экспроприациями. Добываемые с их помощью деньги шли на издание леворадикальных газет и листовок, на приобретение оружия, на подготовку и проведение все новых и новых террористических актов. На эти же деньги безбедно жили в эмиграции лидеры революционных партий. Циничное латинское изречение «Деньги не пахнут» проявилось здесь в полной мере.

### **«Робин Гуд» из Мотовилихи**

Большинство прикамских экспроприаций 1905-1907 годов было связано с именем бывшего мотовилихинского рабочего Александра Лбова, создавшего после поражения декабрьского вооруженного восстания 1905 года отряд «лесных братьев». Уже скоро «слава о дружине Лбова перешагнула границы губернии и гремела по всему Уралу», – писал известный пермский историк И. Капчугович. – «Лесных братьев называли неуловимыми, молва о Лбове обрастала былями и небылицами». Деятельность особенно оживилась в январе 1907 года после бегства из Петербурга в Пермь известных столичных террористов, большевиков и эсеров с весьма колоритными кличками: Демон, Гром, Фомка, Ястреб, Сибиряк и других. Именно в это время и последовала целая серия громких налетов лбовцев на заводы князя С. Абамалек-Лазарева, на казенные винные лавки, на частные заводы Башенина и Бобриня и т.д. Во многих местах была пролита кровь.

Между тем в советской историографии отношение к Лбову было двойственным. С одной стороны, все дружно одобряли его удал, смелость, инициативу и находчивость, с другой – журили его за постепенный отход от большевиков, за связь с эсерами, за то, что он так и не смог подняться до «пролетарской партийности».

И никто из левых, ни «самый человечный человек», ни его сторонники нигде, ни разу не выразили свое сочувствие десяткам и сотням ни в чем не повинных людей, ставших жертвами многочисленных террористических актов. Думая о классовой целесообразности, дорогу в светлое будущее крайне левые мостили трупами.

«В России пожар грабежа и разбоя. Вот уже два года, как наша несчастная родина обратилась в разбойничий притон на большой дороге (...). И не видно конца этой кровавой вакханалии (...). Радикальная печать с каким-то злорадством отмечает эти кровавые факты, стараясь видеть в них борьбу за свободу, борьбу за лучшую жизнь. А кровь все льется и льется, кровь невинных людей, – писали в те дни «Пермские губернские ведомости» и добавляли. – «Пора быть справедливым и признать, что всякое убийство, с чьей бы стороны оно не происходило, является отвратительнейшим преступлением».

## Кровавый туман

Но вернемся обратно в Полазну и предоставим слово вдове Б.И. Копылова.

«16 февраля в местной газете было напечатано следующее: «15 февраля в Полазненском заводе при ограблении конторы был убит управляющий». И только. Всего несколько слов, а сколько в них ужаса леденящего кровь, сколько безысходного горя. 15 февраля я лишилась мужа, единственного друга и товарища(...). Утром я проводила мужа живым и здоровым, не подозревая, что более не услышу его голоса(...). Когда вбежав в контору, я припала к его еще теплому телу, я долго, как безумная, звала, будила его, просила сказать мне что-нибудь, но он молчал и только на лице застыла кроткая покорность судьбе (...). Его убили. Убили зверски, беспощадно, нанесли 15 ран. Как на дикого зверя зарядили оружие разрывными пулями, лежащего кололи штыками, всадили нож в сердце. За что? Этот вопрос острым гвоздем вонзился мне в сердце, он жжет мне мозг, не дает мне покоя (...). За последнее время какой-то гнет давил нас обоих, атмосфера сгущалась вокруг нас, мы задыхались, пока кровавый туман не покрыл нас совсем...».

### За что?

Согласно данным, содержащимся в книге «Революционеры Прикамья», рабочие Полазненского завода якобы «приходили к Лбову жаловаться на издевательства управляющего», за что Копылов и поплатился (чем не заказное убийство образца 1907 года?) Однако версия о жестокости Бориса Ильича вряд ли соответствует действительности. Да, случалось, что управляющий бывал несдержанным и раздражительным, вспыхивал по пустякам, но разве это повод для убийства? По воспоминаниям людей, лично знавших его, он был человеком добрым, «с мягкой, чисто женственной душой и отзывчивым благородным сердцем».

До своего рокового дня Б.И. Копылов отработал на заводах без единого отпуска 28 лет и, по признанию его супруги, желал лишь одного – отдохнуть. Будучи выходцем из низов общества, из бедной еврейской семьи, он с детства познал тяжелую нужду и, даже выбравшись наверх, «никогда не отказывал в своей помощи» тому, кто нуждался в ней.

«На меня он производил впечатление чуткого и отзывчивого к чужой беде и несчастью человека», – писал знавший Б.И. Копылова по совместной работе присяжными заседателями в уездном суде В. Лапин.

### Дух злобы

Поток бесконечных сообщений о дерзких бандитских налетах на заводские конторы, магазины, почтовые отделения, оружейные склады и пароходы не мог не вызвать со стороны правительства ответных действий. По просьбе пермского губернатора Кошко, в Прикамье начали стягиваться во-

инские отряды и казацкие сотни. Резко активизировалась деятельность полиции. «Лесные братья» Лбова все чаще и чаще вынуждены были уходить от преследователей. Вновь звучали выстрелы и лилась кровь. Кара за убийства и грабежи настигала экспроприаторов в самых разных городах и весях. Газеты той поры пестрили сообщениями о перестрелках и поимках преступников.

«Хроника. Поимка преступника. Вчера чинами городской полиции в Перми задержан один из главных участников убийства управляющего Полазненского завода Копылова, помощника пристава Мотовилихинского завода Лемеша и (...) агента охранного отделения М., назвавшийся уфимским мещанином. При задержании у него отобрано скорострельное ружье Маузера и более трехсот рублей денег, вероятно, из числа выкраденных при разбойничьем нападении на контору в Полазненском заводе (...)», – сообщали «Пермские губернские ведомости» 21 февраля 1907 года.

«Хроника. Задержание преступников. Вчера, днем, чинами уездной полиции задержан один из участников по ограблению и убийству в Полазненском заводе некто Чечулин; при нем найдены гладкоствольное ружье и штуцер, много патронов. Вечером же в г. Перми чинами городской полиции удалось задержать матроса Максимова, тоже участника совершившихся в последнее время убийств и грабежей; при задержании у него отобран браунинг. Все задержанные называют себя членами боевой дружины». («Пермские губернские ведомости». 1907. № 47).

«Хроника. Поимка злоумышленника. Вчера, днем, чинами городской полиции задержан в одной из слесарных мастерских города Перми еще один из участников убийства управляющего Полазненским заводом Копылова и помощника пристава в Мотовилихе Лемеша сельский обыватель Мотовилихинского завода Михаил Стольников с простреленной рукой (...)». («Пермские губернские ведомости». 1907. № 48).

Во время задержаний экспроприаторов гибло немало полицейских, честно выполнявших свой долг. Так, во время преследования одного из злоумышленников чуть ли не в центре Перми был убит агент охранного отделения Калашников, ранения получили городовые Крохалев и Матласов. Чуть позже от руки революционера-убийцы пал уже упоминавшийся помощник мотовилихинского пристава Лемеш. 26 февраля при задержании боевиков тяжелое ранение получил городской Матвей Кучеровских, который скончался через некоторое время в больнице. Похороны полицейских превращались в многотысячные шествия.

– Господа экспроприаторы! Вам нужны деньги – они и вору нужны. Но зачем вам смерть человека беззащитного? Неужели от смерти управляющего мученика зависит успех вашего дела? – вопрошала после убийства Б.И. Копылова губернская пресса. – Вы ошибаетесь и ошибаетесь страшно: кричите о любви и братстве, кощунственно ссылаетесь на Евангелие, эту святую

книгу, исполненную словами любви, всепрощения, милосердия, незлобия, кротости, терпения. Полноте. Вы не понимаете евангельского духа и не понять вам его. Вы тот дьявол, который говорил Христу: «верзися низу» (...). Оставьте служение духу злобы, прекратите кровавую оргию! Полноте за красивыми лепестками скрывать убивающий яд. Уйдите от нас. Вы чужды нам (...). В вас не человек Христос, а человек-дьявол. К нему вы и идите, и там ваше место, там и нигде больше.

\* \* \*

Более года прошло с момента драмы в Полазне, когда в г. Нолинске Вятской губернии был задержан лидер «лесных братьев» Александр Лбов. 22 апреля 1908 года он был приговорен к смертной казни и в ночь на 2 мая казнен.

Еще за несколько месяцев до этого вдова полазненского управляющего писала: «В сердце моем нет чувства ненависти к людям, обagrившим руки кровью моего мужа, одна лишь обида за него, тоска и одиночество...».

...Пройдет еще десять лет, и кровавый туман накроет всю Россию...

*Камские зори. 1997. 11 сентября*



## «Холодное дуло бессменного маузера»

*Во время событий первой русской революции 1905-1907 годов имя Александра Лбова и его «лесных братьев» гремело по всей необъятной Пермской губернии. Шуму своими экспроприациями и убийствами революционеры-лбовцы наделали немало. Об одном из таких дел, нападения в феврале 1907 года на контору Полазненского завода кн. С. Абамелек-Лазарева и зверском убийстве управляющего Б.И. Копылова, я писал на страницах «Камских зорь» в 1997 году. Но вот прошло время, и мне удалось отыскать в архивах еще целый ряд интереснейших свидетельств о похождениях лбовцев.*

### Разбой в Дивье

«Сего числа Пристав 3-го стана телеграфом донес мне, что известный разбойник Лбов с шайкой находится около Добрянского завода в лесу». Этот рапорт Пермского уездного полицейского исправника в адрес пермского губернатора от 14 июня 1907 года поднял на ноги все правоохранные органы уезда и положил начало проведению крупной полицейско-войсковой операции по ликвидации отряда «лесных братьев».

По сообщению добрянского пристава Ремезова, лбовцы появились в Добрянке в ночь с 13 на 14 июня в количестве 13-15 человек. При этом один из них «высокого роста» отвлек внимание полицейского стражника Шипунова и обеспечил тем самым проход своих товарищей. «Ввиду подозрительного вида всех этих людей» приставом по тревоге были собраны все полицейские силы Добрянского завода, начались розыски неизвестных, но те словно растворились в короткой летней ночи.

Заявили они о себе утром в деревне Дивья (деревня Дивья попала в зону затопления Камского водохранилища и исчезла с лица земли в середине XX века. Находилась она в нескольких верстах от современного села Липово. — М.К.). Вначале лбовцы выслали в деревню разведку. Трое из них прошлись по Дивье, заглянули в соседнюю деревню Посад, побывали в лавке местного торговца Егора Плюснина, купили кое-какие продукты и скрылись в лесу. А в три часа дня в уже знакомую лавку заявили сразу пятеро вооруженных разбойников. «Перерывши все в кладовой и не найдя денег, грабители стали грозить Плюснину смертью (...), тогда Плюснин сам отдал грабителям бывшие при нем 50 рублей», — сообщалось в одном из рапортов.

В это же самое время шестеро вооруженных человек подошли к дому заведующего лесными заготовками для пермских пушечных заводов Константину Зимину. Трое из них навели на окна ружья, а трое других стали ожесточенно ломать дверь. Чтобы не погибнуть под пулями, Зимину пришлось сдаться на милость нападавших.

Войдя в дом, грабители потребовали от него ключи к кассе, но та оказа-



лась в другом доме. Тогда разбойники решили для начала обшарить квартиру заведующего. Их криминальный «улов» составил 190 рублей. Хорошие по тем временам деньги. Но дальше удача отвернулась от них. Когда лбовцы направились к помещению кассы, в стоявшей на высокой горе Посадской часовне раздались удары набатного колокола. Боясь возможной облавы, разбойники захватили в доме Зимина кое-какую одежду, обувь, револьвер, финский нож, кинжал и быстро скрылись в лесу.

## **С вином и флагом**

Как оказалось, их дальнейший путь лежал на правый берег Камы. Через реку лбовцы переправились на рыбацких лодках, затем, забрав с собой нескольких ничего не понимающих крестьян из деревни Усть-Туи, направились в село Сенькинское. Там они устроили целую демонстрацию. Как писал в донесении от 16 июня уездный исправник: «Зайдя в Сенькинское село, грабители выкинули красный флаг и с пением «Марсельезы» подошли к винной лавке, где начали производить грабеж, вынося вино и раздавая его пришедшим с ними крестьянам д. Усть-Туи, часть бутылок разбили, часть унесли с собой». Забрали они и имевшуюся в магазине вырубку.

Во время этих событий крупно не повезло так некстати проезжавшему через село земскому почтарю Загородских. Экспроприаторы остановили его, обыскали, отобрали 180 рублей 50 копеек казенных денег и всю корреспонденцию. Часть писем и телеграмм разорвали на месте, часть забрали с собой.

Нападение на почтаря заставило губернатора Пермской губернии издать специальное распоряжение: «Ввиду возможности нападения злоумышленников на правительственную почту, следующую по Ильинско-Добрянскому тракту, предписываю Вашему Высокоблагородию усилить полицейскую охрану при сопровождении означенной почты, чтобы наряд был достаточен для отражения нападения».

А лбовцы тем временем, «повеселившись» в Сенькино, вновь скрылись из виду. Как рассказывали полицейским крестьяне, все разбойники были вооружены винтовками и револьверами, а один размахивал кинжалом. Видимо, тем, что был экспроприирован в Дивье. Полицейских сил для перехвата шайки не хватало.

## **Расстановка «сетей»**

Дерзкие нападения революционно настроенных разбойников заставили губернскую и уездную власть мобилизовать все имевшиеся в их распоряжении силы. Уже к вечеру 14 июня на всех лесных дорогах, ведущих со стороны Сенькино и Шеметей в Левшино и Мотовилиху, были расставлены отряды пеших и конных полицейских стражников, устроены засады. Во всех близлежащих селах и деревнях активно проводились опросы свидетелей, проводилось «обследование возбуждавших подозрение людей».

На помощь полиции была направлена «охотничья» команда из числа солдат расквартированного в Мотовилихе 11-го Псковского пехотного полка под командованием штабс-капитана Нейланда. Для быстрой переброски полиции и солдат был выделен пароход «Отважный», срочно решались вопросы по снабжению «охотников» картами местности, продовольствием и фуражом. Одновременно речной и сухопутные пути в районе станции Левшино были перекрыты драгунами 5-го эскадрона размещенного в Перми Новомиргородского драгунского полка и полицейскими стражниками.

## Бой в окрестностях Залесной

В период с 14 до 18 июня в Пермском и Соликамском уездах было зафиксировано еще два нападения вооруженных лиц. В с. Веретье Соликамского уезда во время нападения на местное почтовое отделение был убит полицейский стражник, а в Добрянско-Подзаводской волости от рук вооруженных грабителей погиб местный крестьянин. Со дня на день предполагалось нападение разбойников на контору Добрянского завода. Но дни «лесных бра-твев», по крайней мере, части их, были уже сочтены.

Самые трагические события развернулись 18 июня 1907 года.

В половине десятого утра находившийся в с. Хохловке полицейский урядник Чашихин заметил плывшую вниз по Каме лодку. В ней находилось 6-7 человек. Во время преследования лодка быстро пристала к противоположному берегу реки, а ее пассажиры скрылись в лесу. В лодке были найдены «два динамитных патрона».

По следу бежавших «лодочников» было направлено 18 солдат «охотников» и двое хорошо знавших местность полицейских. Погоня оказалась удачной. Как доносил губернатору пермский уездный исправник: «Означенные 6 человек были встречены в лесу, в 8 верстах от села Левшинского, в сторону от тракта приблизительно в одной версте и близ кордона князя Абамелек-Лазарева» (недалеко от современной д. Залесной. – М.К.). Завязалась перестрелка. Боевая выучка солдат оказалась гораздо выше, чем лбовцев. На месте боя были обнаружены тела трех убитых злоумышленников. Потерь среди военных чинов и полиции не было.

При убитых были обнаружены револьверы систем «Смит и Вессон», «Маузер», винтовка популярной в то время системы Бердана, динамит и «яйцеобразная», по определению полицейских чинов, «бомба весом до 7 фунтов, с небольшим фитилем». Тут же нашелся большой пакет с почтовыми марками на сумму свыше 2700 рублей, похищенный, судя по всему, из почтового отделения в Веретье. Личности убитых установил помощник пристава Мотовилихинского завода Бронских. «Один опознан за преступника Василия Пищулева, второй – Мотовилихинским обывателем Фокиным и третий каким-то пермским евреем, фамилии которого Бронских не знает», – информировал губернатора пермский уездный исправник. Погибшим было

всего-навсего 17-18 лет. Их более старшие и опытные товарищи сумели уйти от погони. Но не все.

### **Июльские отголоски июньских событий**

Через месяц после этих событий, 19 июля 1907 года, в историю попали крестьянка д. Королевой Полазненской волости Дарья Зенкова и ее дочки. Пойдя в лес за грибами, они сначала нашли в лесу «черный патронташ полицейского образца», а затем наткнулись «на труп неизвестного человека, под елкой, в сидячем положении, спиной к елке». На трупе был черный пиджак и сапоги, покрытые плесенью. Испугавшись, женщина и ее дети, забыв о грибах, с визгом выбежали из леса на тракт, ведущий из Левшино в Полазну.

О своей страшной находке они никому не сказали, но разве в деревне что-то утаишь? Через несколько дней о произошедшем с ними случае каким-то образом разузнал староста д. Залесной Зуев. Взяв 25 июля 10 человек понятых, а также перепуганную Зенкову, он отправился на поиски трупа. Погибшего найти не удалось, но зато в лесу нашлась винтовка «с кожаным погонным ремнем введенного в полицейской страже образца, заряженная одним патроном». По предварительным данным, это было оружие полицейского, убитого лбовцами в Веретье.

### **«Жизнь ни во что»**

После июньского разгрома, отлежавшись и пополнив свои ряды, лбовцы совершили еще ряд дерзких нападений на торговые заведения и государственные учреждения Пермской губернии. Но это были уже последние всполохи революции 1905-1907 годов. Лидер «лесных братьев» А. Лбов был захвачен полицией в феврале 1908 года в Вятской губернии и вскоре закончил свою жизнь на виселице. А в 1925 году начинающий журналист и писатель Аркадий Гайдар написал одну из своих первых повестей. Посвятил он ее «Памяти тех, которые нападали с криком, умирали со смехом и во время нервных, безрассудно смелых схваток ставили свою собственную жизнь ни во что». Повесть «Жизнь ни во что» имела характерный подзаголовок – «Лбовщина». Охваченный революционной героикой Гайдар писал о Лбове как о человеке, «не знающем дороги в новое, но ненавидевшем старое, недисциплинированном, невыдержанном, но смелом и гордом бунтовщике», который вложил всю свою ненависть в «холодное дуло своего бессменного маузера».

За «кадром» остались безутешные слезы жен, матерей и детей, убитых лбовцами русских людей, за кадром осталось и то, куда шли деньги, экспроприированные Лбовым и подобными ему товарищами. А шли они на приобретение оружия, печатание нелегальных газет, на безбедное житье во всяких там Лондонах, Парижах и Венах никогда не заработавших своим трудом и рубля лидеров российских революционных партий.

*Камские зори. 2004. 2 февраля*

## С ножом, вином и знаменем

*Криминальная ситуация, которая складывается в наше время, конечно же, не идет ни в какое сравнение с относительно спокойными в этом смысле советскими временами. Однако утверждать, что в советский период истории нашего Отечества была тишь, гладь да божья благодать, тоже не приходится. Чтобы убедиться в этом, достаточно совершить путешествие в Добрянку 30-х годов минувшего столетия.*

### Как добрянцы с катушек съехали

Состояние уголовной преступности на территории Добрянского района в тот период хорошо прослеживается по секретным «Сводкам происшествий», которые регулярно направлялись из Добрянской милиции в райком ВКП(б). Так, в период с 1 по 10 марта 1935 года в районе было отмечено 10 происшествий. Целый ряд из них произошел на ледяных горках – катушках, которые за неимением большого числа других развлечений являлись центрами притяжения для подростков и молодежи.

1 марта в семь часов вечера двое пьяных хулиганов разогнали народ с катушки, организованной местными комсомольцами. По прибытии двух милиционеров хулиганов забрали по домам родственники.

2 марта в восемь вечера двое 16-летних хулиганов совместно с тремя взрослыми устроили дебош в рабочем клубе, ударили по лицу бригадмилыца (дружинника. – М.К.) и оказали при задержании сопротивление сотрудникам милиции.

3 марта. Пьяный хулиган устроил дебош в кинотеатре, сорвал дверь с крючка и был задержан милиционером.

5 марта. В семь часов вечера двое пьяных хулиганов устроили шум на улице, разогнали прохожих. На предупреждение милиционера, «оскорбили его матерной бранью» и оказали сопротивление при задержании.

В тот же день в с. Перемском трое несовершеннолетних в возрасте 13-14 лет избили прохожего. У правонарушителей был обнаружен нож.

9 марта. В восемь часов вечера в Добрянке пьяный хулиган «поднял дебош» на катушке у Пильной и ранил ножом трех человек.

9 марта. На катушке в д. Меркушевой Сенькинского сельсовета пьяный хулиган устроил драку и нанес четыре ножевых ранения местному жителю.

10 марта. В шестом часу вечера был отмечен очередной пьяный дебош на катушке. На этот раз в Комарово. Там хулиган избил гражданина и проткнул ему руку.

В тот же день в Добрянке произошло редчайшее по тем временам ДТП. «По халатности шофера» грузовика был допущен наезд на пешехода. Тот отделился переломом ноги.

Кроме того, как следует из подписанной начальником Добрянского райу-

правления милиции Кашиным «Сводки», за десять первых дней марта милиционеры «привлекли в административном порядке за нарушение обязательных постановлений 10 человек на сумму 510 рублей, из них за нарушение паспортного режима 2 человек на сумму 130 рублей».

### **Как секретарь знамя потерял...**

Как мы уже убедились, много происшествий происходило на почве пьянства. Приведу еще пару фактов из этой же серии, но которые стоило бы публиковать под рубрикой «Ну и ну».

Первый из них содержится в «Совершенно секретных» ранее документах Добрянского районного отделения ОГПУ и датируется мартом 1933 года. «По имеющимся у нас сведениям, – сообщалось из ОГПУ в райком партии, – на последнем Пленуме РК ВКП(б) секретарь Никулинской партийной ВКП(б) Ч. получил от Добрянской сплавконторы переходящее Красное знамя за успешное проведение сплава и погрузки леса. 11 февраля он поехал из Добрянки в дрезину пьяный вместе с ящиком и решили заехать к знакомым, проживающим в Добрянке. Пьяный ходил по домам, искал вино и Красное знамя таскал за собой и в результате его потерял и без него уехал домой, наказав секретарю сельсовета Поморцеву знамя отыскать. Поморцев обошел несколько домов и разыскал. Все удивляются такому факту».

### **...а продавец деньги**

А вот еще одно сообщение такого же типа, только касается оно сохранности не знамени, а казенных денег. 19 марта 1935 года «продавец лавки № 40 Центроспирта Ч. вечером закрыл магазин и захватив бутылку 56-процентного вина поехал пьянствовать с конюхом к бывшему зятю по ул. Пермской, 2 с деньгами дневной выручки». «Напившись пьяными», мужики устроили между собой драку, во время которой Ч. потерял свой портфель. В 7 часов вечера Ч., пьяный и побитый, приехал в милицию и заявил, что его ограбили и отобрали портфель с деньгами в сумме 3000 рублей. На место происшествия отправились сотрудники милиции, которые провели обыск в доме, где проходила пьянка, и нашли портфель в поленице дров. Деньги в нем были, но лишь 595 рублей. «По делу ведется подробное следствие», – сообщал начальник райотдела милиции Кашин.

К слову сказать, с целью борьбы с пьянством в конце 20-х – начале 30-х годов XX века в стране не раз принимались соответствующие законодательные акты, в том числе постановления Совета народных комиссаров (СНК): «О мерах ограничения торговли спиртными напитками» и «О мерах осуществления борьбы с алкоголизмом». Жаль, конечно, но, как мы уже убедились, «зеленый змий» оказывался все же сильнее партийных и правительственных постановлений. Даже в условиях жесткого, тоталитарного режима.

*Камские ЗОРИ ПЛЮС. 2006. 16 июня*

## Проделки «красного петуха»

*На протяжении многих столетий пожары были настоящим бичом для жителей деревянной России. Порой дотла выгорали не только отдельные деревни, но и целые города. Неоднократно горела Москва, не раз полыхала Пермь, прокатывалась огненная стихия и по Добрянке.*

*Здесь достаточно вспомнить хотя бы катастрофический пожар на заводе, случившийся в 1789 году, или уничтожение огнем в марте 1831 года деревянной Рождество-Богородицкой церкви.*

*Весьма богата на пожары и хроника Добрянки конца прошлого, начала нынешнего веков. Впрочем, не только Добрянки, но и соседних деревень. С них и начнем.*

### Пожары в Сенькинской волости

Пожалуй, самым крупным пожаром той поры был тот, что практически уничтожил в ночь на 9 июня 1905 года деревню Усть-Туй Сенькинской волости. При сильном ветре и сухой погоде огонь полыхал так, что спалил 13 крестьянских дворов вместе со всеми хозяйственными постройками, запасами хлеба и всем движимым имуществом. В пламени этого гигантского пожара сгорела и деревенская часовня.

По сообщениям губернской прессы, по приблизительному подсчету, считая только сгоревшие дома и хлеб, убыток простирался в огромную по тем временам сумму до 14000 рублей. Обошлось без человеческих жертв, но все равно в одночасье без крова, пищи и одежды остались десятки людей, «которые в виду ночного времени успели выбежать из горевших домов в одном только нижнем белье».

«Необходима неотложная помощь со стороны, несчастным погорельцам, — сообщали «Пермские губернские ведомости». — Местным земским начальником возбуждено ходатайство перед губернским начальством о разрешении сбора пожертвований по губернии».

Точная причина пожара в Усть-Тухах сразу установлена не была, но не исключался поджог, ибо пожар начался снаружи одного из домов.

Если брать все ту же Сенькинскую волость, то самым «богатым» на возгорания в ней оказалось отчего-то начало 1910 года, когда только в ближних от села деревнях было отмечено 9 пожаров.

Один из них случился в 2 часа ночи 27 января в д. Барановой. Там сгорел дом, в котором проживала некая старая бабка вместе со своей пожилой уже внучкой. Пока народ бестолково суетился, пока бегали в Сенькино за конной пожарной машиной, дом сгорел. В дымящихся обломках были обнаружены два сгоревших трупа.

Отмечалось, что многие из подобных пожаров можно было бы потушить, если бы, во-первых, «в исправности были пожарные инструменты», а во-

вторых, давали бы сигнал тревоги с церковной колокольни. К слову сказать, в 90-х годах прошлого века сенькинская церковь сама пострадала от огня. Только ее построили, торжественно освятили, и... вскоре она полностью сгорела. Пришлось сооружать новую. Ее тоже уничтожили, но уже при коммунистах.

## **По «дикости нравов»**

В отличие от Сенькино, Добрянке было кому и чем подавать сигнал. Здесь в случае опасности тревожно гудел заводской гудок. Именно он и разбудил в ночь на 12 августа 1908 года мирно спавших добрянских обывателей.

– В окружающей мгле рельефно выделялось зарево пожара, освещающая местность за селением – заводскую дровоскладочную площадь, где горели дрова, назначенные к перевозке в завод на действие печей и фабрик, – сообщали очевидцы этого чрезвычайного происшествия.

С этим ЧП «отличающиеся опытностью и быстротой в тушении пожаров» добрянские мастеровые справились успешно, но все дело в том, что подобные возгорания дров и сена случались с завидной регулярностью. Не исключалось, что они являлись либо следствием преднамеренных поджогов со стороны лиц, «посягающих на уничтожение чужого имущества», либо следствием баловства, по «дикости нравов» местных бездельников-подростков.

Впрочем, говорить об этой самой дикости можно было применительно не только к юнцам, но и к вполне взрослым мужикам. Чего стоит, например, случай, произошедший в Добрянке 31 мая 1888 года.

## **Пьяная выходка**

В этот день «красный петух» охватил тут три дома. Сначала загорелся дом некоего Посягина. Буквально тут же по причине сильного ветра огонь перебросился на усадьбу Антипьевых, а потом от искр вспыхнул расположенный в 200 саженях от пожара дом Баранова. Первые два дома сгорели вместе со всеми службами, а третий, благодаря умелым действиям мастеровых, удалось отстоять. «Эти мастеровые, привыкшие с малых лет работать в заводе в огне – работали, находясь, между домом и огнем, поливая водой то на дом, то на службы не обращая внимания на сильный жар от разгоревшихся сухих бревен», – сообщали «Пермские губернские ведомости».

Причиной же пожара явилась пьяная выходка первого из домохозяев, который, разругавшись со своей матерью-старухой, не придумал ничего лучше, как поджечь свой дом. Поджигатель сгорел в огне, да так, что, по сообщениям губернской прессы, «нельзя было узнать – кто сгорел, Посягин или кто другой: обе ноги отгорели и представляли какие-то две головешки, а само туловище было похоже на обожженный обрубок от бревна». Без крыши над головой остались его мать и жена с детьми.



При ликвидации этого пожара в качестве руководителя тушения особо отличился управляющий заводом П.И. Сюзев. И это не случайно, ибо, будучи в те годы гласным Пермского губернского земского собрания, он вел активную деятельность по предупреждению пожаров и по организации в крае целостной системы пожарной безопасности. Итогом этой работы стали две книги: «Безопасные от пожаров сельские постройки из материалов малоценных» и «Памятная записка о том, как тушить сельские пожары». Они вышли в свет в Перми, соответственно, в 1891 и 1892 годах и явились значительным вкладом в развитие пожарного дела не только в Прикамье, но и на Урале в целом.

В советское время противопожарная служба развивалась на основе Декрета СНК, подписанного В.И. Лениным в апреле 1918 года. В эти дни пожарные отмечают ее 80-летний юбилей.

*Камские зори. 1998. 14 апреля*



# Добрянская власть сгорела весной

*К числу наиболее крупных возгораний, случившихся в Добрянке в советский период ее истории, относится пожар, вспыхнувший в поселке 26 марта 1934 года.*

Тогда, 75 лет назад, сгорело двухэтажное деревянное, крытое железом здание Добрянского поселкового Совета. По старой нумерации, оно располагалось по ул. Ленина, 9.

Как рассказывает добрянский старожил Владимир Николаевич Пьянков, сгорело здание очень быстро.

— Я тогда работал в радиоузле. Шел под вечер на работу и проходил мимо дома поссовета. Никакого дыма не видел. По делам зашел на почту, вроде совсем недалеко, а туда уже сообщили по телефону: «Пожар! Дом горит!» «Какой дом?» «Поссовета! Где райземотдел находится!» — вспоминает ветеран. — Так как я под руку попался, меня на лошади послали за пожарными рукавами для заводской пожарной машины. Она паровая была, на колесах, лошади ее таскали. Воду при тушении качали из пруда, но спасти здание не удалось. Оно сгорело полностью. Как следует из документов, хранящихся в Государственном архиве Пермского края, во время пожара обошлось без человеческих жертв, но в огне полностью сгорело имущество и документы целого ряда поселковых контор, служб, учреждений. В том числе планы инвентаризации поселка и облигации Госзайма.

Происшествие было чрезвычайным. По его факту была создана специальная комиссия в составе пожарного инспектора райисполкома Н.В. Мелентьева, помощника начальника райуправления милиции Н.И. Караваева, представителей заводской профессиональной пожарной команды В.П. Орлова и поселковой пожарной команды Н.К. Кирьянова. Комиссия провела тщательное расследование. Рассматривались разные версии. Особое подозрение вызывало характерное для этого пожара очень быстрое и мощное горение здания. Рассматривалась версия умышленного поджога, но главной причиной все же признали пожар «от печи», которую незадолго до возгорания затопил сторож.

Позже на месте сгоревшего здания поссовета, на углу улиц Ленина и 8-е Марта, стали строить новый деревянный Дом Советов. Построили его к началу 50-х годов. До 1979 года в нем располагалась Добрянская средняя школа № 2.

## Наиболее крупные пожары в районе

(Краткая историческая хроника)

1780 год, 7 мая — сгорели кричные фабрики Добрянского завода.

1796 год — повторный пожар в кричных фабриках Добрянского завода.

1820 год – сгорела резная фабрика (цех) нижнего завода в Полазне.

1831 год, 1 марта – сгорела добрянская деревянная Рождество-Богородицкая церковь.

1848 год, 11 января – повторный пожар на резной фабрике нижнего (Мариинского) завода в Полазне. Фабрика сгорела.

1888 год, 31 мая – во время пожара в Добрянке сгорели два дома и один был поврежден огнем.

1905 год, 9 июня – сильнейший пожар в д. Усть-Туи Сенькинской волости. Уничтожены 13 крестьянских домов и деревянная часовня.

1908 год, 12 августа – пожар на дровоскладочной площади Добрянского завода. Сгорела часть дров, заготовленных для действия завода.

1934 год, 23 марта – пожар в Добрянке. Сгорело здание местного поссовета.

1942 год, сентябрь – пожар в дизельном отделении Добрянского завода.

1986 год, 20 декабря – во время пожара в жилом доме в Полазне погибли трое детей.

1989 год, октябрь – взрыв бытового газа в жилом доме на Крутой Горе в Добрянке. Один человек погиб, двое ранено.

1990 год, 21 октября – в Сенькино сгорела контора колхоза «Память Свердлова».

1991 год, 2 мая – крупный пожар на Добрянском хлебозаводе. Из строя выведена значительная часть оборудования.

1992 год, 13 января – в результате пожара в гараже Добрянского ОРСа сгорело семь автомобилей.

1997 год, 18 апреля – сгорела школа на ст. Ярино.

1997 год, декабрь – в д. Гари сгорели контора и автоматическая телефонная станция.

2000 год, 13 октября – во время пожара в жилом доме в Добрянке погибли пятеро человек.

2001 год, 3 января – взрыв и пожар в цехе добрянского ООО «Кварц».

2007 год, 16 апреля – в результате пожара в дачном поселке «Камские зори» (Полазненское поселение) сгорели пять дачных домов (коттеджей).

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 30 апреля*



# Дорога к храму

Статьи о церковной жизни

- Из истории «села Пермского Никольского то ж»
- Дорога к храму
- «Во всем подобающем боголепии»
- В честь православных святых
- «При громадном стечении народа»
- Церковные древности старой Добрянки
- Как убивали веру отцов

## Из истории «села Пермского Никольского то ж»

*Этот заброшенный каменный храм известен всякому, кто хоть раз бывал в селе Пермском. Это Никольская церковь. Она была построена здесь в 1830 году. Но мало кому известно, что до ее появления в этом старинном селе располагался другой храм.*

По данным за 1799 год, «село Пермское Никольское то ж» стояло «в течении реки Косвы на правой стороне на устье речки Волима по обоим оной сторонам на плоском месте». Почему село имело двойное название? Да как раз по названию церкви. Точнее, по наименованию одного из ее приделов. Как следует из материалов, хранящихся в фонде Строгановых (ф. 1278) Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве, в самом конце XVIII века в Пермском имелась «церковь деревянная во имя Богоявления господня с приделом святителя Николая Чудотворца с колокольнею деревянною. А в оной церкви святыне образа старинной работы и утварь церковная господскаго а частию и обывательскаго созидания».

Владельцами земли под церковью и погостом («четверть десятины и двести семьдесят шесть квадратных сажень») были названы княгиня Варвара Александровна Шаховская, граф Александр Сергеевич Строганов и дворянин Иван Лазаревич Лазарев.

В документах содержатся также сведения о церковном причте. В тот период в его состав входили пять человек. Это священники Петр Варушкин и Алексей Коровин (сообщалось, что они имели свои дома с пристроями и «овощными огородами»), а также дьячок Иван Шестаков, бывший священник Афтамон Попов и пономарь Яков Попов.

Что же касается каменной церкви, то к началу XX столетия ее приход был одним из крупнейших в нашем крае и «тянулся на 75 верст». В него входили десятки косьвинских деревень с населением более 8 тыс. человек. Известно, что в 1912 году для храма за счет крестьянских пожертвований были приобретены иконы Божей Матери «Споручница грешных» и «Скоропослушница». Первая стоила 100 рублей, вторая – 45. Обе иконы были изготовлены «трудами сестер Бахаревской обители». При храме действовало церковно-приходское попечительство, которое занималось оказанием благотворительной помощи неимущим и больным землякам, распространяло литературу «религиозно-нравственного, назидательного и общепользнего содержания». В том же году при церкви было открыто общество трезвости, в которое записалось 17 человек, не считая членов причта. «Последняя цифра не утешительна, – писали «Пермские епархиальные ведомости». – С грустью приходится упоминать об этом. Население, по-видимому, не хочет примириться с мыслию, что без алкоголя жизнь человека может быть радостна, может дать и отдых, и забвение среди нужды и лишений, среди непосильных трудов».

Пермская церковь была закрыта в 30-х годах минувшего века.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 7 сентября*

## Дорога к храму

*В феврале 1828 года в г. Санкт-Петербурге состоялась встреча заводовладельца Х.Е. Лазарева со своим главноуправляющим, на котором последний завел речь о ветхости деревянной церкви в с. Полазненском и о необходимости строительства там нового, на этот раз каменного храма. По его мнению, деревянную церковь «и Правительство построить не дозволит, да и было бы совершенно безрасчетно созидать таковое здание, не прочное и не дающее вид благолепия в именин столь знаменитых Владельцев».*

### «Церковь оную нужно строить обширную»

По подсчетам управляющего, в конце 20-х годов XIX века в Полазненском церковном округе проживало более 6 тысяч прихожан обоего пола, поэтому и «церковь оную нужно строить обширную, но вместительность ея должна быть не более, как 400 человек».

Ориентировочная стоимость такого сооружения составила бы «весьма внушительную по тем временам сумму в 30 тысяч рублей, что явно не устраивало заводовладельца. Ссылаясь на недостаток средств, вызванный сооружением большой каменной церкви в Чермозском заводе, он лишь предписал архитектору Подъячеву составить «планы и проекты со сметами на малую церковь по примеру тому, что в Москве у Меньшиковой башни... дабы церковь сия впредь стоила 15 или 18 тысяч рублей».

С той поры прошло более трех лет, уже давно был разработан проект нового храма и подготовлены необходимые сметы, но до строительства дело так и не дошло. Это и заставило Полазненскую заводскую контору вновь обратиться в Чермозское Главное правление с письмом, в котором, как и прежде, указывалось, что церковь в с. Полазненском «во всем имении их Высокородия есть самая древнейшая и существует если не более, то уже не менее 150 лет», а состояние ее уже таково, что в ней стало опасно вести богослужение.

### «Пока поддерживайте старую»

С этого момента и началась длительная переписка между Полазной, Чермозом и Петербургом. Первоначально предполагалось построить новый полазненский храм в 1832 году, затем сроки передвинулись на 1833 год. Но и эта дата не стала окончательной, т.к. «господину Христофору Екимовичу угодно было предписать», что Чермозская церковь крайне дорого стоит, больше сметы», поэтому в Полазне «пока поддерживайте старую», а постройку новой церкви, по его мнению, можно еще отложить на несколько лет.

Однако Главное правление Лазаревских заводов стояло на своем и в от-

ветном письме заводовладельцу вновь сообщало, что сохранить старую церковь нет никакой возможности и зимой в ней так холодно, что даже «вода в сосуде и святые дары замерзают». Об этом же Пермскому Епархиальному архиерею написал благочинный, и архиерей был вправе не только запретить церковную службу, но и обратиться к правительству, со стороны которого можно было «ожидать наставлений и побуждений самых сильных».

Понятно, что подобная перспектива Х.Е. Лазарева совсем не устраивала, поэтому 30 ноября 1833 года он был вынужден отправить в Чермоз следующее предписание: «По уважению представленных правлением причин, побуждающих приступить к постройке на Полазне новой каменной церкви, делается на сие разрешение и предписывается заготовить нужные к тому материалы». Предлагалось «начать строение церкви как удобнее, или с весны... 1835 или 1836 года, по утвержденному плану и фасаду, произведя сие построение при лучшем надзоре, прочно и с крайнею экономией, сокращая издержки в капиталах и трудах и не превышая сметы предназначенной дабы расходы были меньше».

### **«Новых церквей нигде ныне не начинать»**

Казалось бы, что дело сдвинулось и в пору приглашать строителей, но не тут-то было. В конце апреля 1835 года «перед отъездом в чужие края» заводовладелец вновь пошел на попятную и предписал, чтобы до окончания работ на Чермозской церкви «новых церквей нигде ныне не начинать», а старые храмы «можно и должно поддерживать починками». Как это ни удивительно, но главноуправляющий Пермским имением Лазаревых данное требование не выполнил и, «принимая в соображение», что из Губахи в Полазну уже завезен цокольный камень, распорядился начать строительство нового храма с лета 1836 года. Возможно, к такому шагу его подтолкнул рапорт Полазненской заводской конторы, в котором, в частности, сообщалось, что: «В селе Полазнинском, Свято-Троицкая деревянная церковь..., возведена в 1664 году (по другим данным в 1685 г. – М. К.). Существова по настоящее время более полутора века, и быв основана без фундамента, она время от времени дает осадку», пол ее осел до земли, бревна прогнили, а стены пришлось скрепить толстыми железными полосами. Дело дошло до того, что в «прошедший праздник пятидесятницы, во время свершения в оной Божественной литургии, при стечении большого количества народа, не однократно ощутительно слышно было трясение стен, от осадки всего храма», а на другой день «во время заутрени... корпус храма делал, осадку и оттого иконостав особенно с левой стороны, значительно отвалился и в тоже время некоторые образа из оного выпали. Служба была остановлена...».

Вышеизложенные факты были настолько серьезными, что в дело пришлось вмешаться самому Архиепископу Пермскому и Верхотурскому Аркадию, который доложил обо всех этих случаях высшему церковному ру-

ководству. Лишь после этого дело сдвинулось с мертвой точки. Указом от 19 февраля 1837 года Святейший Правительствующий Синод благословил: «Заложить Пермского уезда в Полазненском заводе гг. Владельцев Лазаревых каменную церковь двупрестольную Во имя Святые Троицы и Воздвижения Животворящего Креста Господня...»

В конце мая того же года поставленный перед свершившимся фактом Х.Е. Лазарев предложил правлению «строение на Полазненском заводе церкви расположить на 3 года».

## Процесс пошел

30 июня 1837 года подряд на строительство нового храма взял крепостной крестьянин Балахнинского уезда Нижегородской губернии Андрей Васильевич Маеров. Он обязался построить его за 4 тысячи 500 рублей ассигнациями, при условии, что 1 тыс. рублей из этой суммы останется «в залог на испытание прочности строения 2 года».

Поразительно, но этот подрядчик был совсем неграмотным. Вместе с ним кладку церковных стен вели еще два нижегородских крестьянина Кирилл Ерофеев и Герасим Евсеев, построившие до этого каменный госпиталь в Чермозе. По сообщениям из Полазы, в 1838 году все работы там велись «слава Богу довольно успешно», к 1 сентября того же года церковь была почти построена, и в ней состоялось «благодарственное Господу богу молебствие». После этого началось оформление храма, продолжавшееся до 1843 года. Тогда же были заказаны колокола, самый большой весом в 100 пудов, а значительная часть церковного инвентаря и утвари поступила из старой, державшейся «на честном слове» церкви.

Заключительная точка в этой длинной истории была поставлена осенью 1843 года, когда по поручению Архиепископа Пермского и Верхотурского Аркадия священник Градо-Пермской Александровской церкви протоиерей и член Пермской Духовной Консистории Яков Пономарев освятил новый Полазненский храм.

Так долго и настойчиво, почти 15 лет, полазненцы боролись за открытие Свято-Троицкой церкви. А для того, чтобы закрыть ее, понадобилось всего несколько минут. Произошло это 26 января 1930 года на собрании граждан Полазненского сельского Совета. Выступивший на нем некий «товарищ Палкин», обрисовав «мышление верующих, которые явно были... против всякого культурного развития», а также «в связи с культурной революцией и неимением помещения» для учебных занятий, предложил отдать церковное здание под школу. За это решение проголосовало 224 человека, а против – 171. Судьба церкви была решена. Символично, что первым вопросом в повестке дня этого собрания стоял вопрос о начале раскулачивания...

*Камские зори. 1992. 11 июня*



## «Во всем подобающем боголепии»

*В последнее время все актуальней становится тема восстановления добрянской Рождество-Богородицкой церкви. Со времени выхода в свет первых публикаций об этом храме выросло уже новое поколение добрянцев. Поэтому и позволю себе напомнить основные вехи истории главной церкви старой Добрянки.*

### Первый храм

Нынешнее здание Рождество-Богородицкой церкви строилось в первой половине XIX века на месте ранее существовавшей одноименной деревянной церкви.

Дозволение на строительство первого деревянного храма в заводском поселке выдал Вятский и Пермский преосвященный Варфоломей. Его грамота была послана управителю Федору Ваулину в июне 1768 г. Освящение храма, точнее придела Николая Чудотворца, состоялось 12 января 1769 г., а полностью церковь достроили в 1778 г., после возвращения Добрянки Строгановым из 6-летней аренды у Лазаревых. Образа для церкви писал известный иконописец Ларион Хребтов, а иконостас изготовили местные мастера. К сожалению, до наших дней ни иконы, ни иконостас, ни храм не дошли. Все исчезло в огне пожара, случившегося 1 марта 1831 г.

### В огне пожара

Как писал во второй половине XIX века П.И. Сюзев, пожар начался «в последний день масленицы в 9 часов вечера». В тот день «после вечерни, сторож запер церковь и ушел домой, а поэтому когда заметили пожар, то ни только попасть в церковь, чтоб тушить огонь и спасти утварь, но и на колокольню попасть не было возможности, чтобы ударить тревогу». Положение усугубилось тем, что в помещении под храмом хранились различные канцелярские, да и не только, принадлежности: писчая бумага, краски, свечи, масло, сало, холст, сукно и проч. Спасти церковь в таких условиях и при недостаточных средствах пожаротушения было невозможно. Она сгорела до основания вместе со всем имуществом. Ущерб был огромен. Одних только канцелярских припасов сгорело на сумму 7 тысяч 866 рублей. Не обошлось и без гибели людей. В ходе тушения огня погиб кричный мастер И. Водолеев.

### В стиле позднего классицизма

Ровно через год после этой трагедии, 1 марта 1832 г., в Добрянку пришло разрешение из Пермской духовной консистории на строительство нового, на этот раз каменного храма: «С тем, дабы оно производилось без всякого отступления плана и (...) под надзором Архитектора или другого опытного



и свидетельствованного в Архитектурном искусстве человека, который бы и грунт земли под церковное здание избрал самый прочный».

Таким человеком стал известный строгановский специалист в области заводского строительства, архитектор С.И. Тунев. Он являлся приверженцем лаконичных форм в архитектуре и спроектировал храм достаточно аскетичный, без архитектурных излишеств, в стиле позднего классицизма. Правда, в ходе долгого 20-летнего строительства в проект не раз вносились изменения. Вероятно, по требованию заводовладельца графа С.Г. Строганова, который являлся большим знатоком русской старины и сторонником старых канонов.

### **«Держаться строго древнего иконописания»**

Граф отслеживал строительство нашего храма лично. Вплоть до его художественного оформления. Так, с целью «приготовления икон в новый иконостас Добрянской церкви» он приказал своему крепостному живописцу И.С. Доценникову проехать по старым уральским храмам и сделать подробное описание икон, наиболее «замечательных по древности и хорошему письму». Лучшие из них должны были стать образцами для Добрянки. «Пока графиня Наталья Павловна и я будем живы – не ставить в иконостасах, ни в церквях образов академического письма, – указывал он своим уральским мастерам в одном из повелений. – Держаться строго древнего иконописания».

По данным за 1840 г., над иконостасом работал резчик В. Хренов, а иконы помимо И. Доценникова писал ильинский иконописец С. Юшков.

Из-за денежных проблем сооружение храма велось медленно. По данным заводской конторы, к 1844 г. церковное здание было построено лишь «немногим повыше окон». В общей сложности стройка растянулась на 20 лет.

### **В подобающем боголепии**

«Вашему Сиятельству имею счастье покорнейше донести: каменный храм, основанный в Добрянском заводе во имя Рождества Пресвятой Богородицы, в нынешнем 1852 году по соизволению Вашего Сиятельства постройкою совершенно закончен и украшен всем в подобающем боголепии», – сообщал в Петербург в письме от 8 октября 1852 г. управляющий Пермским нераздельным имением Василий Волегов. К 1868 г. храм имел три престола: Рождества Пресвятой Богородицы, Святого Александра Невского и Святителя Николая Чудотворца.

Чин освящения состоялся 25 сентября. Он был приурочен к 100-летию основания Добрянского завода, именинам заводовладельца и дню Ангела «Ея Сиятельства графини Натальи Павловны». По традиции в такой «радостный по духовному торжеству» день всем мастеровым завода преподносилось бесплатное угощение.

Главным действующим лицом при освящении храма был Ильинский благочинный, протоиерей Петр. Значительную часть церковной утвари закупил

в Москве сам заводовладелец. В 1851 году по его распоряжению в Добрянку были высланы ценные «фамильные» иконы, в том числе образа Преображения Господня и Божьей Матери. Ценнейшим подарком стало Евангелие 1606 года издания.

Как сообщал В. Волегов, «иконостав нового Добрянского храма, устроенный по предначертанию Вашего Сиятельства, своею простотой и особенно святыми иконами, Вашим Сиятельством из Москвы присланными, глубоко поразил чувством благоговения весь народ в многочисленности собравшийся в Добрянке к дню освящения храма».

## **Стремление ввысь**

Вскоре после открытия Рождество-Богородицкой церкви в ней служил молодой священник Виталий Хлопин. В 1863 г. в его семье родился сын Григорий, в будущем крупнейший отечественный специалист в области гигиены, родоначальник династии выдающихся советских ученых. Так что от храма нашего ко всему прочему пролегла еще и тропинка к высотам науки.

Что же касается высот других, архитектурных, то церковь заметно подросла к 1910 г., когда вместо невысокой деревянной и оштукатуренной колокольни над ней вознеслась к небесам новая, высокая и каменная. Она словно приподняла храм над заводским поселком. Еще в середине XIX века для него были закуплены колокола. Самый большой из них весил 160 пудов 5 фунтов (более 2,5 тонны).

По данным за 1908 г., Рождество-Богородицкая церковь имела 6670 прихожан, проживавших в Добрянке и 16 ближайших деревнях. В ней служили 2 священника, 1 дьякон и 2 псаломщика. Годовой доход достигал 2300 рублей.

К 1915 г. к Рождество-Богородицкой церкви были приписаны церковь в д. Усть-Дивья и три часовни: металлическая в Добрянке, деревянные в Посаде и Ярино. При храме имелась библиотека на 600 томов, а в приходе – несколько школ.

## **На свалку истории**

В 30-х годах XX века о благолепии и благоговении предпочитали уже не вспоминать. Даже сами понятия эти были отправлены на «свалку истории». Впервые вопрос о ликвидации в Добрянке каменного храма был поставлен Уральским облисполкомом в 1930 г. Вслед за этим с храма были сброшены кресты, колокола, снесены колокольня и купол. Батюшек расстреляли. В храме Божиим открылся кинотеатр им. Ворошилова...

\* \* \*

Не могу не сказать вот что. На сайте нашей газеты при обсуждении статьи «Сколько стоит храм построить» развернулась нешуточная полемика между теми, кто за, и теми, кто против возрождения храма. Я однозначно за. Но тех, кто против, тоже понимаю. Только воспринимаю их как вольных или

невольных заложников характерного для недавнего периода нашей истории исключительно материалистического понимания мира. «Право не верить в Бога защищено Конституцией», – с горькой иронией писал по этому поводу А. Солженицын.

Да, верить или не верить – личное дело каждого. Тем более что вера заставляет человека очень сильно работать над собой, на что не каждый из нас способен. Но не воспринимать историческую и архитектурную ценность главного храма Добрянки – это значит не любить свой город, не знать его прошлого, не гордиться им. В одном давнем разговоре пермские реставраторы говорили мне о том, что расположенная в самом центре Добрянки Рождество-Богородицкая церковь имеет важное градостроительное значение, что после восстановления она может и должна стать архитектурной доминантой Добрянки. А я уверен еще в том, что после того, как поднимутся купола, город наш станет восприниматься людьми совсем по-другому. Со светом, добром и надеждой.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2010. 21 октября*

## В честь православных святых

*Почти полтора десятка церквей существовало до революции на территории современного Добрянского района. Даже само понятие «село» зави- село от наличия в том или ином населенном пункте храма. Есть он – зна- чит, село, нет – деревня. Если судить только по этому признаку, то чуть ли не все наши села превратились в 30-е годы в деревни. Действующие храмы остались только в Добрянке (Свято-Митрофаниевская церковь) да за Камой в селе Усть-Гаревском.*

В прошлом же веке, когда ни один человек даже в самых мрачных снах не мог представить себе уничтожения храма, отношение к церкви и церковным обрядам было совсем иным. Церковные праздники, в условиях аскетичной в целом жизни, были настоящими отдушинами среди повседневных забот. Их ждали, к ним готовились. В числе самых ярких событий в году были крест- ные ходы, совершаемые регулярно в честь того или иного святого. Причем проводились они не во всех, а лишь в некоторых церквях. В 1863 году в хра- мах Добрянского края, входившего в состав «третьяго благочиннического округа» Пермского уезда, крестные ходы проводились лишь в трех из них: в Никулино, в Добрянке и в Полазне.

В никулинской Благовещенской церкви ежегодно случалось два крестных хода. Первый – в день Пятидесятницы, когда после церковной литургии на- чиналось торжественное шествие верующих со святыми кронами к часовне, расположенной в одной версте от храма. Там совершалось водоосвящение, пелись молебны, после чего участники хода возвращались в храм Божий.

Еще один подобный ритуал совершался в Никулино в день Святого Про- рока Ильи. На этот раз шествие с хоругвями и иконами направлялось к ча- совне, «построенной на месте упраздненного деревянного за ветхостью хра- ма», где после традиционного водоосвящения «отправлялись Св. Пророку Илье молебны, по окончании коих крестный ход возвращался в церковь». По данным «Памятной книжки Пермской губернии на 1863 год», этот об- ряд получил начало в 1842 году и был установлен «в память престольнаго праздника».

По сведениям этого же источника, крестные ходы в честь Святого Проро- ка Ильи проходили еще в двух церквях. В Полазне в этот день, после литур- гии при Свято-Троицкой церкви, шествие с иконами направлялось на старое кладбище, которое находилось в четырех верстах от храма. По приходу на кладбище проходило водоосвящение, пелись молебны, после чего соверша- лась панихида по умершим.

В Добрянке в этот день крестный ход был еще более долгим. Он начи- нался от Рождество-Богородицкой церкви и направлялся в часовню, распо- ложенную в деревне Кряжевой, путь до которой равнялся пяти верстам. Там

по традиции проходило малое водоосвящение и также пелись молебны. Но была тут и своя особенность. Накануне этого крестного хода, 19 июля, и для участия в нем к «означенной выше часовне» приносились святые иконы: Божьей Матери всех скорбящих, Святого Пророка Ильи и Священномученика Власия. Но данный крестный ход не был единственным в заводском поселке. Почти за месяц до него проводился еще один, приуроченный ко дню Рождества Иоанна Предтечи. На этот раз, после окончания литургии при Рождество-Богородицкой церкви, шествие с хоругвями и иконами проходило прямо по улицам заводского селения. Во время его «на многих пунктах при окроплении св. водою пелись литии».

После закрытия церквей в тридцатых годах и введения новой советской обрядности места для подобных мероприятий уже не нашлось.

*Камские зори. 1995. 20 июня*

## «При громадном скоплении народа»

*Необычайно многолюдно было в Висиме 17 февраля 1905 года. В этот день туда прибыла масса народа из всех соседних сел и деревень, из некоторых заводских поселков и даже из губернского города Перми. Поводом же для подобного столпотворения стало торжественное открытие «только что отстроенного храма».*

Как сообщали «Пермские губернские ведомости», в тот день «нарочито прибывшим в Висим ключарем кафедрального собора, протоиереем А. Бурным, в сослужение двух протоиереев о. Н. Красовского и И. Яковкина и нескольких священников, торжественно совершено было всенощное бдение», а затем «не менее торжественно — чин освящения храма и литургия».

По данным того же источника, народу было столько, что «храм небольшой по своим размерам, далеко не мог вместить в себя всех желающих» посмотреть на эту красивую и торжественную церемонию.

В ценах 1905 года строительство висимской Свято-Троицкой церкви обошлось в 5-6 тысяч рублей. Строилась она «частью на пожертвования, частью на местные средства».

Необходимость сооружения в Висиме храма диктовалась тем, что в этом большом прикамском селе с населением в пятьсот человек, за исключением часовни, не было ни одного культового здания. Ближайшая к нему церковь находилась в расположенном на противоположном берегу Камы селе Слудке, то есть на расстоянии 11-12 верст. Как отмечалось в губернской прессе, в осеннее и весеннее время висимские прихожане и слудский храм «обычно разобщались» рекой.

Впрочем, сооружение нового храма решало вопрос только наполовину. Новая висимская церковь была приписана к слудской, а это означало, что постоянно проживающего в селе священника так и не было. Вот почему информация в «Пермских губернских ведомостях» заканчивалась следующими словами: «Хотелось бы думать, что наши общественники не остановятся на одной только постройке храма, а будут продолжать свои хлопоты по данному вопросу и далее, то есть испросят себе особый притч, который имел бы свое постоянное местопребывание в Висиме; в противном случае, вопрос об удовлетворении религиозных нужд местного населения, чрез постройку храма, разрешится только на половину».

Впоследствии этот вопрос был решен положительно, как, впрочем, и вопрос о строительстве специального здания для открытой при храме церковно-приходской школы. Ныне в Висимской неполной средней школе по-прежнему учатся дети, а в церковном здании располагается сельский клуб. Правда, обе постройки находятся на самом берегу Камского водохранилища, и над ними нависла угроза уничтожения.

*Камские зори. 1997. 14 января*

# Церковные древности старой Добрянки

*В 1913 году руководство Пермской епархии озаботилось вопросами сохранности церковных древностей. Тех древних икон и церковных книг, что с давних пор хранились в многочисленных храмах губернии. В ответ на распоряжение своего начальства церковнослужители подготовили для благочинных подробные рапорты, которые можно считать теперь важнейшими историческими источниками. 13 июля подготовил свой рапорт и причт добрянской Рождество-Богородицкой церкви. Именно в нем содержатся ценнейшие сведения о том подарке добрянцам, который в 1849 году сделал граф Сергей Григорьевич Строганов. Речь идет о древнем напрестольном Евангелии 1606 года издания.*

## Благая весть

Сведения о факте дарения встречались мне и ранее. К примеру, в «Иллюстрированном путеводителе по Каме...», вышедшем в Перми в 1911 году. Да только вот названия церкви и прочих подробностей нигде не попадалось. И вот такая удача. Прежде чем дать описание подаренного С.Г. Строгановым Евангелия, поясню, что это такое.

Святое Евангелие – это книга, заключающая в себе слово Христово, которое указывает путь к спасению. В ней рассказывается о земной жизни Спасителя и содержится изложение Его учения. Оно состоит из четырех книг, написанных апостолами Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Слово евангелие переводится как благовестие. Поэтому и апостолы, описавшие жизнь Христа, называются евангелистами, иначе говоря, благовестниками.

Напрестольное Евангелие (т.е. находящееся на престоле – четырехугольном столе, который располагается в алтаре и означает место присутствия Господа) всегда украшается переплетом с изображением Христа Спасителя, евангелистов и т.д. Таким было и строгановское Евангелие.

## Описание строгановского Евангелия

Подаренная Добрянке святая книга была издана в Москве и «писана в царствование Василия Иоанновича, при патриархе Ермогене в 1606 году июня 29 дня». Как сообщалось в рапорте причта Рождество-Богородицкого храма, выполнена она была «в древнем стиле, в полулисте на александрийской бумаге\* с золотым образом, кругом в серебропозлащенном окладе\*\* с таковыми же двумя застежками».

\* Согласно словарю В. Даля, александрийская бумага – это «бумага лучшего качества и большого размера».

\*\* Серебропозлащенный оклад – облачение (риза) книги из позолоченного серебра.

На лицевой стороне оклада, согласно канонам, были выбиты изображения четырех евангелистов (по углам), а в середине изображение распятого Христа с предстоящими Иоанном Богословом, Логиним Сотником (по правую сторону), Божьей Матерью и Марией Магдалиной по левую. Обратная сторона оклада имела соответствующее оформление. Там было помещено изображение сошествия Христа в ад, моление о чаше, лобзание Иуды, плач Петра и другие евангельские сюжеты. На застежках книги имелись выбитые изображения апостолов Петра (на одной) и Павла на другой. Вес оклада 84-й пробы составлял 5 фунтов 34 золотника (примерно 2 кг 200 г).

По данным на 1913 год, стоимость этого Евангелия равнялась 973 рублям 90 коп. ассигнациями.

## **Евангелия XVIII века**

Помимо этой древности, в добрянской Рождество-Богородицкой церкви имелись еще два старых Евангелия. Одно – «малое, печатанное при Императрице Елизавете Петровне в 1751 году в четверть листа на простой бумаге», другое – изданное в Москве в 1798 году при Императоре Павле Петровиче «в листе на александрийской бумаге». Обе книги имели бархатные малиновые переплеты. Но если малое Евангелие было украшено лишь отдельными серебropозлащенными чеканными изображениями, то большое – полный оклад.

Как сообщали подписавшие рапорт члены причта Рождество-Богородицкой церкви в лице трех священников (Павла Романова, Германа Бенедиктова, Иоанна Тунева) и двух дьяконов (Иоанна Орлова и Александра Луканина): «все прочие церковные предметы принадлежности к древности не представляют».

Куда и когда именно исчезли из Добрянки старинные Евангелия, остается лишь предполагать. Ясно одно. Их следы затерялись в безбожных 30-х годах вместе с закрытием главной церкви старой Добрянки и последующим физическим уничтожением ряда церковнослужителей.

## **Кстати**

Согласно «Списку церквей Пермской епархии с распределением их по благочинным округам», в начале XX века добрянские храмы входили в состав 3-го круга Пермского уезда Пермской губернии. Благочинным, т.е. главой церковного округа, являлся священник церкви с. Ильинского Иоанн Андреевич Яковкин.

В 1913 году (тогда благочинным был уже священник Николай Попов) помимо церквей, расположенных в населенных пунктах современного Ильинского района и церкви с. Левшинского (ныне часть Перми), в округ входили следующие храмы Добрянского района: Рождество-Богородская (построена в 1852 г.) и Свято-Митрофаниевская церкви (1837) Добрянского завода, Христо-Рождественская церковь с. Усть-Гаревского (1869), Сретинская цер-



ковь с. Сенькинского (1895), Свято-Троицкая церковь Полазненского завода (1843), Вознесенская церковь с. Красная Слудка (1859), Успенская церковь с. Голубята (1870), Никольская церковь (к 1911 году по названию другого придела – Богоявленская) с. Перемского (1830), Пророко-Ильинская церковь с. Никулинского (1909), Свято-Троицкая церковь с. Висимского (1905) и Екатерининская церковь д. Посад. Храм в Посаде (ныне этой деревни нет, находилась в районе современного с. Липово) был построен в 1913 г. и приписан Добрянской Рождество-Богородицкой церкви.

*ЗОРИ ПЛЮС. 2007. 6 апреля*

## Как убивали веру отцов

*Все знают, что в 30-х годах минувшего столетия большевистским государством проводилась жестокая антирелигиозная политика. Храмы закрывались, священнослужители уничтожались. Но мало кто знает, как это происходило в Добрянском районе. Сегоднешний наш материал приоткрывает над этой темой завесу тайны.*

### Колокола – в металлолом

Первые раскаты большевистского грома раздались над куполами наших храмов в 1930 году. Тогда в Добрянский райисполком из Уральского облисполкома поступило письмо «Для постановки вопроса о закрытии и ликвидации Рождество-Богородицкой церкви, находящейся в з. Добрянка». А следующим шагом на этом пути стало запрещение в храмах района колокольного звона. Решение райисполкома об этом было утверждено Президиумом Уральского облисполкома 17 декабря 1933 года. Снятые колокола рекомендовалось передавать уралобашкирскому комбинату «Металлолом».

По данным на начало 1934 года, в районе было «учтено колокольной бронзы в церквях и часовнях 1437 пудов 10 ф. (около 23 тонн. – М.К.). Согласно секретному постановлению Президиума Облика (областной исполнительный комитет. – М.К.) еще в конце 1933 года к сдаче было «занаряжено: 1). Добрянская церковь – 6 колоколов – 377 пудов. 2). Перемская – 8 колоколов – 238 пудов. 3). Полазненская – 5 колоколов – 205 пудов 4). Усть-Гаревская – 8 колоколов – 99 пудов». Многие колокола были с дарственными надписями, именными, отливались по случаю примечательных событий в местной и отечественной истории. Но кого это волновало в то время? Согласно плану на 1934 год, район должен был сдать в металлолом 6 тонн колокольной бронзы.

Стоит отметить, что «голое администрирование» в этом деле не поощрялось. Прежде чем снимать с церкви колокола, райисполкому необходимо было организовать собрания граждан. Большого числа желающих вставать на пути неумолимого сталинского катка не наблюдалось. Тот же, кто все-таки выказывал недовольство, попадал в черные списки. В 1937 году списки эти обернулись «черными воронами».

### «Остаток старых предрассудков»

В 1933 году была окончательно решена судьба знаменитой добрянской часовни-памятника, возведенной на базарной площади в 1892 году и после революции сильно обветшавшей.

Поводом для ее ликвидации явился случай, произошедший 20 марта, когда во время выезда на пожар о фундамент часовни травмировалась одна из лошадей пожарного обоза. «Лошадь в силу полученного увечья стоит с 20 числа на бюлетне, – писал в Добрянский поссовет начальник местной по-

жарной дружины Меркушев. – Прошу или оборудовать Депо в другом, или снести разрушенную часовню».

6 апреля 1933 года вопрос о часовне заслушивался на заседании поселкового Совета. Смертный приговор ей вынес некий «тов. Пассажиров», который сказал, что часовня не представляет «никакой ценности для науки как древность, а наоборот стоит как остаток старых предрассудков». Решение поселкового Совета ушло в Президиум Добрянского райисполкома, и 13 апреля 1933 года этим органом было вынесено постановление: «Обязать Пос. Совет в 3-х дневный срок убрать часовню с базарной площади». Подпись, дата, печать...

### **«Шефствие не разрешается»**

В начале 30-х годов священнослужители лишились возможности проводить крестные ходы и освящать прорубь. Нет, официально эти обряды не запрещались, но реально...

Разрешение на это мог дать только райисполком, куда и обращались батюшки, но ответ им приходил стандартный: «Не разрешается». Дело в том, что во взаимоотношениях с религиозными организациями местные органы власти пользовались инструкцией ВЦИК 1929 года «О порядке проведения в жизнь законодательства о культах», а в ней был пункт, согласно которому запрещалось «хождение с молебствиями (...) при наличии в данном месте массовых заразных заболеваний». А так как при крайне низком уровне медицины и санитарии инфекционные болезни в деревнях и селах были обычным делом, то и запрет действовал практически постоянно. Когда болезней не было, они придумывались. Отказы писались фактически «под копирку». «На ваше заявление от 23/VI-35 года по вопросу выдачи Вам разрешения на право шефствия с иконами в раб. пос. Добрянка 7 июля 1935 года Добрянский райисполком сообщает, что в связи с имеющимися случаями остро-заразных заболеваний (...), Ваше ходатайство оставлено без удовлетворения – шефствие не разрешается», – сообщалось на запрос из Свято-Митрофаниевской церкви (орфография документа сохранена. – М.К.).

### **На пике репрессий**

По данным на 1936 год, в Добрянском районе были уже закрыты 11 церквей из тринадцати. Остались действующими лишь две: Христо-Рождественская церковь в Усть-Гаревой и Свято-Митрофаниевская в Добрянке. Но в конце 30-х годов закрыли и их.

Закрытие Свято-Митрофаниевской церкви стало следствием массовых политических репрессий 1937-38 годов, в ходе которых были арестованы и уничтожены члены ее причта.

С целью закрытия церкви в начале 1938 года райисполкомом был составлен план мероприятий и организованы собрания трудящихся: «О вредитель-

ской работе врагов народа, троцкистско-зиновьевской и бухаринской банды наймитов и о контрреволюционной работе попов в Добрянском районе». Отмечая, что «у нас во все отрасли народного хозяйства проникли шпионы», руководители собраний клеймили «позором эту свору зарвавшихся врагов народа-наймитов кровавого фашизма, пытающихся распродать по кускам нашу могучую родину жадным капиталистам». Начавшись с глобальных проблем, собрания заканчивались требованиями закрытия «церкви в пос. Добрянка (...), как центра контрреволюционной работы». По рекомендации райкома ВКП(б), все дружно хотели переделать ее под склад.

Постановление президиума Добрянского райисполкома № 77 о закрытии Свято-Митрофаниевской церкви вышло 3 февраля 1938 года. В нем отмечалось, что за закрытие высказался 3171 человек, а против – лишь 16.

Удивительное дело, но это решение не было претворено в жизнь! На пути репрессивной партийно-советской машины встали немолодые уже члены церковно-приходского совета: Т.Е. Некрасова, М.И. Калинина, М.Г. Карпова, М.И. Маркова, П. Пьянков и Е.П. Дроздова. Выразив сомнения в правильности голосования, они пожаловались в облисполком на противоправные действия местного руководства и попросили культовую комиссию «предписать т. Казакову (председателю райисполкома. – М.К.) о беспрепятственной отдаче и открытии нашего храма и возврате взятых ценностей». И райисполкому пришлось оправдываться! Дескать, церковь пришлось закрыть из-за ареста священника, а «ключи взять себе», до той поры, пока «верующие не найдут служителя культа». О собраниях трудящихся не говорилось уже ни слова! Есть данные, что Свято-Митрофаниевская церковь возобновила свою деятельность осенью 1941 года. Как и закрытая церковь в Усть-Гаревой.

1941 год – это год начала самой страшной для нашего народа войны. Может быть, война эта – не что иное, как наказание наше за разрушение храмов, святотатство и отход от веры отцов?

*ЗОРИ ПЛЮС. 2009. 19 ноября*

# Великий потоп

Статьи о природе  
и ее преобразовании

- Три рубля за волчью шкуру
- Затмение
- Великий потоп



# Три рубля за волчью шкуру

*Перелистываешь порой ветхие от старости страницы архивных документов, да и встречаются напоминания о редких явлениях природы. О таких, что наводили иногда настоящий ужас на наших предшественников и земляков.*

## Ревела буря

О страшной буре, которая промчалась по Косьвинскому краю 27 мая 1818 года, жители трех деревень: Кужгорт, Золотята и Таборы помнили даже через 50 лет после нее. Да и как не помнить, если ужасная гроза с сильнейшим ветром за считанные минуты разметала по бревнышкам 13 крестьянских домов, сорвала крыши с 12, а многих домохозяев лишила овинов, конюшен и других усадебных построек.

«При страшном ливне и граде с голубиное яйцо бурей срывало дома до половины, т.е. по окнам, некоторые до основания, все это ломало и несло вместе с изгородями. Толстые деревья, вырванные с корнем, относило в сторону, мелкую же поросль и кусты заносило песком и землей», – писал в 80-х годах XIX века в своей летописи Чермозского завода исследователь прикамской старины Н.Н. Новокрепченых.

Через сорок с лишним лет после этого, 11 июля 1859 года, Косьвинский край еще раз подвергся напору стихии. На этот раз через Перемскую лесную дачу проложил свой след шириной в две версты сильнейший бурелом. Его путь прошел от р. Чусовой до р. Яйвы. Под напором небывалого ветра не устояло ни одно дерево. След от этого бурелома в виде искореженных деревьев был виден с Чусовой в течение более чем двух десятилетий. Хорошо, что в полосу стихии не попали раскиданные то тут, то там лесные деревушки.

## ...гром гремел

Настоящим бедствием для крестьян были градобития. Убытки, наносимые градом, исчислялись иногда многими тысячами рублей. Не нынешних легковесных, а тех старых, российских, с которыми можно было смело путешествовать по всему свету.

Град неоднократно уничтожал посевы сенькинских крестьян. К примеру, 28 мая 1874 года местные жители лишились из-за него 207 десятин озимого хлеба. Убытки составили 4089 рублей.

3 августа 1899 года черная грозовая туча принесла с собой крупный град в Останинскую волость на р. Косье. Пострадали поля жителей деревень Останиной, Мозяровой, Оничкиной и еще 7 населенных пунктов волости. Градины повредили крестьянские посевы овса на площади 125 десятин. Убыток оценивался «на четверть урожая с означенного пространства».

А вот какая беда случилась в ночь на 8 июня 1907 года в с. Сенькинском. Пронесшаяся над ним «страшная туча разразилась сильной грозой». Один из мощных разрядов молнии ударил в дом местного крестьянина М., разорвал в избе печь, выбил в окна стекла, травмировал хозяина и опалил голову его жены, спавшей с малолетними детьми. Дети не пострадали, а их мать потеряла сознание и «не приходила в чувство» даже через несколько дней после грозы. Крестьянин лишился и части домашнего скота...

Сообщения об ударах молний появлялись на страницах губернских газет с завидной регулярностью.

### **«Медведи одолели»**

Именно так называлась одна из заметок, опубликованная на страницах «Пермских губернских ведомостей» в 1908 году. В ней сообщалось о том, что «жители деревень Фоминой, Яриной и др. по Соликамскому тракту (...) положительно осаждены нашествиями медведей. Набеги косолапых бывали здесь и в прошлые годы, но далеко не в той мере, как в нынешнем году».

Медведи нападали на лошадей и коров буквально у самых деревенских околиц. Особенно страдали от прожорливых топтыгиных бедняки, лишавшиеся в разгар полевых работ последних, а то и единственных рабочих лошадей. За неимением оружия и времени крестьяне отбиться от медведей самостоятельно не могли и надеялись на «самое скорое содействие» со стороны «охотничьей команды и общества любителей охоты».

За два года до этого косолапые держали в осаде жителей деревень Переволоки, Гари и Романовцы Краснослудской волости. Там они «свободно разгуливали около самых селений» и за короткое время задрали «четырёх коров и многих овец».

А жители Усть-Гаревой страдали в 1878 году от другой напасти. Здесь зимой и весной хозяйничали волки. Так, один из местных крестьян за считанные минуты лишился всех пятерых своих коров, которых он только-только выпустил со двора. «Не отраднo, если волки и летом будут так же бесцеремонно нападать на скот», — писал современник.

Охотой же на волков в волости никто почему-то не промышлял. Даже при том, что за каждого убитого серого разбойника Пермская уездная земская управа обещала охотнику вполне приличное по тем временам вознаграждение — 3 рубля.

*Камские зори. 2000. 19 июля*

## Затмение

*7 августа 1887 года на большой территории России наблюдалось интересное небесное явление — полное солнечное затмение. Наряду с учеными за ним следило и множество любителей в разных уголках страны, в том числе в Добрянке.*

Для проведения наблюдений за солнцем пять заводских служащих установили зрительную трубу, барометр, компас и секундомер, а также проведенные накануне по солнечному меридиану часы. В разных местах были развешаны термометры.

У каждого из наблюдателей имелось закопченное стекло и предварительно разграфленные тетради для записи наблюдений. Кроме этого, был приготовлен набор цветных карандашей и листы бумаги с начерченными кругами для обозначения фаз затмения и для зарисовок изменения цвета и формы солнечной короны.

Полное затмение продолжалось 2 минуты 27 секунд. Наряду с наблюдениями за небесными и световыми эффектами был отмечен ряд интересных моментов в поведении людей и животных.

Вот что писала по этому поводу газета «Пермские губернские ведомости» в корреспонденции из Добрянского завода.

«Животные заметно были встревожены: голуби, например, начали кружиться в воздухе, ища приюта. Один голубь ударился так сильно о телефонные проволоки, что он него упало на землю 6 перьев. Гуси, плавающие в пруду, с наступлением темноты быстро поплыли к берегу, вышли на него и сели в тесный ряд; коровы останавливались среди пути, опускали к земле головы и стояли совершенно неподвижно до конца полного затмения. Простой народ, веривший в возможность затмения, был убежден, что оно будет продолжительным, а потому запасался свечами, и во многих домах тотчас, как только наступила темнота, засветились в окнах свечи. Некоторые зажигали свечи перед иконами и ставали на молитву.

Бывшие вне дома, из всех сил бежали домой, особенно женщины. Маленькие дети, бывшие на улице, начали плакать и звать маму. У некоторых же вырывалось невольное восклицание «а ведь правда!» Более всех сомневались в возможности затмения староверы. Одна деревенская девочка в минуту полного затмения разорвала свою красную кофту и бросила в печь, считая затмение наказанием божьим за щегольство. В деревнях объясняли причину затмения солнца и тем, что ему была смена для того, чтоб заменить старое солнце новым солнцем. Были случаи и весьма комического свойства.

Весьма характерна была еще та тишина, которая наступила вслед за появлением полной темноты. Невольно возникала мысль о прекращении всякой жизнедеятельности на Земле.

Затмение произвело бы несравнимо более сильное впечатление, если бы народ не был предупрежден, если б ему предшествовало вполне безоблачное небо».

*Камские зори. 1986. 5 июня*



# Великий потоп

(Прикамье в первой половине 50-х годов XX века)

## «Великий сталинский путь преобразования природы в действии»

Всякий, кто решит посмотреть материалы XVI съезда партии (1930 г.), обнаружит в них указания на необходимость сооружения на Каме крупной гидроэлектростанции. Первоначально место для ее строительства было выбрано в районе Перми, и уже через три года после съезда там начались строительные работы, но в 1938 году они неожиданно прекратились. Остановка строительства объяснялась, в частности, тем, что «под створом плотины на сравнительно небольшой глубине» были обнаружены «гипсоносные породы, которые легко размываются водой» и это крайне «опасно для гидротехнических сооружений». В это время в дело вмешалась другая группа специалистов, которая предложила построить вначале ГЭС в районе Соликамска, а уж потом вернуться к вопросу размещения гидроэлектростанции в районе Перми. Однако, несмотря на указания XVIII съезда ВКП(б), соликамский вариант также не получил своего развития. Вся эта канитель закончилась лишь в 1942 году, когда правительство приняло окончательное решение о том, что Камская ГЭС должна быть построена в окрестностях Перми, в нескольких километрах ниже устья р. Чусовой. Новый вариант отличался от проекта начала 30-х годов тем, что благодаря совмещению плотины и здания ГЭС, основные сооружения станции располагались выше гипсоносной зоны. Подобное техническое решение позволило резко сократить сроки строительных работ, привело к экономии бетона и значительно удешевило строительство, начавшееся в 1948 году. «Великий сталинский план преобразования природы – в действии», – писала в мае 1951 года газета «Звезда». Одновременно с возведением ГЭС строители занялись сооружением жилых домов в п. Гайва, в которых должны были поселиться энергетики станции – «счастливые люди счастливой советской страны».

Прошло несколько лет, и в апреле 1954 года, несмотря на недоделки, аварии, отсутствие опыта и недостаточную продуманность ряда технических проектов, пролеты Камской ГЭС были перекрыты металлическими щитами, преградившими путь вековому свободному течению уральской реки. С этого момента и началось заполнение чаши Камского водохранилища. В 1954 году уровень воды в Каме был поднят на 13 метров, в 1956 – на 8 м, в 1960 – еще на 0,5 м, а всего – на 21,5 м. В результате этого образовался огромный водоем площадью около 2 тыс. кв. км и объемом до 12,2 куб. км. Вверх по Каме подпорная вода распространилась на 350 км, дойдя до устья р. Вишеры. Добрянская районная газета «Сталинский путь» обрадовала тогда своих чита-

телей сообщением о том, что «в Камском море будет находиться воды в десять раз больше, чем во всех 12 тыс. колхозных и совхозных водоемах нашей страны...». Впрочем, что там возьмешь с небольшой районной газеты, если дифирамбы по поводу строительства Камгэс пели и областные, и центральные газеты. Та же «Звезда», сообщив, что «строителей в их повседневном труде вдохновляли исторические решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, наметившего грандиозную программу энергетического строительства в нашей стране», впала затем в лирическое настроение и нарисовала прямо-таки идиллическую картинку о том, как «смирное в самом начале рождения море уже гонит свои первые волны на берег, играя на весеннем ветру белыми гребешками водяных валов». И, как видно, невдомек тогда было, что пройдутся эти «белые гребешки» по судьбам людей, по их памяти и унесут в небытие сотни прикамских сел, деревень и поселков. Пример тому – Добрянский район, который в силу своего географического положения пострадал от затопления особенно сильно.

### **Камгэсстрой предупреждает**

17 января 1956 года в 15 часов 30 минут мастер электроцеха Н.А. Копылов выключил последний выключатель заводской электростанции, а начальник парового хозяйства Н.П. Емельянов дал последний в Добрянке продолжительный заводской гудок. Этот гудок поставил своеобразную точку в истории местного металлургического завода. «Ликвидация завода была трагедией для рабочих, так как большинство населения города имело на нем постоянную работу и одно поколение металлургов сменялось другим в течение 200 лет», – с ностальгией вспоминают сейчас бывшие рабочие-металлурги. Ветеранам вторит и свердловский историк В.М. Слукин, который в своей книге «Тайны уральских подземелий» пишет: «Завод затопили – так оказалось дешевле... Вопрос однозначно решила экономика. И никто не положил на чаши весов архитектурную значимость сооружений, историю, память поколений..., то есть понятия на редкость важные, но не находящие выражения в рублях и тоннах».

Справедливости ради следует сказать, что судьба завода решилась не сразу. По крайней мере, вплоть до начала 1954 года руководство предприятия, видимо, еще на что-то надеялось и, ссылаясь на разрешение Совета Министров СССР работать до весны 1955 г., не предпринимало никаких шагов по демонтажу основного оборудования. Однако начавшееся в 1954 году заполнение водохранилища все же заставило заводчан приступить к перебазированию на новые места тех объектов, что «находились ниже отметки 100». Это было начало конца завода. В том же году был разработан подробный план его демонтажа, на основании которого летом 1955 года прекратили свою работу огнеупорный цех и лесобиржа, в сентябре-декабре остановились копровый, мартеновский и прокатный цехи. По данным начальника

ОКСа завода Кошкина, «на 20 ноября 1955 г. из 534 объектов, находящихся в зоне затопления водохранилища Камгэса», было «разобрано 466 объектов». Все оставшиеся объекты: фасонно-литейный, механический и ремонтно-строительный цехи, гараж, складское и энергетическое оборудование были демонтированы к апрелю 1956 г.

В последующие годы судьба разбросала многих высококлассных добрянских мастеровых-металлургов по всему Союзу. Подобная же участь постигла в середине 50-х годов Чермозский и Майкорский заводы. Традиционная для Прикамья металлургическая отрасль была практически ликвидирована. Вот уж поистине, «нет таких препятствий, которые не смогли бы взять большевики».

Помимо металлургического завода в зону затопления в Добрянке попали также промышленные и бытовые здания райпромпкомбината, хлебозавода и леспромхоза. Перенос каждого из этих объектов потребовал массу сил, времени и средств. По данным объяснительной записки старшего инженера отдела отчуждения Камгэса В. Гаврилова, на 1 января 1954 года не все добрянские предприятия торопились выполнить установленный «райисполкомом график переселения». Это, к примеру, касалось Добрянского ЛПХ, который не торопился переезжать, ссылаясь на то, что еще «не достроена новая автобаза». Тогда же в «черный список» попал и Добрянский узел связи, начальник которого, по сведениям Гаврилова, бездействовал, «оправдывая себя тем, что объекты находятся выше 100 отметки». Помимо этого, в Добрянке никак не могли переселиться на новые места райпотребсоюз – «некуда перебазироваться» и контора «Заготзерно», у которой не было «подготовленных складов».

Да и в целом по району перенос промышленных объектов шел, что называется, «со скрипом». Особое недовольство представителя Камгэса В. Гаврилова вызвала позиция Косьвинского ЛПХ, который передал все свои объекты «на баланс другим лесозаготовительным организациям» и посчитал «свою миссию оконченной». За такие проделки директор леспромхоза был «предупрежден, что Камгэсстрой не снимает с его ответственность за переселение». Одно время из-за неподготовленности новых промышленных баз «тянули резину» руководители Усть-Гаревского кирпичного и Полазненского алебастрового заводов, а также нефтяники района. У последних, в силу специфики их производства, проблем было особенно много. Всего по району затопление коснулось собственности 33 предприятий, организаций и учреждений с общей численностью строений в них 662.

Но как бы ни было, к весне 1956 года перенос промышленных объектов района в основном завершился. Намного хуже обстояли дела с очисткой ложа водохранилища от леса.

### **Как уничтожали «зеленое золото»**

В 50-х годах Добрянский район обладал значительными запасами леса, но в связи со строительством Камгэса обширные лесные площади попали в

зону затопления. Очистка ложа водохранилища началась с 1952 года, и на 1 декабря только на территории Добрянского лесхоза лес был вырублен с площади 954 га, с объемом древесины в 125,7 тыс. кубометров.

Согласно решению Молотовского облисполкома от 14 января 1952 года, огромный объем работ обязаны были выполнить колхозы района. Только в зону затопления 1 очереди попадало 2149 га колхозного леса с объемом древесины в сотни тысяч кубометров. Причем колхозникам надлежало вырубить его своими силами и всего лишь за 2 года. По мнению заведующего райсельхозотделом Печенина, найти столько людей (200 человек) и выполнить весь объем работ колхозы района, безусловно, не могли. Поэтому к этой работе «в порядке трудгужповинности» стали привлекаться люди с целого ряда промышленных предприятий, в том числе с Добрянского кирпичного завода и Молотовской мебельной фабрики.

Тогда же вырубкой леса в Добрянском районе занялись специально созданные леспромхозы: Усть-Косьвинский, Обвинский и Висимский, которые входили в трест «Молотовспецлесзаг». В ряде мест использовался и труд заключенных. Конечно же, производительность труда в таких ЛПХ была далеко не самой высокой и, по данным на весну 1955 года, весь предназначенный им для рубки лес они так и не вырубili. По воспоминаниям очевидцев, «много тогда лесу осталось между Висимом и Чермозом. Срубить не успели. Он вмерз в лед и весной его льдом и волнами весь поломало, искорежило. По Каме тогда даже пароходам ходить нельзя было, столько леса плавало. Часть его зимой связали в пучки, а вывезти не смогли, поэтому местами из такого леса создавались целые острова, например в устье Косьвы». Кстати, многим современникам тех событий уже тогда было непонятно, почему вырубкой леса занялись только непосредственно перед затоплением, а не раньше. Существует даже мнение, что это было «вредительство».

Пытаясь наверстать упущенное, «народу в зону затопления нагнали тыщи». Среди них были и рабочие из разных городов, и колхозники, и бывшие зеки, и «фэззушники». В общем, кого только не было. Понятно, что публика, собравшаяся на лесоповале, не отличалась ангельским поведением.

Порою в таких поселках случались серьезные эксцессы, и дело доходило до самой настоящей уголовщины. Свидетельство тому – события, случившиеся в Висиме в марте 1954 года. Как следует из телеграммы, посланной руководителями Висимского лесопункта в Добрянку и в Пермь, «ночью 22.03.54 г. ...группа злоумышленников совершила хулиганские, бандитские выступления: налеты в магазин, попытки изнасилования, кражу в женском общежитии, угрозы руководству л/пункта». Подобными бандитскими действиями «были вызваны массовые невыходы 23.03.54 г., на работу в зону затопления женщин, терроризированных хулиганами, милиции нет. Неоднократные сообщения в РОМВД по наведению порядка остались безрезультатными, преступники безнаказаны. Просим немедленного вмешательства.

В противном случае будут сорваны работы очистки зоны затопления». А работы и в самом деле были под угрозой срыва, поэтому, чувствуя, что своими силами району с задачей очистки ложа водохранилища не справиться, его руководство решило обратиться за помощью к начальникам Саратовского, Сталинградского и Астраханского облсельхозуправлений. В письме от 4 марта 1953 года за подписью заместителя председателя Добрянского райисполкома Карсакова сообщалось, что «на землях колхозов Добрянского района нужно в текущем году вырубить 150 000 куб. м., древесины, попадающей под зону затопления Камской ГЭС. Колхозы, владельцы лесов в древесине не нуждаются и не имеют в резерве рабочих, чтобы вырубить эти леса и пустить в продажу. Если Ваша область нуждается в древесине, то вышлите представителя для осмотра лесов и можете немедленно начать рубку. Леса расположены на берегу р. Камы с расстоянием до 500 метров....».

В том же году на головы добрянских руководителей свалилась еще одна напасть. Оказалось, что «в районе города Добрянки на землях Госземфонда в зоне затопления на площади 75 га, находятся отдельные вековые сосны в количестве до 3-х сот штук». Уничтожить такие мощные деревья «силами и средствами района» не представлялось возможным. Толщина многих сосен достигала двух метров. Расписавшись в бессилии в битве с природой, в письме от 3 октября добрянцы просили Молотовский облисполком «командировать в район группу подрывников» для уничтожения указанных деревьев «путем взрыва».

Весна 1954 года и начавшееся заполнение водохранилища вызвали еще целый ряд неожиданностей. Одна из них – уже известное нам огромное количество поплавшей по реке аварийной древесины, часть которой была в плотках и в пучках. Найти авторов разгильдяйства, как правило, не удавалось, но недаром говорится: «нет худа без добра». Порой такой бесхозный лес оказывался для города весьма кстати. Например, в марте-апреле 1954 года с разрешения председателя Добрянского райисполкома Филимонова председатель горисполкома И.Д. Бажин организовал бригаду рабочих для добычи вмерзшего в лед выше переправы «дровяного леса», который затем был использован городскими властями «по своему усмотрению».

Правда, добрянских руководителей в период затопления, пожалуй, больше ругали, чем хвалили. Вот и в январе 1954 года районному начальству крепко досталось от председателя Молотовского облисполкома за то, что они «недопоставили тресту «Молотовсельхозспецлесзаг» 39 конных рабочих», вследствие чего «трест подготовил менее 10 процентов площадей подлежащих затоплению водохранилищем весной 1954 года». Своим распоряжением облисполком не только обязал добрянцев принять самые «решительные меры к немедленному направлению рабочих этому тресту», но и предупредил районное руководство, что «в связи с серьезной угрозой срыва

неотложных лесоочистных работ» им придется лично отчитаться по этому вопросу на заседании облисполкома 27 января.

Да уж, не слишком-то уютными выглядели тогда кресла руководителей района. Впрочем, массу серьезнейших проблем приходилось решать в те годы и руководителям более мелкого ранга, например, председателям колхозов.

## Колхозные страдания

В начале 50-х гг. в нашем районе насчитывалось более 20 колхозов. В зону затопления Камгэса попали земли одиннадцати из них. Часто это были самые лучшие, плодородные пойменные земли. На дне водохранилища оказались и обширные пашни, и пастбища, и заливные сенокосные луга с прекрасной травой. Вне всякого сомнения, в те годы кормовой базе животноводства нашего района был нанесен непоправимый урон.

Понятно, что взамен ушедших под воду сельскохозяйственных площадей колхозам нужно было получить новые земли. К примеру, только один из козьвинских колхозов «Красное знамя» потерял в тот период 50% своих площадей. Поэтому уже в 1950 году председатели прикамских хозяйств, один за другим, стали обращаться в Добрянский райисполком с просьбами о выделении их колхозам новых земельных угодий. Только в августе 1950 года, согласно решению райисполкома № 372, в качестве компенсации из земель гослесфонда им было выделено 4257 га новых площадей. О потерях хозяйств говорят такие факты. Колхозу «Красная нива» требовалось выделить 750 га, висимскому колхозу «Красный Урал» – 766 га, колхозу «Передовик» из Сенькинского сельсовета – 596 га, «Заре свободы» из Кряжевского сельского Совета – 400 га и т.д. Компенсационные земли выделялись из площадей Усть-Косьвинского, Никулинского, Нижне-Луховского, Добрянского и Полазненского лесничеств. При этом лесистость административного района равнялась 75%.

В общей сложности во время образования Камского водохранилища колхозы Добрянского района потеряли 11370 га земли, в том числе 1170 га пахотных площадей, 1724 га выгонов и пастбищ, более 6 тыс. га сенокосных угодий и т.д. Только в 1952 г. им требовалось перевезти на новое место 376 построек. Земли, выделяемые в качестве компенсации, были значительно хуже затопляемых. Сенокосы и пастбища для колхозного и личного скота выделялись на лесных вырубках, которые не шли ни в какое сравнение с прежними заливными лугами. Не это ли причина того, что за 1 полугодие 1953 года в Добрянском районе на одну фуражную корову при плане 1300 литров молока было надоено всего лишь... 226(!) литров. Козы давали молока больше, чем эти бедные колхозные коровенки.

Одновременно с процессом переноса колхозов началось их укрупнение. Так, 20 января 1951 года состоялось общее собрание тружеников кряжев-



ского колхоза «Заря свободы». Главным вопросом собрания был вопрос объединения этого хозяйства с колхозом «Память Ленина». Выступивший в прениях председатель «Зари свободы» Рыжков сказал, что «партия и правительство уделяют огромное внимание сельскому хозяйству», и предложил укрупнить свой колхоз с колхозом «Память Ленина». Затем слово взял П.И. Баландин, по мнению которого объединиться нужно обязательно, так как «укрупнение колхозов это правильный путь к зажиточной жизни колхозников». То же самое мнение высказал и следующий выступающий Г.И. Дроздов, сказавший, что «партия и правительство, и лично товарищ Сталин заботятся о советском крестьянстве» и объединение хозяйств позволит лучше обрабатывать поля. Это решение было утверждено Добрянским райисполкомом 21 февраля 1951 года. Еще через три дня райисполком утвердил аналогичное решение об объединении колхозов из Усть-Гаревского сельского Совета «Красный пахарь» и «Согласие» с сенькинским колхозом «Передовик». Слияние хозяйств мотивировалось тем, что на полях можно будет работать «более сложными машинами», такое хозяйство будет «мощным колхозом» и «улучшится дисциплина колхозников».

## **Переселение людей, сел, деревень**

«...Если не будут приняты никакие меры я буду писать в Москву... Наше правительство не бросит престарелых и окажет помощь, а то в горсовете только слышишь, подписывай документы и переноси дом, а я что могу сделать в своих годах, если у меня никого нет», – писала в марте 1952 года начальнику Камгэсстроя Наймушину одна из жительниц Добрянки. Ее письмо – лишь один из примеров, показывающих весь трагизм тех событий. Действительно, как могла перенести свой 2-этажный обшитый и оштукатуренный дом престарелая женщина? А сколько их было, таких случаев, если из зоны затопления необходимо было собственными силами перевезти не десятки и даже не сотни, а тысячи домов и дворов. К тому же со времени окончания Отечественной войны прошло всего лишь несколько лет, в стране было огромное количество вдов, сирот и инвалидов и на их долю выпала еще одна напасть, на этот раз в виде затопления и переселения, которые преподносились партийными и советскими органами как большое благо для народа. С этой целью во всех сельских Советах района состоялись общие собрания граждан, прошли лекции и беседы, на которых выступавшие говорили о необходимости строительства Камской ГЭС и разъясняли собравшимся политику партии в вопросах электрификации.

Для определения стоимости переносимых домов, хозяйственных построек и для выплаты компенсации были созданы специальные оценочные комиссии. Они руководствовались ценниками, составленными Управлением отчуждения Камгэсстроя и утвержденными затем в Минэнерго СССР. Как всегда, при проведении работы, затрагивающей личные интересы многих

людей, не обошлось без ошибок и недоразумений. Например, во время проведения инвентаризации только в одной деревне Черный Исток было пропущено около 15 домовладений, а в деревне Усть-Туи не подготовили оценочные акты на 6 домовладений. Все это вызывало многочисленные письма в разные инстанции, жалобы, конфликты и т.д.

После составления оценочных актов всем переселенцам из фонда Камгэстроу выплачивалось 50% от общей суммы компенсации. По данным на 1 октября 1952 года, таким образом в Добрянском районе было профинансировано 1158 домохозяев на сумму 408 тыс. 768 рублей, т.е. в среднем по 353 рубля на дом. В дальнейшем эта сумма увеличилась.

Тем семьям рабочих и служащих, которые не имели собственных домов, а жили на квартирах и не получали жилища на новом месте, выплачивалась компенсация в размере 1000 рублей на семью. Правда, это касалось только тех, кто прожил на квартире в доме, попавшем в зону затопления, не менее 6 месяцев.

В ходе переезда в ряде деревень отмечались случаи, когда в оценочные акты колхозники включали свои бывшие постройки, отобранные у них в годы коллективизации. Все эти факты выявлялись, а виновные наказывались. Тогда же в ряде мест были зафиксированы такие случаи, когда домовладельцы, получив 50% компенсации, уезжали из района, не перевозя свой дом. В основном это были владельцы непереносимых строений, коими признавались сооружения, имевшие свыше 60% износа. Первоначально они передавались Камгэстроу по страховой оценке, но затем, согласно распоряжению правительства и указаниям Молотовского областного Совета депутатов трудящихся, такие строения стали возвращаться их владельцам, которые были обязаны «вывести их из зоны затопления своими силами». Лишь после этого хозяева бывших усадеб могли рассчитывать на окончательную выплату компенсации. Причем вторая половина денег выдавалась лишь после составления акта о том, что место усадьбы к затоплению готово, и такой акт подписывался санитарным врачом.

Масштабы переселения были огромными. Оно коснулось жителей более 50 населенных пунктов. Только в 1951-52 годах в районе требовалось перенести 1027 дворов с числом жителей в них более трех тысяч человек, в том числе в Добрянке 293 двора, в Никулинском сельском Совете – 172, в Полазне и ее округе – 162, в Усть-Гаревском и Сенькинском сельсоветах – по 124, в Висимском сельском Совете – 57 дворов и т.д. Всего же к 1956 году переселению было подвергнуто 1660(!) домовладений, да и не только их. К примеру, в 1951 году на новые места необходимо было перевезти 3 школы, 2 дома для учителей, 1 амбулаторию и т.д., но ни одно из этих строений перебазировано не было. По признанию добрянских руководителей, «невыполнение зависело: а) от несвоевременного оформления технической документации, б) от отсутствия горючего у автомашин, в) от несвоевременной выплаты средств» и от прочих причин.



В 1952 году масштабы переселения должны были резко возрасти. В плане на год был обозначен перенос уже 5 начальных и 1 семилетней школ, 2 амбулаторий, 3 жилых домов коммунального ведомства и т.д. Так в 50-х годах с лица земли исчезли целые деревни. Причем в том случае, если частные дома убирать было некому, они попросту сжигались.

В те же годы взамен канувших в Лету многочисленных прикамских деревень и сел на карте нашего района стали появляться новые или укрупняться старые населенные пункты. Так, в 1951 году новым центром колхоза «Новая жизнь» вместо затопленной деревни Дивья стала деревня Б.-Липова (ныне с. Липово), «столицей» укрупненного колхоза им. Сталина сделалось с. Сенькино, а вместо прекративших свое существование кряжевских деревень появился сельсовет в д. Ключи.

Все решения о новых центрах утверждались на общих собраниях колхозников, а переселенцы получали по 15 соток земли на каждый двор. Укрупненные населенные пункты проектировались областным управлением сельского и колхозного строительства. Исключение составили лишь Добрянка и Полазна. В последней план застройки был разработан Ленинградским филиалом государственного института по проектированию спецсооружений нефтяной промышленности и утвержден затем решением облисполкома от 5 сентября 1951 года.

Интересно, что уже в ходе затопления жители и руководство Добрянского района столкнулись с проблемой размыва речных берегов. Согласно решению райисполкома от 26 июля 1954 года, в связи с подмывом берегов в список для переселения было дополнительно включено 129 домов. Этот процесс продолжается и по сей день.

## **Из разряда неожиданностей**

В ходе затопления жители Прикамья столкнулись еще с целым рядом проблем, некоторые из них оказались весьма неожиданными.

Так, в начале 50-х годов выяснилось, что в зону водохранилища Камской ГЭС попадает целый ряд скотомогильников. Один из них был на р. Косьве в районе д. Веселково, а остальные располагались по Каме у деревень Усть-Туи, Ромахино, Конец-Гор и Остров. Что с ними делать, никто сначала не знал, но все понимали, что размыв скотомогильников мог привести к заражению скота и людей различными опасными болезнями. В конечном итоге было принято решение произвести их перезахоронение, на что потребовалось найти еще не одну тысячу рублей.

Но одно дело, когда речь идет о могильниках для скота, и совсем другое, когда в непосредственной близости от береговой кромки оказывались деревенские кладбища. Одно из них находилось у с. Висим. Первоначально даже рассматривался вопрос о «перезахоронении трупов», но затем летом 1954 года в результате технического обследования было установлено, «что

кладбище расположено в 75 метрах от бровки высокого берега. Склон берега залесен, задернован и ниже основного склона имеются 3 контрофорсные площадки», поэтому был сделан вывод об «отмене решения о перезахоронении» и о том, что «никаких защитных мероприятий» назначать не нужно. С той поры прошло около 40 лет. Ни леса на берегу, ни одной из трех контрофорсных площадок уже не осталось и в помине. Водохранилище по-прежнему активно наступает на сушу, и до кладбища остались считанные десятки метров.

В результате образования водохранилища большие потери понесла историческая наука. Для нее безвозвратно были потеряны десятки археологических памятников. Какая-то часть из них так и ушла под воду совсем неисследованной, другую часть археологи успели раскопать лишь в самый последний момент. Как раз в те годы учеными были исследованы Усть-Туйское костыще, Бурковский и Больше-Висимские могильники и другие памятники, относящиеся к IV-VI векам н.э. На некоторых памятниках были найдены такие редкие вещи, как фигурки пермского звериного стиля, украшения, иранские монеты и т.д.

В те годы в зоне затопления работали не только ученые-археологи, но и медики, специалисты из Молотовской противомалырийной станции. Они проводили исследования на предмет выявления в районах водохранилища мест, где было возможно развитие малярийного комара. По их мнению, такими местами могли стать обширные и мелководные заливы на речках Добрянка, Полазна, Полуденная и др. Там требовалось проведение специальных противомалырийных мероприятий. Основания для этого были. В 1949 году в Добрянском районе было зафиксировано 24 случая заболевания малярией, а в 1950 году их число сократилось до 5 случаев. Как предполагали врачи, в целом с образованием водохранилища эпидемиологическая обстановка по малярии в районе должна была улучшиться. Судя по всему, медики оказались правы. По данным, полученным из Добрянского центра санэпиднадзора, ныне в нашем районе случаи заболевания малярией практически не встречаются.

## Итоги потопа

Прежде чем подвести итоги «Великого потопа» на Каме, следует отметить, что с образованием водохранилища изменились административные границы нашего района. Так, от Чермозского района к нему отошли обширные лесные площади по р. Лух, а от Верхнегородковского района в подчинение Добрянке перешел Краснослудский сельский Совет. В то же время из Добрянского района в Ильинский был передан колхоз «Красная Звезда».

Тогда же на переправе Добрянка – Лябово появился самоходный паром, в райцентре были построены новая пристань и речной вокзал, появился мост по ул. Советской через Сладкий лог, была построена новая дорога через д.

Завожик на Липово и т.д. Однако было сделано далеко не все, что планировалось. Не были сооружены дамбы и мосты на р. Большой Туй и Полуденная, не появилось на карте района гравийной дороги Никулино – Н. Красное и т.д.

Так что же, по большому счету, приобрел наш район от строительства Камской ГЭС? Надежное электроснабжение? Пожалуй. Несомненно, с образованием на Каме водохранилища улучшились условия для судоходства. Но здесь можно вспомнить, что до этого пароходы из Добрянки доходили не до Левшино, а до Перми I, что для пассажиров было намного удобней. Да и в целом, на мой взгляд, потери от Камгэса значительно превышают выгоды. В те годы только колхозных земель Добрянский район потерял более 11 тыс. га, были вырублены или просто уничтожены сотни тысяч кубометров леса, с исчезновением лугов животноводство лишилось кормовой базы, в районе не осталось ни одного пойменного озера, резко уменьшилось количество водоплавающей дичи и изменился видовой состав рыбы. В Каме не стало ни стерляди, ни белуги, т.е. той рыбы, которая приходила сюда из Каспия. Только в 50-х годах переселению было подвергнуто более 1600 домовладений рабочих, колхозников и служащих. А сколько их было переселено впоследствии, в результате подмыва берегов? Под угрозой смыва находятся ныне села Усть-Гаревая и Висим, поселки Ольховка и Бор-Ленва, и т. д.

Компенсируются ли эти материальные да и моральные потери появлением на Каме ГЭС? Навряд ли. Кстати, ее мощность всего 504 тыс. кВт, что значительно меньше мощности одного блока Пермской ГРЭС. Стоит заметить также, что о сооружении Камгэса в местной прессе долгое время вообще не сообщалось. Вырубался лес, переселялись люди и переносились объекты, а районная печать молчала, как будто ничего и не происходило. Первая публикация (и то сообщение ТАСС) в газете «Сталинский путь» появилась лишь в декабре 1952 года. Факт, вне всякого сомнения, примечательный. А если вспомнить, что до последнего времени и архивы-то были закрыты, то картина получается и вовсе неприглядная. Своего народа боялись?

Кстати, в процессе эксплуатации Камской ГЭС выявился целый ряд неудобств. В частности, совмещение плотины и станции привело к чрезмерной тесноте, что затрудняет ремонтные работы, а гипсоносный слой под телом плотины требует периодического укрепления, что вызывает новые расходы.

Можно только порадоваться, что не все «планы партии и правительства» были выполнены. В противном случае на Верхней Каме появились бы еще две гидроэлектростанции: Соликамская и Коми-Пермяцкая. Мощность первой из них по проекту равнялась 655 тыс. кВт. Она рассматривалась как одна из ступеней Камско-Печорского каскада в рамках проекта переброски части стока северных рек на юг. Если бы этот проект был осуществлен, то водоносность Камы увеличилась бы на 36-37 кубических км, т.е. на 30%. Помимо каскада ГЭС на Каме в 50-70-х гг. предполагалось разместить две

Хотелось бы верить, что подобные эксперименты над живой природой да и над людьми больше никогда не повторятся.

«Добрянский вестник». 1993. №№ 4, 6, 8, 12  
Калинин М. Дыхание времени. Добрянка. 1996

## М.А. Калинин. Книги, буклеты, статьи.

### Авторские книги:

Калинин М.А. Очерки по истории Добрянки и края с древнейших времен до конца XIX в. – Добрянка, 1990.

Калинин М.А. География Добрянского района. Учебное пособие. – Добрянка, 1996.

Калинин М.А. Дыхание времени. – Добрянка, 1996.

Калинин М.А. «И в нашу тьму прольется свет...». Страницы истории народного образования в Добрянском крае в XIX – первой половине XX веков. – Добрянка, 1999.

Калинин М.А. Провинциальные истории. Общественная и культурная жизнь дореволюционной Добрянки и края. – Добрянка, 1999.

Калинин М.А. Энергия тысяч сердец. Краткий исторический очерк о Пермской ГРЭС. – Челябинск, 1999.

Калинин М.А. Добрянка. Серия «Пермский край». – Пермь, 2000.

Калинин М.А. Грани. Штрихи к портрету XX века. Добрянка, 2001; Издание 2-е, дополненное. – Добрянка, 2011.

Калинин М.А. У истоков электрической реки. О строителях и строительстве Пермской ГРЭС. – Пермь, 2002.

Калинин М.А. От лекарей до докторов. Очерки по истории медицины Добрянского края. – Березники, 2003.

Калинин М.А. Черное золото Камы. «Кама-нефть»: события, люди, комментарии. – Пермь, 2003.

Калинин М.А. Эхо минувших веков. Документы по истории Добрянского края. 1579-1917 гг. – Березники, 2003.

Калинин М.А. Надежное плечо профессионалов. Добрянский межрайонный отдел вневедомственной охраны. Люди. События. Факты. – Березники, 2003.

Калинин М.А. Черный ворон. История политических репрессий в Добрянском районе в 20-50-х годах XX века. – Березники, 2004.

Калинин М.А. Добрянский край. Четыре века нашей истории. – Пермь, 2005.

Калинин М.А. От первого листа до золотого юбилея. Пермский фанерный комбинат. События. Люди. Факты. – Пермь, 2006.

Калинин М.А. Века проходят – традиции остаются. Нытвенскому ордена Отечественной войны 1-й степени металлургическому заводу – 250 лет. – М., 2006.

Калинин М.А. На колесах – километры и годы. Прошлое и настоящее ООО «АТК-2 Добрянка». – Пермь, 2007.

Калинин М.А. Два века на переднем крае. Добрянская милиция: история и современность. – Пермь, 2007.

Калинин М.А. За горизонтами лет и столетий. Иллюстрированная летопись Добрянского района с 1579 по 2007 год. – Березники, 2008.

Калинин М.А. Путешествие по Добрянкам. – Добрянка, 2008; Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Добрянка, 2010.

Калинин М.А. «Водителям, что сквозь тайгу прошли...». Транспортникам-нефтяникам Кунгурского УТТ – посвящается. – Березники, 2008.

Калинин М.А. В сердце Пермского края. – Березники, 2008.

Калинин М.А. Добрянский район и его руководители. Биографические справки, историческая хроника, документы, воспоминания. – Березники, 2009.

Калинин М.А. Годы потерь и побед. Добрянский район накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Добрянка, 2010.

### **Книги в подготовленные в соавторстве:**

Калинин М.А., Пикулева З.И., Беклемышева М.Н. Добрянке – 370. Страницы истории. – Добрянка, 1993.

Калинин М.А. Калинина И.А. Малая родина. История Добрянского края. Учебное пособие для основной школы. – Березники, 2003.

Майоров В., Калинин М. Пермская ГРЭС: команда молодости нашей. – Пермь, 2006.

Регионы Лукойла. Пермь Великая. – Пермь, 2006.

Калинин М.А., Мартыанов В.Р., Мальцева Т.В., Толпышев Р.В. Профессионализм, проверенный временем. 55 лет вневедомственной охране при ГУВД Пермского края. – Пермь, 2007.

Майоров В.А., Калинин М.А. Добрянка – город моряков. – Добрянка, 2007.

Калинин М.А., Сажина И.Н., Тюрикова Л.Е. Черный ворон. Книга вторая. История политических репрессий 20-50-х годов XX века в судьбах жителей Добрянского района. – Березники, 2007.

### **Введения и отдельные материалы для книг, редактирование сборников, статьи в энциклопедиях, справочниках:**

История и культура Добрянского края в XIX-XX века. Сб. статей. Редактор М.А. Калинин. – Добрянка, 1994.

Материалы по Пермской области к Уральской исторической энциклопедии. – Пермь, 1994, вып. 1.

Из истории Добрянки. В кн.: Телефонный справочник. – Добрянка, 1996.

Калинин М.А. За честь и достоинство родной земли. – В кн.: Книга памяти: город Добрянка. – Пермь, 2000.

Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 2000.

Калинин М.А. Введение. В кн.: Слово ласковое Добрянка. – Пермь, 2001.

Калинин М.А. Краткая историческая справка. В кн.: Добрянка-2001. Телефонно-информационный справочник. Пермь, 2001.

Исторические сведения о Добрянке. В кн.: Майоров В.А. Живут в Добрянке добряки. – Добрянка, 2002.

Пермское книжное издательство: Люди. Свершения. Замыслы. – Пермь, 2005.

Краеведы и краеведческие организации Перми и Пермского края. Библиографический справочник. – Пермь, 2006, т. 2.

Калинин М.А. Таджикский ученый с... добрянского рынка; Калинин М.А. Хайдаров Ш. Иранские следы в Добрянке; Хайдаров Ш. Калинин М.А. У нас родился Заратустра? – В сб.: Хайдаров Ш. Антропонимика. Топонимика. Этносоциоллингвистика. – Пермь, 2011.

### **Буклеты, брошюры, дневник, наборы открыток:**

Пикулева З.И., Калинин М.А. Улица Советская-Билимбаевская. Буклет. – Добрянка, 1991.

Калинин М.А. Профессиональный ансамбль песни и танца народов Урала «Прикамье». – Пермь, 2000.

Калинин М.А. Добрянка – год основания 1623. Буклет. – Березники, 2001.

Калинин М.А. Строительное управление «Пермэнергожилстрой». 10 лет. – Пермь, 2001.

Майоров В.А., Калинин М.А. Мой город – Добрянка. Набор открыток. – Пермь, 2003.

Калинин М.А. Дневник добрянского школьника. – Березники, 2003.

Майоров В.А., Калинин М.А. Добрянка. Набор открыток. – Пермь, 2005.

Калинин М.А. «Прикамье». Ансамбль песни и танца народов Урала. – Пермь, 2008; Изд. 2. – Пермь, 2010.

### **Публикации в научных сборниках:**

Калинин М.А. Научная и общественная деятельность П.И. Сюзева. – В сб.: Тезисы докладов студенческой научной конференции «Духовная культура Урала». – Свердловск, 1987.

Калинин М.А. Краеведческая деятельность П.И. Сюзева (из истории краеведения Урала). – В сб.: Областная отчетная студенческая научная конференция. – Пермь, 1988.

Калинин М.А., Шилов В.А. Научная и культурно-просветительная деятельность П.И. Сюзева (к истории уральской интеллигенции). – В сб.: общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. – Пермь, 1990.

Калинин М.А. Из истории Висимского завода. – В сб.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемные вопросы истории, культуры, образования, экономики Северного Прикамья». – Березники, 1994.

Калинин М.А. Опубликованные источники по истории Добрянского края (дореволюционный период). – В сб.: История и культура Добрянского края в XIX- XX веках. – Добрянка, 1994.

Калинин М.А., Никифоров Д.С. Создание Камского водохранилища: история, социально-экономические и экологические последствия (на примере Добрянского района). – В сб.: История и культура Добрянского края в XIX- XX веках. – Добрянка, 1994.

Калинин М.А. Штрихи к портрету краеведа В.М. Батанова. – В сб.: Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений. Пермь. 1995.

Калинин М.А. Общественная жизнь Добрянки (вторая половина XIX – начало XX века). – В сб.: Межвузовский сборник научных трудов «Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала». – Пермь, 1995.

Калинин М.А., Луценко А. Старинные и современные прозвища на примере города Добрянки. – В сб.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья». – Березники, 1995.

Калинин М.А. Школы спецсети. Год 1932. (Из истории развития учреждений образования Добрянского района). – В сб.: Материалы региональной научно-практической конференции «Прикамье, век XX: малоизвестные страницы истории края». – Пермь, 1997.

Калинин М.А. Из истории развития средств связи в Прикамье (80-90-е годы XIX века). – В сб.: Тезисы докладов научно-практической конференции «Взгляд на историю Прикамья на пороге XXI века». – Пермь, 1997.

Калинин М.А. Из истории строительства Соликамского тракта. – В сб.: Материалы Международной научно-практической конференции «Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии». – Березники, 1997.

Калинин М.А. Театральная и концертная жизнь Добрянки и края в конце XIX – начале XX веков. – В сб.: Пермский край: прошлое и настоящее. Материалы международной научно-практической конференции. – Пермь, 1997.

Калинин М.А. Умение сострадать (из истории благотворительности в Добрянском крае) – В сб.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историко-культурное наследие: новые открытия, сохранение, преемственность». – Березники, 1999.

Калинин М.А. Библиотеки Добрянского края в дореволюционный период. – В сб.: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 2. – Пермь, 1999.



Калинин М.А. «По примеру тому, что в Москве...». История Свято-Троицкой церкви в Полазне. – В сб.: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 2. – Пермь, 1999.

Калинин М.А. Сырьевая база медеплавильного производства Добрянского завода (по данным разведок 30-х годов XIX века). – В сб.: Строгановские чтения. Усолье. 16 мая 2002. – Соликамск, 2002.

Калинин М.А. «Пусть заговорит история». Первые публикации по истории Добрянского края на страницах районной газеты «Камские зори» (1965-1970 гг.) – В сб.: Журналистика и краеведение. – Пермь, 2004.

Калинин М.А. Старая Добрянка: здание и судьбы. – В сб.: Грибушинские чтения-2004. Кунгур, 2004.

Калинин М.А. Посещение графом А.С. Строгановым Добрянского завода и округа в 1858 году. – В сб. Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения». – Усолье, 2004.

Калинин М.А. Добрянский металлургический завод в 1914-1918 гг. – В сб.: Исследования по истории Урала. – Пермь, 2005.

Калинин М.А. Опубликованные источники по истории Полазненского завода Абамалек-Лазаревых. – В сб.: Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. 23-27 ноября 2003 г. – М., 2006.

Калинин М.А. Добрянский завод. В начале пути. – В сб.: Строгановское историческое собрание. Материалы 2-й конференции историков и краеведов Пермского края (27 апреля 2007 г.). – Пермь, 2007.

Калинин М.А. Современное состояние памятников истории и архитектуры XIX – начала XX вв. в городе Добрянка. – В сб.: Русский мир. Дом в культурных традициях Пермского Прикамья. Материалы научно-практической конференции «Строгановские чтения». 15-18 сентября 2006 г. – Пермь, 2007.

Калинин М.А. Увековечивание «чудесного спасения» императора Александра III в поселке Добрянского металлургического завода. – В сб. Русский мир. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции «Русская культура и русская история как фактор духовного единения народов России (14 сентября 2007 г., г. Чердынь). – Пермь, 2007.

Калинин М.А. Сохранение исторической памяти о гражданской войне на примере публикаций в газетах Добрянского района. – В сб.: Гражданская война на востоке России. Материалы Всероссийской научной конференции. – Пермь, 2008.

Калинин М.А. Церковные древности старой Добрянки. – В сб.: Грибушинские чтения – 2009. Музей в пространстве времени. Тезисы докладов и сообщений VII межрегиональной научно-практической конференции (г. Кунгур, 23-25 апреля 2009 года). – Кунгур, 2009.

Калинин М.А. Краеведческие издания о Добрянском районе Пермского края за период с 1990 по 2008 г. – В сб.: Смышляевские чтения: материаль-

лы одиннадцатой научно-практической конференции 1 мая 2009 г. – Пермь, 2009.

Калинин М.А. «Объяснился с господином Нобелем...». – В сб. Строгановское историческое собрание. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию г. Очера и Очерского машиностроительного завода (10-11 июля 2009 г.). Вып. 4. – Пермь, 2009.

Калинин М.А. К вопросу о развитии транспорта в Пермском имении графа С.А. Строганова в начале XX века. – В сб.: Строгановское историческое собрание. Материалы заочной конференции историков и краеведов Пермского края. Вып. 5. – Пермь, 2010.

Калинин М.А. Из истории храмов Добрянского завода Пермского нераздельного имения Строгановых (XVIII-начало XX вв.). – В сб.: Традиции и современность. Научно-практическая конференция с международным участием к 185-летию со дня основания МГХПА им. С.Г. Строганова. Тезисы докладов. – М., 2010.

Калинин М.А. Организация охраны лесов в Добрянском округе Пермского нераздельного имения Строгановых во II половине XIX века. – В сб.: Грибушинские чтения – 2011. На стыке традиций, эпох, континентов. Тезисы докладов VIII Всероссийской научно-практической конференции. – Кунгур, 2011.

Калинин М.А. Роль газет в развитии краеведения в Добрянском районе. – В сб. Пермский край: Историко-культурное наследие прошлого. Смышляевские чтения. Материалы XII научно-практической конференции (май, 2011 г), посвященной 175-летию Пермской краевой библиотеки им А.М. Горького. – Пермь, 2011.

## **Газетные и журнальные публикации по истории, географии, антропониимике края:**

### **1984 год**

Висимский завод// КЗ. 1984. 5 апреля.

### **1985 год**

Изобретатель и краевед П.И. Сюзов// КЗ. 1985. 17 августа, 20 августа.  
На Бутырских валах// КЗ. 1985. 3 сентября.

### **1986 год**

Из культурной жизни Добрянки// КЗ. 1986. №№ 75 (26 июня), 76, 77.  
Затмение// КЗ. 1986. 5 июля.

### **1988 год**

«Все мои симпатии находятся на стороне народа»// КЗ. 1988. 13 февраля.

О телефоне, телеграфе и о проблемах прошлого и настоящего// КЗ. 1988. 5 июля.

Из истории села Висим// КЗ. 1988. 28 июля.

За работой – археологи// КЗ. 1988. 23 августа.

«Принести частицу пользы»// Пожарное дело. 1988. № 8.

### **1989 год**

Блестящий естественник, врач, педагог// КЗ. 1989. 14 января.

Каким быть музею// КЗ. 1989. 24 января.

Судьба человека// КЗ. 1989. 25 февраля.

Май в Добрянке (события 1879 и 1883 годов)// КЗ. 1989. 30 апреля.

«Краса завода»// КЗ. 1989. 18 мая.

Подземелья Добрянки// КЗ. 1989. 10 июня.

Взглянуть по-новому// КЗ. 1989. 11 июля.

Из истории добрянский землетрясений// КЗ. 1989. 27 июля.

«Это прежде всего вечный поиск»». Интервью с Ю.А. Поляковым// КЗ. 1989. 5 августа.

Из истории школы. Добрянское 2-классное приходское училище// КЗ. 1989. 7 октября.

### **1990 год**

Старая Добрянка и проблемы ее сохранения// КЗ. 1990. 20 января.

Добрянские церкви// КЗ. 1990. 7 апреля.

«Косьвяк», «Еруслан» и другие// КЗ. 1990. 30 апреля.

Историю в рублях не оценишь// КЗ. 1990. 26 мая.

Преступления и наказания. Правонарушения в Добрянке в 50-х годах XX века// КЗ. 1990. 19 июня.

Фамилия, как исторический источник// КЗ. 1990. 22 сентября.

Как жилось у графов?// КЗ. 1990. 3 ноября; Пермский край. Дайджест прессы Пермской области. 1990. № 1, декабрь.

Из истории здравоохранения в нашем крае (XIX-нач. XX в.). Заводская медицина// КЗ. 1990. 27 ноября; Земская медицина// КЗ. 1990. 29 ноября.

Часовня Павла Сюзева. Уральский следопыт. 1990, № 11.

Очерки древней истории края// Наша газета. 1990. №№ 42-43, 46, 47; 1991. – №№ 1-2, 3-4, 5-6, 7-8, 8-10, 11-12.

### **1991 год**

«Его величество высочайше повелеть соизволил...»// КЗ. 1991. 3 января.

«Естественный и законный учитель народа». Из истории церковно-приходских школ// КЗ. 1991. №№ 11 (26 января), 12, 13.

Еще раз о «Косьвяке»// КЗ. 1991. 20 апреля.

Базары, ярмарки, торжки...// КЗ. 1991. 16 мая.

О церквах, расположенных на территории Добрянского района// КЗ. 1991. 15 июня.

«Я поехал бы сюда еще раз...»// КЗ. 1991. 22 августа.

Народное развлечение под грифом «Секретно»// КЗ. 1991. 19 октября. (О кулачных боях в Прикамье.)

Страгановы// КЗ. 1991. №№ 134-143, 145-148, 150-152.

Восстановить историческую правду. Название улиц Добрянки сегодня и до 1917 года// Наша газета. 1991. 27 ноября.

## 1992 год

Добрянский календарь памятных и знаменательных дат на 1992 год// ДВ. 1992. 1 января.

«За ленью по домоводству»// Досье 02. 1992. № 2.

Граф Строганов повелел. Из истории Добрянской полиции// КЗ. 1992. №№ 7, 8.

Прошение. Трехсотлетие дома Романовых и Добрянка// ДВ. 1992. 19 февраля.

Раскулачивание. Год 1930-й. Как это было// КЗ. 1992. 8 февраля, 11 февраля, 15 февраля, 18 февраля, 27 февраля.

Что в имени тебе моем// ДВ. 1992. 18 марта.

Во имя князя Александра// Пермские новости. 1992. 21 марта.

Добрянский музей в 20-е годы// КЗ. 1992. 16 мая.

Уместна ли ностальгия по твердой руке?// ДВ. 1992. 27 мая.

Дорога к храму// КЗ. 1992. 11 июня.

Добрянский полк адмирала Колчака// ДВ. 1992. 26 июня.

Спичка у бочки с порохом// ДВ. 1992. 10 июля. Языческие корни// ДВ. 1992. 17 июля.

«Во имя Новоявленного Святителя»// ДВ. 1992. 14 августа.

Языческие корни// ДВ. 1992. 17 июля. (О праздновании в Добряке кашке-плишке и проводах Камы)

Сколько нас было, есть и будет// ДВ. 1992. 4 сентября.

«Щеки селедок» и «губы лосей»// ДВ. 1992. 18 сентября.

Ровесники Добрянки// ДВ. 1992. 9 октября.

На рубеже веков// ДВ. 1992. 2 октября.

Дом правления заводской волости// ДВ. 1992. 16 октября.

Добрянское – значит отличное// ДВ. 1992. 28 октября.

О чем писала «Искра»// ДВ. 1992. 4 ноября.

Дикое «празднование» по случаю победы Октября// ДВ. 1992. 11 ноября.

Челобитная Ивану Грозному// ДВ. 1992. 9 декабря.

«По прихоти горного начальства»// Междуречье. Буклет литературно-краеведческого объединения при газете «Камские зори». 1992. Вып. 1.

Добрянский музей в 20-е годы// Междуречье. 1992. Вып. 1.

## 1993 год

Памятные даты// ДВ. 1993. 1 января.

Святки// ДВ. 1993. 6 января.

Великий потоп. Прикамье в первой половине 50-х годов// ДВ. 1993. 13 января, 20 января, 27 января, 10 февраля.

От Елизарки до Бориса// ДВ. 1993. 27 января.

От первых шагов// ДВ. 1993. 17 февраля.

Знаменательные даты: 1943-1993// ДВ. 1993. 17 февраля.

«Ревнитель честного труда и честной мысли»// ДВ. 1993. 10 марта.

Переправа// ДВ. 1993. 24 марта.

Висимское золото// ДВ. 1993. 7 апреля.

«Деревня Лябово городище то ж»// ДВ. 1993. 21 апреля.

«Канули в Лету»// ДВ. 1993. 26 апреля.

Ошва, Гари, Городище// ДВ. 1993. 28 апреля.

Полазна// ДВ. 1993. 13 мая.

Архитектурные памятники. Женская школа// ДВ. 1993. 26 мая.

Легенды, дошедшие до наших дней// ДВ. 1993. 23 июня.

Белое, Черное, Исчезающее// ДВ. 1993. 30 июня.

Политические акции большевиков// ДВ. 1993. 16 июля. (В соавторстве с З. Балтачевой).

Как Добрянка стала городом// ДВ. 1993. 6 августа.

Как открывали земскую больницу// ДВ. 1993. 3 сентября.

«Надлежащей прибыли ожидать не можно»// ДВ. 1993. 17 сентября.

Товары «от Дениски»// ДВ. 1993. 22 октября.

«Бизнесмены» из глубинки// ДВ. 1993. 29 октября.

Дом Варлашова// Добрянские зори. 1993. 3 ноября.

«По прихоти горного начальства»// Пермские новости. 1993. 17 декабря.

«Тезки» Добрянки// ДЗ. 1993. 21 декабря.

Юбилейные и памятные даты 1994 г.// Добрянские зори. 1993. 31 декабря.

## 1994 год

Год рождения – 1924-й// КЗ. 1994. 13 января.

Соликамский тракт// КЗ. 1994. №№ 9 (25 января), 12, 17, 18, 20, 21, 28-29, 34, 38, 39.

«Исюминка» старой Полазны// КЗ. 1994. 19 апреля.

До и после революции// КЗ. 1994. 23 июня.

Из истории добрянского спорта// КЗ. 1994. 13 августа, 16 августа.

От Уральских гор до волжских просторов// КЗ. 1994. 8 сентября.

«Держаться строго древнего иконописания»// КЗ. 1994. 24 ноября.

## 1995 год

Их называли «спецпереселенцами»// КЗ. 1995. 11 апреля.

«Крепостной Добрянского завода»// КЗ. 1995. 15 июня.

В честь православных святых// КЗ. 1995. 20 июня.

От храма – к высотам науки// КЗ. 1995. 11 июля.

«Народ веселился по-благородному»// КЗ. 1995. 1 августа.

Добрянка в годы первой мировой// КЗ. 1995. 12 августа.

«По малому знаку руды»// КЗ. 1995. 12 октября.

Календарь памятных и знаменательных дат на 1996 год// КЗ. 1995. № 149.

### **1996 год**

Господин управляющий//КЗ. 1995. №№ 6, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 23.

«Искривления»// КЗ. 1996. 6 июня.

Как в Добрянке открывали женское училище// КЗ. 1996. 2 июля.

Зеркало, в котором отражается жизнь// КЗ. 1996. 12 сентября.

Волна славянского единения// КЗ. 1996. 24 сентября.

В школу – «с радостью», но...// КЗ. 1996. 10 октября.

Возрождение церкви// КЗ. 1996. 21 ноября.

Календарь памятных и знаменательных дат на 1997 год// КЗ. 1996. № 152.

### **1997 год**

«При громадном стечении народа»// КЗ. 1997. 14 января.

Из истории Рождество-Богородицкой церкви// КЗ. 1997. 20 февраля.

Из истории народного образования Добрянского района (1918-1941 гг.)// КЗ. 1997. №№ 39 (8 апреля), 40, 43, 45, 46, 51, 52. (В соавторстве с А. Секретовой.)

Пояснения к гербу// КЗ. 1997. 28 мая.

Историческая справка о Добрянской металлической часовне-памятнике// КЗ. 1997. 28 мая.

Вместе со всей страной// КЗ. 1997. 19 июня. (В соавторстве с Н. Суетиной).

Кровавый туман// КЗ. 1997. 11 сентября.

Очаги просветительства// КЗ. 1997. 9 октября, 14 октября, 16 октября.

По земле ходить опасно// КЗ. 1997. 14 октября.

Бал закончился под звуки военного марша// КЗ. 1997. 30 декабря.

Календарь памятных и знаменательных дат на 1998 год// КЗ. 1997. 30 декабря.

### **1998 год**

Криминальные истории старой Добрянки// КЗ. 1998. 9 января.

55 лет тому назад// КЗ. 1998. 20 февраля.

Прделки «красного петуха»// КЗ. 1998. 14 апреля.

Станные объекты// КЗ. 1998. 19 июня.

Кладоискатели богаче не стали// КЗ. 1998. 19 июня.

Печальная судьба «конторского дома»// КЗ. 1998. 7 июля.

Благотворители// КЗ. 1998. 11 сентября.

Провинциальные истории 17-го года// КЗ. 1998. 6 ноября, 11 ноября, 17 ноября.

Путеводная нить во мраке безвременья// КЗ. 1998. 25 декабря.

Телефон запрещала полиция. Из истории развития связи в Прикамье в конце XIX века// Наша газета. Уралсвязьинформ. 1998. № 15-16.

### **1999 год**

«Наш Яков Карпыч»// КЗ. 1999. 12 марта.

Под чарами Мельпомены// КЗ. 1999. № 75, 76.

Комментарий к статье В. Фомина «Белый и красный террор»// КЗ. 1999. 29 июня.

Паломничество Галины Эдвардс// КЗ. 1999. 17 сентября.

### **2000 год**

Три рубля за волчью шкуру// КЗ. 2000. 19 июля.

Зона отчуждения// КЗ. 2000. 9 августа.

«Сторонние заработки» добрянских крестьян// КЗ. 2000. 18 сентября.

### **2001 год**

Дороги и дорожки 43-го года// КЗ. 2001. 10 августа.

Вехи нашей биографии// КЗ. 2001. 12 августа, спецвыпуск.

Из жизни старой Полазны// КЗ. 2001. 1 сентября, спецвыпуск.

Мечеть в доме Казанцева?// КЗ. 2001. 21 сентября.

Добрянка. От легенды до наших дней// Голубой огонек (корпоративная газета Межрегионгаз). 2001. № 3.

Календарь памятных и знаменательных дат на 2002 год// КЗ. 2001. 28 декабря.

### **2002 год**

Если б не было войны...// КЗ. 2002. 8 мая.

Пьяная Добрянка// КЗ. 2002. 17 мая.

«Во славу и счастье дорогой России»// КЗ. 2002. 20 мая.

Пять фамилий на черном граните// КЗ. 2002. 3 июня.

«Высочайшая милость» для добрянской попечительницы// КЗ. 2002. 5 августа.

Для народного здоровья// КЗ. 2002. 25 сентября.

Страхивая пыль десятилетий. Из истории добрянской милиции// КЗ. 2002. 2 декабря.

Календарь памятных и знаменательных дат на 2003 год// КЗ. 2002. № 200

## **2003 год**

«Негодные люди»// КЗ. 2003. 17, 24 января; Досье 02. 2003. 29 сентября.

«Думские» деятели старой эпохи// КЗ. 2003. 19 февраля, 31 марта, 28 апреля.

Добрянские импульсы// КЗ. 2003. 28 февраля.

Добрянка – Петербург: триста лет истории// КЗ. 2003. 5 марта.

Как граф Строганов Добрянку посещал// КЗ. 2003. 18 июля.

Наши люди на страницах губернских изданий// КЗ. 2003. 28 июля.

Старая Добрянка: здания и судьбы// КЗ. 2003. 1 августа.

На пути к городу// КЗ. 2003. 8 августа.

В огне восстания// КЗ. 2003. 24 сентября.

«Виновным себя не признал»// КЗ. 2003. 3 октября.

Дело № 13805// КЗ. 2003. 29 октября.

## **2004 год**

При шашках и погонах// КЗ. 2004. 12 января.

«Холодное дуло бессменного маузера»// КЗ. 2004. 2 февраля.

Пострадали за веру// КЗ. 2004. 9 апреля.

Бег длиною в полвека// КЗ. 2004. 14 мая.

«Советская власть падет быстрее, чем пала романовщина»// КЗ. 2004. 31 мая.

История заговорит// КЗ. 2004. 26 июля.

Пограничный вопрос// КЗ. 2004. 27 октября.

Почти забытая страница. // КЗ. 2004. 29 декабря.

Календарь памятных и знаменательных дат на 2005 год// КЗ. 2004. 31 декабря.

## **2005 год**

Лбовщина// Федеральный вестник Прикамья. 2005, февраль.

Годы потерь и побед// КЗ. 2005. №№ 34, 56, 74, 80, 86, 92, 98.

Снаряды врага «долетали» и до Урала// Пермская нефть. 2005. 5 мая.

Виновным себя не признаю. Пермские новомученики// Православная Пермь. 2005. Июнь-июль.

От Акакия до Голдобы. Откуда произошли фамилии известных в городе людей// КЗП. 2005. 14 октября.

Завод в честь графини// КЗП. 2005. 9 декабря.

Дом с мезонином// КЗП. 2005. 9 декабря.

## **2006 год**

Памятные и знаменательные даты в 2006 году. Календарь// ЗП. 2006. 6 января.

Потоп и забастовка 1914 года// КЗП. 2006. 10 февраля.



На базарной площади старой Добрянки// КЗП. 2006. 10 февраля.  
Чура да Томило, Окула да Потап// КЗП. 2006. 24 марта.  
Судьба церкви// КЗП. 2006. 31 марта.  
Чепура, Крохаль и Калина// КЗП. 2006. 31 марта.  
Энергия тысяч сердец. Очерк о Пермской ГРЭС// Промышленная экология и безопасность. 2006. Май.

С ножом, вином и знаменем// КЗП. 2006. 16 июня.  
Добрянский календарь: июнь тому назад// КЗП. 2006. 16 июня.  
На заре паровой эры// КЗП. 2006. 7 июля.  
Добрянский календарь: июль тому назад// КЗП. 2006. 7 июля.  
Почти забытая история// ЗП. 2006. 14 июля.  
Как в Добрянке с «зеленым змием» боролись// КЗП. 2006. 4 августа.  
Добрянский календарь: август тому назад// КЗП. 2006. 4 августа.  
Защитники леса из XIX века// КЗП. 2006. 6 октября.  
Добрянский календарь: октябрь тому назад// КЗП. 2006. 6 октября.  
Как «зачищали» руководителей завода// КЗП. 2006. 27 октября.  
Добрянский календарь: ноябрь тому назад. КЗП. 2006. 27 октября.  
У истоков электрической реки// ЗП. 2006. 1 декабря.  
Из истории школы № 2// ЗП. 2006. 1 декабря.  
Добрянский календарь: декабрь тому назад// ЗП. 2006. 1 декабря.

## **2007 год**

Добрянскому колорадскому жуку – четверть века. Памятные и знаменательные даты в 2007 году// ЗП. 2007. 5 января.  
Как Добрянка и Полазна мастеровых делили// ЗП. 2007. 2 февраля.  
Добрянский завод. В начале пути// ЗП. 2007. 2 марта.  
Церковные древности старой Добрянки// ЗП. 2007. 6 апреля.  
Кое-что о памятниках вождям// ЗП. 2007. 6 апреля.  
Резервы для фронта// ЗП. 2007. 4 мая.  
Добрянский завод в годы войны. Малоизвестные цифры и факты// ЗП. 2007. 4 мая.  
Мгновения столетней давности// ЗП. 2007. 1 июня.  
Как гектограф испытывали// ЗП. 2007. 1 июня.  
Впервые в Добрянке// ЗП. 2007. 13 июля.  
Иранские следы в Добрянке// ЗП. 2007. 10 августа (в соавторстве с Ш. Хайдаровым).  
Из истории села Перемского// ЗП. 2007. 7 сентября.  
Исправительные розги для «постыдных пороков»// ЗП. 2007. 7 сентября.  
Финская трагедия 1937 года// ЗП. 2007. 5 октября.  
Как закрывали Полазненский завод// ЗП. 2007. 2 ноября.  
Иностранцы в старой Добрянке// ЗП. 2007. 2 ноября.  
Загадка одной афиши// ЗП. 2007. 7 декабря. (В соавторстве с Н. Першиной).

Послевоенный свет// ЗП. 2007. 7 декабря.

## **2008 год**

Сто лет добрянскому кино. Календарь// ЗП. 2008. 11 января.

У истоков печатного дела// ЗП. 2008. 1 февраля.

По ту сторону экрана// ЗП. 2008. 7 марта.

В поисках железных руд// ЗП. 2008. 4 апреля.

Еще раз об артистах и фильмах// ЗП. 2008. 4 апреля.

В чугунном караване по течению Чусовой// ЗП. 2008. 2 мая.

О канале и новых заводах// ЗП. 2008. 6 июня.

История в фотографиях// ЗП. 2008. 6 июня.

Историческая справка к статье «Расстрелы офицеров белой армии»// ЗП. 2008. 29 августа.

На берегах Кувы// ЗП. 2008. 26 сентября.

Военные сборы образца XIX века// ЗП. 2008. 31 октября.

Горячий декабрь 1918 года// ЗП. 2008. 4 декабря.

## **2009 год**

Добрянскому району 85 лет. Календарь// ЗП. 2009. 8 января.

Исправительные розги для «постыдных пороков»// Ретроспектива. 2009. № 1. С. 62-63.

Лещев был прав// ЗП. 2009. 5 февраля.

Как железо в Америку продавали// ЗП. 2009. 19 марта.

Мечта длиной в 42 версты// ЗП. 2009. 23 апреля.

Добрянская власть сгорела весной// ЗП. 2009. 30 апреля.

Из жизни в глубоком тылу// ЗП. 2009. 7 мая

«ОбъяснилсЯ с господином Нобелем...»// ЗП. 2009. 10 июня.

ВМН для фотографа// ЗП. 2009. 16 июля.

Полазна. Летопись событий// ЗП. 2009. 3 сентября. (Приложение к ЗП, посвященное 385-летию Полазны).

Последний управляющий// ЗП. 2009. 10 сентября.

Агент царской жандармерии// ЗП. 2009. 22 октября.

Как убивали веру отцов// ЗП. 2009. 19 ноября.

Когда мы гордились ДСК// ЗП. 2009. 24 декабря.

## **2010 год**

Добрянскому народному образованию – 175 лет. Календарь памятных и знаменательных дат на 2010 г.// ЗП. 2010. 14 января.

В низовьях Косьвы// ЗП. 2010. 25 февраля.

От «стола» до районо// ЗП. 2010. 18 марта.

Через мели и перекааты// ЗП. 2010. 22 апреля.

Герои есть у каждого из нас// ЗП. 2010. 6 мая.

Звания для героев// ЗП. 2010. 13 мая.

У нас родился Заратустра?// ЗП. 2010. 10 июня.

Добрянские корни семьи Вологдиных// ЗП. 2010. 15 июля.

«Даже смотреть на кабак позор»// ЗП. 2010. 19 августа.

«У нас нет пленных, только предатели»// ЗП. 2010. 23 сентября.

«Во всем подобающем боголепии...»// ЗП. 2010. 21 октября.

Нас посещала Василиса Прекрасная// ЗП. 2010. 25 ноября.

## **2011 год**

С берг-инспектором в XIX век// ЗП. 2011. 6 января.

Первому энергоблоку Пермской ГРЭС – четверть века. Календарь памятных и знаменательных дат на 2011 г.// ЗП. 2011. 13 января.

Сколько добрянцев насчитали за четыреста лет// ЗП. 2011. 3 февраля.

Судьба председателя// ЗП. 2011. 31 марта.

Теплое лето 1915 года// ЗП. 2011. 21 апреля.

«Во дворах и конюшнях табаку не курить»// ЗП. 2011. 26 мая.

Первый начальник первой электростанции// ЗП. 2011. 23 июня.

«Приезжей квартиры» больше нет// ЗП. 2011. 21 июля.

Старина добрянская// ЗП. 2011. 15 сентября.

Триумф и трагедия Фомы Сюзева// ЗП. 2011. 27 октября.

Кто скрывался за литерой S?// ЗП. 2011. 15 декабря.

## **2012 год**

Юбилей главного храма. Календарь памятных и знаменательных дат на 2012 год// ЗП. 2012. 12 января.

В обозе за наукой// ЗП. 2012. 2 февраля.

## **Видеофильмы:**

Из истории села Висим. Автор М. Калинин, оператор Н. Лапин. Добрянка, 1994.

«Зона отчуждения». Автор Калинин М. Оператор А. Савченко. Добрянка, 1997.

Из жизни «врагов народа». Автор Калинин М. Оператор А. Савченко. Добрянка, 1998.

Калинин М. Выстояли и победили. Компания «МТМ». Пермь. 2000.

# Содержание

Об авторе книги .....	3
Введение .....	5
<b>«По прихоти горного начальства»</b>	
<i>(Из истории промышленности, транспорта, связи) .....</i>	<b>7</b>
«По прихоти горного начальства» .....	8
Добрянский завод. В начале пути .....	11
«По малому знаку руды» .....	14
Завод в честь графини .....	17
«Объяснился с господином Нобелем...» .....	19
На заре паровой эры .....	23
Как железо в Америку продавали .....	25
В чугунном караване по течению Чусовой .....	29
Как Добрянка и Полазна мастеровых делили .....	31
В поисках железных руд .....	34
Защитники леса из XIX века .....	37
Как в Добрянке гектограф испытывали .....	40
Телефон запрещала полиция .....	43
О канале и новых заводах .....	46
«Косьвяк», «Еруслан» и другие .....	48
Переправа .....	50
Через мели и перекаты .....	53
Тезки Добрянки .....	56
У истоков электрической реки .....	58
Мечта длиною в 42 версты .....	60
Добрянка в годы Первой мировой .....	63
От завода Лазаревых к артели «Пролетарий» .....	66
У истоков добрянской типографии .....	69
Послевоенный свет .....	71
Почти забытая страница .....	73
<b>Добрянские импульсы</b>	
<i>(Описания населенных пунктов и занятий жителей) .....</i>	<b>78</b>
Ровесники Добрянки .....	79
С берг-инспектором в XIX век .....	84
Соликамский тракт .....	88
«Изюминка» старой Полазны .....	110
В низовьях Косьвы .....	111
«Сторонние заработки» добрянских крестьян .....	115
Старая Добрянка: здания и судьбы .....	118
Из жизни старой Полазны .....	120
Год рождения – 1924-й .....	123

На пути к городу .....	126
Добрянские импульсы .....	129
Добрянка – Петербург: триста лет истории .....	131
Пограничный вопрос .....	134
Сколько добрянцев насчитали за четыреста лет .....	137
<b>Базары, ярмарки, торжки</b>	
<i>(Статьи о торговой жизни)</i> .....	<b>141</b>
Базары, ярмарки, торжки .....	142
Торговая жизнь в дореволюционное время .....	144
<b>Кто скрывался за литерой S?</b>	
<i>(Статьи об известных добрянцах)</i> .....	<b>148</b>
«Все мои симпатии находятся на стороне народа...» .....	149
Иностранные подданные в старой Добрянке .....	152
«Ревнитель честного труда и честной мысли» .....	153
«Наши люди» на страницах губернских изданий .....	156
Кто скрывался за литерой S? .....	159
«Наш Яков Карпыч...» .....	161
Паломничество Галины Эдвардс .....	164
Первый начальник первой электростанции .....	168
Теплое лето 1915 года .....	170
Последний управляющий .....	172
Добрянские корни семьи Вологдиных .....	175
Блестящий естественник, врач, педагог .....	179
Судьба председателя .....	184
Судьба краеведа Батанова .....	187
Звания для героев .....	192
<b>«Естественный и законный учитель народа...»</b>	
<i>(Статьи по истории народного образования)</i> .....	<b>196</b>
В обозе за наукой .....	197
Из истории школы .....	200
Как в Добрянке открывали женское училище .....	205
В школу – «с радостью», но... ..	207
«Естественный и законный учитель народа...» .....	209
«Высочайшая милость» для добрянской попечительницы .....	215
<b>«Народ веселился по-благородному»</b>	
<i>(Статьи по истории общественной жизни)</i> .....	<b>217</b>
Как граф Строганов Добрянку посещал .....	218
Волна славянского единения .....	221
Май в Добрянке .....	223
«Народ веселился по-благородному» .....	225
«Думские» деятели старой эпохи .....	227

О чем писала «Искра» .....	230
Политические акции большевиков .....	233
Потоп и забастовка 1914 года .....	237
Благотворители .....	239
Провинциальные истории 1917 года .....	243
Искривления .....	247
<b>Для народного здоровья</b>	
<i>(Статьи по истории медицины и санитарии)</i> .....	<b>249</b>
Заводская и земская медицина .....	250
Как открывали земскую больницу .....	256
Для народного здоровья .....	258
<b>Очаги просветительства</b>	
<i>(Статьи об истории культуры и искусства)</i> .....	<b>261</b>
Из культурной жизни Добрянки .....	262
Бал закончился под звуки военного марша .....	264
Под чарами Мельпомены .....	267
Загадка одной афиши .....	271
Очаги просветительства .....	274
Дорянский музей в 20-е годы .....	280
Нас посещала Василиса Прекрасная .....	282
«И снег, и ветер, и звезд ночной полет...» .....	285
<b>При шашках и погонах</b>	
<i>(Статьи по истории добрянской полиции и милиции)</i> .....	<b>290</b>
Граф Строганов повелел .....	291
При шашках и погонах .....	295
Страхивая пыль десятилетий .....	299
Пять фамилий на черном граните .....	303
<b>«Виновным себя не признал»</b>	
<i>(Статьи по истории политических репрессий)</i> .....	<b>306</b>
«Советская власть падет быстрее, чем пала романовщина» .....	307
Дело № 13805 .....	311
Как уничтожали служителей культа .....	314
ВМН для фотографа .....	318
Как «зачищали» руководителей завода .....	320
Финская трагедия 1937 года .....	323
Агент царской жандармерии .....	327
«Виновным себя не признал» .....	330
Триумф и трагедия Фомы Сюзева .....	334
<b>С ножом, вином и знаменем</b>	
<i>(Статьи о криминальных проявлениях и пожарной безопасности)</i> .....	<b>337</b>
«Негодные люди» .....	338

Исправительные розги для «постыдных пороков» .....	341
Как в Добрянке с «зеленым змием» боролись .....	343
«Даже смотреть на кабак позор» .....	345
«Во дворах и конюшнях табаку не курить» .....	348
Криминальные истории старой Добрянки .....	351
Кровавый туман .....	355
«Холодное дуло бессменного маузера» .....	360
С ножом, вином и знаменем .....	364
Прodelки «красного петуха» .....	366
Добрянская власть сгорела весной.....	369
<b>Дорога к храму</b>	
<i>(Статьи о церковной жизни)</i> .....	<b>371</b>
Из истории «села Пермского Никольского то ж» .....	372
Дорога к храму .....	373
«Во всем подобающем боголепии» .....	376
В честь православных святых .....	380
«При громадном скоплении народа» .....	382
Церковные древности старой Добрянки .....	383
Как убивали веру отцов.....	386
<b>Великий потоп</b>	
<i>(Статьи о природе и ее преобразовании)</i> .....	<b>389</b>
Три рубля за волчью шкуру .....	390
Затмение .....	392
Великий потоп.....	393
<b>Приложение</b> .....	<b>405</b>
<i>(М.А. Калинин. Книги, буклеты, статьи)</i>	

Михаил Александрович КАЛИНИН  
Избранное

Компьютерная верстка – А.Ю. Каратаев  
Корректор Н.Б. Бескровнова